

**V РОССИЙСКИЙ
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ
КОНГРЕСС**
с международным участием

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ОТ ПРОШЛОГО К БУДУЩЕМУ

**Программа конгресса
Тезисы докладов**

Министерство культуры Российской Федерации
Российский научно-исследовательский институт культурного
и природного наследия имени Д. С. Лихачёва (Институт Наследия)

в партнерстве

с Санкт-Петербургским научным центром Российской академии наук
Санкт-Петербургским государственным университетом
Российским государственным педагогическим университетом имени А. И. Герцена
Санкт-Петербургским государственным институтом культуры
Российским институтом истории искусств

V Российский культурологический конгресс
с международным участием

«КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ — ОТ ПРОШЛОГО К БУДУЩЕМУ»

Санкт-Петербург
8–10 ноября 2021 г.

ПРОГРАММА, ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

Санкт-Петербург
2021

Редакционная коллегия:

В. В. Аристархов (председатель), С. Ю. Житенёв, Д. Л. Спивак, А. В. Венкова (ответственный секретарь)

П99 **V Российский культурологический конгресс с международным участием «Культурное наследие — от прошлого к будущему»** : программа и тезисы докладов. Санкт-Петербург, 8–10 ноября 2021 г. — Санкт-Петербург ; Москва : Институт Наследия, 2021. — 232 с. — DOI 10.34685/NI.2020.25.32.004. — ISBN 978-5-86443-310-2.

В настоящем издании представлена научная программа и тезисы докладов участников V Российского культурологического конгресса «Культурное наследие — от прошлого к будущему», проводимого с 8 по 10 ноября 2021 г. в Санкт-Петербурге. Первоочередным объектом рассмотрения и обсуждения участников Конгресса является неисчерпаемое наследие российской культуры и, в первую очередь, русского народа, создавшего и отстоявшего самобытную цивилизацию, без учета и освоения многообразных достижений которой немислим мировой культурный процесс. В задачу Конгресса также входит систематическое рассмотрение проблем и перспектив разработки всего цикла базовых культурологических дисциплин, от теоретической культурологии, исторической культурологии и динамики культурных форм до теории культурной политики, а также смежных и частных по отношению к культурологии наук. Тезисы докладов участников разделены по пленарным и секционным заседаниям. В рамках каждого заседания тексты всех тезисов размещены в алфавитном порядке. Порядок устных выступлений определяется модераторами каждого заседания и сообщается его участникам перед началом заседания. Все тексты размещены в авторской редакции, с минимальной стилистической правкой.

ББК 71
УДК 009

Содержание

Программный комитет	4
Программа	7
Секции Конгресса	9
Тезисы докладов участников	28
Тезисы приглашенных пленарных докладчиков.....	28
Тезисы докладчиков секционных заседаний	36
Теория культуры	36
История культуры	50
Антропология культуры.....	60
Культурное наследие.....	69
Сохранение и использование материального и археологического наследия	83
Культурная память и проблемы нематериального наследия	89
Государственная культурная политика	99
Международные исследования и международное сотрудничество в культурологии.....	105
Культурология образования	112
Культурная география: проблемы выявления, сохранения, интерпретации и использования культурных ландшафтов	125
Культурология личности	131
Культурология искусства	142
Культурология медиасферы	157
Культурология региона.....	168
Этническая культурология: проблемы сохранения и развития культур малочисленных и больших народов в современном мире	173
Культурология музея	182
Культурные индустрии.....	189
Экология культуры	196
Цифровизация культуры и культура цифровизации: современные проблемы современных информационных технологий.....	202
Прикладная культурология: региональные и местные проблемы совершенствования и проектирования социокультурной среды обитания	215
Именной указатель	226

Программный комитет

Аристархов Владимир Владимирович, председатель, директор Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, Москва.

Житенёв Сергей Юрьевич, заместитель председателя, советник директора Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, Москва, кандидат культурологии.

Спивак Дмитрий Леонидович, заместитель председателя, главный научный сотрудник Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, Москва – Санкт-Петербург, доктор филологических наук.

Венкова Алина Владимировна, ответственный секретарь, ведущий научный сотрудник Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, Москва – Санкт-Петербург, кандидат культурологии, доцент.

Алексеева Галина Васильевна, руководитель образовательной программы «История искусств» Дальневосточного федерального университета, Владивосток, доктор искусствоведения, профессор.

Астафьева Ольга Николаевна, директор Научно-образовательного центра «Гражданское общество и социальные коммуникации», профессор кафедры ЮНЕСКО Института государственной службы и управления РАНХиГС при Президенте РФ, Москва, доктор философских наук, профессор.

Астахов Олег Юрьевич, профессор Социально-гуманитарного института Кемеровского государственного института культуры, доктор культурологии.

Галушина Наталья Сергеевна, заведующая кафедрой социокультурных практик и коммуникаций Российского государственного гуманитарного университета, Москва, кандидат культурологии, доцент.

Горлова Ирина Ивановна, директор Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, Краснодар, доктор философских наук, профессор.

Дианова Валентина Михайловна, профессор кафедры культурологии, философии культуры и эстетики Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук.

Докучаев Илья Игоревич, заведующий кафедрой теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, Санкт-Петербург, доктор философских наук, профессор.

Драч Геннадий Владимирович, научный руководитель Института философии Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, доктор философских наук, профессор.

Ерохина Татьяна Иосифовна, заведующая кафедрой культурологии Ярославского государственного педагогического университета имени К. Д. Ушинского, доктор культурологии, профессор.

Заславский Григорий Анатольевич, ректор Российского института театрального искусства – ГИТИС, Москва, кандидат филологических наук, заслуженный деятель искусств Российской Федерации.

Зверева Галина Ивановна, декан факультета культурологии, заведующая кафедрой истории и теории культуры Российского государственного гуманитарного университета, Москва, доктор исторических наук, профессор.

Иващенко Яна Сергеевна, заведующая кафедрой управления образованием Новосибирского государственного педагогического университета, доктор культурологии, доцент.

Казин Александр Леонидович, научный руководитель Российского института истории искусств, Санкт-Петербург, доктор философских наук, профессор.

Кантор Владимир Карлович, профессор философского факультета Высшей школы экономики в Москве, доктор философских наук.

Кириллова Наталья Борисовна, заведующая кафедрой культурологии и социально-культурной деятельности Уральского федерального университета, Екатеринбург, доктор культурологии, профессор.

Кондаков Игорь Вадимович, профессор кафедры истории и теории культуры Отделения социокультурных исследований Российского государственного гуманитарного университета, Москва, доктор философских наук.

Копцева Наталья Петровна, заведующая кафедрой культурологии Гуманитарного института Сибирского федерального университета, Красноярск, доктор философских наук, профессор.

Костюрина Надежда Юрьевна, профессор Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, доктор культурологии.

Кротов Артём Александрович, заведующий кафедрой истории и теории мировой культуры философского факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор.

Кузнецов Никита Всеволодович, директор Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук, профессор.

Липец Екатерина Юрьевна, заведующая кафедрой теории культуры, этики и эстетики Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, кандидат философских наук, доцент.

Малыгина Ирина Викторовна, заведующая кафедрой мировой культуры Института гуманитарных и прикладных наук Московского государственного лингвистического университета, доктор философских наук, профессор.

Окороков Александр Васильевич, заместитель директора по научной работе Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, Москва, доктор исторических наук.

Пушкарева Наталья Львовна, заведующая сектором этногендерных исследований Института этнологии и антропологии РАН, Москва, доктор исторических наук, профессор.

Рабош Василий Антонович, и. о. первого проректора Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, Санкт-Петербург, доктор философских наук, профессор.

Савельева Елена Николаевна, заведующая кафедрой культурологии, теории и истории культуры Томского государственного университета, кандидат философских наук, доцент.

Селезнева Ирина Александровна, директор Сибирского филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, Омск, кандидат исторических наук, доцент.

Сиднева Татьяна Борисовна, проректор по научной работе, заведующая кафедрой философии и эстетики Нижегородской государственной консерватории имени М. И. Глинки, доктор культурологии, профессор.

Соколов Борис Георгиевич, заведующий кафедрой культурологии, философии культуры и эстетики Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук, профессор.

Степанов Михаил Александрович, старший научный сотрудник Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, Москва – Санкт-Петербург, кандидат философских наук.

Стукалова Ольга Вадимовна, главный научный сотрудник Института художественного образования и культурологии Российской академии образования, Москва, доктор педагогических наук, профессор.

Терещенко Елена Юрьевна, заведующая кафедрой искусств и дизайна Мурманского арктического государственного университета, доктор культурологии, доцент.

Тишков Валерий Александрович, действительный член РАН, академик-секретарь Отделения историко-филологических наук РАН, Москва, доктор исторических наук, профессор.

Тургаев Александр Сергеевич, ректор Санкт-Петербургского государственного института культуры, доктор исторических наук, профессор.

Ужанков Александр Николаевич, проректор по научной работе Московского государственного института культуры, доктор филологических наук, профессор.

Флиер Андрей Яковлевич, главный научный сотрудник Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, Москва, доктор философских наук, профессор.

Хренов Николай Андреевич, главный научный сотрудник Государственного института искусствознания, Москва, доктор философских наук, профессор.

Программа

8–10 ноября 2021 г.

Санкт-Петербург, Научный центр РАН, Университетская наб., д. 5

8 ноября — торжественное открытие и пленарные заседания Конгресса в Большом зале Санкт-Петербургского Научного центра РАН

09:00–10:30 — регистрация участников Конгресса (фойе зала заседаний Санкт-Петербургского Научного центра РАН)

10:00–10:25 — прибытие почетных гостей Конгресса

10:30–11:30 — торжественное открытие Конгресса.

Приветствия по случаю открытия Конгресса

11:30–13:30 — Пленарное заседание. «Фундаментальные проблемы современной культурологии»;
«Культурное наследие российской цивилизации: проблемы и перспективы»

(регламент 15 мин)

ДРАЧ Геннадий Владимирович,

«Цивилизационное самоопределение России в пространстве культурологического дискурса»

АСТАФЬЕВА Ольга Николаевна,

«Теоретические модели и массмедийный дискурс культурной политики современной России»

ЖИТЕНЁВ Сергей Юрьевич,

«Концепты культурного наследия в системе наук о культуре»

КОНДАКОВ Игорь Вадимович,

«Культурология и биология: судьбы культурного и природного наследия»

СПИВАК Дмитрий Леонидович,

«Культурное наследование и его молекулярно-биологические и генетические корреляты»

КИРИЛЛОВА Наталья Борисовна,

«Новые парадигмы культурологии в контексте изучения медиасферы глобализованного мира»

ЗАСЛАВСКИЙ Григорий Анатольевич,

«Цифровые технологии: то, что помогает театральному искусству оставить след»

13:30–15:00 — обед*

15:00–17:00 — продолжение Пленарного заседания

(регламент 15 мин)

КОНЕВ Владимир Александрович,

«Ценностные сдвиги в культуре XX века»

ХРЕНОВ Николай Андреевич,

«Искусствознание как гуманитарная наука в эпоху интенсивного развития культурологии: итоги, проблемы, перспективы»

ГОРЛОВА Ирина Ивановна,

«Региональная культурная политика: теория, методология и практика аксиологического анализа»

* Непосредственно в цокольном этаже СПб НЦ РАН (Университетская наб., д. 5) работают: ресторан «Град Петров» (вход со стороны Менделеевской линии) и гранд-кафе «Нева» (вход с Таможенного пер.). В шаговой доступности находятся: столовая СПбГУ (Биржевая линия, д. 6), кафе на первом этаже здания, в котором расположен Институт философии СПбГУ (Менделеевская линия, д. 5), и ресторан «Casa del Мясо» (Биржевой пр., д. 6).

КРОТОВ Артём Александрович,
«Литература и власть в европейской культуре»

ПАРХОМЕНКО Татьяна Александровна,
«Культурное наследие России сквозь призму истории, смыслов и ценностей»

БАДМАЕВ Валерий Николаевич,
«Культурные повороты» и межкультурная философия как новые ориентиры культурологического знания»

СТУКАЛОВА Ольга Вадимовна,
«Развитие культуры благотворительности: просвещение общества и открытость некоммерческого сектора»

АЛЕКСЕЕВА Галина Васильевна,
«Формы ревитализации культурно-исторического наследия в Приморском крае: проблемы развития социокультурной среды в условиях национального многообразия региона»

МАЛЫГИНА Ирина Викторовна,
«Культурология "после глобализации": время собирать камни»

17:00–17:50 — свободная дискуссия «Актуальные проблемы современной культурологии»
(регламент 3 мин)

17:50–18:00 — выборы редакционной комиссии итогового документа Конгресса

9 ноября 2021 года

10:00–18:00 — секционные заседания

10 ноября 2021 года

*Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский Научный центр РАН,
Университетская наб., д. 5, Большой зал*

11:00–13:00 — выступления модераторов секций, принятие итогового документа Конгресса

Секции Конгресса

Теория культуры

Модераторы **Г.В. Драч, И.И. Докучаев**

*Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена,
ул. Малая Посадская, д. 26, ауд. 101*

АНАНЬЕВА Екатерина Михайловна,

«Философская герменевтика Х.-Г. Гадамера как философия культуры»

АНТИПЕНКО Леонид Григорьевич,

«К вопросу о культуре физико-математического мышления (принцип единства исторического и логического)»

БАКУМЕНКО Геннадий Владимирович,

«Метатеоретический аспект культурологии»

БОНДАРЕВ Алексей Владимирович,

«Генетический подход к изучению истории российской культурологии: обоснование, специфика, познавательные преимущества»

ГУДОВА Юлия Валерьевна,

«Визуальный нарратив и постимперская идентичность»

ДОКУЧАЕВ Илья Игоревич,

«Аксиологический метод в системе культурологического познания»

ДРОБЫШЕВА Елена Эдуардовна,

«К проблеме определения контуров актуальной культурной реальности: Просвещение 2.0, или О бедном модерне замолвите слово...»

ЗАВЕРШИНСКИЙ Константин Федорович,

«Историческая vs политическая память России: теоретические и практические экспликации»

ЗАКУНОВ Юрий Александрович,

«О методологическом противоречии в российской культурологии и путях его преодоления»

КОВАЛЬ Екатерина Александровна,

«Отношение к светской культуре в контексте социальных учений христианских Церквей»

ЛЕЩЕНКО Татьяна Анатольевна,

«Конструкт отчуждения коммуникации в постижении медиакультуры»

ЛИСТВИНА Евгения Викторовна,

«Феномен дара и коммуникации в обществе потребления»

ЛОГИНОВА Марина Васильевна,

«Философия искусства как проблема современной культурологии»

ЛУРЬЕ Светлана Владимировна,

«Теория культуры с точки зрения православной антропологии: постановка задачи»

МАРТЫНОВ Владимир Анатольевич,

«Cultural studies как "недисциплинарная дисциплина"»

ПЕНДЮРИНА Людмила Петровна,

«Типы культуры и особенности их трансляции»

ПЛЕБАНЕК Ольга Васильевна,

«Дефиниция духовной культуры: опыт концептуализации»

ПУДОВ Алексей Григорьевич,

«Отложенный Серебряный век этнокультурных регионов России на примере Республики Саха (Якутия)»

СИНЯВИНА Наталья Владимировна,

«Концепт “устремленность в будущее” как константа концептосферы русской культуры»

СОЛОВЬЕВ Кирилл Алексеевич,

«Проблема национально-культурного и религиозного возрождения в Западнорусских землях в межвоенный период 1922–1933 годов на примере Западной Белоруссии»

ФЛИЕР Андрей Яковлевич,

«Феномен свободы и культура: трудная история взаимоотношений»

ШЕМАНОВ Алексей Юрьевич,

«Инклюзивная культура как концептуальная проблема»

ЩЕЛКИН Александр Георгиевич,

«Самосознание культуры: испытание современностью»

История культуры

Модераторы И. В. Кондаков, Г. И. Зверева

Санкт-Петербургский государственный университет, Менделеевская линия, д. 5, ауд. 108

АГАПОВ Евгений Петрович,

«Логика и логическая культура Древней Руси»

АГОШКОВ Андрей Валерьевич,

«Раздельное мышление как источник правовых обычаев в России»

ВАСИЛЕВСКАЯ Татьяна Андреевна,

«К вопросу преподавания истории культуры»

ВЕЧЕРИНА Ольга Павловна,

«Новая иконология Шивы Натараджи в западной культуре XX века»

ВОРОБЬЁВА Татьяна Леонидовна,

«Книжная культура Томска и читательские практики конца XIX – начала XX века: уроки прошлого»

ЗАБУБЕНИНА Ирина Константиновна,

«Народный танец как выражение синкретизма древнерусской культуры»

ЗВЕРЕВА Галина Ивановна,

«История культуры в современном медиатизированном обществе: формы и способы визуализации»

КИРИЛОВА Анна Владимировна,

«Социокультурные факторы развития групповых форм деятельности творческой интеллигенции в России второй половины XIX века»

КРАВЧЕНКО Виктория Владимировна,

«Необычный артефакт лагерного архива: новейший Плутарх как реализация комплекса культурных практик узников Владимирского централа»

КРАСИКОВ Алексей Николаевич,

«“Длжащееся Средневековье”: консервативные тенденции в развитии церковной книжной культуры Русского Севера в XVIII веке»

ЛЕТИНА Наталия Николаевна,

«Детский текст Великой Отечественной войны в художественной культуре середины XX века – начала XXI века»

- МИКАЙЛОВА Ирина Геннадиевна,
«Специфика воспроизводства культуры и цивилизации»
- СЕЛЬЧЕНОК Елена Константиновна,
«Гностические топосы как константа германской культуры»
- СЕРГЕЕВ Дмитрий Валентинович,
«Реконструкция культурного кода одинокого материнства в СССР 1945–1985 годов»
- СКОРОДУМ Никита Всеволодович,
«Русская идентичность в рамках комплементарной теории»
- ЧИРСКОВА Ирина Михайловна,
«Культурная политика правительства Анны Иоанновны в законодательстве Российской империи (1730–1740)»
- ШОДА Марина Юльяновна,
«Миф в художественной системе Уильяма Батлера Йейтса»

Антропология культуры

Модераторы **Н. Л. Пушкарёва, Д. А. Алисов**

Санкт-Петербургский государственный университет, Менделеевская линия, д. 5, ауд. 132

- АЛИСОВ Дмитрий Андреевич,
«Культурный ландшафт города как исторический текст»
- ИГНАТОВ Михаил Александрович,
«Сетевая парадигма в культуре: философско-культурологическая интерпретация»
- КРУГЛОВА Лариса Константиновна,
«Антропология культуры как лейтмотив культурологии»
- МАЛЫШЕВ Владислав Борисович,
«Химеры российского воображаемого: к постановке проблемы»
- МАРКОВ Борис Васильевич,
«Цивилизационные проекты будущего России»
- ПАРТАНЕНКО Тамара Викторовна,
«Феномен пассионарности как фактор в анализе реалий»
- ПЕРОВА Екатерина Юрьевна,
«Религиозная антропология как междисциплинарное пространство на современном этапе»
- ПОТАПЧУК Елена Юрьевна,
«Значение дачи в жизни современного россиянина»
- ПУШКАРЕВА Наталья Львовна,
«Гендерная экспертиза визуальных источников по истории аккультурации
(советские женщины и пленные японцы, 1945–1956)»
- СОЛОВЬЕВ Александр Васильевич,
«Система вещей: дискурс повседневности»
- СОЛОВЬЕВА Светлана Владимировна,
«Культура присутствия в мире неопределенности»
- ШАПОВАЛОВ Михаил Сергеевич,
«Практика пешего паломничества в Палестину: переосмысление традиции в конце XX – начале XXI века»

ЮРЬЕВА Марина Михайловна,

«Деятельность русских вокалистов-эмигрантов как фактор развития культуры Китая первой половины XX века»

ЯСТРЕБОВ Андрей Леонидович,

«О необходимости диверсификации классической культуры»

Культурное наследие

Модераторы **С. Ю. Житенёв, Т. А. Пархоменко**

Санкт-Петербургский государственный университет, Менделеевская линия, д. 5, ауд. 24

АКСЕНОВА Галина Владимировна,

«Значение деятельности С. Д. Шереметева в сохранении и популяризации культурного наследия России»

АРХИПОВА Ольга Валерьевна,

СКОБЕЛЬЦИНА Анна Сергеевна,

«Гостиничный бизнес как средство сохранения объектов культурного наследия (на примере Санкт-Петербурга)»

АТАПИН Иван Ильич,

«Архитектурная графика Сибирского технологического института (1920-е – начало 1930-х годов): перспективы изучения»

БРУСИЛОВСКАЯ Лилия Борисовна,

«Наследие "оттепели": рождение нового человека»

Журавлева Надежда Ивановна,

«Типовая советская архитектура 40–50-х годов как объект культурного наследия»

ЗАКС Лев Абрамович,

СТРИЖКОВА Наталья Алексеевна,

«Творческий опыт русского авангарда как фактор функционирования и развития современных социокультурных систем»

ЛОБАЧЕВСКАЯ Ольга Александровна,

«Этнографическое наследие как second hand»

ЛОЕВСКАЯ Маргарита Михайловна,

«Метаморфозы древней литературы»

МЕДВЕДЕВ Александр Васильевич,

СИМОНОВА Алина Константиновна,

«Культурное наследие и традиция»

НЕНАШЕВ Александр Николаевич,

«Дельфийские игры как важнейший фактор сохранения и приумножения нематериального культурного наследия»

НИКОНОВА Антонина Александровна,

«Музеефикация городского пространства в контексте коллективной памяти»

ПЕРМИЛОВСКАЯ Анна Борисовна,

«Русское деревянное зодчество как феномен культурного наследия в аспекте национальной идентичности»

ПРОХОРОВ Михаил Михайлович,

«Постэкономический вектор логики культурно-исторического процесса»

РОЙФЕ Августа Борисовна,

«Культурологические школы в контексте сохранения культурной памяти»

СГИБНЕВА Ольга Ивановна,

«Культурное наследие в системе государственно-конфессиональных отношений»

- СЕРДЮКОВА Елена Владимировна,*
«Культурный трансфер между Россией и Европой в контексте феномена русского зарубежья»
- СОЛОВЬЕВ Андрей Петрович,*
«Мониторинг потенциала объектов культурного наследия в Российской Федерации как ресурса развития общества»
- ТОЛОК Екатерина Сергеевна,*
«Цивилизационная миссия России в условиях глобализации»
- ФОМЧЕНКО Елена Владимировна,*
«Типология русского народного танца в современной культуре»
- ХИЛЬКО Николай Федорович,*
«Методология изучения факторов обновления культурной среды в городах России»
- ШАСТИНА Татьяна Владимировна,*
«Искусство устной традиции в пространстве современной культуры»
- ШЕРСТИНОВА Татьяна Юрьевна,*
«Русский рассказ первой трети XX века: сохранение литературного наследия и моделирование литературно-художественной системы»

Сохранение и использование материального и археологического наследия

Модераторы **А. В. Окороков, Ю. А. Логинова**

Санкт-Петербургский государственный университет, Менделеевская линия, д. 5, ауд. 142

- БОГДАНОВА Елена Викторовна,*
«Опыт музея-заповедника "Киж" по сохранению объектов деревянного зодчества»
- БОНДАРЬ Виталий Вячеславович,*
«Ценностные характеристики историко-градостроительной среды (из опыта разработки проектов предмета охраны и границ территории исторических поселений Северо-Западного Кавказа)»
- ВОРОНИНА Юлия Николаевна,*
«Специфика сохранения объектов культурного наследия в Государственном музее-заповеднике С. А. Есенина»
- ЖИТЕНЁВ Владислав Сергеевич,*
«Основные вопросы сохранения и использования объектов археологического наследия»
- ЛАВРЕНТЬЕВА Елена Сергеевна,*
«Храм Гроба Господня в Иерусалиме: проблемы научного изучения архитектурной истории памятника»
- ЛОГИНОВА Юлия Алексеевна,*
«Сохранение и использование культурного материального наследия Москвы»
- НАУМОВ Юрий Михайлович,*
«К вопросу о реставрации традиционных судов и лодок в Российской Федерации»
- ОКОРОКОВ Александр Васильевич,*
«Морское культурное наследие: перспективы развития»
- ПЕТРУШКЕВИЧ Алексей Вадимович,*
«Повышение квалификации реставраторов и специалистов в области реставрации и исследования музейных ценностей на базе ГосНИИР»
- ЧИЧЁВА Светлана Евгеньевна,*
«Материальное наследие в городе: социокультурные проекции и практики сохранения»

Культурная память и проблемы нематериального наследия

Модераторы **А. А. Кротов, Е. А. Полякова**

Санкт-Петербургский государственный университет, Менделеевская линия, д. 5, ауд. 150

БЕГУНОВА Екатерина Александровна,

«Феномен памяти в культуре»

БУГАЕВА Любовь Дмитриевна,

«Механизмы культурного ресайклинга: Советская Арктика, дубль два»

ГАВРИЛИНА Лариса Михайловна,

«Современные художественные практики в пространстве формирования культурной памяти»

ГРИЦЕНКО Галина Дмитриевна,

«Культурная или историческая память — стабилизирующий фактор в полиэтничном регионе»

ЖЕРНОСЕНКО Ирина Александровна,

«Этноэкологические принципы сохранения культурного наследия коренных народов Сибири»

ЗИННЯТУЛЛИНА Гульшат Фяритовна,

«Нематериальное культурное наследие мусульман в условиях мегаполиса»

ЗОЛОТОВА Татьяна Николаевна,

«Историко-культурное наследие и процессы коммеморации»

КИРИЛЛОВ Андрей Александрович,

«Культурная память в постсекулярном мире: факторы и обстоятельства, меняющие приоритеты»

КУРИКАЛОВ Юрий Леонидович,

«Культурное наследие и духовное развитие в XXI веке»

НИКИТИНА Елена Сергеевна,

«Почему рукописи не горят, или Об иерархии смыслов»

НОР-АРЕВЯН Оксана Аведиковна,

«Профессиональная династичность как механизм социокультурной преемственности»

РЕЙЛИ Марина Викторовна,

«Ипостаси Великой Богини в русских волшебных сказках и их культурологические параллели»

РОМАНЕНКО Максим Андреевич,

«Будущее прошлого: об утопии советского революционного праздника»

РОМАНОВА Дарья Яковлевна,

«Семейное наследие как неотъемлемая часть нематериального культурного наследия России»

САЗОНОВА Вероника Александровна,

«Образы нематериального культурного наследия в анимационном кино: контекст восприятия и технологии популяризации»

СЕМЕНЕЦ Ольга Павловна,

«Прецедентные феномены как репрезентанты культурной памяти»

ЧЕТИНА Елена Михайловна,

«Празднично-обрядовые традиции: проблемы сохранения культурного наследия»

ЯРЫЧЕВ Насруди Увайсович,

«Причины "мемориального разворота" современной культуры памяти»

Государственная культурная политика

Модераторы **В. В. Аристархов, О. Н. Астафьева**

Российский институт истории искусств, Исаакиевская пл., д. 5, Зеленый зал

БУЧКИНА Елена Александровна,

«Учреждения культуры как объект культурной политики в первые годы советской власти»

ВЛАСОВА Наталья Владимировна,

«Культурная политика и формирование современной идентичности в Европе и России»

ГОРЕНКИН Валерий Анатольевич,

ШВЕЦОВА Антонина Викторовна,

«К вопросу о понятии социокультурной политики»

КОВАЛЕНКО Тимофей Викторович,

«Театральная жизнь в системе культурной политики: исторический опыт и современные проблемы»

КУПЦОВА Ирина Александровна,

«Культурная политика как средство развития регионов России: анализ современных практик»

ЛУЗАН Владимир Сергеевич,

«Специфика концепта “социальное время” в контексте реализации культурной политики Российской Федерации»

МИКИТИНЕЦ Александр Юрьевич,

МИКИТИНЕЦ Ольга Ивановна,

«Понятие толерантности в контексте современной культурной политики Российской Федерации»

НАЗАРОВ Виктор Кузьмич,

«Актуальность изучения евразийства в контексте культурной политики Российской Федерации»

НИКОНОВА Екатерина Васильевна,

«Культурная политика: настоящее и будущее для устойчивого развития культурного капитала»

ОСТАПЕНКО Светлана Михайловна,

«Интегративный потенциал культурной политики: компоненты образования и просвещения»

Международные исследования и международное сотрудничество в культурологии

Модераторы **Д. Л. Спивак, Н. В. Филатова**

Санкт-Петербургский государственный университет, Менделеевская линия, д. 5, ауд. 151

АЛЕКСЕЕВ-АПРАКСИН Анатолий Михайлович,

«Международные проекты и платформы ЮНЕСКО по изучению Шелкового пути»

ДИАНОВА Валентина Михайловна,

«Культурологическое знание: вопросы преемственности и перспективы развития»

КУРУМЧИНА Анна Эджемовна,

«Роль НКО в продвижении культурной политики РФ на международном уровне»

КЫЛАСОВ Алексей Валерьевич,

«Игровая культура: этнокультурные, кросс-культурные и экстракультурные векторы»

МАНТЕТ (МЭНТУФ) Джеймс Уэсли,

«“Тень звякнувшего где-то пятака”: Карантинные странствия наследия поэта»

СМИРНОВА Ольга Анатольевна,

«Языковая политика ведущих государств Европейского союза и перспективы ее развития»

СУДАКОВА Наталия Евгеньевна,

«Инклюзия в перспективе культурной политики: Россия и мир»

ТОРОСЯН Вардан Григорьевич,

«Культурная политика как "мягкая сила"»

ФАЗЛУЛЛИН Сергей Маратович,

«Управление объектами культурного наследия в прибрежной зоне Средиземноморских стран: проект BLUE MED»

ФОМИНА Марина Николаевна,

«Пространство диалога культур в глобализирующемся мире»

ХИЛТУХИНА Евгения Геннадьевна,

«Человек — предмет глобализации»

Культурология образования

Модераторы **Я. С. Иващенко, О. В. Стукалова**

*Российский государственный педагогический университет
имени А. И. Герцена, ул. Малая Посадская, д. 26, ауд. 105*

АБРОСИМОВА Лариса Сергеевна,

БОГДАНОВА Марина Александровна,

«"Болонизация" российского университетского образования: компетенции вместо знаний. Кому это выгодно?»

БОЛЬШАКОВ Сергей Николаевич,

«Коррекция девиантного поведения подростков в различных учреждениях с использованием художественного образования и культурологии (опыт Ленинградской области)»

ВОДЯНИКОВА Ирина Федоровна,

«Смена моделей образования как ответ на вызовы»

ГАМОВА Елена Владимировна,

«Развитие физических данных у юных фигуристов средствами хореографии»

ГАНИЕВА Алина Фандитовна,

«От курса движения С.Б. Никритина во ВХУТЕМАСе к кинестетическим экспериментам в уфимской архитектурной школе»

ГОЛЬДМАН Ирина Леонидовна,

«Искусствоведческо-культурологический подход к профессионально-творческой медиаобразовательной деятельности»

ДАЛЕЦКИЙ Чеслав Брониславович,

«Риторическая культура современного образования»

ИВАЩЕНКО Яна Сергеевна,

«Культура детства: стратегии локального изучения»

КОЗАЧЁК Мария Александровна,

«Феномен партиципации как способ создания художественно-образовательных проектов»

КРАМЕР Александр Юрьевич,

«Шпаргалка как культурный объект и культурное наследие»

ЛОПАТИНА Светлана Сергеевна,

«Межкультурный диалог в образовательном пространстве вуза»

МИЛЕШКО Анастасия Леонидовна,

«Модели межкультурного взаимодействия посредством танца»

МИХАЛЬЧЕНКОВА Наталья Алексеевна,

«О некоторых результатах проекта «Формирование эффективных моделей и технологий коррекции девиантного поведения подростков средствами художественного образования и культурологии»»

МОСОЛОВА Любовь Михайловна,

«Культурное наследие Евразии: от прошлого к будущему»

ПОМИГУЕВА Екатерина Анатольевна,

«Фольклор как средство формирования кросс-культурной компетентности студентов полиэтнического вуза»

ПРЖИЛЕНСКАЯ Ирина Борисовна,

«Креативные навыки обучающихся в современных образовательных практиках»

РУКОЛЕЕВА Римма Тимергазиевна,

«Воспитание музыкой: культурологическое измерение»

ТАШЛЫКОВА Наталья Юрьевна,

«Роль английского языка в образовании»

ТЕКУТЬЕВА Юлия Эдуардовна,

«Тенденции в современных методах обучения создания художественных произведений»

ФЕЛЬДТ Ирина Николаевна,

«Формирование образа культурного наследия Арктики
как основы складывания "арктической идентичности" у студентов Архангельска»

ЩЕБРОВА Светлана Яковлевна,

«Школа, "Училка" и караван верблюдов: куда идет российское образование?»

Культурная география: проблемы выявления, сохранения, интерпретации и использования культурных ландшафтов

Модераторы Ю. С. Путрик, В. Н. Бадмаев

Санкт-Петербургский государственный университет,

Менделеевская линия, д. 5, ауд. 155

ГОРЕЛОВА Юлия Робертовна,

«Ландшафтная составляющая художественных образов пространства»

ЖИГАЛЬЦОВА Татьяна Валентиновна,

«Картографирование эмоций: направления и подходы»

КОПАНЕВА Мария Робертовна,

«Деятельность культурного центра El Fogón de los Arrieros / "Эль-Фогон-де-лос-Аррьерос" ("Очаг погонщиков")
в период с 1940-х по 1960-е годы как фактор изменения культурного пейзажа Ресистенсии.
Влияние наследия Фогона на современный облик города»

ПОЛЮДОВА Елена Николаевна,

«Аксиологические основы использования культурного ландшафта в дистанционной педагогической деятельности
региональных музеев России и США»

ПОЛЯКОВА Ирина Алексеевна,

«Янтарный путь: понятие, символ, метафора»

ПУТРИК Юрий Степанович,

«Геокультурная матрица как инструмент реализации государственной политики в сфере сохранения, изучения и использования объектов культурного и природного наследия»

РЕСНЯНСКИЙ Сергей Иванович,

«Сакральная география: исихазм в русском религиозном ренессансе второй половины XIV века»

САВЕЛЬЕВА Елена Николаевна,

«Ревитализация марксизма в социокультурном ландшафте современной России»

СКОПИНЦЕВА Татьяна Юрьевна,

«Русское ноу-хау в постсоветской культуре XXI века»

УСОВ Алексей Александрович,

«Культурный ландшафт Онежского Поморья как объект арктического культурного наследия»

Культурология личности

Модераторы О. Ю. Астахов, Т. И. Ерохина

Санкт-Петербургский государственный университет, Менделеевская линия, д. 5, ауд. 159

АСТАХОВ Олег Юрьевич,

«Определение личностного содержания культуры в философии Вяч. Иванова»

БАЛИНА Лариса Федоровна,

«Особенности эмоциональных проявлений у студентов в условиях пандемии: культурологический контекст»

БОГОДУХОВА Екатерина Евгеньевна,

«Изменение ментальности личности при смене культурных пространств (на примере России и Китая)»

ВАСИЛИНА Дарья Сергеевна,

«Сущность и генезис кросс-культурной коммуникации общества»

ВИКТОРОВА Елена Викторовна,

«Механизмы порождения смыслов в культуре: импрессионизм»

ВЛАСЕНКО Валентина Васильевна,

«Культурологические парадигмы личности современного учителя»

ГЛАЗКОВА Татьяна Вацлавовна,

«Семья и личность: культурные границы и их преодоление в условиях принудительной со-бытийственности (опыт совместной изоляции в период пандемии)»

ДЖАВАДОВА Виктория Чингизовна,

«Проблема идеального человека в культуре Древнего Ближнего Востока»

ЕРОХИНА Татьяна Иосифовна,

«Культурный герой советской эпохи: истоки и эволюция»

ЗОЛОТУХИНА Елена Всеволодовна,

«Как воспитать оптимистов в современной культуре?»

КАШИРИНА Ольга Валерьевна,

«Культурно-временной подход к изучению личности как субъекта цивилизации в эпоху глобальных перемен»

КИМ Флора Сергеевна,

«Консервативный императив в культуре»

КОБРИНЕЦ Мария Александровна,

РОЗОВА Екатерина Олеговна,

«Э. Мунье и Н.А. Бердяев: к вопросу о персоналистской критике цивилизации»

ЛИСЕНКОВА Анастасия Алексеевна,

«Социокультурная идентичность цифрового мира: стратегии персональной и групповой репрезентации»

РТИЩЕВА Оксана Владимировна,

«Языковая личность в лингвокультурологических исследованиях»

САМОХВАЛОВА Варвара Климентьевна,

«И. Г. Фихте о личной культуре и культуре личности»

ЧЕРЕВКОВА Алена Игоревна,

«Трансляция культурного капитала в профессиональных династиях врачей (по материалам автобиографических интервью)»

ЩЕРБИЧ Людмила Ивановна,

«Цифровизация образования и культура личности»

Культурология искусства

Модераторы **А. Л. Казин, Л. В. Никифорова**

Российский институт истории искусств, Исаакиевская пл., д. 5, Белый зал

АЗАРОВА Валентина Владимировна,

«Проблемы и перспективы развития французского музыкального театра в XX веке»

АЛЕКСЕЕВ Евгений Павлович,

«Противостоять авангарду. Степан Эрзя в Екатеринбургских свободных государственных художественных мастерских. 1919–1920: педагогические принципы и творческое наследие»

БОБРИХИН Андрей Анатольевич,

«Наивное искусство как репрезентация травмы»

БУЛАТОВА Анастасия Васильевна,

МЕЛЬНИКОВА Светлана Витальевна,

«Фасилитированная дискуссия в современном музее, или О миссии эксперта-посредника»

ГОМБОЕВА Маргарита Ивановна,

«Феномен художественного новаторства семейных мастерских: коллаборационизм и стилеобразование»

ДЕВЯТОВА Ольга Леонидовна,

«Сергей Слонимский и польская музыкальная культура»

ДЕНИСОВА Наталья Викторовна,

«Соцреализм: взгляд из настоящего»

ИНШАКОВА Галина Николаевна,

«К вопросу об изображении коня в иранской и могольской миниатюре»

КАЗИН Александр Леонидович,

«Русская культура: вызов и ответ»

КИЛЬДЮШОВА Лариса Васильевна,

«Чувственное познание как смыслообразующая форма интерпретационного бытия музыкального творчества»

КОКШЕНЕВА Капитолина Антоновна,

«Между словом и цифрой: новейшие тенденции в современном театре»

- КОЧНОВА Ольга Анатольевна,*
«Русский модерн в Крыму: симферопольский период творчества Николая Краснова»
- КУЗЬМИНА Любовь Аркадьевна,*
«Наскальное искусство в контексте зарождения визуальной культуры»
- ЛЕКУС Елена Юрьевна,*
«Становление категории “красота” в изобразительном искусстве: прошлое — настоящее — будущее»
- МАЛЬЦЕВА Елена Александровна,*
«Железная дорога в пространстве современного театра»
- МЕЛИХОВА Лариса Анатольевна,*
«Природа культуросообразных перспектив графики В. Н. Петрова-Камчатского»
- НИКИФОРОВА Лариса Викторовна,*
«Искусство как форма культурной памяти: наследие Аби Варбурга в теории и истории художественной культуры»
- ОТУРГАШЕВА Наталья Вадимовна,*
«Женственность и мужественность как социокультурные конструкторы в современном российском кинематографе»
- ПЕТУХОВА Татьяна Ивановна,*
ХОМЯКОВА Елизавета Георгиевна,
«Изобразительное искусство соцреализма в зеркале англоязычного искусствоведческого дискурса»
- ПОПОВА Наталья Сергеевна,*
«Методологические особенности исследования российского абстракционизма конца XX – начала XXI века»
- РЕЙФМАН Борис Викторович,*
«О различии культурных оснований стилистически схожих европейских и японских фильмов 1950-х – 1960-х годов»
- СКОТНИКОВА Галина Викторовна,*
«Византийская духовность XII века в новой культурологической парадигме»
- УСОВСКАЯ Элина Аркадьевна,*
«Искусство белорусского постмодерна»
- УСТЬЯНЦЕВА Елена Валентиновна,*
«Межэтнические коммуникации в музыкальной культуре Якутии»
- ФЕФИЛОВ Михаил Юрьевич,*
«Проблемы и перспективы развития российского кинематографа»
- ЮРЬЕВА Татьяна Семёновна,*
«Из эмиграции в эмиграцию. Русское зарубежье в мировой культуре XX–XXI веков»

Культурология медиасферы

Модераторы **Н. Б. Кириллова, Т. Б. Сиднева**

Санкт-Петербургский государственный институт культуры, Дворцовая наб., д. 2, ауд. 2216

- БОЖЕДАРОВ Дмитрий Александрович,*
«Философия сетевой коммуникации — новый дискурс медиалогии»
- БЫЧКОВА Ольга Анатольевна,*
НИКИТИНА Александра Валерьевна,
«Реализация жанра антиутопии в пространстве компьютерных игр»

- ВЫСОЦКИЙ Вадим Борисович,*
«Субъективизм как функция и дисфункция медиасферы»
- ГОЛИК Надежда Васильевна,*
«Зачем нам просвещение в эпоху digital man?»
- ГУДОВА Маргарита Юрьевна,*
«Медиаарт — воплощение социокультуры эпохи постграмотности»
- МУЛИКОВА Наталья Анатольевна,*
«Влияние информационной культуры на межэтнический диалог»
- ПАНИОТОВА Таисия Сергеевна,*
«Мобильная фотография: Кто я в культуре? Мобильная фотография как зеркало культурной идентичности»
(в соавторстве с М. В. Митрохиной)
- СИДНЕВА Татьяна Борисовна,*
«Музыка как предмет современной культурологии: границы и перспективы»
- СИДОРОВ Виктор Александрович,*
«Институты культуры в медийной среде: новые сущности»
- СОКОЛОВА Наталья Юрьевна,*
«Прагма-коммуникативная роль заголовка в создании образа советского художника
в англоязычных цифровых медиа»
- СТРОЕВА Олеся Витальевна,*
«Неомифологизм современной визуальной культуры»
- ЦИБИЗОВА Лилия Александровна,*
«Перед лицом "Black Ocean"»
- ЧЕРНЫШЕВА Анна Владимировна,*
«Миф и медиакultura как коммуникационные системы»
- ШУБ Мария Львовна,*
«Сетевая коммуникация как зеркало локальной идентичности
(культурологический анализ пользовательского контента жителей г. Карабаш Челябинской области)»
- ЩЕРБАКОВА Галина Ивановна,*
«В. П. Мещерский: Распалась связь времен — о русском пути после Петровских реформ»

Культурология региона

Модераторы **Н. Ю. Костюрина, Е. Ю. Липец**

Санкт-Петербургский государственный институт культуры,
ул. Миллионная, д. 7, ауд. 213

- БАЙКОВА Екатерина Владимировна,*
«Дома-коммуны в Саратове: факторы и принципы формообразования»
- ДЗЯКОВИЧ Елена Владимировна,*
«Геобрендинг в контексте территориальной идентичности и культурно-исторической памяти»
- ЗАХАРОВА Людмила Николаевна,*
«Смыслы культуры региона»

КИРИЛЛОВА Ольга Сергеевна,

«Культурный ландшафт города: культурологический подход как перспектива брендинга»

КОСТЮРИНА Надежда Юрьевна,

«Проблемы культурологического образования в Дальневосточном регионе»

ЛИПЕЦ Екатерина Юрьевна,

«Научный и образовательный потенциал ростовской философско-культурологической школы»

МАНЗЫРЕВА Екатерина Сергеевна,

«Особенности формирования художественного образования в Восточной Сибири (XVIII – 1-я половина XIX века)»

ПЕРОВА Елена Юрьевна,

«Вклад вуза культуры в сохранение и изучение культурного наследия региона»

ПОЛЯКОВА Елена Александровна,

«Культурное наследие Алтайского края: вопросы сохранения и продвижения»

СЕРЕДА Наталья Дмитриевна,

«Туризм как демиург социокультурного пространства»

**Этническая культурология:
проблемы сохранения и развития
культур малочисленных и больших народов в современном мире**

Модераторы И. И. Горлова, И. А. Селезнёва

*Санкт-Петербургский государственный институт культуры,
ул. Миллионная, д. 7, ауд. 309*

АКСЁНОВА Валерия Алексеевна,

КОВРОВА Ольга Даниловна,

«Проектная деятельность как способ актуализации, сохранения традиционной культуры коренных малочисленных народов Арктической зоны Красноярского края (Долгано-Ненецкого муниципального района)»

АНТОНОВА Марина Сократовна,

«Культурное наследие Байкальского региона: культовые места»

КОПЦЕВА Наталья Петровна,

«Этнокультурная динамика коренных народов Севера и Сибири: концептуальные подходы к исследованию»

КУЦАЕВА Марина Васильевна,

«Сохранение этнической культуры марийцев в условиях диаспоры Московского региона»

ЛАМАЖАА Чимиза Кудер-ооловна,

МАЙНЫ Шенне Борисовна,

«Изучение и сохранение традиций проведения тувинского обряда дагылга»

ЛЕПЕШКИНА Лариса Юрьевна,

«Проблема сохранения этнической самобытности в условиях осуществления советской культурной политики (на примере Поволжья)»

МИХАЙЛОВА Надежда Владимировна,

«Этнический туризм как фактор существования этнических культур в современном мире: развитие, разрушение, трансформации?»

НИКИФОРОВА Саргылана Валентиновна,

«Иеротопии северо-востока Азии: к проблеме конструирования сакральных пространств»

ОБУХОВ Алексей Сергеевич,

ТКАЧЕНКО Наталья Владимировна,

ОВЧИННИКОВА Юлия Сергеевна,

«Транзитивное общество теленгитов обособленного селения: исследование в парадигме метапозиции»

ПРОТАНСКАЯ Елена Сергеевна,

«Этнокалендарь России: в поисках единого вектора ценностей»

САЛБИЕВ Тамерлан Казбекович,

«Танец Хонга как этнический миф осетин»

СЕЛЕЗНЕВА Ирина Александровна,

«Современная сельская культура Сибири: варианты модернизации»

ЦЫРЕМПИЛОВА Ирина Семеновна,

«Культурное наследие Бурятии: современный исследовательский опыт»

Культурология музея

Модераторы **О. С. Сапанжа, А. В. Венкова**

Санкт-Петербургский государственный институт культуры,

Дворцовая наб., д. 2, ауд. 4308

БАЛАШ Александра Николаевна,

«Иммерсивные и интермедийные практики презентации культурных артефактов: современный музейный опыт»

БЫСТРОВА Татьяна Юрьевна,

«Культурологические основы проектирования музейного сувенира: опыт практической реализации подхода»

ВЕНКОВА Алина Владимировна,

«Арт-медиация: забота, участие и метамодернизм»

ЕГЕРЕВА Татьяна Александровна,

«Деятельность П. С. Шереметева по сбережению культурного наследия усадьбы "Остафьево" в 1920-е годы»

ИМЕННОВА Любовь Сергеевна,

«Музей боевой славы как культурологический феномен»

КРАВЧЕНКО Полина Владимировна,

«Разнообразие и инклюзия в контексте современных музейных практик»

МАСТЕНИЦА Елена Николаевна,

«Музей в пространстве современной культуры: новый виток развития»

НИКИФОРОВА Алина Александровна,

СКУЛЬМОВСКАЯ Любовь Григорьевна,

«Современный музей как центр коммуникации и социального служения»

ПОЛЯКОВ Тарас Пантелеймонович,

«Особенности экспозиционной деятельности отечественных музеев и музейно-парковых комплексов на современном этапе»

САПАНЖА Ольга Сергеевна,

«Структура научных исследований в области культурологии музея»

СТАРШОВА Анна Петровна,

«Изменение статуса музейного экспоната в условиях медиатизации (ярославская практика)»

ЧУНЬКОВА Екатерина Владимировна,

«Атмосфера выставочного пространства»

Культурные индустрии

Модераторы Н. С. Галушина, И. В. Малыгина

Санкт-Петербургский государственный институт культуры,

Миллионная ул., д. 7, ауд. 310

АВЕРИНА Марина Владимировна,

«Tattoo-тело в спортивных практиках: от маргинальности к мейнстриму»

АПРАКСИНА Татьяна Игоревна,

«Культура как модель и вектор эволюции»

БОРОВИНСКАЯ Дарья Николаевна,

«Развитие креативности в современной системе образования»

ГАЛУШИНА Наталья Сергеевна,

«Дополнительное образование как культурная индустрия (на материале российских гуманитарных образовательных проектов для взрослых)»

ИГНАТЬЕВА Ирина Федоровна,

«Туризм в системе культурных индустрий и экономических процессов» (в соавторстве с Б. А. Исаевым)

КОТОВА Елена Юрьевна,

«Картирование культурных индустрий как технология реализации культурной политики региона»

МАЛЬШИНА Наталия Анатольевна,

«Индустрия культуры: критика паттернов общества потребления»

ПОЖАРОВ Алексей Игоревич,

«Борьба за право на идентичность в медиакulturе как демонстрация некоторых аспектов гностического мифа»

САКМАРОВ Илья Олегович,

«Музыкальная индустрия в Санкт-Петербурге и России: сохранение и актуализация цифрового наследия»

ЮДИНА Елена Юрьевна,

«Рекламная деятельность коммерческой компании начала XX века в Российской империи (на примере АО "Сименс и Гальске")»

Экология культуры

Модераторы Б. Г. Соколов, А. Н. Ужанков

Санкт-Петербургский государственный университет,

Менделеевская линия, д. 5, ауд. 167

ГУН Галина Евгеньевна,

«Искусство и трансформация индустриальной ментальности моногорода»

КОЛЕСНИЧЕНКО Юлия Викторовна,

«Память о Великой Отечественной войне: "Бессмертный полк" как зеркало современной российской ментальности»

- МАМОНОВА Виктория Александровна,*
«Конверсия объекта в философско-культурологическом контексте метамодернизма»
- РУДНЕВ Вячеслав Валентинович,*
«Культура природопользования. Сохранение биоразнообразия и перспективы развития общества»
- СЁМИНА Галина Викторовна,*
«Проблемные вопросы сохранения культурного наследия балкарского этноса»
- СИТНИЧЕНКО Константин Евгеньевич,*
«Традиции и новаторство в культуре»
- СОКОЛОВ Борис Георгиевич,*
«Память против проекта»
- ТОМАН Инга Бруновна,*
«Образы руин в искусстве российского постмодернизма»
- УЖАНКОВ Александр Николаевич,*
«Генезис древнерусских культурных формаций XI – первой трети XVIII века»
- ФУРТАЙ Франциска Викторовна,*
«Гипермиф как инкубатор ценностей цивилизации масс»
- ЩЕПАНОВСКАЯ Елена Михайловна,*
«Древнейшие архетипы как способы мышления»

Цифровизация культуры и культура цифровизации: современные проблемы современных информационных технологий

Модераторы М. А. Степанов, А. В. Крюков

Санкт-Петербургский государственный институт культуры, Дворцовая наб., д. 2, ауд. 4306

- АЛЕКСЕЕВА Елена Владимировна,*
«Проблемы культурно-досуговой деятельности в цифровом обществе»
- ВАРАКИНА Галина Владиславовна,*
«Процесс трансформации учебного контента в рамках цифрового образования: от текста к алгоритму»
- ВАСИЛЕНКО Инна Викторовна,*
«Трансформация ценностей свободы и ответственности в цифровом социокультурном пространстве»
- ВЕНГЕРОВ Андрей Игоревич,*
«Цифровое одиночество, или Медиа в 2084»
- ВОРОНОВА Наталья Игоревна,*
«Гибридная “посткультура” цифровой эпохи: коэволюция искусственного и сверхискусственного»
- ГЕРАСИМОВ Сергей Викторович,*
«Конструирование цифровой реальности вуза»
- ЗИМИНА Лада Владимировна,*
ПУЧКОВСКАЯ Антонина Алексеевна,
«Символическое пространство Санкт-Петербурга и его цифровое воплощение в виртуальной среде»
- КОРАБЛЕВА Елена Валентиновна,*
«Социальные и гуманитарные угрозы глобальной информатизации»

КОШЕТАРОВА Людмила Николаевна,

«Новое цифровое Средневековье»

КРЮКОВ Анатолий Владимирович,

«Создание и сохранение цифрового наследия: проблема единства и оптимального сочетания стандартов»

МЕШКОВА Людмила Николаевна,

«Цифровая культура как среда формирования культурной идентичности цифрового поколения»

МИТРОХИНА Мария Владимировна,

«Мобильная фотография: Кто я в культуре?»

Мобильная фотография как зеркало культурной идентичности»

(в соавторстве с Т. С. Паниотовой)

МУРЗИНА Ирина Яковлевна,

«"Цифровой поворот" в теологическом образовании: традиционные ценности vs новые технологии»

ОРЕХ Екатерина Александровна,

«Социогуманитарные исследования в цифровом обществе: к вопросу о потенциале геймификации»

ПЕЙГИНА Лариса Владимировна,

ТЕПЛЯКОВА Анастасия Олеговна,

«От Youtube к TikTok: демократизация процесса производства фанатских видео
на примере русскоязычной фандомной культуры»

СИМОНОВА Светлана Анатольевна,

«Культурный поворот и трансформация ценностей»

СОЛОВЬЕВА Людмила Николаевна,

«Метаморфозы цифровизации и современный человек»

СОЛОДУХИНА Эльвира Владиславовна,

«Цифровой маркетинг и просьюмеризм»

СТЕПАНОВ Михаил Александрович,

«Пределы восприятия: к сущности цифровой культуры»

ТАРАСОВА Ольга Игоревна,

«Цифровые дистанции от культуры образования»

ТУЛЬЧИНСКИЙ Григорий Львович,

«Цифровизация, социально-культурный инжиниринг и ответственность»

Прикладная культурология: региональные и местные проблемы совершенствования и проектирования социокультурной среды обитания

Модераторы Г. В. Алексеева, Е. Ю. Терещенко

*Российский государственный педагогический университет
имени А. И. Герцена, ул. Малая Посадская, д. 26, ауд. 303с.*

АЛИМАЕВА Ольга Ильинична,

«Организационная культура российского вуза в контексте современного культурологического дискурса»

БАРЫШЕВА Юлия Сергеевна,

«Социокультурная адаптация и интеграция детей трудовых мигрантов (иностранцев граждан) в России»

БАШКИРЦЕВА Юлия Станиславовна,

«Музей изобразительных искусств г. Калининграда как объект студенческих социокультурных проектов»

БЕЗУГЛОВА Надежда Павловна,

«Культурные различия как экономическая проблема»

БОЖОК Николай Сергеевич,

«Движение культурно-исторической реконструкции как актор мемориальной политики»

БУДЕНКОВА Валерия Евгеньевна,

«Стратегии конструирования идентичности в советской и постсоветской культуре»

ГОРБУНОВА София Владимировна,

«Формирование экологической культуры: общество потребления vs устойчивое развитие»

ЗАЙЦЕВ Игорь Николаевич,

КАРТУШИНА Анна Максимовна,

«Производство и потребление библиотек в новых городских районах массовой жилой застройки
(на примере библиотеки КУБ микрорайона Новая Охта)»

ИВАНОВА Лилия Фатыховна,

«Социокультурный анализ развития туризма в Республике Крым»

КНЯЗЕВА Ольга Радиковна,

«Культурологическая экспертиза:
философские основания, методология, принципы и практика исследования»

МАРКОВА Татьяна Борисовна,

«Роль библиотек в сохранении и популяризации культурного наследия»

НИКОЛАЕВА Елена Валентиновна,

«Фрактальность культурной трансмиссии»

ПЕРЕТЯКА Нина Петровна,

«Меценатство в региональной культурной памяти: Кёнигсберг — Калининград, поиск решения проблемы идентичности»

СУХАРЕВА Ирина Александровна,

«Создание инклюзивной культурной среды в современных условиях»

ТЕРЕЩЕНКО Елена Юрьевна,

«Креативные индустрии в совершенствовании и проектировании социокультурной среды арктических городов»

ХАЙДАРОВА Гульнара Равиловна,

«Проблемные вопросы культуры и философии военного управления»

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

Тезисы приглашенных пленарных докладчиков

Алексеева Галина Васильевна

*Владивосток
Дальневосточный федеральный университет, руководитель
образовательной программы «История искусств»
Доктор искусствоведения, профессор*

Формы ревитализации культурно-исторического наследия в Приморском крае: проблемы развития социокультурной среды в условиях национального многообразия региона

Важнейшим содержательным аспектом социокультурной среды Приморского края является ее национальное многообразие. В крае проживают представители 158 национальностей. Сегодня общественная региональная организация «Ассамблея народов Приморского края» выполняет функцию регулятора социокультурной среды региона, проводя согласно межнациональному календарю большой объем межнациональных встреч и праздников, в которых участвуют представители всех национальностей. Так, в 2019 г. в крае реализовано 25 национально-культурных проектов, поддержанных субсидиями губернатора Приморского края, действует Ресурсный центр Ассамблеи народов Приморья, регулирующий работу, есть сайт Ассамблеи: <http://assemblyprimorye.ru>. Социологический анализ среды свидетельствует о высоком качестве социально-психологической, политической, духовно-нравственной, экологической среды обитания населения края, скоординированности государственной национальной и культурной политики в регионе, однако потребности в обеспечении качества художественной среды, передаче культурно-исторического наследия той или иной национальной группы населения еще далеко не удовлетворены. Оживление городских и национальных праздников в условиях музеев, национальных сообществ, национальных парков малых народностей пока далеко не всегда получает поддержку, воссоздающую среду, формирующую у молодежи базовую систему нравственных и культурных ценностей. Видятся недостаточными образовательные и культурно-просветительские меры по изучению истории и традиций народов России, проживающих в регионе, их опыта солидарности в укреплении государства и защиты общего Отечества. Регион располагает значительным арсеналом национально-культурных организаций, входящих в Ассамблею народов Приморского края, которые, в силу опыта, реконструируют обычаи и традиции, однако делают это на полупрофессиональном уровне. Недостает исследований и специалистов по истории культурных традиций, национальному костюму, истории участия многонационального сообщества Приморья в освоении Приморья, в Великой Отечественной войне. Публикации Н. Г. Мизь, В. П. Пак, как практиков, дополняют работы известных историков края, но не исчерпывают вопроса. Предметно-пространственное окружение человека Приморья, информационные и ценностно-ориентационные составляющие среды региона лишь частично обеспечивают ревитализацию культурно-исторического наследия. Одним из важных решений на этом пути является Дом дружбы народов Приморского края, продвижение вопроса о котором затянулось уже на 10 лет. Дом дружбы, как государственное учреждение культуры, способен обеспечить решение сразу нескольких важных вопросов развития социокультурной среды региона: это и этнокультурное развитие народов Приморья, и гармонизация межнациональных отношений, и профилактика экстремизма, ксенофобии, и формирование культуры межнационального общения. Сегодня можно и нужно выйти на новый уровень проектирования социокультурной среды региона, реализовав имеющийся потенциал многонационального Приморья.

Астафьева Ольга Николаевна

*Москва
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Институт государственной службы и управления,
директор Научно-образовательного центра «Гражданское общество
и социальные коммуникации»
Доктор философских наук, профессор*

Теоретические модели и массмедийный дискурс культурной политики современной России

1. Вызовы XXI в. обнажили потребность в новых моделях культурной политики, отвечающих не только общемировым трендам глобального мира, но и условиям постмодернистских социальных деконструкций и ценностных сломов,

переживаниям пандемии, резкому переходу в информационно-цифровую цивилизацию. Развитие культурологии в России привело к формированию ее фундаментального и прикладного уровней, выводящих исследователей к вопросам о ценностях и смыслах современной культуры. Фундаментальные концепции культурной политики направлены на осмысление базовых понятий культурологии и разработку методологии и теоретических моделей, адекватных тенденциям и динамике социальных и цивилизационных изменений. Отмечается многообразие региональных моделей культурной политики. Экспертиза, теоретическое моделирование и рефлексия над культурным разнообразием, параметрами порядка, нелинейной динамикой кризисной ситуации, усложняющейся повседневностью, смещают заданные обществом акценты из сферы эмпирических артефактов к универсалиям культуры. Прикладной уровень, дополненный ценностно-смысловой проекцией на различные области социально-гуманитарной деятельности (образовательную, проектную, управленческую, массмедиа, коммуникативную, туристическую, предпринимательскую в области творческих индустрий и многое другое), также становится профессиональной нишей отечественных культурологов, обладающих системным гуманистически ориентированным мышлением и организационными компетенциями. Выделяются пять периодов/концептуализаций в развитии научных исследований культурной политики, прошедших фазы доминирования и образующих системное культурологическое представление о ней. Исторически каждый тип культурологического теоретизирования способен как развиваться в научную школу, так и переоткрываться под давлением массмедиадискурсов.

2. Артикуляция ценностных установок культурной политики посредством официальных дискурсивных практик, механизм изменения которых подчиняется алгоритму «от понятного значения — к соединению с новым», позволяет говорить о преемственности в значениях и одновременно «предуготовленности» к изменениям в пространстве массмедийных текстов (законодательно-правовых регламентаций, интерпретативно насыщенных как объективными, так и субъективными оценками публицистических статей и комментариев «Основ...», «Стратегии... до 2030 г.» и др.). Таким путем достигается особая ценностно-смысловая линия, объединяющая разные дискурсы. Культурологическое экспертное сообщество концентрирует внимание на взаимодействии между дискурсами внутри одного порядка дискурса. Тем самым определяется направленность социокультурных последствий, с одной стороны; соответственно, дискурсы выступают стимулом для действий, выраженных в том числе не только словом в коммуникации, но и конкретными управленческими действиями субъектов культурной политики, с другой.

Бадмаев Валерий Николаевич

Элиста

Калмыцкий государственный университет, заведующий кафедрой

Доктор философских наук, профессор

«Культурные повороты» и межкультурная философия как новые ориентиры культурологического знания

Современные процессы глобализации и информатизации науки и образования, расширение международной и междисциплинарной научной коллаборации, активизация научной дипломатии приводят к «культурным поворотам» (Бахманн-Медик Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре. М., 2017), появлению новых ориентиров в науке, пониманию научно-гуманистического единства Востока и Запада, Европы и Азии, всего мира. Все это ставит перед современными науками о культуре вопросы методологического самообновления и культурно-цивилизационного самосознания. Осознается важность отказа от ригоризма европоцентризма, необходимость понимания равноценности, равностатусности, равнозначности восточной и западной мыслительной и научной традиций, их равноважности друг для друга. Включение восточной культурологической традиции в широкий контекст общемировых исследований позволит осознать подлинный смысл понятий «всемирная история», «всемирная философия», «мировая культура», сформулировать новую научную картину мира XXI в. Для современных культурологических исследований эвристическое значение имеют межкультурная философия и методы философской компаративистики, ставящие задачу постижения и достижения равноправного диалога культур и цивилизаций. Появление в 80–90-е гг. XX в. межкультурной философии как нового направления в гуманитарном знании во многом было связано с развитием философского востоковедения и эволюции философской компаративистики, когда европоцентристская позиция, согласно которой «мерилом» философии являлась исключительно западная мысль, была подвергнута критике и пересмотру. Новое направление предполагало трансформацию философии, исходя из принципа «когнитивной скромности», т. е. признания того, что западный тип философствования не может быть единственным (См.: Степанянц М. Т. Межкультурная философия: истоки, методология, проблематика, перспективы. М.: Наука — Восточная литература, 2020). Российское государство, характеризуемое «евразийским месторазвитием» и потому рассматриваемое в рамках цивилизационной дихотомии (Европа — Азия, Запад — Восток), предстает как территория проживания разных народов, место, где происходит встреча мировых цивилизаций. Полиэтничность, многоконфессиональность, «культурное многоголосие», евразийство российской культуры, евразийство как принцип цивилизованной открытости диалога, симфонизма и комплиментарности народов России являются постоянно действующим фактором, который способ-

ствуется их соразвитию и предотвращает «столкновение цивилизаций». Перед современной культурологией стоит задача предложить новое видение дихотомии «Восток — Запад», «Европа — Азия» как новой научно-гуманитарной парадигмы, необходимой для равноправного диалога всех мировых культур и цивилизаций. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОН РСМ в рамках научного проекта № 20-511-44006.

Горлова Ирина Ивановна

*Краснодар
Российский научно-исследовательский институт культурного
и природного наследия имени Д. С. Лихачёва,
директор Южного филиала
Доктор философских наук, профессор*

Региональная культурная политика:

теория, методология и практика аксиологического анализа

В докладе будет обобщен опыт изучения вопросов, связанных с созданием методического аппарата по выявлению степени эффективности реализации региональной культурной политики в контексте ценностно-нормативного подхода. Региональная культурная политика рассматривается с учетом социокультурного развития современного российского общества. Подробно рассмотрены и проанализированы проблемы, связанные с методологическими аспектами ценностно-нормативного анализа региональной культурной политики, разработана методика аксиологического анализа нормативно-правовых документов, определяющих региональную культурную политику, эффективность которой выявляется посредством обстоятельных исследований культурной жизни социума на основе эмпирических данных.

Драч Геннадий Владимирович

*Ростов-на-Дону
Южный федеральный университет,
научный руководитель Института философии ЮФУ
Доктор философских наук, профессор
Заслуженный деятель науки РФ*

Цивилизационное самоопределение России

в пространстве культурологического дискурса

Несмотря на существующие сомнения в рассмотрении словосочетаний «цивилизационный выбор», «цивилизационный код» и т. д. как научных понятий (это всего лишь метафоры), они играют по своей сути роль логически эксплицированных понятий. Что и позволяет говорить о разных типах цивилизаций, о России, которая в единстве своих исторических и культурных традиций сформировала современное государство-цивилизацию. Естественно, что в этом случае приходится принимать во внимание полиэтничность русской нации, что и сообщает теоретическую легитимность цивилизационному вопросу при условии перенесения его в пространство культурологического дискурса. Существующее многообразие подходов и определений культуры не исключает понимания ее как способа адаптации человека к природе и самосохранения человечества. За многообразием определений кроется многомерность самого феномена культуры, его онтологические различия. Культура позволяет объединить синхронный и диахронический ряды. Цивилизация в этом смысле — продолжение культуры, исторический путь ее носителя, соответствующий его самоопределению, а самоопределение — сохранение способа жизни, соответствующего историческому опыту и характеру народа. Современная проблемная ситуация демонстрирует отличие техногенной цивилизации от традиционных в самом способе отношений к природе (В. С. Стёпин, М. К. Петров) — как системы адаптации к окружающей среде. Сегодня уже выявлены онтологические различия культурно-цивилизационных проектов — Западного, Китайского, Индийского, Арабского и др. (Сэпир-Уорф, А. И. Кобзев, А. В. Смирнов). Научное наследие Запада, трансплантация науки в инокультурную среду стали определяющими факторами современного глобального развития. Однако доминирование техногенной цивилизации столкнулось с сохранившимися культурными устоями традиционных стран. Сказываются и обостряющие факторы техногенного развития, каковыми стали экология природы и экология человека. Западный тип культуры человека агонального, ориентированного на индивидуальный успех и процветание, подвергается существенным коррективам в странах традиционной культуры. Сегодня все более отчетливо проявляются их целостность, символические и смысловые отличия. Этнос предстает как субъект (а не объект) цивилизационных взаимодействий. Соответственно, для России как страны полиэтнической особое значение приобретает сохранение единого культурного пространства как объединяющей основы во взаимоотношениях общества и государства. В этом контексте и могут быть рассмотрены вопросы о центральной и периферийной зонах культуры, о роли межкультурных коммуникаций в формировании личности и индоктринации как способе формирования общественных ценностей. Такого рода вопросы определяют направление культурно-

цивилизационного самоопределения России, а содержанием становится возвращение к просветительским ценностям, лимит которых она не исчерпала.

Житенёв Сергей Юрьевич

Москва

*Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, советник директора
Кандидат культурологии*

Концепты культурного наследия в системе наук о культуре

Концепты культурного наследия восходят к теории концептосферы академика Д. С. Лихачёва, рассматривавшего ее в историко-культурном значении и языковой традиции. В настоящее время концепты и само понятие культурного наследия, несмотря на многочисленные публикации и обсуждения ученых, требуют дальнейшего изучения. Существуют принятые международным сообществом концепты культурного наследия, закрепленные теоретическими и прикладными исследованиями. Это материальное культурное наследие, которое, в свою очередь, подразделяется на недвижимые и движимые объекты. К материальному наследию также относятся созданные трудом человека природные объекты. Институт Наследия рассматривает материальное культурное наследие в единстве с природными объектами. В научном сообществе сравнительно недавно установилось понимание такой формы культурного наследия, как нематериальное наследие, границы которого весьма обширны. Нематериальное культурное наследие во многом является фундаментальным и основополагающим понятием. И если за последние тридцать лет работа отечественных ученых в сфере сохранения, изучения и использования материального культурного наследия достигла известных успехов, то этого нельзя сказать о нематериальном наследии, которое требует дальнейшей разработки теоретико-методологических основ исследований. Автор доклада представляет расширенное определение культурного наследия, которое выносит на обсуждение. Культурное наследие народов России представляет собой:

- фундаментальное понятие, составляющее социокультурное, интеллектуальное и духовное основание современного общества;
- выдающиеся объекты, созданные прошлыми поколениями, выдержавшие испытание временем, выявленные, сохраняемые и используемые в социокультурных и духовных процессах, передающиеся последующим поколениям как общественное достояние государства и общества;
- систему сохраняемых и поддерживаемых государством и обществом объектов материального и нематериального культурного наследия, которые, в свою очередь, состоят из движимых и недвижимых объектов, неразрывно связанных с природным окружением, и подразделяются на следующие категории: общегосударственного, регионального и местного значения;
- один из важнейших стратегических национальных ресурсов, определяющих в настоящее время государственное, культурное, интеллектуальное, духовное, экономическое, туристское и общественное развитие государства и общества;
- уникальный феномен, устанавливающий особое место России среди других мировых культур и цивилизаций, определяющий самобытность ее народов.

Создание эффективных механизмов изучения, сохранения и использования культурного наследия является важнейшей современной задачей нашей страны и всего человечества. Именно поэтому основные концепты культурного наследия должны занять достойное место в культурологии и системе наук о культуре.

Заславский Григорий Анатольевич

Москва

*Российский институт театрального искусства — ГИТИС, ректор
Кандидат филологических наук, доцент*

Цифровые технологии:

то, что помогает театральному искусству оставить след

В данном докладе будет представлен небольшой экскурс на тему, изменят ли цифровые технологии природу театрального искусства. На сегодняшний день современный театр активно принимает на вооружение достижения технологического прогресса и легко адаптирует их для своих нужд. Период пандемии дал театрам в полной мере ощутить на практике все «за» и «против». В начальный период жизни на карантине первое, чем занялись театры в цифровой среде, — это трансляции спектаклей из архивов на основе старых или современных видеозаписей. Лучшие всех выглядели в Интернете те театры, у которых видеоархив был велик, а IT-подразделения смогли быстро выстроить различные схемы доступа к нему зрителей. Но в принципе перевод творческого процесса в цифровое пространство не изменил содержания искусства — работы с образом. В любой театральной постановке ключевым

героем является актер, а самым важным результатом — наши смыслы и впечатления от происходящего на сцене. Безусловно, для усиления эффекта от постановки режиссеры используют декорации и атрибуты. Раньше это были деревянные конструкции, тяжелый бархатный занавес и маски, а сегодня — технологии, позволяющие показать вещи, которых даже нет в физическом мире. Также необходимо отметить, в связи с развитием цифровизации возникает новый вид театрального искусства, который использует нейроинтерфейсы и биосенсоры для считывания активности мозга, которая может представляться с помощью изображений или звуков. Зрители как бы «видят» эмоции, чувства и, может быть, даже оттенки мыслей актеров. Используя современные технологии, театр выражает художественную мысль о том, как цифровизация повлияет на развитие человеческих отношений, взаимодействие разных видов искусств и на глобальное развитие театрального искусства в целом.

Кириллова Наталья Борисовна

*Екатеринбург
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
заведующая кафедрой культурологии
и социально-культурной деятельности
Доктор культурологии, профессор*

Новые парадигмы культурологии в контексте изучения медиасферы глобализованного мира

Для информационной эпохи рубежа XX–XXI вв. характерно сочетание процессов глобализации и диверсификации как итога цифровой революции, которая круто изменила бытие всего человечества. Масштабы медийной цивилизации, превратившей планету в глобальную информационную среду, влияют на интеллект и жизнедеятельность человека нового тысячелетия. Современная медиасфера, вбирающая в себя плотный поток сетевых коммуникаций людей, до конца не упорядоченного интернет-контента, дополняется многообразными сюжетами политического и социокультурного характера, транслируемыми теле- и радиоканалами. Источник актуальных проблем мирового уровня не только в том, что глобализационные процессы унифицируют жизнь человека, но и в том, что в гуманитарных науках, в том числе и в культурологии, происходит «смена парадигм». Это связано с тем, что культура уходит от традиционной просветительской роли к «господству компенсаторно-развлекательных функций, носителем которой является культура массовая» (К. Э. Разлогов). А расширение медиасреды в конце XX в. и изменение культурных практик приводит к появлению в культурологии новых концептов: «медиакультура», «мультимедиа», «медиакультуры» и др. Изучение глобального социокультурного пространства, включающего не только традиционные медиа (кино, ТВ, радио), но и видео, цифровое фото, мобильную связь, социальные сети и др., выдвигает в качестве новой парадигмы культурологии теорию и историю медиакультуры как феномена информационной эпохи, стержнем которой является аудиовизуальная (звукоразительная) коммуникация. Медиакультура как «совокупность информационно-коммуникационных средств, выработанных человечеством в процессе исторического развития», стала и новой научной парадигмой, у истоков которой — исследования Г. М. Маклюэна, Э. Тоффлера и др. Проблемным полем современной культурологии является также процесс «виртуализации культуры», способствующий благодаря Интернету как «универсальному пространству свободной коммуникации» переходу общества к «сетевому типу существования» (М. Кастельс) и обоснованию «виртуальной реальности» как особой среды обитания современного человека. Вслед за появлением цифровых медиа становится распространенным и термин «цифровая культура», с которым исследователи связывают традиционные объекты культуры, представленные современными ИКТ: электронные архивы и библиотеки, виртуальные музеи, мультимедийные реконструкции памятников культуры и др. В условиях глобализации и цифровизации, когда происходит выработка новой системы ценностей, сохранение культурного плюрализма не может быть решено на основании только принципа диалога. На первый план выходит полилог культур, который представляет собой не только взаимодействие по горизонтали, но и взаимодействие по вертикали (национальная и этническая культура), сложные перекрестки связей и т. д. Полилог культур можно воспринимать как парадигмальную перспективу культурологии в вопросах изучения современной медиасферы.

Кондаков Игорь Вадимович

*Москва
Российский государственный гуманитарный университет, профессор
кафедры истории и теории культуры факультета культурологии
Доктор философских и кандидат филологических наук, профессор*

Культурология и биология: судьбы культурного и природного наследия

1. В истории науки в отношениях гуманитарного и естественно-научного знания происходит постоянное чередование интеграции и дифференциации. Очевидно, что на современном этапе истории культуры наметилась новая

- тенденция общенаучной интеграции. Так, культурология, изначально складывавшаяся как междисциплинарная наука, вступила сегодня на путь интенсивного диалога с естественными науками и, в частности, с биологией.
2. Для этого есть достаточно оснований. Еще академик Д. С. Лихачёв высказывал гипотезу, что существуют «культура природы», «экология культуры» и другие точки взаимодействия между культурным и природным наследием, которое необходимо рассматривать в едином историческом и ценностно-смысловом контексте.
 3. На наших глазах происходит расширение понятия «культура», в содержание которого входит, с одной стороны, «предкультурные» природные явления, в процессе эволюции приведшие к возникновению культуры, а с другой стороны — «сверхкультурные» явления, принадлежащие к виртуальной реальности. Те и другие воспринимаются в едином формате, предполагающем неразличение природы и культуры.
 4. Соответственно меняется и представление о первичном культурогенезе, не ограничивающемся параметрами первобытного общества. Сегодня все чаще заходит речь о «культурогенезе до культурогенеза», т. е. о природных предпосылках культуры, о возникновении культуры до человека и человечества. Успехи этологии и генетики, эволюционной антропологии, этногенетических и гендерных исследований свидетельствуют о различных феноменах «нечеловеческой культуры» (например, «культуры животных» и видовых субкультур животного и даже растительного мира), о различных коммуникативных механизмах, существующих в природном мире. Все эти феномены еще только начинают изучаться — как с точки зрения биологии, так и с точки зрения культурологии, семиотики и антропологии.
 5. Представление о многоуровневом строении реальности предполагает существование различных механизмов перехода с социального уровня на культурный; с биологического — на социальный и культурный; с добиологического (физико-химического) — на биологический и далее — на социальный и культурный. В ходе исторической эволюции «предкультура» переходит последовательно из потенциального состояния — в актуальное, из актуального — в «снятое», из «снятого» — в «архив» наследия. И в глубинном осмыслении процессов культурогенеза и диалектики природного и культурного наследия взаимодействие культурологии и биологии играет и будет играть в дальнейшем первостепенную роль.

Конев Владимир Александрович

Самара

Самарский государственный университет

Доктор философских наук, профессор

Заслуженный деятель науки РФ

Ценностные сдвиги в культуре XX века

Шесть событий наиболее ярко свидетельствуют о существенных сдвигах аксиологических плит европейской культуры. «Черный квадрат» К. Малевича. «Черный квадрат» ничего не представляет, но обращает внимание на сам факт получения послания: вот оно передо мной. Это призыв к человеку. Явись! И тем самым представь себя — кто ты? В романе «На помине Финнеганов» Джойс создает язык новой культуры. Это язык свершающегося, а не возможного опыта. В этом произведении с особой силой представлена энергия нового языка. Как заметил Беккет о Джойсе: «Его проза не о чем-то, а само ЧТО-ТО». Это что-то — жизненная энергия языка, его экспрессивная сила, способная увлекать читающего к самым истокам зарождения смыслов. Текст «Понины» — это машина «искусства понимания», разработка «тренинга понимания». Освенцим Т. Адорно утверждает: Освенцим показал, что культура потерпела крах. Где же выход? Выход — в переоценке ценностей, которые воодушевляли культуру. Европейская культура жила под знаком истины, которая не зависит от человека, которая абстрагируется от человека. Вот «невинная» абстракция от человека: «Платон мне друг, но истина дороже». А вот другая ее форма — она за воротами с надписями: «Arbeit macht frei», «Jedem das Seine», где человек абстрагируется от жизни, отождествляясь со смертью. Сексуальная революция XX в. потрясла веками сложившиеся устои общественного порядка в двух узловых пунктах: изменение положения женщины в обществе и снятие табу с сексуальных отношений. Бетти Фридан в книге «Загадки женственности» главу 12 назвала «Прогрессирующая дегуманизация. Уютный концлагерь», где говорит, что домик в пригороде внешне не похож на немецкий концлагерь, но американские домохозяйки тоже оказались в плену и, чтобы освободиться, должны, наконец, распорядиться свободой. Выход за пределы семьи оказался и сексуальным раскрепощением женщины. Другой исток сексуальной революции — бунтующая молодежь. Философия французских шестидесятников. Если волны истории постоянно смывают лик человека с полотна культуры, но потом там появляется новое лицо, то где основание этого нового лица? Таким основанием не может быть вечное и неизменное начало бытия. Нужно было научиться мыслить такое начало, которое порождает поступок, мысль, оценку, но не содержит его в себе. Так зарождалась новая философия о начале, которого нет, но которое обязательно де-конструируется, когда нечто свершилось. Смартфон 9 января 2007 г. — день второго явления Черного квадрата. Это день презентации Стивом Джобсом первого iPhone'a. Маленький черный прямоугольник изменил конфигурацию культурного бытия человека. Он открывает его пользователю огромный гипертекст мировой культуры и событий — это виртуальная реализация

Джойсовского языка и Делёзовского ризомического мира событий. Возникает кардинальная проблема современной культуры: кто тот Вергилий, который проведет индивида по открывшемуся ему глобальному культурному миру?

Кротов Артём Александрович

Москва

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
заведующий кафедрой истории и теории мировой культуры
философского факультета
Доктор философских наук, доцент*

Литература и власть в европейской культуре

Взаимодействие литературы и политики никогда не было линейным, подчиненным простой схеме. В ходе истории соотношение различных элементов культуры трансформировалось, выдвигая на первый план все новые задачи. Литература, будучи неотделима от иных составляющих культуры, реагировала на политические проблемы в соответствии с целым спектром оказывавших на нее давление факторов. Так или иначе, в разных вариациях, ей нередко был свойствен призыв к улучшению человеческой жизни. Вопрос мог ставиться в индивидуальном ключе, поднимая тему нравственного совершенствования, или же трактовался в контексте размышлений о необходимости социальных преобразований. Встречался, разумеется, и своеобразный синтез обоих подходов. Пути социальных преобразований мыслились весьма многообразно, зачастую охватывая элементы влиятельных философских концепций. Литература, по-своему отвечавшая на вопрос о смысле жизни, и отражала и определяла устремления своих современников. Политики, в свою очередь, зачастую прилагали усилия для того, чтобы поставить литературу под контроль или, по крайней мере, использовать ее в государственных интересах. Феномен «просвещенного абсолютизма» в этом плане достаточно показателен. В современной истории политики, отошедшие от дел, нередко обращались к написанию мемуаров, иной раз романов. Их литературное творчество позволяет подвергнуть анализу казавшиеся им стержневыми мировоззренческие ориентиры, оценить степень их востребованности в современных условиях.

Мальгина Ирина Викторовна

Москва

*Московский государственный лингвистический университет,
заведующая кафедрой мировой культуры
Доктор философских наук, профессор*

Культурология «после глобализации»: время собирать камни

Идея «глобального мира» — мира без границ — оказалась величайшей иллюзией современности, с которой мир расстается с большей или меньшей степенью разочарования и набором проблем, решение которых требует консолидации усилий не только участников мировой политики и экономики, но и международного научного сообщества, теоретиков и исследователей культуры. Как показало время, самым непредсказуемым и плохо управляемым игроком в «сценарии» глобального проекта оказалась именно культура: относительная пластичность государственных и территориальных границ в полной мере компенсируется нарастающей плотностью культурных и ментальных границ, «столкновением цивилизаций» и идентичностей. Феномен идентичности становится важным «объяснительным принципом» самых глубоких разломов современного мира, доставшихся нам «после глобализации». Вместе с тем в исследованиях идентичности, ее современных трансформаций и форм манифестации наблюдается разобщенность результатов, обусловленная разницей ментальных и мировоззренческих установок исследователей, эпистемологическими разрывами между научными традициями различных культур, что является значительным препятствием к устранению «посттравматических синдромов» глобализации. Как пример — актуализация фундаментализмов и традиционализмов, самой деструктивной формой которых стал международный терроризм. Данное явление настолько стремительно вошло в современную реальность, что, по сути, не получило еще сколько-нибудь системного осмысления. Террористическая активность сегодня опережает не только политические реакции и силовые решения, но и научную рефлекссию, постоянно демонстрируя новые формы и векторы развития. Самая последняя тенденция, которая отчетливо проявилась в связи с событиями в Сирии и Ираке, — сублимация террористической активности в символическую сферу и выбор культуры в качестве стратегического объекта. Очевидно, что преступления в Пальмире и Мосуле против мирового культурного наследия не могут быть объяснены исключительно невежественным фанатизмом и поиском дополнительных источников финансирования террористических организаций. Следует учитывать глубинные культурные причины данного явления. Есть мнение, что самые масштабные террористические акции, которыми отмечен прожитый отрезок XXI в., стали реакцией на вторжение западной цивилизации «без святых и героев» (В. Кутырев) на территорию традиционных культур, расположенных к востоку от Европы (А. Флиер), ответом на угрозу идентичности, сакральному чувству причастности человека культурной и религиозной традиции. В этом контексте разрушение античных памятников Пальмиры

оказывается совершенно определенным жестом и высказыванием: идеологи международного терроризма очень точно определили уязвимое место «цивилизации атеистов и агностиков», обладающее сакральным значением для всего западного мира. Адекватный ответ на данный вызов невозможен без международной консолидации исследователей культуры для выработки проактивных мер противодействия международной террористической угрозе.

Пархоменко Татьяна Александровна

*Москва
Российский научно-исследовательский институт культурного
и природного наследия имени Д. С. Лихачёва,
главный научный сотрудник, руководитель отдела культурологии
Доктор исторических наук, член-корреспондент
Российской академии естествознания*

Культурное наследие России сквозь призму истории, смыслов и ценностей

Проблема актуальности сохранения и использования культурного наследия России. Что сохранять? Что из прошлого брать в будущее? На каком историческом и культурном наследии строить настоящее? Правы ли те, кто настаивает на политике «предписанного забвения», которая в интересах согласия и примирения нации пытается стирать из прошлого неугодные страницы? Ответы на все эти вопросы теснейшим образом связаны с пониманием истории человечества, прошлого России и мира. Однако это понимание в массовом сознании искривлено, упрощено, мифологизировано и политизировано. Характер отношения к истории и к культурному наследию определяется ценностно-смысловым подходом или ценностным измерением, которое у разных народов, слоев и групп населения разное, особенно в России, представляющей собой «конгломерат цивилизаций», союз отличных друг от друга национальных и этнических культур, разных религий и верований. Кроме того, поскольку определенному историческому периоду соответствует своя картина «жизненного мира», постольку каждое поколение видит прошлое по-своему и по-новому. Нет единства во взгляде на отечественное культурное наследие и в научных, интеллектуальных кругах. Одни вслед за славянофилами считают, что «Россия никогда не была Европой и никогда ею не будет», что русская культура есть православная культура, поэтому главное место в наследии России должно быть отведено православию, его памятникам и памятным местам, а также связанному с ним православному государству. Другие, наоборот, убеждены в том, что Россия — европейская страна с европейской историей и культурой, что «духовный смысл русской идеи надо понимать более широко, философски-культурологически», он не может «базироваться только на идеях православия, так как современное российское государство поликонфессиональное, многонациональное, полиэтническое и содержит многообразные духовные истоки и традиции». Европоцентристы акцентируют внимание на общехристианских корнях российской цивилизации, на демократических, республиканских потенциях ее развития в прошлом и настоящем. Неоевразийцы видят Россию цивилизационным мостом между Западом и Востоком со своими евразийскими ценностями, выросшими из православного фундаментализма, и т. д. Такое разнообразие взглядов и подходов говорит о необходимости рассматривать проблему актуализации культурного наследия с точки зрения ценностной картины мира, того, как она влияет на отношение к памятникам истории и культуры как России, так и мира в целом.

Спивак Дмитрий Леонидович

*Санкт-Петербург
Российский научно-исследовательский институт культурного
и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, руководитель
Центра фундаментальных исследований в сфере культуры,
заведующий кафедрой ЮНЕСКО по компаративным исследованиям
духовных традиций, специфики их культур и межрелигиозного диалога,
старший научный сотрудник
Доктор филологических наук*

Культурное наследование и его молекулярно-биологические и генетические корреляты

Молекулярно-биологические и генетические корреляты культурного наследия представляют собой обширное предметное поле, разработка которого представляется весьма актуальной задачей современной культурологии. В области генетических коррелятов наибольшую конструктивность выказывают исследовательские стратегии, направленные на выявление особенностей наиболее часто встречающихся в каждой отдельной популяции гаплогрупп, как по патрилинейной Y-хромосоме, так и по матрилинейной митохондриальной ДНК. В отношении первых наибольшее распространение на территории проживания русского народа имеет гаплогруппа R1a1, характерными признаками которой нужно считать: ее доминантное положение для представителей трех восточнославянских народов (русских, украинцев и белорусов), а также их ближайших западных соседей (поляков и словаков); весьма четкое отличие от

гаплогрупп, доминирующих в рамках западной, романо-германской Европы, и заметные признаки более или менее интенсивного смешения с тюркскими и финно-угорскими народами, соответственно, на востоке и севере Европейской части Российской Федерации, что не противоречит исторической памяти русского народа. В отношении вторых нужно отметить присутствие схожих закономерностей, в первую очередь в случае гаплогруппы J митохондриальной ДНК, только в менее четком виде, что, в особенности, касается разграничения с гаплогруппами Западной Европы. В области молекулярно-биологических коррелятов наиболее конструктивной на настоящий момент представляется исследовательская стратегия, направленная на изучение динамики маркеров ожидаемой продолжительности жизни, в первую очередь длины теломер и активности теломеразы. Как показывают результаты наших экспериментальных исследований, восприятие музыкального текста, относящегося к полю культурного наследия респондентов, в норме приводит к довольно быстрому удлинению теломер и, соответственно, ожидаемой продолжительности жизни, происходящим, по всей видимости, в связи с общей оптимизацией психологического функционирования, что, в свою очередь, формирует довольно нетривиальный подход к фундаментальной проблеме жизнеобеспечивающего потенциала культурного наследования. В общем и целом, культура жизнеобеспечения связана с биологическими процессами настолько тесной сетью взаимосвязей и взаимозависимостей, что это позволяет поставить вопрос об их возможной коэволюции, в которую, в свою очередь, активно вовлечены феномены молекулярно-биологического и генетического уровней. Систематическая разработка данного научного направления представляется весьма конструктивной для уточнения и дополнения ключевых положений современной культурологии, прежде всего применительно к фундаментальной проблеме взаимоотношения природы и культуры. Выполнение настоящего исследования было поддержано грантом РФФИ № 20-013-00121 А.

Стукалова Ольга Вадимовна

Москва

Институт педагогики, психологии и социальных проблем,
ведущий научный сотрудник

Доктор педагогических наук, доцент

Развитие культуры благотворительности: просвещение общества и открытость некоммерческого сектора

«Благотворительность — вот слово с очень спорным значением и с очень простым смыслом. Его многие различно толкуют и все одинаково понимают», — писал В. О. Ключевский в своем очерке «Добрые люди Древней Руси». Современная российская филантропия уже существует в каких-то отдельных проявлениях, но как понятие еще не сложилась. «Меценатами» называют людей, предоставляющих спонсорские услуги в обмен на рекламу своих компаний. Благотворительные фонды не пользуются доверием. Это же относится во многом к иностранным и международным благотворительным организациям: понятие «гуманитарная помощь» приобрело в разговорном языке отрицательный оттенок. В обществе не сформировано единого определенного взгляда как на благотворительность вообще, так и на тех людей, которые сегодня в ней нуждаются. Как, например, относиться к бездомным, которых у нас теперь принято называть «бомжами» и которые все реже вызывают, казалось бы такую естественную, жалость? Тем более сложное отношение к беженцам, неприязнь к которым часто подогревается национальными конфликтами. В то же время представление о том, что некоммерческий сектор является важным фактором социальной и политической стабильности, повышения уровня жизни, устойчивого развития России и играет заметную роль в социально-экономической и политической жизни страны, выступая источником различных социальных инноваций, становится все более стабильным в российском социуме. Конечно, еще рано говорить, что в России окончательно сложилась культура благотворительности, а помогать другим стало общественной нормой. Это связано и с тем, что филантропические традиции, сложившиеся в дореволюционной России, были прерваны, в отличие от европейских стран Старого Света и США, где они развивались долго и поступательно. В ноябре 2019 г. принята Концепция содействия развитию благотворительности до 2025 г. Культура благотворительности и модели ее поддержки, в том числе через социальную рекламу и медиа, упомянуты там особо. Составляющие культуры благотворительности: знания, этика, имеющиеся или зарождающиеся инфраструктурные институты, без которых культура невозможна. Что мешает развитию культуры благотворительности в России? По словам экспертов, есть два стереотипа, которые чаще всего связаны с благотворительными фондами и некоммерческими организациями. Первый: НКО — организации, помогающие исключительно больным детям. Второй: НКО — иностранные агенты. Эти два образа активно тиражируются в СМИ. Что касается сферы образования — педагоги открыты к работе с волонтерскими организациями и благотворительными фондами, но отмечают нехватку четких методических рекомендаций. Кроме того, в механизмы, которые формируют культуру благотворительности, должны прийти деньги. Крупные корпорации и крупные благотворители, которые вкладываются в это, должны получить признание, получить преференции, получить почтение от общества. Те, кто вкладывается в знание, те, кто вкладывается в формирование сообщества и в площадки, в такие институты.

Искусствознание как гуманитарная наука в эпоху интенсивного развития культурологии: итоги, проблемы, перспективы

За свою непродолжительную историю искусствознание успело испытать влияние со стороны смежных наук, в том числе социальных и естественных. Успехи позитивизма в XIX в. приводили к социологизации искусствознания. И. Тэн ставил вопрос о необходимости учета биологических факторов в развитии искусства. Эта линия в XX в. продолжена К. Лоренцем. Однако такие волны воздействия смежных наук на искусствознание длительное время еще не обретали системного характера. Системность является необходимостью в настоящее время, когда в систему познания включается наука о культуре. Становление культурологии способствует новой волне обсуждения взаимодействия между науками. В результате такого взаимодействия часть проблем, обсуждаемых в эстетике, социологии искусства, лингвистике, этнологии, истории искусства и т. д., перетекает в культурологию. Принцип системности в искусствознании приобретает новые и более отчетливые формы. При осмыслении взаимодействия между науками важно исходить из несовпадения между ритмами развития процессов, протекающих на трех уровнях — биологическом, социальном и культурном. Как утверждает К. Лоренц, культурное развитие разворачивается в более быстрых ритмах, нежели биологические формы развития. Однако несовпадение между ритмами развития биологических и культурных организмов не исчерпывает сложности процессов, с которыми человечество сталкивается на стадии становления индустриального общества. По сравнению с ритмами развития социальных организмов культура с ее устойчивыми традициями кажется также консервативной, как и биологические ритмы. Перманентный разрыв между несовпадающими уровнями развития в последних столетиях порождает ряд новых и противоречивых особенностей функционирования искусства. Так, на рубеже XIX–XX вв. искусство оказывается в ситуации перманентного кризиса, что фиксируется многими философами XX в. Это проявляется и в разрыве между субкультурными образованиями и массовыми процессами, и в расщеплении единого художественного стиля, каким он был в предшествующие столетия, на множество течений и направлений, когда ни одно из них не успевает стать универсальным, и в конфликте между глобальными, унифицирующими процессами и стремлением сохранить уникальность отдельных культур, и в утрате устойчивых культурных традиций, обостряющих отношения между поколениями. Востребованность культурологии начинает видоизменять традиционные искусствоведческие подходы, в которых все сильнее ощущается влияние психологии, антропологии и культурологии. Во второй половине XX в. искусствознание под воздействием науки о культуре вступает в интенсивный период своего развития. Возникает необходимость в развитии теории искусства. До этого времени данную субдисциплину заменяла эстетика. Сегодня искусствознание изживает обособленность от общих процессов развития гуманитарных и естественных наук. Интенсивное развитие науки о культуре вводит в новый этап функционирования искусствознания.

Тезисы докладчиков секционных заседаний

Теория культуры

Модераторы **Г. В. Драч, И. И. Докучаев**

Ананьева Екатерина Михайловна

Санкт-Петербург

Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета, старший преподаватель

Кандидат философских наук

Философская герменевтика Х.-Г. Гадамера как философия культуры

Х.-Г. Гадамер, возвратившись в 80-е гг. к замыслу «Истины и метода», предложил в предисловии ко второму изданию версию истории герменевтики последних десятилетий XX в., свой взгляд на сформировавшие ее полемические противостояния. Вошедшие в 10-томное собрание сочинений Гадамера работы позволили читателю узнать больше об истоках замысла герменевтической философии, составить представление не только о перспективе, но и о ретроспективе — целый том посвящен Гадамером «годам учебы», воспоминаниям об учителях и собеседниках, первым опубликованным работам. Но исследовательский интерес историков философии не удовлетворился раскрытыми

Гадамером тайнами рождения главной герменевтической книги XX в. Были внимательно исследованы не только наиболее очевидные параллели, рождающиеся при сравнении герменевтических идей учителя и ученика, Хайдеггера и Гадамера, но и взаимопересечения герменевтики и феноменологии, герменевтики и эстетической теории в ее меняющихся образах. В 80-е гг. целый ряд публикаций проследил гегелевский след в герменевтическом проекте Гадамера, открыв новую страницу в понимании неочевидных гипотез теории понимания. Но в тени этих очевидных сопоставлений осталась еще одна философская традиция, влияние которой на Гадамера можно было бы предположить по биографическим причинам. Ученичество у П. Наторпа и продуктивная полемика с Н. Гартманом в 20-е гг., целый ряд эпизодов интеллектуальной биографии Гадамера, соединяющий его в 30-е и 40-е гг. с неокантианством как доминирующей академической традицией, — все это заставляет задаться вопросом о неокантианском влиянии на эволюцию его идей. В 1992 г. Diltthey-Jahrbuch опубликовал на своих страницах первый набросок «Истины и метода», датированный 1956 г., где ясно прочитывалась перекличка с идеями еще одного лидера неокантианской философской программы — Гельмгольца. Биограф Гадамера, Гронден — один из соредакторов публикации в Diltthey-Jahrbuch, вернулся к неокантианской предыстории герменевтического замысла в целом ряде своих работ 90-х — нулевых годов. В тематике статей последнего десятилетия он обращается к неокантианской предыстории гадамеровской герменевтики их перспективы «забытых» жизненных коллизий, ушедших на периферию тематических линий, и неокантианские сюжеты постоянно всплывают в этом тематическом контексте. В сообщении предлагается оценить вхождение гипотез и рабочих понятий философии культуры неокантианского толка в состав герменевтической философии. Один из возможных исследовательских ходов — рассматривать эти научные программы как противостоящие друг другу и взаимоисключающие. Но присутствие в составе герменевтического проекта Гадамера на ведущих ролях таких концептов, как «аппликация» (в их перекличке с неокантианской философией права), «история воздействия» и «история понятий» (в очевидных параллелях с «историей проблем»), и ряда других заставляют более внимательно изучать взаимовлияние этих традиций.

Антипенко Леонид Григорьевич

Москва

Институт философии Российской академии наук,

старший научный сотрудник

Кандидат философских наук

К вопросу о культуре физико-математического мышления (принцип единства исторического и логического)

Сама постановка вопроса о физико-математической культуре мышления под углом зрения единства исторического и логического требует с самого начала подхода к генезису научного мышления. Поэтому разговор на данную тему представляется чем-то вроде «поисков вымышленного царства». Тем не менее мы имеем на сей счет примеры серьезных исследований в данном направлении, о чем свидетельствует, скажем, книга «Прометеев огонь: Размышления о происхождении разума». Независимо от того, насколько обстоятельно раскрывается в ней проблема происхождения разума, ориентация на легендарную личность Прометея заслуживает всяческого внимания. Конечно, легенда о Прометее, облаченная в античную мифологию («Теогония» и «Труды и дни» Гесиода), обычно кажется далекой от науки и научного познания. Но стоит обратить внимание на следующее суждение П. А. Флоренского о легенде как таковой и об исторической истине. Легенда, писал Флоренский, не ошибается, как ошибаются историки, ибо легенда — это очищенная в горниле времени от всего случайного, просветленная художественно до идеи, возведенная в тип сама действительность («Столп и утверждение истины»). Сказочным вымыслом представлялась гомеровская Илиада — сказание о Священной Трое — до тех пор, пока Генрих Шлиман не открыл ее местонахождение в своих археологических раскопках. Так и мы ставим своей задачей открыть свою «Трою», т. е. то место на исторической и предысторической шкале времени (а если повезет, то и в пространстве), где был совершен гигантский поворот в судьбе homo sapiens — изобретен способ научного мышления. Для этого мы используем не столько результаты археологических открытий, сколько то, что запечатлено в самом значении слов и понятий, свидетельствующих о возникновении и развитии культуры научного познания. Наш метод поиска, ориентированный на античную историю, связан, в частности, с тем, что Платон называл припоминанием, анамнезисом. Платон считал, что истинное познание — это познание мира идей, которое осуществляется разумной частью души. Душа бессмертна, а потому в своей нынешней жизни она уже знает все, что ей предстоит узнать (поиск и акт познания есть только оживление всеобщего, в душе присутствующего, но дремлющего знания) (диалог «Менон», 81 с.) Оказывается, что за этим мифом скрывается копилка знаний, которыми обладали люди «допотопной» цивилизации. Как такие знания доходили до древних греков — особый вопрос. Но важно понять, что эллины первоначально воспринимали их не иначе, как в мифологической форме. Исключение — геометрия (теоремы Фалеса), которая была представлена в чисто научном виде. Геометрическая дисциплина мысли есть источник логической культуры мышления.

Метатеоретический аспект культурологии

Цель доклада — акцентировать внимание, что процесс легитимации культурологии как науки обусловлен не только актуальностью ее прикладных задач, но и метатеоретическим потенциалом, который расширяется по мере развития методологического инструментария. В дискуссии, по итогам развития культурологии в XX в., В. М. Межуев справедливо ставит ряд вопросов. С одной стороны, социальные, исторические и гуманитарные науки интенсивно развивают проблематику культуры и их объединение выносит культурологию на междисциплинарный уровень естествознания, следовательно, «такой науки пока нет» [1, с. 6]. С другой стороны, нет смысла культурологии занимать междисциплинарное место философии, стремясь к обобщению достижений конкретных наук [1, с. 8]. С последним тезисом трудно спорить, поскольку на пути «подмены» философии перспектива выработки собственного конкретно-научного методологического инструментария сомнительна. В. С. Стёпин в завершении дискуссии ставит точку в определении объекта культурологии, отграничивая ее научный потенциал от философских подходов рассмотрения того же объекта [1, с. 27–31], но вопрос методологической обособленности культурологии — наличия культурологического метода — остается открытым. В силу постнеклассического расширения системных представлений можно согласиться с концепцией методологического плюрализма интенсивно развивающихся на рубеже XX–XXI вв. наук. Но существует и способ диалектико-диалогического преодоления разногласий. Применительно к теории коммуникации его предложил Р. Крейг [2], но он может быть синтезирован с «широко применяемым, но слабо отрефлексированным» методом культурной атрибуции [3]. Идея синтеза основывается на тезисе, что терминологическое уточнение («культурологическая атрибуция») позволяет атрибутировать предмет исследования не только в отдельной культуре, но в совокупности культурных локаций, включая различные теоретические традиции. Преодоление риска эклектики видится в комплексном рассмотрении проблемы, уточнении границ ее изученности и социокультурной обусловленности философских подходов к ее рассмотрению.

Список литературы:

1. Культурология как наука: за и против : материалы обсуждения / А. С. Запесоцкий, В. М. Межуев, А. А. Гусейнов и др. // Вопросы философии. 2008. № 11. С. 3–31.
2. Craig R. T. Communication Theory as a Field // Communication Theory. 1999. Vol. 9. Iss. 2. P. 119–161.
3. Флиер А. Я. Культурная атрибуция как метод исследования // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 6. С. 24–30.

Бондарев Алексей Владимирович

Санкт-Петербург

Российский государственный педагогический университет

имени А. И. Герцена, Институт философии человека,

доцент кафедры теории и истории культуры

Кандидат культурологии, доцент

Генетический подход к изучению истории российской культурологии: обоснование, специфика, познавательные преимущества

Доклад посвящен рассмотрению проблемы генезиса культурологии в России и выявлению релевантных методологических способов его изучения. Представлен сравнительный анализ существующих подходов к истории культурологии. Оговаривается, что в рамках доклада освещается не столько становление представлений о культуре, сколько генезис самой культурологии, возникновение осознания необходимости преодоления фрагментированности, мозаичности, раздробленности в накопленных различными науками знаниях о культуре, а также появление потребности в особой науке, генерализующей и интегрирующей знания о культуре, выявляющей системообразующие основания культуры как целостности. Показано, что на настоящий момент отсутствует конвенционально выработанное понимание подлинных истоков и основных направлений в развитии отечественной культурологии в их исторической ретроспективе. Констатируется, что существующие учебные пособия и исследовательские разработки по данной тематике за редчайшими исключениями затрагивают по большей части историю становления философских концепций культуры, но не историю собственно культурологической науки. Происходит явное смешение культуроведения, культурфилософии и культурологии, а заодно и траекторий их исторического развития. Показаны различия в понимании генетического подхода в современной философии и методологии науки. Проведен сравнительный анализ генетического подхода и традиционного исторического метода, а также генетизма, эволюционизма и историзма как методологических принципов изучения прошлого культурологии. Дается анализ понятия «генезис культурологии». Отмечена специфика зарубежных и отечественных траекторий

генезиса культурологии. Особое внимание уделяется постепенному складыванию специфических культурологических принципов в изучении культуры, формированию особой исследовательской оптики («культурологизм») познания культуры в ее системной сопряженности и целостности. Выявляются порождающие культурологию теоретико-методологические паттерны (факторы или «гены» культурологии), их многообразные комбинации и вытекающие из их применения в конкретной исследовательской практике эвристические последствия для изучения мира культуры, на этой основе прослеживается собственно генезис культурологической мысли. Проводятся аналогии с изучением генезиса социологии, психологии и ряда других наук, выявляется общее и особенное, инвариантное и вариативное в процессах научного роста (ноогенеза) в различных дисциплинарных областях. Делается вывод о плодотворности и познавательных преимуществах генетического подхода в изучении истории науки, в том числе истории российской культурологии.

Гудова Юлия Валерьевна

*Екатеринбург
Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина, старший преподаватель*

Визуальный нарратив и постимперская идентичность

С середины XX в. «мягкая сила» становится одним из важнейших инструментов внутренней и внешней политики развитых стран. Благодаря работам ученых, развивающих постколониальные исследования, в том числе Э. Саида «Ориентализм» (1978) и «Культура и империализм» (1993), в науке появилось представление о роли культуры в политическом процессе. Особенно важно это стало после распада империй, когда и бывшие метрополии, и бывшие колонии должны были заново выстраивать свои идентичность, идеологию, идеи и ценности, которые бы объединяли всех граждан вновь образовавшихся стран. Согласно работам А. Эткнда, в том числе работе «Внутренняя колонизация. Имперский опыт России» (2011), можно предположить, что Советский Союз также был империей. С этой точки зрения Россия представляет собой центр бывшей метрополии. Таким образом, после распада СССР перед Россией появилась задача выстраивания новой постимперской идентичности и новых способов репрезентации себя как внутри страны, так и вне страны для позиционирования в геополитике. Как пишут в своих работах Эдвард Саид и Хоми Баба, именно нарратив является инструментом культурной политики, который помогает странам выстроить новый образ в соответствии с представлением о самоопределении. Итак, рассуждая согласно этой логике, именно благодаря нарративу создаются идентичности, воображаемые сообщества и географии (Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления о происхождении и распространении национализма. 1983). В случае исследования имперских и постимперских визуальных и медийных нарративов мы можем использовать метод визуальной эпистемологии, анализирующий способы передачи знаний посредством изображений. Так, Даниела Блэйкмар развивает в своих трудах методику «визуальной эпистемологии» применительно к имперскому периоду в истории Испании, что позволяет ей говорить об изобразительном искусстве империи как о графической форме коммуникации между центром империи и ее периферией. Основываясь на концепции визуальной эпистемологии как способе передачи информации посредством визуального нарратива, мы можем проследить процесс становления постимперской идентичности в странах с имперским прошлым.

Докучаев Илья Игоревич

*Санкт-Петербург
Российский государственный педагогический университет имени
А. И. Герцена, заведующий кафедрой теории и истории культуры,
профессор по кафедре философии
Доктор философских наук*

Аксиологический метод в системе культурологического познания

Культурология до сих пор нуждается в обосновании своего права на статус науки, т. е. в обосновании своей предметности и специфических методов исследования. Интегративный характер знаний о культуре предполагает поиск таких ее элементов — артефактов, которые обладали бы конкретной, т. е. чувственно или ментально констатируемой очевидностью, но вместе с тем позволяли бы изучать всю совокупность артефактов культуры различного типа, отнесенных к определенному историческому этапу ее существования и определенному месту. Поиск подобных артефактов приводит нас к своеобразным первоэлементам артефакта культуры, из которых он неизбежно состоит. К числу подобных элементов относятся материальные (физические) компоненты, смысловые характеристики, социально-коммуникативные характеристики. Такая композиция обусловлена тем, что всякий артефакт культуры — это модифицированная природа, получившая дополнительные свойства, связанные с восприятием функции артефакта и с участием артефакта в коммуникации людей. Однако все эти компоненты не являются искомыми интегралами культуры, т. е. не обладают способностью репрезентации свойств культуры как пространственно-временного целого.

Это обусловлено тем, что исследование функционально-смысловой стороны артефакта культуры, которое может быть предпринято в рамках психологии или феноменологии, исследование коммуникативной стороны артефакта культуры, которое может быть предпринято в рамках семиотики или социологии, исследование физической стороны артефакта культуры, которое может быть предпринято в рамках естественных наук (физики, химии, биологии, географии), — все эти исследования позволяют открыть и проанализировать только универсальные свойства артефакта культуры и придают ее исследованию философский характер. Единственным компонентом артефакта культуры и специфическим артефактом, который является совершенно конкретным сущим и позволяет говорить о культуре как о целом, определенном пространственными и временными границами, оказываются ценности. Ценности понимаются как порождающие модели культуры, идеалы, на которые ориентируются люди в процессе создания тех или иных артефактов. Ценности упорядочены вокруг ключевой из них — смысла жизни, определяющего поведение людей и сообществ в том или ином месте и в то или иное время. Исследование культуры как результата реализации ценностной модели является специфическим методом культурологии — аксиологическим. Аксиологический метод состоит из двух ключевых процедур: реконструкции ценностной модели и измерения интервала, неизбежно образующегося в результате ее воплощения между ней и конкретным набором артефактов культуры того или иного типа. Реконструкция, в свою очередь, определяется герменевтическими процедурами, а также структурно-функциональным анализом, а измерение интервала — сравнительно-историческими исследованиями. Таково общее представление об идеальном типе культурологического познания, которое может быть уточнено в ходе разбора структуры культурологической предметности.

Дробышева Елена Эдуардовна

Санкт-Петербург

Академия Русского балета имени А. Я. Вагановой, профессор

Доктор философских наук, доцент

К проблеме определения контуров актуальной культурной реальности:

Просвещение 2.0, или О бедном модерне замолвите слово...

Архитектоника актуальной социокультурной реальности может быть проанализирована в различных аспектах. Предлагаемая трактовка посягает на ее онтологические основания. Поиски контуров и определений эпохи, сменяющей на наших глазах постмодерн, в основном протекают вокруг вариаций на тему судьбы модели «модерн»: метамодерн, трансмодерн, ультрамодерн и даже постпостмодерн, что обесценивает как сам искомый концепт, так и процедуры его постулирования. Предлагаю взять за основу характеристики ведущего вектора развития актуальной культуры — возрастающую роль науки. Неизбежность именно такой трансформации социокультурной архитектоники обусловлена рядом разноуровневых причин и факторов — экономического, политического, технико-технологического и мировоззренческого характера. Новый сциентизм, Science new age или Просвещение 2.0 — все эти понятия (более или менее метафорического характера) удачно акцентируют наше внимание на том сегменте коллективного бытия, где и концентрируется основное напряжение, триггерные точки и векторы силы. Именно наука в ее актуальном изводе, базирующемся на синергичности как основной интенции, становится концептуальным, технологическим и институциональным центром, вокруг которого выстраивается архитектоника «постпостмодерного» мира. Наиболее ярко это уже нашло свое воплощение в феномене Art&Science. Искусство в силу своего репрезентативного потенциала уже проявило нам контуры новой культурной эпохи. Под Просвещением 2.0 понимается состояние социокультурной архитектоники, опирающееся на реактуализацию идеи ведущей роли науки в обществе, но с учетом опыта, полученного за те 250 лет, когда «проект Просвещения» прошел все этапы генезиса любой суперидеи — от апологии и посягательств на тотальность до разочарования и отрицания. Немецкий философ и когнитивист Томас Метцингер предлагает называть Просвещением 2.0 синергичное пространство «современной философии сознания и когнитивной науки, искусственного интеллекта, искусственной жизни и т. д.» Причем отмечает: «Человечество окажется чрезвычайно настойчивым в своем сопротивлении росту знания» — имплицитной характеристике этого этапа (Интервью с Томасом Метцингером // Философский журнал / Philosophy Journal. 2020. Т. 13. № 2. С. 144–157). Одним из титанов нового Просвещения можно назвать Джона Брокмана — литератора, издателя и бизнесмена, основателя Edge Foundation, специализирующегося на издании и распространении (преимущественно в режиме популяризации) научной литературы. Данная организация объединяет передовых мыслителей из самых разных научных и технических областей. Ассоциация интеллектуалов была создана в 1988 г., ее основная деятельность отражена на веб-сайте edge.org, редактором которого является Джон Брокман. Центральная задача — отбор, компоновка и тиражирование ведущих научных и интеллектуальных идей в рамках концепции третьей культуры, снимающей противоречия традиционной дихотомии наук о природе и наук о духе. Именно третья культура формирует архитектонику актуальности.

Завершинский Константин Федорович

Санкт-Петербург

Санкт-Петербургский государственный университет,
профессор

Доктор политических наук, профессор

Историческая vs политическая память России: теоретические и практические экспликации

Не подвергая сомнению научной значимости исследований исторической памяти и культурфилософских рефлексий, сигнализирующих нам об экзистенциальных проблемах в культурно-исторической эволюции российской цивилизации, автор тезисов полагает, что решение проблемы поиска комплементарной теоретической модели социальной памяти современной России и, в частности, такого значимого ее измерения, как историческая память, возможно в рамках современной культурсоциологии. В контексте этой исследовательской парадигмы социальную память можно представить как динамичный комплекс коллективно значимых «сценариев позиционирования» социальной общности и его символических репрезентаций. Эти репрезентации не только «фиксируют» «реальное» прошлое, но и постоянно «строят» в настоящем проекты взаимодействий в будущем, привнося «некоторый минимальный уровень взаимного вменения оснований действия» и солидарного существования [А. Ф. Филиппов, 2015]. При этом важно учитывать автономию и спонтанность современной национальной памяти и ее ядра — политической памяти как динамичного «принуждения к действию», комплекса символических фигураций, легитимирующих «борьбу за власть» и политический суверенитет. «Государства управляют памятью, а память управляет ими» [J. K. Olick, 2016]. Подобное «управление» является следствием «травматического спроса» на эмоциональное, институциональное и «символическое возмещение», которое не только «возвращает память», но и позволяет увидеть события по-другому, перераспределяя тем самым роли и обязанности актеров в соответствии с этим новым видением [J. C. Alexander, 2012]. Как полагает автор тезисов, политическая память — это ожидания предсказуемой политической истории и очевидные символические схемы символического кодирования национального прошлого и будущего из настоящего. Тем самым важной предметной областью исследования «работы» национальной памяти по продуцированию нарративов национальной идентичности в пространстве России становится изучение процесса конфликтной борьбы «памятей», конкуренции жанров и эволюции профилей ее легитимации, включающих разнообразные смысловые компоненты (образы прошлого и будущего, политические характеристики элит, типологию героического, представления о долге, вине и ответственности, приоритетные стратегии и практики политического позиционирования), определяющих характер возникновения и разрешения социокультурных конфликтов. Подобная исследовательская стратегия социокультурного моделирования динамики политической памяти, по мнению автора тезисов, позволяет более адекватно и комплексно описывать специфику эволюции политической культуры современной России и прогнозировать риски и опасности, возникающие в реалиях современных культурных коммуникаций.

Закунов Юрий Александрович

Москва

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва,
руководитель отдела наследования культуры
Кандидат философских наук, доцент

О методологическом противоречии в российской культурологии и путях его преодоления

Антитетичность концепций и идейный плюрализм в современной российской культурологии часто представляют как нормальное состояние, отражающее противоречивость социокультурной реальности и полипарадигмальность самой культурологии. Однако налицо не просто диалектическое противоречие, отражающее естественное развитие научного знания, что вполне нормально. Здесь выявляется «порочный круг» позитивистской установки, несовместимой с сутью культурологической парадигмы. В отличие от других областей гуманитарного знания (философии, социологии и прочих наук) культурология способна предстать не просто в разных модусах (эмпирическом, теоретическом, интуитивном, религиозном, историческом, художественном, духовно-нравственном, личностном, национальном и социально ориентированном), но позиционирует себя как синтетическая наука, где ценности и смыслы стали интегративными категориями, способными выразить потребность в цельном знании, предполагая идеал научности, соответствующий национальному мировоззрению и культуре, как поиск и воплощение абсолютной Правды в единстве с Добром и Красотой в Духе. С другой стороны, разнообразие ценностей и смыслов ведет к гипостазированию произвольных интерпретаций культуры, а попытка преодолеть субъектно-

объектную антитезу часто ведет к отказу от объективности содержания ценностей в принципе. Гносеологический плюрализм не должен вести к плюрализму онтологическому. В этом смысле культурология перестает быть наукой, поскольку без стремления к абсолютной общезначимой истине нет науки. Принципы парадигмальности и фальсификации, подменяющие истину мнением сообщества ученых и строящие некие утверждения на возможности их отрицания, — слабое утешение, скорее приговор. Разнообразие мнений и «дискурс» являются необходимыми условиями обретения постоянно ускользающей истины, что делает культурологию не более чем еще одной гуманитарной наукой, гипотетичной и функциональной, создающей свои догматические тупики и «картины мира», воздвигающей завалы очередных заблуждений, чтобы на следующем «перестроечном» витке заняться их разбором. Культурология, позиционируя себя как «синтетическая» наука, может не просто позволить отдельные внешние художественные, философские, религиозно-мистические, нравственные рефлексии, но обязана выработать принципиально иную целостную методологию, объединяющую все гуманитарные науки на базе одной мировоззренческой системы. При этом должно избегать искусственно конструируемого мира «символических связей» вне реальных культурных практик, социальных отношений, исторических явлений и процессов, а творить в лоне национальной духовной матрицы своей цивилизации. Историософия России, ее культура требуют выявления и различения триалогических сил «данности», «заданности» и «осуществления», иерархии телесно-душевно-духовного.

Коваль Екатерина Александровна

Саранск

Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России),

главный научный сотрудник отдела научных исследований

Доктор философских наук

Отношение к светской культуре в контексте социальных учений христианских Церквей

Отношения христианских Церквей и светской культуры далеко не всегда являются бесконфликтными. Это обусловлено многообразием форм светской культуры, в которых могут воспроизводиться ценности, противоположные христианским. В этой связи вопросам светской культуры уделяется существенное внимание в социальных учениях христианских Церквей. Позиции различных Церквей в отношении светской культуры совпадают в целом, но различаются в частности. Эти позиции изучались на материалах нормативных документов, опубликованных в начале 2000-х гг. в России и отражающих ключевые вопросы социальных учений основных христианских конфессий: Основы социальной концепции Русской Православной Церкви (приняты Архиерейским Собором РПЦ в 2000 г.), Компендиум Социального учения Католической Церкви (подготовлен Папским Советом «Справедливость и Мир» в 2004 г.) и Социальная позиция протестантских церквей России (принята Консультативным Советом Глав Протестантских Церквей России в 2003 г.). В документах отражается амбивалентное отношение христианских Церквей к светской культуре: с одной стороны, не отрицается ее значимость для развития личности и общества, с другой стороны, выражаются опасения из-за отсутствия границ, позволяющих отдельным формам современной светской культуры выходить далеко за пределы религиозных нравственных ценностей и пропагандировать неприемлемые для христианского мировоззрения практики. В то же время в Основы социальной концепции РПЦ делается акцент на том, что только через воцерковление человек-творец может соработничать с Богом и вернуться к религиозным истокам культуры. Утверждается право Церкви на нравственную проверку культурных явлений и на борьбу с теми из них, которые эту проверку не прошли (борьба с явлениями, но не с людьми). В Компендиуме верующие призываются к социальной и политической деятельности в культурной сфере, а Церковь выступает своеобразным переводчиком с языка христианских ценностей на язык современной культуры. Акцентируется внимание на культурных правах и свободах человека, а также на истинном содержании культуры, которая раскрывается в многообразии национальных культур, но погибает, когда отрицается ее религиозное измерение. Социальная позиция протестантских Церквей России содержит разные установки в отношении мирового и отечественного культурного наследия: первое следует уважать, а второе — знать для «успешной проповеди Евангелия». Также указывается на ограничения возможностей светской культуры в духовной сфере, обусловленные греховностью любого человека-творца. Таким образом, делается два смысловых акцента, которые можно условно обозначить как «национальный» и «миссионерский». То есть формирование общих представлений о природе культуры, ее миссии в современном мире является важным условием укрепления межрелигиозного диалога и согласования позиций по отношению к светской культуре различных христианских конфессий, а также укрепления единства в обществе. Тезисы подготовлены при поддержке РФФИ (проект № 21-011-44239).

Конструкт отчуждения коммуникации в постижении медиакультуры

Методологическая интерпретация конструкта отчуждения коммуникации состоит в его понимании определенной предметной реальностью, систематизированной мыслью о мире и мирах отчуждения коммуникации. Направленность на постижение культуры в ее современной форме полагает конструкт отчуждения коммуникации познавательным средством философско-методологического свойства, включенным в предметное поле теории культуры. Конструкт, с одной стороны, «стягивает» категориальную потенцию, концептуальный контур и терминологические версии отчуждения (и) коммуникации в единую методологическую позицию. С другой стороны, из этой позиции возможен выход как в зону метарационального осмысления, так и в зону эмпирического раскрытия, неограниченного дисциплинарными рамками культурологии. Это предполагает дальнейшие альтернативные и критические вариации конструкта в первичных отражениях и научном осмыслении коммуникативно-культурного многообразия. Современная медиакультура — это культура во всей полноте ее существования и конструкт отчуждения коммуникации — это попытка рационального ее осмысления. В смысле сорокинских установок медиакультура — это культурная система с «подсаженным» в нее геном искусственного интеллекта. Учитывая ее глобальный сетевой характер — квазиидеалистическая культурная суперсистема. В сущности, это генно-модифицированная культурная структура с искаженным смыслом предвечной гармонии. Истинная культура жива значимыми смыслами, снимая противоречие предшествующей «смертельной» инъекции формализующего упаковывания, констатированного Г. Зиммелем, с оживающей с каждым новым поколением осмысленностью слова, образа, действия. Глобальная медиареальность, замещающая Логос доксой в формате безвременного обезличенного гипертекста вместо личного хронотопа, соотносимого с вечным и исторически определенным, создает медиакультуру единственно существующей культурной реальностью. Методологическая значимость конструкта отчуждения коммуникации аргументирована допущением о включении его в существующий контекст типологий и концепций медиакультуры. Такая встроенность полагается необходимым условием реализации объяснительного потенциала конструкта в поиске инвариантных элементов культурной динамики. Достаточным условием является обоснование законов отчуждения коммуникации, определяющих механизм формирования структуры и способа существования медиакультуры. Теоретическое понимание конструкта отчуждения коммуникации состоит в представлении его научным понятием, которое содержит в себе способ познания медиакультуры. Это попытка теоретизирования, предметом которого является исследование механизмов возникновения, формирования и функционирования качественно иных, вышедших в лоне культуры и явленных в ее системе феноменов. Требуется понимание, как возможно, что путь обретения ценностей современного Homo Touch Screen больше не интересует.

Листвина Евгения Викторовна

Саратов
Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н. Г. Чернышевского,
заведующая кафедрой философии культуры и культурологии
Доктор философских наук, профессор

Феномен дара и коммуникации в обществе потребления

Исследование феномена дара в настоящее время приобретает особую актуальность, т. к. современное общество демонстрирует различные трансформации в формировании, анализе, восприятии, проживании многих социокультурных явлений. Одним из таких явлений, подвергающихся данному рода изменениям, можно назвать и феномен дара, дарения как элемента социальной коммуникации. Опираясь на работы М. Мосса, Ж. Бодрийара, посвященные этой проблеме, можно выявить его качественно новые характеристики. В настоящее время быстро меняющиеся условия существования и сосуществования современных людей, новые нормы их взаимодействия в профессиональной, досуговой, межличностной сферах создают новые условия для социального взаимодействия. В том числе в результате подвижности и кратковременности большей части современных коммуникаций можно выделить увеличение утилитарного подхода к даримому и получаемому, что делает акцент на инвестиционной составляющей дара. В этом случае современное общество уделяет большое внимание реципрокности, наполняя ее новыми смыслами и значениями. Это приводит к тому, что современное общество начинает формировать новые правила дарения, дарообмена, выстраивания иерархии и распределения даров, что, вполне возможно, приведет к появлению новых ритуалов, связанных с феноменом дара, а также с определением статусности не только дара, но и акторов данного процесса — дарящего и получающего. Современное общество усиливает потребности и варианты совместных действий, увеличивает количество коммуникаций и, соответственно, ситуаций, включающих в себя акты дарения.

В результате, с одной стороны, общество во многом не может полностью отказаться от традиционных форм дара и дарения, опирается на привычные формы и действия, инерционно повторяя многовековые паттерны. А с другой стороны, общество не может не создавать новые формы коммуникации по отношению к процессу дарообмена с учетом современных трансформаций и испытывает в этих случаях сложности, которые требуют решения как на ситуационном уровне, так и на уровне создания новых социокультурных паттернов коммуникации.

Логинова Марина Васильевна

Саранск

Национальный исследовательский Мордовский государственный

университет имени Н. П. Огарева, заведующая кафедрой

культурологии и библиотечно-информационных ресурсов

Доктор философских наук, профессор

Философия искусства как проблема современной культурологии

Поставленная Ю. Хабермасом проблема «незавершенного проекта» модерна как определенного типа культуры нашла свое выражение и теоретическое обоснование в философии искусства (в том числе и современного). Творцы эпохи модерна переходили/переходят из философии в область художественного творчества, акцентируя проблему репрезентации в искусстве как специфического прабобраза философских построений. Современная философия искусства представляет собой ментальное пространство, в котором осуществляется своеобразная демаркация между эстетикой и философией искусства, философией искусства и искусствоведением. В чем же заключается культурологический аспект философии искусства как науки, становящейся и нуждающейся в определении нового категориального аппарата и методологических подходов? Зафиксированный еще Гегелем кризис репрезентации в искусстве явился своеобразным показателем нарушения диалектической связи в системе «искусство – субъект – реальность». Культурологическое обоснование философии искусства связано, на наш взгляд, с переплетением художественных смыслов в контекстах дискурсивно-логических и вербальных систем интерпретации, с «оправданием» иррационалистического стиля мышления современных исследователей в области философии искусства, с укорененностью проблем искусства в контексте культуры. Выделим основные, на наш взгляд, точки взаимосвязи философии искусства и культурологии:

- онтологизация и эстетизация проблематики в философии искусства, раскрывающая изменения в самосознании субъекта, т. к. «онтология субъекта» позволяет расширить взаимодействие между философией и искусством; современная философия искусства ставит и решает вопрос о соотношении текста жизни и жизни текста не только как метафизических конструкций, но форм выражения индивидуального бытия культуры;
- диалектика ставшего и становящегося как «события» соотносит современную философию искусства с «большим» контекстом базовых культурных парадигм и выделяет специфические формы рефлексии бытия искусства («моно-рефлексия» направлена на тождество субъекта и объекта творчества в едином дискурсе, «диалогическая рефлексия» утверждает их принципиальное отличие, постоянно «вопрошает» о творчестве, «разрывает» единый дискурс);
- событийность философии искусства рассматривается как «встреча» бытия и иного/инобытия (т. е. превращенных форм бытия), как устойчивая повторяемость неповторимого.

«Многоголосие творчества» в контексте философии искусства занимается проработкой основ и пределов человеческого существования, дальнейшим изучением проблемы — Другого как события. Активное использование понятий «граница», «дополнение», «наличие», «отсутствие» и других расширяет культурологическое пространство философии искусства и определяет его экзистенциальный контекст.

Лурье Светлана Владимировна

Санкт-Петербург

Социологический институт Российской академии наук —

филиал ФНИСЦ РАН, ведущий научный сотрудник

Доктор культурологии

Теория культуры с точки зрения православной антропологии: постановка задачи

В основании науки всегда лежит философия, и от нее зависит структура науки, понятийный аппарат, методология исследования. Так сложилось, что основные аксиомы — как теоретические, так и методологические — у современной науки материалистические. Даже когда ученый хочет отказаться от этих сомнительных аксиом, мыслить он продолжает в их ключе, ибо на них основан сам язык науки, сама парадигма научного мышления. Отказаться от материалистического языка науки — отдельный труд, связанный с тем, чтобы мыслить в научных категориях, но в другой парадигме, нематериалистической, принимая за аксиому иные положения, такие как тварность мира, наличие в человеке бессмертного начала и т. п. Они так же недоказуемы, как и филогенез, например, но как методологические основания науки они работают как минимум ничуть не хуже. Большинство российских культуроло-

логов, скорее всего, отнесет себя к гуманистам, многие даже к гуманистам-идеалистам, превыше всего ставящих ценности и идеалы некоей «духовной культуры». Но вот само это идеальное часто лежит в рамках материалистического мировоззрения и соответствует приблизительно тому, что подразумевал советский философ Э. В. Ильенков. И происходит это порой по инерции, потому что российская культурология как таковая, достигая у выдающихся представителей значительных результатов, несет в себе родовое пятно марксизма. Ее основоположники вынуждены были укладывать основы нашей науки в рамки диамата и истмата. Наша задача — построить культурологию на основании православной антропологии, православного учения о человеке, подобно тому, как до сих пор она строилась на основании гуманистической антропологии, материалистической по своей сути. Ведь культурология — своего рода функция антропологии, при том что само представление о человеке в православной антропологии принципиально другое, нежели в гуманистической. Это, конечно, не значит, что мы намереваемся отказаться от накопленного ранее ценного багажа. Напротив, мы хотим его интегрировать в нашу версию культурологии, найдя ему соответствующее место. Более того, некоторые основные положения советской и российской культурологии будут основными и у нас, но в другом контексте. Отчасти, как это ни парадоксально, трактовка нами культурологии в большей степени смыкается с трактовкой тех культурологов, для которых эта наука была не совсем гуманитарной дисциплиной, а отчасти естественно-научной: это касается, прежде всего, адапционистского подхода. Поскольку первичная функция культуры, когда мы смотрим на нее с точки зрения православной антропологии, — именно что адаптация. С помощью культуры человек адаптируется к падшему миру. Культура — это те самые «кожаные ризы», в которые оделся изгнанный из рая Адам. Культура, рассматриваемая с точки зрения православной парадигмы, предстает как явление, построенное на принципе взаимодополнительности, свойственной святоотеческому мышлению, совмещающему порой несовместимые и противоречащие явления в едином синтезе.

Мартынов Владимир Анатольевич

Омск

Омская гуманитарная академия, научный сотрудник

Кандидат филологических наук

Cultural studies как «недисциплинарная дисциплина»

Рамочным контекстом данных заметок являются несколько фактов. Первый — усиление «прозападного» давления на российское гуманитарное знание. Всем гуманитариям предписывается искать «друзей» и «родственников» в системе западного научного знания. Второй — усиление в последние десять лет требования породниться с британским проектом cultural studies. Третий — полное отождествление культурологии и cultural studies, состоявшееся в «сетевом языке» (языке электронных переводчиков). Общественное сознание нас уже сделало родственниками. Это сближение формальное. Есть четвертый факт: наличие реальных оснований и для содержательного сближения. Итогом теоретических баталий 2005–2012 гг. в российской культурологии стал курс на «междисциплинарность». Но это же слово является ключевым в самоопределении cultural studies. Не прояснить отношение в этой ситуации нельзя. Между тем есть пятый факт: в семи томах «Фундаментальных проблем культурологии» среди нескольких сот материалов о cultural studies нет ни одного. Для понимания cultural studies важно зафиксировать главное противоречие этого проекта в целом. Оно таково: реальность проекта катастрофически плохо соотносится со словами о нем. Именно этот факт заставляет часто «спотыкаться», когда речь заходит о cultural studies, оговаривать саму возможность говорить вслух. Именно эта сложность проявила себя и в определении П. Уиллисом cultural studies как «недисциплинарной дисциплины». Предел этих сложностей — тактики и стратегии отношения к cultural studies в современной англо-американской социокультурной антропологии, где определенно можно говорить о тактиках и стратегиях табуирования как проблемы, так и самого словосочетания cultural studies. Актуальный контекст этой драмы — процессы радикальной трансформации современного западного гуманитарного знания. Оно все более и более складывается в целостную парадигму, и есть признаки того, что центром этой парадигмы все более определенно становятся cultural studies. Вызовы, обращенные к российской культурологии, эта ситуация усиливает до предела. Нужны ответы. Фундаментальный контекст в этой ситуации — эпистемология. Вопрос к нам — это, прежде всего, вопрос: что делать в ситуации проясняющихся последствий «эпистемологического поворота»?

Пендюрина Людмила Петровна

Ростов-на-Дону

Донской государственный технический университет, профессор

Доктор философских наук, доцент

Типы культуры и особенности их трансляции

Проблема трансляции культуры является одной из важнейших в гуманитаристике. Под культурой мы понимаем коллективный интеллект и коллективную память, охраняющую некоторое текстовое сообщение и передающую его

от поколения к поколению (Лотман). При этом актуализация этих текстов совершается различными путями, что в определенной степени зависит от типа культуры. Условно можно выделить три типа культуры. Первый тип культуры — это репрезентативная культура. Она включает в себя все факты, идеи, ценности, которые имеют смысл для членов того или иного общества. Механизм трансляции такой культуры предполагает обращенность к прошлому, но к такому прошлому, которое актуально в настоящем и в то же время отличается от него. Воссоздается то, что необходимо для определения референциальных рамок общества. Правила, нормы, ценности в такой культуре не рассматриваются в качестве «неуничтожимой монументальности», которая оберегается от забвения, они интерпретируются, восстанавливаются в том виде, в каком они представляются индивиду в ходе его деятельности. Индивид присваивает и вовлекает прошлое в свою настоящую жизнь постольку, поскольку оно конструируется в практиках, логических понятиях и обеспечивает присутствие прошлого опыта в новом культурном контексте. Второй тип культуры — это культура каноническая. Под каноническим типом культуры мы понимаем культуру, которая отличается формальной устойчивостью и внутренней обязательностью в своем существовании. Ее основной принцип — принцип инвариантности, который не допускает свободы, произвола и случайности. Уже в своей этимологии слово «канон» выступает в двух ипостасях: может пониматься как образец культурной практики и как некая схема, предполагающая строгое следование или законам, или священным текстам. Таким образом, каноническая культура несет в себе ценностный аспект и идею границы, «красной черты», которая связана с категорией принадлежности индивида к определенной культуре и обществу. Механизм трансляции в канонической культуре направлен на передачу целостного неизменяемого содержания, которое обеспечивает прочность всей системе. Но меняющиеся формы культурной организации не могут обеспечить смыслы безальтернативных ценностей прошлого. Третий тип культуры — культура, основанная на священных текстах. Священные тексты требуют дословной передачи, поэтому становление данного типа культуры происходит через достижение абсолютного знания, которое переживается как полнота всепоминания. Культура формируется как результат особого рода знания, фиксирующего бытие как таковое и которое необходимо оставить как оно есть. В этом типе культуры смыслы и значения происходящего не интерпретируются, они переживаются как целостность. Передача такого знания-незабвенности осуществляется через механизм свадхьи — ритуального действия, основанного на рецитации. Именно этот механизм позволяет обеспечить трансляцию культурной памяти как передачу значений и сделать ее по своему проявлению не индивидуальной, а «дивидуальной».

Плебанек Ольга Васильевна

*Санкт-Петербург
Университет при МПА ЕврАзЭС,
заведующая кафедрой социально-гуманитарных дисциплин
Доктор философских наук, доцент*

Дефиниция духовной культуры: опыт концептуализации

Понятие духовной культуры восходит к работам В. фон Гумбольта, которые послужили основанием для конституирования гуманитарного знания. И если с понятием культуры в какой-то мере научная общественность разобралась, то более ста лет, прошедших со времени работ В. Виндельбанда и Г. Риккерта, с которых начинается становление гуманитаристики как системы наук о специфической форме человеческого бытия, не привели к ясности и созданию строгого определения духовной культуры. Современные авторы склонны зачастую сводить понятие духовной культуры к религиозной сфере, а словари объясняют одно неизвестное через другое неизвестное — определяя духовную культуру как «область человеческой деятельности, охватывающую различные стороны духовной жизни человека и общества». Подходы, формирующиеся на базе постнеклассической парадигмы, важнейшими принципами которой являются принцип системности, принцип эмерджентности, а также принцип кольцевой причинности, позволяют создать и обосновать дефиницию духовной культуры, которая будет отвечать принципам научной логики. Как в отечественной, так и в зарубежной науке существует определенная ясность с понятием культуры (хотя и статус метакатегории позволяет сосуществовать различным подходам к этому понятию) — одним из самых обоснованных и влиятельных является деятельностное определение культуры. И одним из веских онтологических аргументов в пользу этого подхода считается установленный наукой факт, что культура возникла в инструментальной форме (как орудийная деятельность) и лишь затем возникают зачатки того, что мы называем духовной культурой. Под понятием духа в философии и науке обычно понимают нематериальное начало бытия или высшую способность человека, где под высшей способностью понимается не телесная способность, а свойство мышления или сознания. Закономерно, что признаки культа и зачатки искусства, которые и связывают с появлением духовной культуры у человека (в широком смысле этого слова, не только сапиенса, но и его двоюродных братьев), появляются не ранее освоения сложных техник обработки предметов и сложной орудийной деятельности, т. к. представления о надматериальных началах бытия не могут возникнуть вне понятийного мышления. Так называемая духовная деятельность способствует совершенствованию когнитивного аппарата, который, в свою очередь, обеспечивает способность человека создавать

все более совершенные средства преобразования действительности. Ключом к построению дефиниции духовной культуры является понимание духовной деятельности как деятельности человека, направленной на постижение мира в его нематериальных, организационных аспектах. В таком контексте под духовной культурой, в самом общем виде, следует понимать сферу человеческой активности, обеспечивающей совершенствование когнитивных функций.

Пудов Алексей Григорьевич

Якутск

Якутский научно-исследовательский институт сельского хозяйства,

ведущий научный сотрудник

Кандидат философских наук, доцент

Отложенный Серебряный век этнокультурных регионов России на примере Республики Саха (Якутия)

Тема раскрывает на примере якутской культуры рубежа XX–XXI столетий социокультурные преобразования, отражающие способность этнической культуры завоевывать посредством искусства эпоху европейского модерна, что характеризуется новой культурной парадигмой — этномодерном. Указанное явление вписывается в «отраженный» культурный ренессанс, аналогичный русскому Серебряному веку рубежа XIX–XX вв. Особенность якутского Серебряного века — синтез метафизики модерна и этнокультурного символического капитала на фоне давления массовой культуры глобального мира и соответственно ассимиляции и утраты этнического. Явлениями и одновременно критериями якутского Серебряного века считаем успехи якутского кинематографа и драматического театра последнего десятилетия на международных форумах и площадках. Предлагаются обобщения и выводы относительно этапности динамики якутской культуры. Дается анализ возможностей успеха или срыва этнокультурной модернизации в парадигме этномодерна, раскрываются онтологические основания процесса, проливающего свет на закономерности перманентного осовременивания, актуального и для западной культуры. Приведены примеры феномена этномодерна в якутском кинематографе с привязкой к авторам, с содержательными особенностями элементов этномодерна у них. Главным результатом исследования является констатация состояния культуры, идентифицированного как якутский Серебряный век. Критерием последнего является наличие креативной парадигмы этномодерна. Фактором культурного ренессанса становится наличие массовой знаковой культуры, противопоставленной символической этнической культуре. Широта символического спектра культуры, фундируемая наличием метафизического символизма, ответственна за влиятельность на окружающий культурный ландшафт и способность вызвать в нем свой отраженный культурный ренессанс. Итогом исследования темы становится факт того, что именно этнический человек способен возвращать смыслы модерна самой европейской культуре на современном этапе альтермодерна.

Синявина Наталья Владимировна

Москва

Московский государственный институт культуры,

профессор кафедры культурологии

Доктор культурологии, доцент

Концепт «устремленность в будущее» как константа концептосферы русской культуры

1. Человек есть существо интенциональное, стремящееся придать смысл настоящему, которое детерминировано представлениями о прошлом и будущем. Экзистенциональное движение индивида можно представить как духовно-ценностную устремленность к будущему, трактуемому либо как прошлое, либо как будущее (в зависимости от историко-культурного контекста). Фокус восприятия человеком действительности задается наличествующей в его сознании концептуальной системой. То есть концептосфера как структура моделирует восприятие мира, трансформируя и систематизируя представление о нем.
2. Национальная концептосфера есть совокупность зафиксированных в сознании этноса упорядоченных и обработанных концептов, актуальность которых сохраняется на протяжении длительного периода. Между концептами, составляющими концептосферу определенной культуры, можно выявить трансконцептуальные отношения, помогающие детерминировать концептуальное пространство данной культуры.
3. История русской культуры демонстрирует повторяющиеся или сходные явления, что дает основания выдвинуть гипотезу об их неслучайности. Помещенный в новый историко-культурный контекст данный феномен намечает новую перспективу развития, актуализируя один из своих аспектов.
4. В представлениях о будущем и о смысле истории, которые становятся актуальными для русского общества XX–XXI вв., необходимо отметить следующие аспекты: возможно ли выделение доминирующей линии в разви-

тии мирового исторического процесса, а также наличие конечной точки развития и ее достижение в обозримом будущем.

5. В контексте любой культуры присутствует некое нематериальное ядро («универсалии культуры» («метаязык») у Ю. Лотмана), поскольку именно они определяют типологию культуры. Метаязык аккумулирует универсальные смыслы, благодаря которым продуцируется целостность пространства культуры. Основная структурная единица метаязыка — концепты.
6. Доминантной тенденцией при построении модели будущего России выступала теургическая идея. Однако если в древнерусской культуре, детерминированной православными основаниями, она предполагала преобразование Царства Земного в Царство Небесное, то по мере обмирщения сознания русского общества смысловое пространство теургии смещалось в сторону секулярного. Крайней точкой в этом движении следует рассматривать преобразования, проведенные большевиками, теургия которых опиралась на атеистические представления. В связи с этим символичны слова Ленина о том, что «советская власть — это социализм плюс электрификация», где электрификация выступает одним из главных критериев преобразования. Если исихасты говорили о божественном свете, то в данном случае доступность физического света связана с преобразовательной деятельностью новой власти.

Соловьев Кирилл Алексеевич

Москва

Московский государственный строительный университет, доцент

Кандидат культурологии, доцент

Проблема национально-культурного и религиозного возрождения в Западнорусских землях в межвоенный период 1922–1933 годов на примере Западной Белоруссии

В докладе идет речь о проблемах национально-культурного возрождения русского и белорусского народов на землях Западной Беларуси в межвоенный период 1921–1939 гг. Проблемы полонизации культурной жизни в Западной Беларуси проистекали из культурной полонизации этих территорий. Немаловажную роль в этом играл и религиозный фактор. Польское государство пыталось использовать религиозный фактор в деле полонизации земель Западной Беларуси. С этой целью использовалась полонизация православного Богослужения, униатская проповедь среди белорусского населения, попытки окатоличить часть белорусского населения. Помимо этого польские власти приняли ряд законов о так называемых парцелляции и комассации и о запрете преподавания на русском и белорусском языках в старшей школе. Кроме того, важную роль в формировании новой социально-культурной идентичности призваны были играть так называемые осадники — колонисты на новых присоединенных землях. Все это не могло не вызвать ответной реакции, которая выражалась, прежде всего, в консолидации белогвардейских русских национальных организаций и белорусских национально-культурных обществ в деле защиты общих православных святынь. В то же время это привело к тому, что происходило возрождение старых средневековых православных братств и монастырей. Важную роль в возрождении национально-культурного самосознания играли такие древние обители, как, например, Успенский Жировицкий монастырь. Неслучайно гонения и попытки закрыть эту обитель продолжались все время существования Второй Речи Посполитой. Не менее важным аспектом «культурной» экспансии польской культуры на землях Западной Руси являлось то, что польское государство запрещало русский, белорусский и церковно-славянский языки в православном, католическом и униатском Богослужении. Происходила явная полонизация православного и униатского Богослужения. Все это должно показать нам, насколько опасны псевдонациональные, откровенно националистические концепции построения как государства, так и гражданской нации с точки зрения мультикультурного развития общества и государства.

Флиер Андрей Яковлевич

Москва

Российский научно-исследовательский институт культурного

и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, главный научный сотрудник

Доктор философских наук, профессор

Феномен свободы и культура: трудная история взаимоотношений

В докладе рассматривается динамика соотношения управляемой культуры, контролируемой и регулируемой культурной политикой, и стихийной культуры, которая развивается свободно в режиме социальной самоорганизации. Определяются параметры управляемости народной, элитарной и массовой культур. Особое внимание уделяется соотношению культуры и свободы и адаптации культуры к свободе как важнейшей тенденции ее современного развития. Актуальность текста заключается в осмыслении научных оснований современной культурной политики, которая сейчас уже должна иметь научную основу. Новизна в том, что впервые системно анализируется взаимосвязь культуры со свободой. Производится исторический обзор запретительных акций со стороны культурной политики. В первую очередь рассматривается история борьбы с ересями и роль государства в решении этой внутрицерковной

проблемы. Затем — институт цензуры как другая запретительная акция культурной политики, борьба со старообрядчеством. Рассматривается процесс превращения цензуры из вероучной в политическую. Отдается должное и стимуляционным усилиям культурной политики, в частности кампаниям по внедрению в массовое сознание эталонных героев. Такая направленность культурной политики в истории характеризуется как борьба культуры со свободой. Однако изменившийся характер труда в новое время поменял и вектор отношения культуры к свободе. Теперь культура выступает главным борцом за свободу. Рассматривается, как эта перемена вектора отразилась на культурной политике и какие задачи у нее возникли в новых условиях.

Шеманов Алексей Юрьевич

Москва

Московский государственный психолого-педагогический университет, профессор

Доктор философских наук

Инклюзивная культура как концептуальная проблема

С ратификацией Россией Конвенции ООН по правам инвалидов (2006) в 2012 г. и принятием нового Закона «Об образовании в РФ» (ФЗ-273, 29.12.2012) в отечественном правовом поле было легитимировано понятие инклюзивного образования. Одновременно в поле российского научного дискурса оказался ряд понятий, тесно связанных с темой инклюзии и инклюзивного образования, как в международных документах, так и в научных дискуссиях в зарубежной литературе. Среди них важное место занимает понятие инклюзивной культуры, которое рядом теоретиков инклюзии в образовании (Т. Booth, М. Ainscow) выдвигается на роль фундамента инклюзии как таковой. В докладе обсуждается, как такое ключевое положение именно инклюзивной культуры связано с тем, что сама идея инклюзии была выдвинута на основе дискурса социального конструкционизма (см. Anastasiou & Kauffman, 2011), который рассматривает любую идентичность, фиксируемую в дискурсе, и в том числе идентичность лиц с инвалидностью (persons with disability) как культурную конструкцию от начала до конца (С. Barker, 2013). Такое радикально конструкционистское понимание социальных и культурных отношений лиц с инвалидностью с обществом, с одной стороны, сводит их идентичность к социальной конструкции и само явление инвалидности — к наличию социальных барьеров инклюзии, а задачу включения — к устранению социальных барьеров, а не работе (развитию, коррекции, обучению) с лицами с инвалидностью. Более того, такие формы работы, т. е. все формы специального образования, рассматриваются как непризнание права человека с физическими и психическими особенностями на отличие, что заставляет рассматривать все методы их специального обучения как покушение на их право сохранять свою идентичность. Само разделение людей по наличию или отсутствию тех или иных способностей принимается при этом как вид дискриминации — эйблизм (ablism). Именно при таком подходе к инвалидности и проблеме защиты прав лиц с инвалидностью выдвигается на первый план понятие инклюзивной культуры как основного условия преодоления социальных барьеров, мешающих их включению в общество. При этом игнорируется, с одной стороны, воплощенная природа психофизических особенностей (их вовлеченность в способ складывающейся у человека с особенностями активности и соответствующего этому способу образа мира), с другой стороны — культурный характер самого бытия человека, выраженный в том, что его активность представлена с совместном с другими созданиями символических форм культуры, обустройствами разделенный с другими мир человеческой жизни (Э. Кассирер). Тем самым понятие инклюзивной культуры выводит на обсуждение фундаментальных проблем теории культуры и не может быть сведено к своему инструментальному содержанию.

Щелкин Александр Георгиевич

Санкт-Петербург

Социологический институт Российской академии наук

(Санкт-Петербург), ведущий научный сотрудник

Доктор философских наук, профессор

Самосознание культуры: испытание современностью

КУЛЬТУРА О САМОЙ СЕБЕ. Прогресс человеческой КУЛЬТУРЫ огромен. Крот истории, как всегда, неплохо роет. Но до сих пор — и современность не исключение — всякий прогресс оплачивался не слабой валютой. Испытание же постсовременностью — это вообще экзамены особого рода. Речь идет о «целелеполагающей» миссии КУЛЬТУРЫ как «царства целей» (И. Кант). Лейзаж растущих тревог здесь достаточно масштабен. Этот круг проблем может быть условно назван «кризисом центробежных сил культуры».

1. Расчленение когда-то огромного «континента-понятия» КУЛЬТУРА на отдельные дисциплины (например, культура разных профессий, досуга, человеческих отношений и прочее) говорит, с одной стороны, о востребованности Культуры, а с другой — о чреватости подменой (вытеснением) Большой культуры (в единственном числе) специальными «культурами» (во множественном числе). Последнее собственно и составляет проблему: выпячивается прикладной и прагматический аспект культуры. Как результат — сколько общество выигрывает от «прикладничества», столько и проигрывает, когда онтологическая сущность КУЛЬТУРЫ скрывается за горизонт социума.

2. Для цивилизационного «обеспечения» общества критическое значение имеет характер отношения между гуманитарным и негуманитарным знанием внутри этого общества. Доминирование «технократизма», «техно-знания» (Б. Юдин) и прочего имеет свои социальные и политические последствия. Без гуманитарного, философско-онтологического целеполагания всякий социум склонен скорее к недемократическим формам правления.
3. Отдельный предмет забот — феномен «варварства» в условиях цивилизации (Н. Мотрошилова). Сбои в самовоспроизводстве КУЛЬТУРЫ — это уже угроза: «варварство всегда рядом» (А. Камю). Речь идет о «агрессивности», «реактивности», «отсутствии сдержанности», etc. в области социальных, политических и даже «культурных», точнее, «антикультурных» практик.
4. Ориентация на КУЛЬТУРУ как сферу основополагающих ценностей и смыслов претерпевает характерные изменения. Это связано с тем, что сегодня КУЛЬТУРА «предпочитает» жить своей жизнью. Ее «осевой принцип» уже не совпадает с заботами общества как целого (Белл Д. Культурные противоречия капитализма). «Инфляционный сценарий» культурного стрима результируется в том, что К. Лэш назвал «культурой нарциссизма». Массовое отношение к КУЛЬТУРЕ носит не созидательный и сберегающий, а потребительско-«истребительный» характер, что образует «дурную бесконечность» повседневной жизни и ее «счастливое сознание» (Бодрийяр Ж. Общество потребления). Совокупность указанных факторов может работать только в одном направлении — новейшего издании «духовного царства животных» (Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа). Решение же проблем подобного рода во многом зависит от понимания обществом онтологических целей и параметров человеческого существования, которое (понимание) сегодня протекает в атмосфере «культурного» искушения постмодернизмом.

История культуры

Модераторы И. В. Кондаков, Г. И. Зверева

Агапов Евгений Петрович

*Ростов-на-Дону
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
профессор
Доктор философских наук, профессор*

Логика и логическая культура Древней Руси

Логика как наука возникла в IV в. до н. э. в Древней Греции, а в России она появилась только в XVIII в. н. э. В этом же столетии ее стали преподавать в духовных академиях и семинариях, готовивших священнослужителей и церковных ученых. Таким образом, становление логики в России началось в XVIII в. Однако ее предпосылки уходят в значительно более глубокие пласты отечественной культуры, которые могут быть определены как древнерусская культура. Поскольку фундаментальной характеристикой культуры является целостность, мы можем ставить вопрос о том, как предшествующее развитие культуры привело в XVIII в. к становлению в России логики как науки. Если становление логики в России началось только в XVIII в., то какие элементы предшествующей культуры привели к нему? Мы полагаем, что к нему привело развитие логической культуры Древней Руси. Логическая культура общества представляет собой характерную для него совокупность стереотипов мышления, которая проявляется в способах аргументации, а также в умении оценивать умозаключения, разрабатывать гипотезы, систематизировать объекты и т. д. Люди воспитываются не только в определенной политической, нравственной, эстетической и прочей среде, но и в конкретной логической среде, под влиянием которой складывается их логическая культура. Логическая культура общества связана с книгами, периодическими изданиями, радио, телевидением и другими сообщениями коллективной общности, которые несут определенную информацию, а также приучают людей воспроизводить различные интеллектуальные операции. Первым логико-философским трактатом в Древней Руси считается «Изборник Святослава», составленный в 1073 г. Предназначенный для великого князя Святослава Ярославича, он включал в себя 383 статьи, основанные на произведениях Отцов Церкви и Священном писании. «Изборник Святослава» был компилятивным трудом, логическая часть которого содержала изложение аристотелевского трактата «Категории», а также комментарий к нему, написанного в III в. сирийским логиком Порфирием. Теория категорий является важной частью системы Аристотеля, однако центральное положение в ней занимает силлогистика, которая в XI в. не была еще известна в Древней Руси. Более обширный логический материал можно было почерпнуть из «Диалектики», написанной в VIII в. византийским богословом Иоанном Дамаскином. В ней рассматривались аристотелевские категории, а также суждение и категорический силлогизм. Отдельные фрагменты «Диалектики» были помещены в «Изборник Святослава», а полный ее перевод на русский язык появился не позднее XIII столетия. Знакомство с категорическим силлогизмом, представляющим собой разновидность умозаключения, является важной стадией в развитии логической культуры Древней Руси. Логика обычно определяется как наука о формах мышления, однако

ядром логической проблематики является анализ умозаключений. До появления логики было еще далеко, однако Древняя Русь познакомилась с силлогистикой, которая является первой в истории человечества логической теорией.

Агошков Андрей Валерьевич

Москва

Издательский дом «Панорама», главный редактор

Кандидат философских наук

Раздельное мышление как источник правовых обычаев в России

Диспозиция исследования. Автор обращается к теме правового обычая как источника отечественного права. Подробно рассмотрены правовые обычаи, имеющие место в актуальном российском праве (гражданском, семейном, земельном и пр.). Утверждается, что, несмотря на небольшой «вес» обычного права в законодательстве развитых стран, в неустойчивых и несформированных правовых системах значение правовых обычаев гораздо больше. Анализ содержания понятия «правовой обычай» подтверждает предположение о его значительной роли в российской правовой культуре. Предлагается считать частью актуального российского права такие обычаи, как «отложенная демократия» и «конституционный параллелизм». Проанализирован историко-культурный материал, сделан вывод, что причиной существования этих обычаев является раздельное мышление, или двоемыслие. Раздельное мышление — это защитный механизм, позволяющий человеку уместить в себе логически несовместимые установки. Если по каким-то причинам человек нуждается в каждой из своих несовместимых установок, то осознание возникающего противоречия начинает занимать мысли попытками это противоречие разрешить. Чтобы этого не происходило, человек может начать «раздельно мыслить» — не осознавая противоречия между ними, придерживаться всех несовместимых установок сразу. Выводы и перспективы исследования. По мнению автора, выдвинутая гипотеза об «отложенной демократии» как отечественном правовом обычае получает достаточно веское социально-психологическое обоснование. В то же время оно предполагает углубленное изучение данной темы — в частности, структурного анализа психологии отдельных социальных групп. Не секрет, что российский народ разобщен и поляризован, четкой общероссийской идентичности фактически не существует. Необходимо определить, каково отношение к двоемыслию в различных группах, слоях, стратах; особенно значимо рассмотрение социальной психологии политического класса. Иными словами, приведенные нами выше суждения, в целом обоснованные, нуждаются в уточнении. Что касается институциональной сферы, в частности правовой системы, можно высказать осторожный пессимизм относительно возможностей скорого преодоления последствий двоемыслия. Обычай потому и является таковым, что складывается веками и живет долго. Говорить о преодолении «отложенной демократии» в ближайшее время также не приходится.

Василевская Татьяна Андреевна

Санкт-Петербург

Санкт-Петербургский институт искусств и реставрации,

доцент кафедры социально-гуманитарных наук

Кандидат культурологии

К вопросу преподавания истории культуры

Изучение истории культуры требует обращения к огромному материалу. В большинстве учебных пособий по исторической культурологии делается акцент на максимальную информационную насыщенность изложения. Нам хотелось бы показать, каким образом понимание культуры сквозь призму идеалов, ею сформированных, дает ключ к анализу историческому. Анализу подлежит сам идеал как аксиологическое ядро культуры. Вычленены, обобщены и проанализированы основные свойства идеала: абсолютность, универсальность, совершенство, свобода, ценностность, человечность, императивность, оценочность, целеполагаемость. Проведена операционализация понятий. Выполняя свои ценностно-ориентационные функции, идеал выступает в качестве инвариантного закона развития общества, являясь элементом не только структуры, но и исторической динамики. Для доклада выбраны наиболее фундаментальные идеалы, но они являются достаточно представительными, ибо охватывают основные этапы развития культуры (от калокагатийного идеала античности до современности с идеологией масскульта и постмодернизмом). Указываются типологические особенности каждого этапа истории культуры сквозь призму трех основных моментов, а именно: картины мира как совокупности представлений о мироздании, времени, пространстве; образа человека, коллективного идеала человека, «нужного» этой культуре с предъявляемыми к нему требованиями; принципов формообразования культурного материала, стилистической выраженности, системы выразительных средств, воплощающих смыслы в Текстах культуры. Рассматриваются идеалы в отечественной социокультурной динамике: вечевой идеал; соборный идеал; авторитарный идеал; тоталитарный идеал; либеральный идеал, — концентрирующие в себе особый исторический путь России, чтобы показать, что идеалы для отечественной культуры и истории также имеют культуроведущую роль, как и в западноевропейской. Историческое развитие общества представлено многообразием исторических реальностей, содержание которых зависит от определенного идеала, но именно эта

вариативность в поиске абсолютного идеала совершенного человека и общества связывает воедино исторический процесс. Поверх рассуждений о динамике культуры как динамике идеалов проходит глобальный интерес: что именно предшествующие или другие культуры дают для понимания современной цивилизации и каковы перспективы ее развития. Предложенный вариант анализа исторической динамики культуры сквозь призму формируемого и отражаемого в культуре идеала позволит, на наш взгляд, преподавателям истории культуры осваивать и систематизировать поистине неисчерпаемый конкретный материал.

Вечерина Ольга Павловна

Москва

Российский университет дружбы народов, старший научный сотрудник

Кандидат исторических наук

Новая иконология Шивы Натараджи в западной культуре XX века

Шива Натараджа в мировой культуре выступает сегодня в трех ипостасях: как объект поклонения в тамильских храмах, как артефакт для крупнейших музеев мира, как главный символ индийской духовности. Предтечей такого переосмысления образа стало открытие музея Гиме 13 марта 1905 г., где перед статуей Натараджи Мата Хари исполнила эротический танец, что немало способствовало популярности Натараджи в глазах широкой публики. Благодаря эссе Кумарасвами и авторитету Родена [Rodin 2006], а также вспыхнувшей моде на Индию Натараджа стал эмблемой эзотерической мудрости для взыскующих восточной духовности в знаменитом Монте-Верита, с 1926 г. принадлежащем барону Э. фон дер Хейдту, чья коллекция стала основой музея Ритберг. Жемчужиной коллекции и эмблемой музея стал Натараджа [Beltz 2011]. Следующий толчок развитию популярности Натараджи среди широкой публики дал ученик А. Павловой индийский танцор Удей Шанкар, соединивший традиции классического индийского танца и новые формы танцевального искусства Запада. Образ Натараджи использовался как аллегория судьбы (например, в «Игре в бисер» Г. Гессе). Значительный вклад в интерпретацию Натараджи как космологического символа и метафоры космических процессов во вселенной внес Ф. Капра [Капра 1994]. Космологическое и теологическое понимание образа Натараджи привело к его появлению 18 июня 2004 г., в качестве дара правительства Индии, в Европейском центре ядерных исследований (CERN) в Швейцарии. Сегодня происходит повсеместная «глобализация» и одновременно «банализация» образа Натараджи: его узнаваемый абрис используется в различных странах мира в рекламе ресторанов индийской кухни, йога-центров, танцевальных школ, аюрведических клиник и т. п. Для западной цивилизации он оказался даже более притягателен, чем Тадж-Махал, продолжая вдохновлять как интеллектуалов, так и многочисленных поклонников восточных психопрактик [Pal 2004]. Такая иконология образа максимально далека от содержания, которое в него вкладывали творцы и аутентичные интерпретаторы в рамках шайва-сиддханты, но зримо свидетельствует о таланте неизвестных нам чольских мастеров и незаурядной силе воздействия найденного ими блестящего формального решения даже на совершенно неискушенных современных зрителей. Все вышесказанное позволяет считать Натараджу одной из «глобальных икон» мировой истории искусства, имеющим общечеловеческое значение.

Список литературы:

1. Капра Ф. Дао физики. М.: Орис : Яна-Принт, 1994.
2. Beltz J. The Dancing Shiva: South Indian Processional Bronze, Museum Artwork, and Universal Icon // Journal of Religion in Europe. 2011. No. 4. P. 201–222.
3. Pal P. The Blesses and the Banal: Shiva Nataraja in the 20th Century // Chidambaram: Home of Nataraja. 2004. P. 128–137.
4. Rodin A. The Dance of Shiva // Chola: Sacred Bronzes of Southern India. L.: Royal Academy of Arts, 2006. P. 146–149.

Воробьева Татьяна Леонидовна

Томск

Национальный исследовательский

Томский государственный университет, доцент

Кандидат филологических наук, доцент

Книжная культура Томска и читательские практики конца XIX — начала XX века: уроки прошлого

В современных социокультурных условиях, когда книга утрачивает свой статус в обществе, обращение к опыту конца XIX — начала XX в., периода активного становления массовой читательской аудитории в России, существенно расширяет представление о механизмах формирования книжной культуры, о стратегии развития читательских практик в порубежные периоды истории общества. В связи с этим исследование региональной книжной культуры с учетом всей ее специфики дает возможность выявить закономерности общерусской картины эволюции книги в обществе. В конце XIX — начале XX в. Томск становится признанным книгоиздательским, книготорговым, образовательным

центром Сибири. Именно в этот период в регионе формируется своеобразное «культурное гнездо» (Н. К. Пиксанов) со своим издательским делом, книжным репертуаром, местным авторским корпусом и инфраструктурой чтения. Удаленность от центра, когда томскому книгоизданию приходилось в большей степени опираться на собственные силы и инициативу, придавала сибирской книге большую, чем во многих губерниях европейской России, самостоятельность, осознание своей миссии в отстаивании экономической и культурной независимости края, в утверждении идей и принципов областничества. Развитие книгоиздания способствовало поиску новых путей книгораспространения. Уникальным примером неразрывной взаимосвязи этих процессов стала деятельность крупнейшей в Сибири частной книгоиздательской фирмы П. И. Макушина, объединившей торговлю, издательство и типографию. Особенно интересным и значимым в современных условиях представляется опыт П. И. Макушина по созданию бесплатных библиотек-читален в Томской губернии, организации публичных библиотек в Томске на основе личных собраний, проведению народных чтений как наиболее доступной формы привлечения к чтению неграмотных и малограмотных слоев населения, реализации издательских проектов по публикации местных авторов, анонсированию книжной продукции через газеты. Во многом благодаря общественной и частной инициативе фактически в регионе была создана долгосрочная программа адресной поддержки потребителей местной книги и периодики в городе и селе. Социально-экономические преобразования в Сибири на рубеже XIX–XX вв. коренным образом трансформировали облик читательской аудитории этого периода: изменился не только количественный, но и качественный состав читателей, пополнившийся представителями средних слоев городского населения. В этот период выдвинулся массовый читатель, имеющий невысокий уровень грамотности, но ощутивший необходимость в приобщении к чтению. Становление читательских практик постепенно явилось важнейшим фактором регионального книгоиздательского процесса. Цепочка создания текста (авторский этап) и бытования книги (читательский этап) не замыкалась, а порождала новый виток «жизненного цикла» книги, эволюция читательских вкусов и предпочтений способствовала генерации новых текстов в регионе, формированию местного авторского корпуса.

Забубенина Ирина Константиновна

*Ростов-на-Дону
Южный федеральный университет
Аспирант*

Народный танец как выражение синкретизма древнерусской культуры

В самом широком смысле слова синкретизм — это слитность, смешение, эклектизм. В искусстве синкретизм проявляется в слиянии различных видов и форм, образов, первоначальных компонентов в какие-то новые явления, не отличающиеся структурной целостностью. Говоря о древнерусской культуре как синкретичном феномене, мы имеем в виду следующее:

1. Изначальная размытость границ между художественной и жизненно-практической, коммуникативной, религиозной сферами человеческой деятельности обуславливала синкретизм древнерусской культуры.
2. Отсутствие в народном творчестве определенной и четкой жанро-родо-видовой структуры, взаимовлияние и взаимопреплетение ранних форм искусства.

В феномене синкретизма древнерусской культуры воплотилась способность человека к восприятию и осознанию мира в его единстве. Исследователи народной словесности и искусства обнаружили много «народной мудрости» в творениях древних мастеров и потому назвали эту область фольклором. Одной из особенностей фольклора является наличие в нем синкретизма. На первоначальных стадиях развития древнерусской культуры различные виды искусства: музыка, пение, танец, поэзия — не разделялись и народные игрища и хороводы носили синкретический характер. Синкретизмом определялось сочетание и взаимодействие, но не равноправность искусств, входящих в то или иное произведение народного творчества. Говоря о физическом и нравственном характере древних славян, Н. М. Карамзин не оставил без внимания их танец: «Сердечное удовольствие, производимое музыкою, заставляет людей изъяслять оное разными телодвижениями: рождается пляска, любимая забава самых диких народов. По нынешней Русской, Богемской, Далматской можем судить о древней пляске Славян, которою они торжествовали священные обряды язычества и всякие приятные случаи...» С внедрением христианства в массы сформировалось так называемое двоеверие, религиозный синкретизм. Это не могло не отразиться на народном танце: русская зарождающаяся хореография потеряла первоначальную стихийность и обрела более организованные формы. Говоря о русском танце, стоит непременно упомянуть о костюме русского человека, в котором тоже выражался синкретизм древнерусской культуры. Костюм играл важную роль в формировании и развитии танца с самого момента его возникновения. Традиционный народный костюм — это важнейший исторически сложившийся элемент национальной культуры, связанный с образом жизни, обычаями, климатическими условиями, историческими событиями и, особенно, внешним обликом человека. Синкретизм древнерусской культуры — многоплановое явление. Можно предположить, что расцвет древнерусской культуры и искусства в определенной степени осуществился именно благодаря их синкретическому характеру.

История культуры в современном медиатизированном обществе: формы и способы визуализации

В современном мире существует устойчивый общественный запрос на знание о культуре в историческом прошлом. Производство и потребление этого знания осуществляется в медиатизированной среде. Она складывается и функционирует при определяющем воздействии разных медиа на социальные институты, коммуникации и практики. Поля историко-культурного знания, адресованные массовым аудиториям в медиатизированном обществе, формируют различные социальные акторы. Помимо государственных, общественных, частных организаций, которые создают и продвигают в публичном пространстве знание об истории культуры в разных форматах с использованием новых информационно-коммуникационных ресурсов и технологий, заметную роль в его производстве играют отдельные профессионалы из разных областей специализированного знания и публичных сфер, а также любители. Продукты историко-культурного знания, адресованные массовым аудиториям, производятся и продвигаются в музеях и выставочных залах, на публичных культурно-просветительных и образовательных площадках, в киноиндустрии, на телевидении, радиоканалах, в сети Интернет. Эти процессы происходят под воздействием сетевых информационных технологий (алгоритмической культуры), в условиях развития новой социальности (коннективной культуры), размывания границ в публичных медиатизированных сферах между экспертным, профессиональным знанием и гибридным знанием. Огромную роль в производстве продуктов историко-культурного знания для «массы» и его продвижения в медиатизированной среде играют способы их визуализации. В докладе рассматриваются типы и техники визуализации продуктов историко-культурного знания, которое складывается в русскоязычном сегменте такой платформы социальных медиа, как YouTube. Целью доклада является выявление специфики применения цифровых визуальных средств для репрезентации историко-культурных объектов в просветительских и образовательных видеофильмах на платформе YouTube. В качестве кейсов использованы историко-культурные продукты популярных у рядовых пользователей YouTube-каналов: «Арзамас», «Образование для всех», «Уроки истории Питона Киа» и др. Концептуальную рамку доклада составляют методологические и конкретно-научные исследования визуальности (Mitchell 1995, Dikovitskaya 2006, Rose 2016) и технологий визуализации культурных объектов и культурного наследия в медиатизированном обществе (Manovich 2009, Waterton and Watson 2010, Kristensen et al. 2013). Результаты исследования показывают спектр использования цифровых техник визуализации историко-культурных объектов от простых, схематичных до сложной цифровой анимационной инфографики. Визуальные компоненты в популярных историко-культурных продуктах для массовых аудиторий по большей части выглядят как разновидности готового знания, призванного иллюстрировать конвенциональные вербальные и аудиальные компоненты видеонарративов и подтверждать сложившиеся разделяемые культурные значения.

Кирилова Анна Владимировна

Новосибирск

Новосибирский государственный технический университет,

доцент кафедры истории и политологии

Кандидат культурологии

Социокультурные факторы развития групповых форм деятельности творческой интеллигенции в России второй половины XIX века

Социокультурное развитие страны имеет неразрывную связь с судьбой творческой интеллигенции и различными формами ее организации. Во второй половине XIX в. в России существовали такие групповые формы деятельности интеллигенции, как кружок, салон, вечер, клуб, журнал, школа, официальное художественное объединение, каждая из которых обладала своей спецификой. При исследовании данных форм считаем конструктивным изучение культурного наследия участников сквозь призму перемен, происходивших в жизни общества. Значимые изменения в России второй половины XIX в. в области промышленности, транспорта, связи и художественной культуры оказали воздействие на мироощущение людей. В результате научно-технических достижений человек осознал свои новые возможности. Философы, художники, писатели и другие представители творческой интеллигенции — поодиночке или объединившись в рамки группы — анализировали эпоху и новые возможности человека. Культурная среда России второй половины XIX в. выступала смысловым контекстом групповых форм деятельности творческой интеллигенции. Это было не случайным явлением, а логичным итогом объединения людей в результате интеллектуальных

и художественных исканий. Выделим ключевые социокультурные факторы развития групповых форм деятельности творческой интеллигенции в России второй половины XIX в.:

- понимание ответственности перед народом и необходимости его просвещения;
- художественные объединения — это особый путь участия интеллигенции в жизни России, нацеленный не на радикальные и порой разрушительные действия, а на созидание через творчество;
- расширение культурного пространства в результате увеличения мобильности людей, перераспределение культурных сил между провинцией и столичными городами, знакомство с культурой российских регионов и других стран;
- представление новаций в творчестве в процессе конструктивной дружеской полемики и поддержки единомышленников в рамках объединений;
- активное отношение к происходящим в стране и мире цивилизационным и культурным переменам;
- внимание к духовному началу человека с помощью выразительных средств искусства;
- обращение к православным истокам и национальным традициям культуры России, применение их в собственных творческих исканиях;
- увеличение публичности искусства и стремление к синтезу разных его видов.

Кравченко Виктория Владимировна

Москва

Московский авиационный институт

(национальный исследовательский университет), профессор

Доктор философских наук, доцент

Необычный артефакт лагерного архива: новейший Плутарх как реализация комплекса культурных практик узников Владимирского центра

Обычно лагерные архивы ассоциируются с предметами страшными или трагическими. И книгами, ледящими кровь и щемящими сердца... Однако в семейных лагерных архивах трех советских интеллигентов, отбывавших заключение, хранятся три экземпляра веселой книги, созданной ими во время совместной «отсидки». Они встретились во Владимирском центре в 1947–1948 гг. — Даниил Андреев, Василий Парин и Лев Раков. Каждый был приговорен к 25 годам заключения за антисоветскую «террористическую» деятельность. В достаточно многолюдной камере (всего 13 человек) трое интеллигентов (и примкнувшие к ним) позволяли себе роскошь истинно интеллектуального общения: Д. Андреев читал свои стихи, они бурно их обсуждали; спорили по поводу метафизических взглядов Андреева; все вместе давали начальное образование молодому заключенному Петру и т. п. Наиболее активный Раков предложил известную в символистских кругах литературную игру по созданию биографий несуществующих исторических персонажей и деятелей литературы и искусства. В результате материала набралось на целую «энциклопедию», которую назвали «Новейший Плутарх». Выйдя из тюрьмы, Раков собрал все сохранившиеся статьи, напечатал их на машинке в трех экземплярах, иллюстрировал часть статей и отослал по экземпляру каждому соавтору. Книга была опубликована впервые в 1987 г. Этот уникальный артефакт лагерного «творчества» советских интеллигентов сегодня можно рассматривать:

- 1) как поддержание массовых культурных практик (как интеллектуальный тренинг; как особое развитие «салонной игры» в шарады; как воображаемые театральные миниатюры и т. п.);
- 2) как психотерапевтические практики в жестких условиях заключения;
- 3) как развитие литературно-художественных практик (создание шуточных и остротирических текстов и карикатур);
- 4) как развитие литературно-философских практик (метаисторические параллели; литературно-философские диспуты);
- 5) как способ создания уникального виртуального культурного поля — особого мира абсолютной творческой свободы и культурной игры.

Красиков Алексей Николаевич

Вологда

Вологодская духовная семинария,

проректор по научно-методической работе

«Длещееся Средневековье»: консервативные тенденции в развитии церковной книжной культуры Русского Севера в XVIII веке

Целью исследования является выявление консервативных тенденций в развитии книжной культуры на Европейском Севере России в XVIII в. Основным источником служат учетные и делопроизводственные документы церковных и монастырских библиотек региона. Важной особенностью развития отечественной книжной культуры XVII–XVIII вв.

является значительная диспропорциональность между печатной и рукописной книжностью. Относительно позднее формирование книгопечатания в России (в сравнении со странами Западной Европы) привело к достаточно медленному проникновению печатной книги в богослужебный обиход монастырей и приходских церквей. При этом востребованность печатной книги со стороны Церкви оказалась крайне высокой. Важную роль в проникновении печатной книги в богослужебное употребление сыграли реформа Патриарха Никона и преобразования Петра Великого. Форсированное развитие книгопечатания во второй половине XVII в. – XVIII в. значительно расширило репертуар доступной богослужебной, богословской и иной религиозной литературы, но не смогло в полной мере удовлетворить потребность Церкви. В результате в богослужебной практике продолжают активно использоваться рукописные тексты, не имеющие печатного аналога. Комплекс делопроизводственной и учетной документации монастырей и приходских церквей позволяет проследить использование ранних рукописных текстов, а также старопечатных экземпляров в богослужебной практике второй половины XVIII в. Наиболее «консервативными» в структуре книжных фондов являются сегменты ветхозаветной библейской литературы, агиографии и патристики. Крайний дефицит текстов Ветхого Завета в книжности XVII в. не мог быть удовлетворен единичными изданиями полного текста Библии, что привело к распространению рукописных текстов отдельных ветхозаветных книг. Даже с учетом рукописных копий с печатного оригинала тексты Ветхого Завета оставались недоступны большинству читателей. В сегменте богослужебных текстов наблюдается длительное (иногда более 100 лет) использование ранних печатных изданий как единственных имеющихся в наличии богослужебных книг. В целом, можно сделать вывод о консервативности региональной книжной культуры на материале монастырей и приходских храмов Европейского Севера России в XVIII в.

Летина Наталия Николаевна

Ярославль

Ярославский государственный педагогический университет

имени К. Д. Ушинского, профессор кафедры культурологии

Доктор культурологии, доцент

Детский текст Великой Отечественной войны

в художественной культуре середины XX века – начала XXI века

2020 год в Российской Федерации был объявлен годом памяти и славы. 2021 год маркирован датой 80-летия начала Великой Отечественной войны. И хотя в сложившемся контексте пандемии акценты быта и бытия в коллективном сознании сместились, осмысление культурного наследия и памяти о Великой Отечественной войне является актуальной задачей отечественной культурологии. Предлагаемый доклад посвящен культурологическому осмыслению детского текста Великой Отечественной войны в художественной культуре 1941–2020 гг. На материале художественных произведений взрослых 1941–2020 гг. в сфере литературы, скульптуры, изобразительного искусства, кинематографа выявлены основные парадигмы, модальность, принципы и смыслы рефлексии на тему «дети и война» применительно ко Второй мировой и Великой Отечественной войнам. В частности, доминантными парадигмами литературной рефлексии о детях и войне является страдающее, травмированное военное детство, где дети – беззащитные жертвы, которым суждено погибнуть (А. Ахматова, Б. Окуджава, Н. Коржавин), и патриотическая национальная героика (В. Богомолов, Е. Ильина, В. Катаев, Л. Кассиль, М. Шолохов, Р. Рождественский, К. Симонов, книги о пионерах-героях). Осмысление темы в изобразительном искусстве началось синхронно событиям Второй мировой и Великой Отечественной войн, в эстетическом измерении духовно-нравственной проблематики прошло путь от аутентичной, оперативно документалистской фиксации художников-современников (Я. Лившиц, А. Пахомов, М. Сычев) до актуализации и интерпретации в пространстве мыслимого современными творцами (Э. Белогуров, А. Гугель, А. Суровцев). Культурное значение скульптуры в отношении темы детства и войны – главным образом, мемориализация. Обширный комплекс кинематографических интерпретаций детства на войне обычно связан с экранизацией известных литературных произведений, нередко инспирирован актуальными тенденциями современной культуры и конкретными вызовами геополитики; но всегда несет индивидуальное режиссерское их видение (А. Тарковский, Т. Вайтити, А. Галибин). Дети в период Второй мировой войны являлись ее непосредственными участниками и жертвами. Они впитывали в себя травматичный опыт, превосходящий психозоциональные возможности детства, но выражали его в формах, характерных именно для детей и доступных даже в такое невыносимо тяжелое время, – в рисунках. Фиксация культурной памяти в рисунках детей – узников гетто и концлагерей, выражая индивидуальный мировоззренческий и эмоциональный фон, является страшной в своей непосредственности констатацией факта, документалистской фиксацией события. В фокусе оказывается неотвратимая, кошмарная повседневность лагерной безысходности, доступная осознанному и бессознательному восприятию детей в конкретике лиц, предметов, деталей. Детский текст Великой Отечественной войны – неизменно болезненный, но и необычайно значимый в имманентной способности диагностировать трансформации и перспективы человечности.

Специфика воспроизводства культуры и цивилизации

1. Методологический подход к осмыслению культуры и роли субъекта культурного процесса с позиций синергетической философии истории. Развитие способности к воспроизводству креативной ментальной способности членов сообщества обусловлено динамизмом подхода к проблеме синтеза идеалов с позиций синергетической философии истории, в условиях неизбежности цивилизационного выбора, когда синтез идеалов, согласно закону самоорганизации социокультурных идеалов, приобретает новую актуальность и все возрастающее значение не только как культурный, но и как социальный процесс.
2. Специфика самоорганизации воспроизводства культур локальных цивилизаций. Для анализа органической связи культуры со спецификой каждой локальной цивилизации были использованы метод дуальных оппозиций и закон самоорганизации социокультурных идеалов.
3. Специфические закономерности формирования и воспроизводства культур локальных цивилизаций: историко-философские и психологические аспекты. К началу XXI столетия сформировалось десять основных методологических подходов к осмыслению культуры и роли субъектов культурного процесса в ее воспроизводстве, ориентированных на осмысление культуры в качестве:
 - общего процесса интеллектуального, духовного и эстетического развития человечества, нацеленного на социокультурные и религиозные идеалы;
 - особого пути, реализуемого нацией, народом или этнической общностью, в соответствии с разделяемыми ими социокультурными и религиозными идеалами;
 - совокупности производных креативной ментальной активности субъектов саморазвития;
 - процесса культивирования субъектами самоопределения внешних форм окружающей среды с целью их адаптации к потребностям субъектов в качестве «культурных животных»;
 - социального домена, охватывающего дискурсы и их материальные производные, служащие отражением сдвига культурных смыслов на пути эволюции человека от «биологического» к «культурному», «социальному» и «идеологическому» животным;
 - производного «символических коммуникаций» представителей различных локальных цивилизаций;
 - производного конструктивной ментальной активности представителей локальных цивилизаций, ориентированных на социокультурные и религиозные идеалы и провозглашаемые ими ценности, определяющие смысл существования;
 - массива информации, способной оказывать воздействие на поведенческие и ментальные стереотипы субъектов самоопределения, ведущее к необратимым качественным трансформациям человечества;
 - совокупности информационных ресурсов, доступных субъектам саморазвития в ходе их взаимодействия с окружающей средой;
 - открытой диссипативной системы, а субъектов культурного процесса — в качестве носителей импульса де-струкции, ведущей человечество к стадии Суперменеза на потенциально бесконечном пути к Абсолютному Идеалу (в качестве глобального предела самоорганизации и постижения абсолютного общечеловеческого смысла жизни).

Сельченко Елена Константиновна

Минск

Белорусский государственный университет,

факультет социокультурных коммуникаций,

старший преподаватель кафедры культурологии

Магистр гуманитарных наук (культурология)

Гностические топосы как константа германской культуры

Гностицизм как религиозно-философский феномен культуры был усвоен последующей европейской культурой через гностические топосы — культурные константы, оформившиеся на основе мировоззрения исторического гностицизма, которые несут в себе культурно-генетический код и способны вырабатывать новые значения в ходе усвоения творческим сознанием в рамках мировоззренческой концепции конкретной культурной эпохи. В германской культуре гностические топосы стали четко выраженной константой и воспроизводились на всем протяжении ее развития. В разные периоды развития германской культуры гнозис представляется как священное копьё с начертанными рунами, Грааль, мистическое откровение, «философский камень», научное познание, поэзия (музыка), социальное творчество. Характер взаимодействия между поздним древнегерманским язычеством и ранним христианством

предопределил активное заимствование и органичное усвоение гностических идей культурами германских народов. Орден как военизированное сообщество избранных, восходящее в германской культуре к дружине Одина и соединенное впоследствии с христианской мистической традицией, стал неотъемлемой составляющей германской культуры, приобретая специфические характеристики общества посвященных, обладателей тайного знания, борющихся за переустройство мира. В эпоху Средневековья гностические топосы встраиваются в христианскую мистическую и богословскую традицию и к XVII в. становятся неотъемлемой частью духовного поиска. В средневековой германской культуре гностические топосы можно видеть в сюжете о Граале, который стал переосмысленным воплощением гнозиса во всех последующих своих трансформациях. Особенно ярко специфика германской культуры, включающая и гностические топосы, проявилась в период Реформации в ходе борьбы с Римской Католической Церковью, актуализировавшей гностическое противостояние власти. Образ гностика как посвященного в эпоху Реформации отразился в образе Фауста, ставшего квинтэссенцией германского восприятия Сверхчеловека. Являющийся в немецкой культуре константой, образ Фауста аккумулировал в себе германский гнозис Поздней Античности, Средневековья и Реформации и ярче всего проявил свою гностическую основу в творчестве И. В. Гёте. Внутренняя преемственность образов Одина, Зигфрида, Парцифалья, Фауста и Заратустры обусловлена развитием представления о гнозисе в немецкой культуре. Поиск и обретение тайного знания выразились в немецкой культуре в стремлении к Сверхчеловечеству, которое прослеживается на протяжении всего ее развития. Претензии на божественный статус, сопровождающие искушение тайным знанием, проявляются как в фаустиане, так и в романтической традиции, немецкой философии идеализма и политической практике начала XX в. Развитие гностических топосов в германской культуре способствовало формированию представления об идеальном царстве. Все социальные и политические утопии, представленные в разных формах на разных этапах развития немецкой культуры, также восходят к гностическому мировоззрению.

Сергеев Дмитрий Валентинович

Кембридж

Кембриджский университет, научный сотрудник

Доктор философских наук, доцент

Реконструкция культурного кода одинокого материнства в СССР 1945–1985 годов

Одинокое материнство — редкая тема в отечественном гуманитарном знании. В России не существует фундаментальных работ по проблемам одиноких матерей в СССР и современной России. Тема затрагивается в отдельных статьях по социологии, педагогике и психологии, в своей массе негативно определяющих это широко распространенное явление в стране и мире. Одинокое материнство считается социальной трагедией или личной драмой женщины. В то же время зарубежные исследователи подвергли тщательному анализу это явление на советском и российском материале. В частности, Д. Утрата описала культурный код российского одинокого материнства, назвав его «практическим реализмом». Он определяется новым экономическим контекстом (переход от плановой экономики к неolibеральной рыночной системе) и необходимостью выживать в сложных условиях. Если определение «одинокая мать» было закреплено в советском семейном кодексе, то законодательство после 1991 г. практически отказалось от его использования. В контексте реставрации традиционных ценностей одинокое материнство рискует подвергнуться ремаргинализации. Пытаясь понять истоки данного явления, я реконструирую культурный код советского одинокого материнства на литературном и кинематографическом материале. Он несет культурные противоречия того времени. Юридическое закрепление категории «одинокая мать» (изначально в 1944 г.) легитимировало положение одиноких матерей и отражало попытки государства заставить женщин заводить детей вне брака в условиях послевоенного демографического дисбаланса. Но общество продолжало негативно относиться к явлению, понимая его необходимость, но не желая преодолевать стереотипы. Я исследую появление культурного кода в послевоенный период. Он выражает противоречия культурного отношения и допустимость «хорошей/положительной» одинокой матери. Главные методы исследования: контент-анализ, корпусный анализ. Эмпирический материал: 12 рассказов и повестей (авторы: В. Панова, И. Грекова, М. Ганина, Ю. Трифонов, М. Халфина, Н. Баранская, И. Велембовская, В. Токарева, В. Сидоренко) и 4 художественных фильма (режиссеры: П. Любимов, В. Фетин, В. Меньшов), где мать-одиночка является главной героиней или важным второстепенным персонажем. Все произведения созданы с 1959 по 1985 г., с начала «оттепели» и до начала перестройки, когда данная тема стала обсуждаема. Содержание (рестриктивного) кода выстраивается вокруг семи основных ценностно-смысловых блоков: аборт, девственность, отношение к мужчинам, воспитательные стратегии и отношение к детям, вредные привычки (курение), профессиональная карьера и образование, (повторный) брак. Эти блоки задают «грамматику» или репертуар символов (У. Эко) советского культурного кода одинокого материнства, который изменяется со временем и утрачивает свою императивность и жесткость в отношении социально допустимого поведения одиноких матерей. Контент-анализ позволяет воссоздать гендерное измерение социального отношения к матерям-одиночкам, а корпусный анализ — интенсивность

Скородум Никита Всеволодович

Санкт-Петербург

Альманах постюнгианской психологии и культуры «Новая весна»,
член международного редакционного совета

Русская идентичность в рамках комплементарной теории

Теория комплементарности восходит к седой древности. Так, мы находим ее во второй станце древнекитайского даосского манифеста. К аналогичному выводу приходит древнегреческий философ и врач Эмпедокл, согласно которому в основе мироустройства лежит извечная борьба любви и вражды. Позднее к теории комплементарности обращался Жан-Поль Марат, а также Гёте, положивший ее в основу «Учения о цвете». Согласно Б. Ф. Поршневу, любая общность базируется на противопоставлении «Мы и Они». На комплементарной составляющей зиждется карта этносов Клавдия Птолемея. Яркие примеры противопоставления культур приводят П. А. Флоренский в «Иконостасе» и Д. С. Мережковский в работе «Тайна трех. Египет – Вавилон». Согласно автору фундаментальной истории евреев Генриху Грецу, только наличие сильного египетского элемента в культуре иудеев воспрепятствовало их ассимиляции и растворению в «Вавилонии», оппозиционной «Египетскому миру» [Graetz 1874, 1. Bd. S. 369]. Многие исследователи приходят к выводу о комплементарности сопряженных друг с другом наций спорадически: «Как раз в оппозиции, но при постоянной связи выявлялись несхожие образы культур – литовский и польский. Их отношения можно было бы назвать комплементарными [1]: каждая из этих культур находила в другой свою противоположность и дополнение, реализацию запрещенных или недостижимых ценностей» [Тананаева 1979. С. 15]. Как перейти от подобных спорадических прозрений к пониманию глубинной сути явления? Сделать это можно, обратившись к теории развития. В свете последней само возникновение и существование наций обязано процессу их взаимного размежевания. Концепция геополитической комплементарности подводит нас к мысли о том, что русская идентичность не может быть найдена до тех пор, пока мы будем искать ее, не выходя за рамки Русского мира, вне связи со столь же противоположной, сколько и комплементарной ей великой нацией. Так, по словам видного немецкого ориенталиста Бертольда Шпулера, написавшего фундаментальную историю Золотой Орды, понять перипетии этого государственного образования можно только обратившись к исследованию ее связей с государствами-партнерами, т. е. не из нее самой. С помощью подробной аргументации, изложенной в докладе, сделана попытка предположить, что такой страной – побратимом РФ в европейском геополитическом пространстве может быть только страна Одина. Таким образом, с позиций теории комплементарности, выявление всех аспектов русской идентичности требует ее систематического сопоставления с духовным миром Германии.

Список литературы:

1. Graetz 1868 – Graetz, Dr. H. Geschichte der Juden von den ltesten Zeiten bis auf Gegenwart. Leipzig : Oskar Leiner, 1868–1878. 11 Bde.
2. Тананаева 1979 – Тананаева Л. И. Сарматский портрет. Из истории польского портрета эпохи барокко. М. : Наука, 1979. 303 с.

Чирскова Ирина Михайловна

Москва

Российский государственный гуманитарный университет, старший
преподаватель

Культурная политика правительства Анны Иоанновны в законодательстве Российской империи (1730–1740)

Культурная политика аннинского царствования до сих пор не стала предметом специального исследования. Законодательные источники показывают, что, вопреки бытовавшему в историографии мнению, сохранялась преемственность, а круг вопросов и основные направления культурной политики, обозначенные еще Петром I, оставались актуальными. Власть высоко ценила духовно-объединяющую и идеологическую роль религии, заботилась о чистоте веры, стимулировала принятие православия, давала льготы новокрещенцам, следила за нравственностью подданных, дисциплиной и образованием священнослужителей, регламентировала постриг, вела борьбу с расколом, ересями, колдовством и пр. Сохранялись и элементы веротерпимости: разрешалось свободное богослужение и строительство церквей, но категорически запрещалось обращение русских подданных в иные веры. Образовательная стратегия правительства была направлена на освобождение дворян от принудительной службы. Впервые было создано дворянское учебное заведение нового типа – Кадетский корпус, ставший впоследствии крупнейшим культурным центром России XVIII в. Разрабатывались учебные планы, устанавливался порядок свидетельствования и контроля

за знаниями и поведением недорослей. Образованность поощрялась чинопроизводством, а нерадивость каралась отправкой в матросы. Указы высвечивают и проблемы: например, нехватку учителей русского языка. Существенных шагов в сфере науки не было, но упорядочили отчетность, утвердили печать, учредили «семинариум» Академии наук; отправлялись экспедиции для «астрономического дела», производился учет способных учеников, с указанием профиля подготовки, для возможного использования в научной деятельности. Издательская политика правительства Анны Иоанновны носила ограниченный характер, не отличалась гибкостью, отсутствовало необходимое финансирование. Эпизодический контроль свидетельствовал о недостаточном развитии печати и ограниченном круге ее потребителей. Однако бдительно следили, чтобы не появлялись «вымышлено-затейные, предосудительные» замечания в адрес близкого окружения императрицы. Значительное место в культурной политике занимало благоустройство столиц, строительство дорог, борьба с пожарами и наводнениями, экология, а также вопросы нравственности, борьба с нищенством, бродяжничеством и благотворительность. Запрещались шум и драки в городах, игры «в карты на деньги и в кости», в 23 городах империи была учреждена полиция. Именно в аннинское правление были заложены основы банковского дела, сделаны шаги по организации в городах специальных помещений для хранения документации (архивов). Совершенствование почтовой связи как канала не только политико-экономической, но и культурной коммуникации (например, контакты с экспедицией В. Беринга) также было задачей правительства. Далеко не все, намеченное аннинскими указами, было воплощено в жизнь, о чем свидетельствует последующее законодательство. Вопросы же экономии государственных средств всегда оставались определяющим фактором культурной политики.

Шода Марина Юльяновна

Минск

Белорусский государственный университет, факультет
социокультурных коммуникаций, кафедра культурологии,
заведующая кафедрой культурологии
Кандидат филологических наук

Миф в художественной системе Уильяма Батлера Йейтса

На рубеже XIX–XX вв. формируется новая культурная парадигма и новый тип художественного мышления, что было обусловлено кризисом позитивистского и рационалистского мировосприятия и возвращением интереса к мифу как к возможному средству для нахождения универсальных ответов на онтологические вопросы времени. На основе мифопоэтической образности некоторые творцы создают поэтические вселенные, которые воздействуют на формирование художественного облика литератур на национальном и наднациональном уровнях. Подобным образом можно определить творчество ирландского англоязычного поэта и драматурга Уильяма Батлера Йейтса (William Butler Yeats, 1865–1939) и его роль в становлении и развитии ирландской литературы на протяжении всего XX в. Интерес исследователей к У. Б. Йейтсу обусловлен разнообразием тем и оттенков его творчества, кардинальностью поэтической эволюции. Среди его наследия – стихи, драмы, эссеистика, сборники литературно обработанного фольклора, многочисленные письма и статьи, творчески переосмысленная биография и детально разработанная мифо-философская система, которая является ключом к осмыслению его поэтических текстов. Условно можно выделить три периода художественного пути У. Б. Йейтса, которые соответствуют этапам трансформации мифологической составляющей в его творчестве:

- 1) 1885–1904 гг. – раннее творчество, для которого характерны неоромантические и символистские черты, интерес к фольклору;
- 2) 1904–1916 гг. – промежуточный период, поиски новой поэтики, переход от мифологической сюжетности к использованию образов реальной жизни;
- 3) 1916–1939 гг. – зрелое творчество, мировоззренческая основа которого сформулирована в мифо-религиозно-философской концепции, которую критики считают фундаментом мифотворчества Йейтса.

Таким образом, мифопоэтические составляющие творчества У. Б. Йейтса в контексте актуализации мифа как фактора обновления культуры и художественного мышления на рубеже XIX–XX вв. и в соответствии с тремя этапами творческого пути ирландского поэта можно определить как:

- 1) топос, а именно транслятор художественной и онтологической информации, который втягивает читателя в диалог с автором благодаря созданию общего контекста понимания;
- 2) дискурс, который придает автобиографическим и реально-историческим фактам мифопоэтическое измерение и выстраивает мифоконструкцию, направленную на определенное социальное действие;
- 3) мировоззренческую основу, фундамент мифотворчества, сформулированный в авторской мифо-религиозно-философской системе.

Антропология культуры

Модераторы Н.Л. Пушкарёва, Д.А. Алисов

Алисов Дмитрий Андреевич

Омск
Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва,
старший научный сотрудник, начальник отдела
Доктор исторических наук, доцент

Культурный ландшафт города как исторический текст

Одним из центральных вопросов в современном ландшафтоведении является проблема сосуществования и взаимодействия «прошлого» и «настоящего» в едином городском пространстве. Данная проблема усугубляется тем, что в комплексах наук, изучающих культурный ландшафт города, имеются не только существенно различные методологические подходы к изучаемому объекту, но и различное понимание базисных категорий. В подавляющем большинстве современных исследований прошлые состояния ландшафта присутствуют лишь в «снятом виде» (по Гегелю) — как остаточные фрагменты предшествующих этапов его формирования и развития инкорпорированных в «современность». Механизмы формирования исторической памяти в городской среде, как правило, обходятся стороной. Подобный подход сильно ограничивает наши представления об одной из важнейшей духовной (нематериальной) составляющей культурного ландшафта города — его исторической памяти. В последние годы в исторической науке стали активно изучаться проблемы формирования и трансляции исторической памяти с опорой на западную научную школу *memory studies* (*memory research*), основные теоретические и методологические постулаты которой были разработаны М. Хальбваксом, П. Нора, П. Рикером, Я. Ассманом и продолжены в работах Т. П. Емельяновой, Л. П. Репиной, А. В. Святославского, М. М. Федорова и др. Следует отметить, что исторические образы и смыслы, созданные человеком, закрепляются с помощью материальных объектов в городском культурном ландшафте подобно тому, как человеческая мысль фиксируется знаками письменности. Существует множество способов фиксации исторической памяти города в городском ландшафте (музеи и музейные экспозиции, памятники и коммеморативные практики, планировка и архитектурные объекты, топонимические системы и многое другое). Историческая память города не может существовать без материального культурного наследия. Историческая память городского культурного ландшафта является его важнейшей антропогенной функцией: «ибо человек никогда не живет только своим временем: незаметно для себя — через материальную культуру, выработанные предками поведенческие нормы, речь — он вбирает в себя историю народа, страны». Таким образом, прошлое в известной мере продолжает жить в современности, а не исчезает бесследно. Оно живет в материальных процессах, в сознании людей, в сложившихся общественных связях, политическом строе, произведениях искусства, традициях.

Игнатов Михаил Александрович

Белгород
Белгородский государственный институт искусств и культуры,
Белгородский государственный технологический университет
имени В. Г. Шухова, директор Славянского центра культуры БГИИК,
доцент кафедры философии, культурологии и науковедения БГИИК,
профессор кафедры теории и методологии науки БГТУ
имени В. Г. Шухова, профессор кафедры философии и теологии НИУ «БелГУ»
Доктор философских наук, доцент

Сетевая парадигма в культуре: философско-культурологическая интерпретация

Концептуализация процесса формирования культурной феноменологии и типологии сетевых форм, сетевых структур и полей в природе и культурно-цивилизационных системах — сравнительно-философское определение сетевой методологии в контексте основных методологических стратегий и практик современности, с учетом процессов сетевизации, в орбиту которых вовлекается субкультурный дискурс, приобретая черты сетевых феноменов, обоснован переход к новой коммуникативно-сетевой модели, в основании которой сетевая логика мультимодального пространства и новые формы/принципы построения коммуникаций (обоснование парадигмы отхода от жестких демаркационных границ культура/субкультура). В своем первоначальном виде парадигма сети присутствует уже в философии Ф. Бэкона (паук/муравей/пчела — все «сетевики») и в последующей философии и социологии (Д. Дидро, Г. Лейбниц, Г. Тард, Г. Гарфинкель, Ж. Делёз, Б. Латур, Л. Болтански и др.).

1. Сетевая парадигма — это не столько новый проект социальных наук, у истоков которого находится «изначально породившее его удивление» (по Б. Латуру), сколько новая конкретизация системной методологии исследования

- нелинейных, горизонтальных связей и ассоциаций в сложной реальности постиндустриального мира, где испытанию подвергается способность людей устанавливать связи, меняются представления о справедливых формах утверждения свободы человека в сетевом миропорядке.
2. Мы обосновываем феномен «сеть» в качестве новой культурной реальности с подвижными текучими границами, восходящий к аналогам в природно-материальной действительности, которая по мере развития сетевых структур устанавливается и меняется самой «сетью» и деятелями-интеллектуалами, носителями специфической «сетевой ментальности» и «нет-мышления». С одной стороны, «сеть» — это современный миропорядок с новой «сетевой логикой», где идут процессы девальвации традиционных дискурсов, форм общения и мыследеятельности в пользу виртуальных и глобальных сетевых моделей; с другой стороны, «новая суперсеть» — это «стоячая волна перемен» (К. Келли), в которой будущее остается принципиально непредсказуемым, предполагая новое отношение к миру в границах личной ответственности и автономии индивидуума.
 3. Движение по вертикали в сложноорганизованных системах предполагает достаточно устойчивые прямые связи, а горизонтальное взаимодействие — большее разнообразие и гибкость структурных отношений. В этом смысле горизонталь — это образ «весов», где в отличие от вертикали единицей измерения выступает не масса и количество, а качество объекта или критерий эффективности процесса. Горизонталь осмысливается как пространственная организация культуры и сопряжение различных культурных дискурсов. Горизонтальные связи коммуникаций, включая неформальные, укрепляют каркас социальных и гражданских структур, расширяя свободу индивидуума до границ ответственности за «Другого». При этом множественность различий вместе с их сетевой связанностью и взаимозависимостью в системных феноменах и дискурсах сетевой культуры могут приводить к потере собственно человеческого, личностного измерения в новом киберфизическом, квантовоподобном мире.
 4. «Нет-мышление» можно идентифицировать как способ интеллектуального и ценностного освоения индивидуальным субъектом информационно-виртуальной реальности и возможность анонимного самовыражения. Логика сетевого «нет-мышления» стимулирует так называемый протейческий стиль поведения, который культивирует чувство собственной уникальности и значимости, повышая потенции к легкости личностной трансформации, подобно мифологическому многоликому Протею, образ которого применен в бэконском осознании человеческого разума. Одновременно интернет-дискурс, формируя и культивируя «нет-мышление», становится своего рода испытательной площадкой для тренинга «человека-виртуального», осваивающего свои новые образы и формы самопрезентации.
 5. Сегодня можно говорить о новом сетевом типе общества как о «нормальной» (Э. Тоффлер), но «другой» модели мироустройства, социально организованной по сетевому принципу, и о становлении информационно-медийной сетевой культуры, в которой на основе принципов всеобщей коммуникации и правил добросовестной конкуренции будут решаться две взаимосвязанные проблемы. Первая связана с качеством жизни человека, включая все модусы (от социально-политических и экономических до культурных и ментальных), а вторая — с преодолением радикальных форм отчуждения и самоотчуждения, разрыва «в ситуации человека», затрагивающего его онтологию. С учетом того, что коммуникативный ареал медийных сетей стал всеохватным и неуклонно наращивает экспансию своего влияния, встает проблема аксиологических границ информационный и медийных сетевых потоков, их смещения в сторону этических императивов на этапе перехода от «человека виртуального» к «человеку ответственному».
 6. Повсеместная экспансия технологий виртуальной реальности связана с компенсаторной функцией, которая путем компьютерных симуляций призвана восполнить дефицит или отсутствие природной и социальной реальности. В итоге «человек «сетей»» застает себя не в объективной реальности как естественной данности, а живет, любит, страдает в ее виртуальном симулякре, не осознавая порой ее условность и возможности выхода из нее. Границы виртуализации свободы определяются процессами коммуникации, в создании людьми «символических благ», а межличностные отношения парадоксально трансформируются в отношения между образами, полагающими границы и перспективы реализации свободы «человека виртуального». Парадоксальность процессов виртуализации связана с тенденцией превращения устойчивой и объективной реальности в эфемерную, нестабильную, описываемую принципом anything goes, когда сущность, онтология человека отчуждается в виртуальное существование.
 7. Процессы сетевизации в постиндустриализме полагают парадоксальное субкультурное многообразие, которое определяет отход от жестких демаркационных границ в сфере «культура — субкультура» и вовлекает в свою орбиту новые коммуникативно-сетевые модели с более гибкой системой взаимоотношений. Это подразумевает другую аксиологию субкультур и субкультурности, ее смещение в сторону отказа от рассмотрения субкультурных феноменов исключительно как контркультурной оппозиции по отношению к базовой культуре; предполагает дифференцированный подход в оценке степени маргинальности и деструктивности субкультурных сетевых сообществ, объективный учет их инноваторского потенциала.

Круглова Лариса Константиновна

Санкт-Петербург

Государственный университет морского и речного флота
имени адмирала С. О. Макарова, профессор кафедры философии,
психологии и культурологии

Доктор философских наук, профессор

Антропология культуры как лейтмотив культурологии

Основой культурологии как науки является аксиоматическое положение, согласно которому человек есть творец и творение культуры. В соответствии с этим все содержание культурологии должно быть пронизано идеей неразрывной связи культуры и человека. Наибольшими возможностями в плане органического соединения идейных доминант культурологии — человека и культуры — обладает антропологический подход. С его позиций культура определяется как способ саморазвития человека, благодаря чему исследовательская оптика оказывается изначально настроенной на синтез антропологической и культурологической проблематики. Для его осуществления необходимо включение в теорию культуры антропологической компоненты в виде концептуальной схемы структуры сущностных сил человека. Эвристически перспективной представляется в этом отношении авторская схема, построенная на основе идеи о принципиальной двойственности человека. Так, человек представляет собой единство противоречивых начал: телесного и духовного, субъектного и объектного, индивидуального и универсального, личного и общественного, биологического и социального. Его духовность также является внутренне противоречивым единством рационального и эмоционального. Данная схема открывает возможность решения основных проблем теории культуры. Так, становится очевидным, что главной функцией культуры является человекотворческая функция, главным срезом структуры культуры — антропологическая структура, т. е. ансамбль определенных человеческих качеств, необходимых для выполнения культурой адаптационной и негэнтропийной функций, имеющих витальное значение как для общества, так и для отдельного человека. Антропологический критерий может быть положен в основу построения содержательного варианта типологии культуры. Теория культуры, основанная на антропологическом принципе, дает возможность решения вопроса о критерии прогресса в культуре, каковым с этих позиций следует признать все более полное развитие сущностных сил человека. Отсюда открывается путь на решение проблемы гуманизма, определение целей государственной культурной политики и, соответственно, критериев культурологической экспертизы. Антропологический подход не только не исключает возможности применения других подходов, но, напротив, настоятельно требует этого и способствует более полной реализации их потенциала. Это характерно не только для теории культуры, но и для всех других разделов и тематических направлений культурологии. Особое значение антропологическая составляющая имеет для решения проблем, связанных с темой культурного наследия, поскольку культурное наследие — это, прежде всего, способы и результаты развития сущностных сил человека. Отсюда следует, что ограничить антропологическое содержание культурологии рамками специального раздела — антропология культуры — это значит существенно обеднить смысл культурологии как науки о человеке и культуре. Антропология культуры должна стать лейтмотивом всего содержания культурологии.

Малышев Владислав Борисович

Самара

Самарский государственный технический университет, профессор

Доктор философских наук, доцент

Химеры российского воображаемого: к постановке проблемы

Важной и малоисследованной особенностью российского воображаемого является продуцирование химер в разных проекциях. Химеричность российского сознания выражается трояко. Во-первых, химеричность как нелепость, как правило, гипертрофированная. Во-вторых, химеричность как глубинная «сборка», парадоксальное соединение порой несоединимого. В-третьих, химеричность как несбыточная мечта, которая часто выливается в подмену реальности («хотели как лучше, а получилось как всегда»). Химеры российского воображаемого существенно отличаются от химер в «классическом», западном смысле слова. Химеры западного мышления достаточно просты, одномерны, обозримы. Химеры готического собора, химеры утопической государственности, химеры метафизического разума западной философской традиции, химеры искусства... Другое дело химеры российской ментальности. Вписанные в «зияющую пустоту» космических пространств российского сознания, они, словно некие диковинные чудовища очень живучи, обретая огромные размеры, вес и многомерность, управляя нашим сознанием по неким неочевидным парадоксальным законам. И, перефразируя стихи философа Вл. Соловьева, «вынудить машинами» рационального разума глубинные законы управления российским сознанием едва ли перспективно, если не востребовано духовное постижение реальности. В этом случае русский человек уходит «в подполье» своего сознания. Примеры социально-экономических химер достаточно известны: «славянофильство», «западничество», «диалектический материализм», «строительство коммунизма», «перестройка», насаждение механизмов «рыночной экономики», различного рода перманентные «модернизации», «инновационные

проекты» — как правило, это искусственно насаждаемые на российской почве фракции инородных элементов, которые плохо приживаются. Происходит это и потому, что они прививаются чаще всего в «чистом виде», без учета российской действительности и адаптации к ней, а также без внимания к особенностям устройства самого российского общества. Вся современная российская действительность предстает как живая декорация, система проектов, весьма демонстративных по форме, но короткоживущих и незавершенных. На низших уровнях коллективного бессознательного они скорее имеют облик монстра, чудовища. Чудо-юдо русской сказки, Соловей-разбойник русских былин, Индрик-зверь русских преданий... Химерические персонажи «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя... Многомерный сложный образ Руси как Птицы-Тройки... Но, кроме того что мы сказали о глубинах российского сознания, приходится также согласиться с Н. Я. Данилевским по поводу общих геополитических цивилизационных особенностей России. Ни к европейскому, ни к восточному европейскому культурно-историческому типу в «чистом виде» Россия не принадлежит. Поэтому «насаждение» западных химер на российской почве (да и восточных) малопродуктивно, как показывает сама жизнь.

Марков Борис Васильевич

*Санкт-Петербург
Санкт-Петербургский государственный университет, профессор
Доктор философских наук, профессор*

Цивилизационные проекты будущего России

Предлагается сравнительный анализ различных проектов будущего России. В большинстве своем модели цивилизованного общества представляли процесс европейской модернизации и претендовали на роль образца и одновременно служили критерием развития. Как внешнюю реакцию на европоцентризм можно расценить нашу славянофильскую критику Европы. В поисках своего пути мы снова заговорили о самобытности и вспомнили о «русской идее». В этой связи нельзя не упомянуть критику ориентализма Э. Саидом, который обвинил европейских ученых-востоковедов и писателей в создании колониалистского образа Востока. С одной стороны, нечто подобное можно усмотреть и в отношении России, которую тоже расценивают как недоразвитую Европу. И мы тоже стремимся модернизироваться, догнать и даже перегнать ее. С другой стороны, Саид почему-то не заметил вклад арабской культуры в развитие европейской цивилизации. Если сравнивать их в Средние века, то отставание Европы очевидно. Возможно, были времена, когда русские жили не хуже, а, может быть, даже лучше европейцев. Не вызывает сомнений и вклад русской культуры. Образцом внутренней борьбы с европоцентризмом является многотомный труд Г.-П. Дюрра. Правда, России он не уделял должного внимания. В связи с этим возникает вопрос о национальной культуре. Мы не говорим о национальной науке, но не сомневаемся относительно литературы, музыки, живописи. А что же философия? Если разум един для всех, то о национальной философии не может быть речи. Философия ищет всеобщее и необходимое знание, она ничем не отличается от математики. С точки зрения универсализма таково и христианство, для которого нет ни эллина, ни иудея. И все-таки существуют и никак не могут объединиться не только мировые религии, но и конфессии. Философия тоже имеет дело с разными ипостасями бытия, которое раскрывается в зависимости от способов его освоения. Больше того, поскольку философия опирается на ценности, то ее национальные особенности бесспорны. Значит ли это, что философии различных народов несоизмеримы? Мы не можем доказать мусульманину преимущества христианства, хотя допускаем возможность обращения в иную веру. Применимо ли это по отношению к философии? Думается, здесь ситуация иная. Даже если философия обусловлена географическими или биологическими факторами, то это не означает несоизмеримости различных философских направлений. Наоборот, привязка мысли к тому или иному топосу бытия как раз и обеспечивает возможность взаимопонимания. Различные философские системы — это вариации универсального духа, который вырастает из общего для всех мира. Исследование проведено при финансовой поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ (проект «Новейшие тенденции развития наук о человеке и обществе в контексте процесса цифровизации и новых социальных проблем и угроз: междисциплинарный подход», соглашение № 075-15-2020-798).

Партаненко Тамара Викторовна

*Санкт-Петербург
Издательство «Полторак», редактор
Кандидат философских наук*

Феномен пассионарности как фактор в анализе реалий

Сегодня термин «пассионарность» стал весьма популярен и звучит, так или иначе, почти ежедневно. Но чаще всего его употребляют не адекватно. Поэтому стоит уточнить его значение. Автор термина Л. Н. Гумилев ввел его в научный оборот в середине 1960-х гг. Первоначально не принятый, этот термин вызвал резкое отторжение, которое в дальнейшем перешло в порицание. Слово «пассионарность» перешло практически в разряд порицаемых, произносить его в научных дискуссиях было опасно. Сегодня этот термин чаще всего употребляется как положительная характеристика,

даже уважение, или же как, например, приободрение, пожелание кому-то стать пассионарием. Пассионарность — это только энергия в чистом виде, способность к действию. Не может быть характеристик энергии как хорошей или плохой, такими может быть вектор действия этой энергии, результат, подобно тому, как энергия атома может быть созидательной, но может и убивать, что зависит от ее направленности, а не от самой энергии. Физиологическая природа пассионарности — выборочная способность индивидов к горизонтальному уровню психофизической регуляции. Природа пассионарности — микромутация вследствие космического воздействия, выброса космической энергии, которая ударяет по нашей планете, подобно удару тонкого хлыста по глобусу, так это сформулировал в 1960-х гг. Л. Н. Гумилев. В те времена это звучало фантастикой, но сегодня мы знаем, например, о существовании квазаров, пульсаров, магнитаров, наконец, черных дыр, которые не только поглощают, но и выбрасывают материю и энергию, предполагается существование темной материи и темной энергии. Личностная диагностика человека крайне сложна, она возможна только в том случае, когда индивид совершает векторный поступок ради идеи, вопреки инстинкту самосохранения, притом добиваясь успеха. Хотя ориентировочно можно определить это свойство и по творческой активности, например. Яркие пассионарии начала XIX в. — А. С. Пушкин, безусловно, М. С. Лунин, очень ленивый пассионарий, страдавший чревоугодием И. А. Крылов, А. С. Грибоедов, П. Я. Чаадаев. Но энергия обладает свойством создавать поле, существует и биополе пассионарности, когда происходит энергетическая подпитка окружающих. Тогда любой гармоничный человек чувствует страсть к воплощению каких-то идей, но, лишившись его, теряет и энергию. Примером могут стать декабристы: среди друзей они ощущали в себе силы и стремление к борьбе за идеалы свободы, но, попав в изоляцию после ареста, они лишились энергетики, в действие пришел и возобладал инстинкт самосохранения и страх. Отсюда и проявились бесконечные покаяния, множественные взаимные отречения и доносы. Спасаясь от ареста, остается во Франции декабрист Тургенев. И наоборот, имея все возможности избежать ареста, в Петербург из Польши возвращается Лунин, только для того чтобы утвердить свои идеалы, вопреки инстинкту самосохранения. Внимание к явлению пассионарности не только желательно, но и необходимо в понимании и анализе исторических и актуальных реалий.

Перова Екатерина Юрьевна

Москва

Московский государственный лингвистический университет, доцент

Кандидат культурологии, доцент

Религиозная антропология как междисциплинарное пространство на современном этапе

На современном этапе все большее значение приобретает междисциплинарное пространство исследований. В отечественной истории в науке о человеке с конца XX в. стало возможным привлечение религиозных контекстов. Культурная антропология рассматривает человека не только как биологическое существо, но и как духовное. Это достаточно широкое направление, с которым связано изучение верований в традиционных и современных обществах, этнопсихологические и поведенческие стереотипы, дискурсивность взаимодействия того или иного общества и религиозного института, отражение представлений человека о мире и самом человеке в предметах материальной культуры конкретной эпохи и др. В связи с этим видится важным сопоставление и исследование взглядов на проблему представителей европейской и отечественной научной традиции, а также на различные подходы и аспекты к изучению человека с позиций светского и религиозного мировосприятия. Среди ценностей, имеющих первостепенное значение, религия занимает (согласно статистическим данным) одно из первых мест. Наряду с такими как семья, образование, любовь, интересная работа, друзья, деньги, общественное положение, национальные ценности. В сфере религиозного мировосприятия существует возможность найти примирение противоречий, обычно сопровождающих жизнь. И этот аспект востребован в переживаемый нами исторический период. В пространстве культурной антропологии особый интерес и значение в качестве одного из важных «параметров» человеческой личности и культуры, ориентиров ее мировосприятия представляет категория «время». Неслучайно в XX в., когда мир был потрясен революциями и войнами, особенно пристрастным было внимание среди и отечественных, и зарубежных мыслителей к проблемному полю, связанному с понятием «время». По-разному, выявляя через временные характеристики светское и религиозное сознание, антропологи и культурологи определяют данную категорию: «священное» и «мирское», «линейное» и «сакральное», «церковное» и «светское» и т. д. В современное научное поле религиозной антропологии входит и сравнительно молодое направление исследований, связанное с экологическим пространством существования человека, в том числе экологии культуры. Вместе с тем актуальность текстов прошлого, в том числе и раннехристианских источников, сохраняется и даже возрастает. Именно в ушедшем столетии в различных науках осуществляются попытки выявить онтологически присущие человеческому сознанию элементы религиозного мировосприятия, изучается воздействие религиозного опыта на мировоззрение современного человека, указывают, насколько беднее стал мир в результате секуляризации религиозного культа, обращаются к человечеству с вопросом: выигрывает ли человек от десакрализации Мира? Актуальность сохраняется и в связи с проблемой возможности диалога в научном пространстве между представителями светского и религиозного мировоззрения.

Потапчук Елена Юрьевна

Хабаровск

Тихоокеанский государственный университет,
доцент кафедры «Философия и культурология»

Кандидат культурологии, доцент

Значение дачи в жизни современного россиянина

Дачный отдых предпочитают около 45 % россиян. Таким образом, дача была и остается одним из самых популярных способов отдыха жителей России. Отмечается, что примерно у половины российских городских семей имеется дачный участок. На генезис российской дачи оказали влияние: с одной стороны, процесс упадка и разрушения русской усадьбы, которая заложила и поддерживала традицию второго летнего жилья в России, с другой стороны, потребность решения продовольственной проблемы в СССР, из-за чего советская система вынуждена была разрешить не очень поддерживаемое из-за распространения частнособственнических настроений у населения дачное движение. Дачи как вариант летнего жилья, где еще и можно выращивать урожай, успешно приживались в пригородах российских мегаполисов и городов, что связано с особенностями урбанизационных процессов в СССР. В связи со стремительными процессами индустриализации горожанами становились переселенцы из сельской местности, которые и в городе сохраняли свой уклад жизни. Эти псевдогорожане ментально продолжали оставаться сельскими жителями, «скачали по земле», умели на ней хозяйствовать и быстро осваивались на добытых дачных участках. Очередной дачный бум в России случился в конце 1990-х – начале 2000-х гг. В этот период дача в жизни российского горожанина имеет разные значения: экономическое (источник продуктов питания, дополнительного дохода, капиталовложений, занятость), социально-психологическое (способ самореализации, возможность творчества, общения с друзьями, семьей, единомышленниками, объединение и сохранение семьи, отдых, оздоровление, связь с прошлым и детством), культурное (сохранение традиций) и пр. Эта многоликость дачи отразилась в разнообразных видах дачных практик горожан: наем работников (мигрантов и казаков), развитие самоуправления и инфраструктуры СНТ, ежегодные выставки садоводов, цветоводов и огородников, мастер-классы (по садоводству, по приготовлению и украшению блюд), конкурсы (огородных чучел, скворечников, частушек), клубы, объединения, имеющие издания, сайты, группы в соцсетях и пр. Однако в последнее десятилетие значение дачи в жизни россиян меняется. Дача становится, прежде всего, местом отдыха, местом проведения досугового времени. Российскую дачу называют побочным продуктом урбанизации (С. Ловелл, Т. Г. Нефедова). Именно эта особенность российской дачи – служить местом приватной жизни, приватного существования – становится актуальной на современном этапе ее эволюции. Таким образом, по результатам исследования материалов хабаровских СМИ и социальных сетей можно сделать заключение, что при снижении экономической значимости российской дачи возрастает ее иное значение как места «побега» от городского ритма жизни, уединения и обретения неподконтрольного обществу и государству образа существования. И этот поворот в переосмыслении феномена российской дачи восстанавливает ее прежнее значение, характерное для досоветского периода, – как территории частной жизни.

Пушкарева Наталья Львовна

Москва

Институт этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая

Российской академии наук, главный научный сотрудник,

заведующая Центром гендерных исследований

Доктор исторических наук, профессор

Гендерная экспертиза визуальных источников по истории аккультурации (советские женщины и пленные японцы, 1945–1956)

Одной из важных тем культурной антропологии всегда будет сравнение совокупностей идей, ценностей, представлений и моделей поведения представителей разных этносов, изучение точек пересечения и контаминаций культурных образов в процессе всех видов людских взаимодействий, включая сложные и противоречивые отношения между странами-победительницами и странами-побежденными. Один из примеров аккультурации последнего столетия дает история первого десятилетия после войны (1945–1955), когда жители страны-победительницы (СССР) оказались в вынужденном контакте с привлеченной для восстановления страны рабочей силой – интернированными и пленными. Применение методов гендерной экспертизы не только к нарративам того времени, но и к визуальным источникам (мемуарным рисункам очевидцев событий 1945–1956 гг.) имеет особую эвристическую ценность. Оно дает возможность представить подробности эмоциональной жизни людей разных культур и разного пола в обстановке экстремальной повседневности. Изучая историю аккультурации японцев на советской земле, анализируя их отношения с советскими женщинами, можно исследовать поведенческие реакции в нестатичной, меняющейся обстановке (от враждебности к приятию, затем к дружбе), во взаимодействии сложных чувств, ожиданий, стремлений и поступков. Кросс-культурологическое исследование выполнено на основании воспоминаний и мемуарных рисунков японских пленных и интернированных, работавших на советскую экономику десять лет после войны.

В процессе изучения истории аккультурации японцев на советской земле, их отношений с советскими женщинами выявляются нюансы отношений Японии и России, истории представителей мужской культуры и советских женщин, работавших, страдавших и любивших около полувека тому назад. Культура обстоятельств экстремальной повседневности заставила провести анализ поведенческих реакций в нестатичной обстановке и прийти к выводу о том, что неустойчивые и опасные условия жизни делали приятельские, дружеские, квазисемейные отношения крепче. Как менялись в такой обстановке сексуальные пристрастия и вообще что можно сказать об интимном мире тех, кто был окружен чужой культурой и враждебно настроенными людьми, говорившими на чужом языке? На эти вопросы можно искать и найти ответы в эго-документах особого рода, коими являются японские манга.

Соловьев Александр Васильевич

Рязань

Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина,

профессор кафедры культурологии

Доктор философских наук, доцент

Система вещей: дискурс повседневности

Повседневность наполнена вещами. Вещи сопровождают нас от рождения до смерти и представляют собой материальные следы нашего существования после смерти. Эти материальные следы имеют не только физические характеристики, но, самое главное, культурные, аксиологические, эстетические и семиотические значения. В этом смысле повседневность играет роль культурного контекста, пересекающего границы, традиционно установленные для нее экономикой и социологией. Материальная и в то же время семиотическая основа повседневности дает нам возможность исследовать не только онтологическую модальность вещи, но и ее символические значения. Таким образом, повседневность служит рамкой и контекстом для того, что делает ее культурной категорией. С этого момента мы можем перекинуть мост, соединяющий онтологию вещи (совокупность вещей, присутствующих в мире) и онтологию вещи Хайдеггера (совокупность вещей, существующих в мире). Таким образом, я рассматриваю вещь не просто как какой-либо материальный объект реальности, а артефакт, созданный руками человека для определенного использования и, таким образом, имеющий свое место в системе человеческих потребностей. Вещь не просто существует — она действует, поскольку имеет функцию/функции и символическое значение, придаваемое ей человеком с его культурным контекстом. Вещь, взаимодействующая с другими вещами как определенная система, порождает этот культурный контекст, ограничивающий человеческий выбор мышления и действий. Другими словами, вещь канализирует определенный способ восприятия реальности — определенную оптику ее фундаментального осмысления. «Духовный» и «одушевленный» характер и статус вещи описал коллекционер и исследователь древностей Алексей Васильевич Селиванов, который был одним из основателей и руководителей Рязанской ученой архивной комиссии, созданной в Рязани в 1884 г. для сохранения местного исторического наследия. В 1912 г. Алексей Васильевич Селиванов опубликовал свою так называемую фантазию под названием «Душа вещей», в которой он говорит о некой «атмосфере», окружающей вещь, принадлежавшие тому или иному владельцу, передававшиеся им «частицы своей психической энергии». Этот текст и будет отправной точкой дискурса повседневности вещей.

Соловьева Светлана Владимировна

Самара

Самарский государственный университет путей сообщения,

заведующая кафедрой философии и истории науки

Доктор философских наук, доцент

Культура присутствия в мире неопределенности

В обществе рождается новый тип неопределенности, сопровождающейся незнанием целей (ранее было незнание средств), незавершенностью, неполнотой (З. Бауман). Это приводит к отказу от долговременных структур, институтов, а многие устоявшиеся ценности в этих обстоятельствах «кажутся туманными и совершенно неуместными». Мир разделился на тех, кто пытается справиться с неопределенностью во что бы ни стало, и тех, кто понимает, что bastions стабильности и Просвещения уже рухнули. Ситуацию усугубило наступление пандемического мира. К такому повороту событий оказались не готовы наука, государство, культура. Новый вирус возвратил человека к вопросу о той стороне его существования, о которой культура (наука) забыла, — об исходном бытии человека — его биологически-природном начале, которое под сильнейшим напором трансгуманизма, генных технологий, киберкультуры, цифровой реальности фактически «вымывалось» из активного оборота. Это послало гуманитаристике запрос на рефлексию антропологических практик, выявление тех культурных оснований, которые позволяют современному человеку формировать новую «Культуру Присутствия» (Х. Гумбрехт, В. А. Конев), соразмерную миру неопределенности. Локдаун, цифровой контроль, дистанцирование привели к ощущению дефицита присутствия

и формированию ряда антропологических стратегий, позволяющих создавать новую культуру присутствия в мире неопределенности. Первую антропологическую стратегию можно назвать «регрессия к телесному». В рамках этой стратегии граница человеческому действию задается телом. Телесность — первична, тогда как время имеет вторичный характер. Сценарный репертуар стратегии огромный, но он сужает пространство действия человека и характеризуется сжатием ойкумены, жизненного мира до дома-капсулы. Через управление телом в границах домашнего мира выстраивается порядок существования человека. Вторая антропологическая стратегия связана с уходом, апатией, с одной стороны, и насилием, скептицизмом (ковид-диссидентством) — с другой. Эта стратегия ориентирована на выпадения из социального пространства и времени, уход из актуальности, непонимание и отрицание специфичности ситуации, дефицит готовности человека к изменениям. Вторая стратегия осмысляет культуру присутствия через дефицит присутствия, бинарные оппозиции, конфликт (богатство/бедность, свобода/заключение, работа/безработица и пр.), а практики дистанцирования рассматриваются как инструмент жесткого социального ранжирования. Третью антропологическую стратегию обживания мира неопределенности можно назвать «культивирование присутствия». Гумбрехт культивирование присутствия выстраивает в категориях тела/пространства/магии/космоса. В. А. Конев идею культуры присутствия разрабатывает через анализ «галактики Цукерберга», где производство присутствия означает не создание вещей/тел, но живое участие человека в событиях и процессах, имеющих смысл, а не просто универсальное значение. Приобщенность, сопричастность, вовлеченность — феномены новой культуры присутствия.

Шаповалов Михаил Сергеевич

Омск

Омский государственный университет, старший научный сотрудник

Кандидат исторических наук, доцент

Практика пешего паломничества в Палестину: переосмысление традиции в конце XX – начале XXI века

В докладе, основанном на путевых заметках и интервью паломников 1990–2020 гг., рассматривается проблема переосмысления традиции пешего паломничества на Святую Землю (Палестину). Пешее паломничество в русской традиции до 1917 г. занимало особое место, представлялось в качестве эталонной практики посещения святых мест, поэтому их описанию, внутренним переживаниям странников, связанным с ними, было отведено значительное место в дореволюционных паломнических текстах. Прервавшаяся после 1917 г. традиция, однако, не исчезала и получила новое развитие уже в 1990 г., когда с благословения патриарха Алексия II пешком из Сергиева Посада в Иерусалим отправилась журналистка Наталья Сухина. Это событие заложило процесс перезапуска традиции. Пешее паломничество в Палестину оказалось востребованной практикой в постсоветской России, в том числе в 2010 г. из Иркутска в Иерусалим вышли пешком Владимир Брагинцев и Александр Серебрянников. Автор в докладе преследует цель показать процесс построения практики пешего паломничества в новых социокультурных, экономических, политических и технических реалиях, как отточенная практика, сохранившаяся на протяжении всего советского периода, переосмысливалась новыми паломниками и окружающим социумом. Паломнические тексты (Н. Сухина опубликовала записки «Дорога, ставшая судьбой», 2010 г.) и интервью (В. Брагинцев записал несколько развернутых интервью в 2010–2012 гг.) демонстрируют, что в сознании новых русских паломников, а также тех людей, с кем они вступали в контакт, возникали те же самые вопросы, которые мы встречаем в текстах второй половины XIX — начала XX в.: зачем нужно идти именно в пешее паломничество, допустимо ли пользоваться современными техническими средствами (автомобиль, самолет, пароход), можно ли оставлять семью без средств к существованию из-за паломничества и др. Автор приходит к выводам, что пешие паломники выступили триггером для более широкого процесса — возрождения православной культуры в России. В методологическом плане доклад опирается на разработки Э. Хобсбаума (изобретение традиции).

Юрьева Марина Михайловна

Санкт-Петербург

Российский институт истории искусств, заместитель директора

Аспирант

Деятельность русских вокалистов-эмигрантов как фактор развития культуры Китая первой половины XX века

В первой половине XX в. Китай оказался местом небывалой концентрации русского духовного, культурного и творческого потенциала, открытым для диалога между различными традициями. Культурное наследие русских вокалистов оказалось востребованным как китайскими музыкантами, активно осваивающими «западную музыку», так и эмигрантской средой, тяготеющей к сохранению национальных традиций. Автором воссоздан коллективный портрет

и произведена реконструкция творческих биографий певцов и педагогов (В. Г. Шушлина, М. В. Осиповой-Закржевской, А. Н. Соловьевой-Мацулевич, М. В. Теодориди, Н. Н. Манвеловой, К. А. Хорват, А. М. Томской, О. Г. Ердяковой, Г. А. Ачаир-Добровотворской, Г. Г. Барановой-Поповой, С. М. Ульянова, П. Ф. и Е. И. Селивановых, В. А. Витерса, Г. С. Саяпина, М. Г. Крыловой и др.). Русские вокалисты-эмигранты рассматриваются в качестве малой социальной группы, деятельность которой стала одним из ключевых факторов развития вокального искусства и культурных процессов восточноазиатского региона. Изучение наследия русских вокалистов в Китае впервые осуществляется в рамках комплексного подхода (музыковедение, культурология, востоковедение), что позволяет рассмотреть искусствоведческую проблематику в широком историко-культурном контексте. Концертная деятельность русских вокалистов в Китае началась в конце XIX в. преимущественно в крупных портовых городах (Шанхай, Ханькоу). С постройкой КВЖД в Манчжурии сформировалась русская диаспора, появились первые вокальные педагоги (Петрова и др.). В первое десятилетие XX в. концертная жизнь в Китае стала богаче, но успех оперных антреприз все еще оставался сомнительным из-за больших затрат. С волной белой эмиграции наступило время расцвета музыкальной жизни русского зарубежья. «По всей Европе и Заатлантической республике совершает свое триумфальное шествие русское искусство — в лице вокальных, драматических и хореографических сил...» — писал харбинский журнал «Рубеж» в июле 1929 г. Японская оккупация, образование марионеточного государства Манчжоу-го и события Второй мировой войны повлияли на смещение центра музыкальной жизни в прибрежные области и Шанхай. Годы гражданской войны и образование в 1949 г. КНР, характеризующиеся упадком музыкальной культуры, привели к масштабному исходу русских вокалистов из приютившей их страны. В результате деятельности русских эмигрантов была сформирована китайская школа академического пения европейского типа (В. Г. Шушлин), вокальное искусство было адаптировано к типологическим особенностям тонального китайского языка, появилось понятие «китайское бельканто», была заложена основа для последующего развития оперного искусства КНР. Культурное наследие русских вокалистов-эмигрантов продолжает служить базой для творческого сотрудничества между РФ и КНР, способствуя сохранению вокального наследия от забвения, дальнейшему развитию и взаимодействию культур.

Ястребов Андрей Леонидович

Москва

*Российский институт театрального искусства — ГИТИС,
заведующий кафедрой истории, философии и литературы
Доктор филологических наук, профессор*

О необходимости диверсификации классической культуры

Потеря при реализации любого проекта, а тем более такого масштабного, как диверсификация классической культуры, не избежать. Сегодня нет возможности опереться на инструменты культурной политики, которые были эффективны в советском прошлом, поэтому необходимо прибегнуть к новым кардинальным средствам. Классике нужно диверсифицировать хотя бы для того, чтобы убедиться, что она — не упокоенная на страницах учебников малопонятная информация о страстотерпцах, но возобновляемый духовный и интеллектуальный ресурс. Не следует обольщаться мыслью, что спрос на российскую культуру всегда был на подъеме и неизменно ажиотажным. Тиражи книг А. С. Пушкина на хинди и урду не говорят ничего. Русская классика держалась в культурных лидерах за счет имперской мощи и глобального экономического спонсорства. После распада СССР русская культура на мировом рынке культур впала в период глубокой рецессии. Русскую классику следует диверсифицировать, т. е. отказаться от комплексного пакета услуг, традиционно предоставляемого советской империей: цирк, балет, лубок, юбилейные выставки. К этому продукту Запад, не говоря о внутреннем потребителе, уже привык. Не нужно бояться отдать один из сегментов культурного рынка специалистам-ритейлерам. Ведь по сути, как бы это чудовищно ни звучало для нежного уха, нет особой разницы в способах продвижения на рынке культуры или кофточек. Везде одни принципы построения бизнеса, одни операционные, производственные и маркетинговые модели. В современном бытовании культуры необходимо найти неразумным государственным тратам на ее поддержку в том виде, в каком она сложилась в советском имперском сознании, альтернативу. Потребитель не желает инвестировать в классику свои деньги или свободное время. Для обновления, возрождения и, что важнее, возвращения бренда культуры необходимо осознать неэффективность вызволения его из кризисного состояния традиционными методами. Необходимо сформировать общественный спрос на новый продукт. Боязнь модернизации и инерционность мешают реструктуризации совсем не классики, а отношениям человека с классикой. Нужна конкуренция, необходимо, чтобы классика вступила в борьбу с потребительскими брендами. Это может изменить мотивацию деятельности тех, кто отвечает за продвижение классики. Приоритетным должно стать создание условий для развития конкуренции, поддержки инноваций. Преимущество классики в том, что ее ценности не нужно создавать, они уже существуют. Нужно лишь выбрать маркетинговые подходы продвижения, что приведет к росту ее котировок. Советская матрица сознания себя исчерпала, заставить уважать традиционные символы культуры уже не удастся, нужны новые решения, обращенные в будущее, а не на консервацию архаики.

Культурное наследие

Модераторы **С. Ю. Житенёв, Т. А. Пархоменко**

Аксенова Галина Владимировна

Москва

Московский педагогический государственный университет,

Институт истории и политики, профессор кафедры истории России

Доктор исторических наук, доцент

Значение деятельности С. Д. Шереметева в сохранении и популяризации культурного наследия России

Член Русского археологического общества, Русского исторического общества, Русского географического общества, Императорского Православного Палестинского Общества, Православного миссионерского общества, председатель Археографической комиссии, действительный член Императорской Академии художеств, почетный член Академии наук, член Государственного Совета, историк и автор трудов по истории культуры Древней Руси, научных публикаций граф Сергей Дмитриевич Шереметев (1844–1918) заработал авторитет «хранителя преданий минувшего». Свое главное предназначение он видел в сохранении культурно-исторической памяти. Шереметев стал одним из основателей Общества любителей древней письменности, Русского генеалогического общества, Общества ревнителей русского исторического просвещения. По его инициативе был учрежден Комитет попечительства о русской иконописи. Формой сохранения культурно-исторического наследия С. Д. Шереметев, прежде всего, считал библиофильство. В подмосковном имении Михайловское он устроил книгохранилище, куда вошли книги, непосредственно им приобретаемые, а также коллекции, доставшиеся в наследство или приобретенные: Волочановская библиотека его деда С. В. Шереметева, библиотеки князя Долгорукого, Жемчужникова, Кобеко, Соболевского и многих других. Его библиотека стала лучшей из частных библиотек, когда-либо существовавших в России. Важным шагом в сохранении и популяризации культурного наследия стали писательские труды, издание книг и публикация книжных памятников и архивных документов. Это научные очерки об Иосифово-Волоколамском монастыре, Юрьеве-Польском, Михайловском, Кусково, о Псково-Печерском монастыре, публикация более 100 статей в журналах. Значимым детищем стал журнал «Старина и новизна». Созданный при участии С. Д. Шереметева Комитет попечительства о русской иконописи способствовал созданию школ в традиционных центрах иконописи (Палех, Мстёра, Холуй), а также открытию класса иконописи в Строгановском училище и создании иконописной палаты при Донском монастыре. Общество любителей древней письменности и его издания памятников русской культуры служили цели — «возбудить интерес к русской древней литературе, а в среде молодых ученых вызвать стремление к изучению памятников». Основанное С. Д. Шереметевым Общество ревнителей русского исторического просвещения было нацелено на «обновление творческих народных сил», на «умножение и распространение знаний по отечественной истории в духе русских начал». В конце жизни Шереметев, подводя итог сделанному, писал, что главным была «работа на сохранение и сбережение архивов и научных сокровищ», которую он выполнял «не покладая рук, не щадя живота».

Архипова Ольга Валерьевна

Санкт-Петербург

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,

профессор

Доктор философских наук, доцент

Гостиничный бизнес как средство сохранения объектов культурного наследия (на примере Санкт-Петербурга) (в соавторстве с А. С. Скобельцовой)

Санкт-Петербург — признанный центр мирового туризма, одним из факторов которого является развитая сеть предприятий размещения. Большинство данных предприятий расположено в историческом центре города, в охранной зоне, в зданиях, являющихся объектами культурного наследия федерального, регионального или местного значения. Задачи исследования: обоснование использования зданий, являющихся объектами культурного наследия, в качестве предприятий размещения с точки зрения сохранения зданий от разрушения; изучение особенностей владения объектом культурного наследия; анализ документов, необходимых для организации гостиничного бизнеса в зданиях — объектах культурного наследия. Предмет исследования: гостиницы, расположенные в бывших дворцах, замках, особняках, имеющих статус объектов культурного наследия. Исходя из Положения о классификации гостиниц (действует с 2021 г.), выделяется такой вид гостиниц, как гостиница, расположенная в здании, являющемся объектом культурного наследия, и (или) выявленным объектом культурного наследия, и (или) объектом, составляющим предмет охраны исторического поселения. Гостиницы такого вида имеют в силу этого ограничение при проведении

реставрации и ремонтных работ. При эксплуатации данных зданий следует руководствоваться Федеральным законом от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», а именно статьей 47.3, в которой перечислены требования к содержанию и использованию объекта культурного наследия. Со своей стороны, Положение о классификации гостиниц также вводит специальные критерии для оценки таких объектов при процедуре присвоения им «звезд». Например, наличие лифта в гостинице не является обязательным, если изначально его не было, а его постройка нарушит историческую аутентичность объекта.

Атапин Иван Ильич

Томск

Независимый исследователь

Публикация подготовлена при поддержке РФФИ. Грант № 19-012-00193А.

Архитектурная графика Сибирского технологического института (1920-е – начало 1930-х годов): перспективы изучения

В докладе рассматриваются проблемы изучения важного элемента изобразительного наследия сибирской архитектурной школы – студенческих архитектурных проектов Сибирского технологического института (СТИ) в Томске, выполненных в 1920-х – начале 1930-х гг. На протяжении первых десятилетий XX в. инженерно-строительный факультет СТИ являлся ведущим центром подготовки архитектурных кадров в Урало-Сибирском регионе. Преподавателями архитектурной специальности (отделения) на факультете были известнейшие сибирские зодчие К. К. Лыгин и А. Д. Крячков, а также инженеры Г. В. Ульяновский и Н. И. Молотиллов. В 1927 г. работы студентов СТИ были представлены на Первой выставке современной архитектуры РСФСР в Москве, где также экспонировались крупнейшие советские и европейские архитекторы. Выпускники СТИ внесли значительный вклад в формирование архитектурного облика Новосибирска, Свердловска (Екатеринбурга), Магнитогорска и ряда других городов. Вместе с тем до настоящего времени сохранилась лишь небольшая часть учебных (курсовых и дипломных) архитектурных проектов, которые выполнялись студентами инженерно-строительного факультета СТИ. Группа материалов представлена в Музее истории архитектуры Сибири имени С. Н. Баландина (Новосибирск), отдельные проекты выявлены в виде фотокопий в Музее архитектуры и дизайна УрГАХУ, а также в екатеринбургском частном собрании. Эти сохранившиеся проекты отражают сложный и событийно насыщенный процесс трансформации сибирского архитектурного образования – от ретроспективных направлений к конструктивизму, вдохновленному проектами ВХУТЕМАСа и ленинградского ВХУТЕИНа. Если до 1927 г. учебные работы выполнялись главным образом в духе модернизированной классики или рационалистического модерна, то с 1927 г. студенты довольно быстро переходят к формам авангардной архитектуры. Нужно отметить, что под влиянием студенчества на позиции конструктивизма перешли и их преподаватели (например, А. Д. Крячков). Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод, что изобразительное наследие СТИ, вне всякого сомнения, обладает значительной историко-культурной ценностью и нуждается в подробном изучении. По итогам исследования планируется составление предварительного каталога сохранившихся учебных архитектурных проектов СТИ.

Брусиловская Лилия Борисовна

Москва

*Российский государственный гуманитарный университет,
старший научный сотрудник учебно-научной лаборатории
мандельштамоведения Института филологии и истории
Кандидат культурологии*

Наследие «оттепели»: рождение нового человека

1. Наследие эпохи «оттепели» – полноценное культурное явление, до сих пор имеющее влияние на современную жизнь (бытовые практики, культурный досуг, морально-этические нормы, эстетические идеалы, мировоззренческие принципы).
2. Литература «оттепели» явилась своего рода зеркалом, наиболее полно отразившим изменения в жизни общества, в частности, через направление, названное «молодежная проза», героями которого стали ровесники авторов и их современники.
3. Главный герой популярной повести А. Гладилина «Хроника времен Виктора Подгурского» – вчерашний школьник, не поступивший в вуз, который ищет себя, но, вопреки советским установкам, сформировавшимся в сталинский период, не на заводе, а в научной лаборатории, куда поступает работать. Таким образом, «интеллигентская» должность лаборанта отныне не является чем-то постыдным для «юноши, обдумывающего житей».
4. Герой другой популярной молодежной повести «Продолжение легенды» А. Кузнецова едет на стройку рабочим, но причина – неразделенная любовь к бывшей однокласснице. Молодые рабочие, оказавшиеся на этой стройке,

пытаются отстоять свое право одеваться по моде, не хуже пресловутых «стиляг», ибо это не влияет на производственные показатели, но отвечает «духу времени».

5. Еще один образ рабочего, совершенно не похожего на аналогичных персонажей советской литературы, представляет Г. Владимов в повести «Большая руда». Здесь герой — принципиальный индивидуалист, сознательный одиночка, мастер своего дела, движимый желанием честно заработать денег и презирующий идеологические лозунги.
6. В. Аксенов, неформальный лидер «молодежной прозы», в одном из самых популярных и знаковых произведений «оттепели» — романе «Звездный билет» — рассказывает о четырех друзьях, только что окончивших школу, но не желающих идти стандартным путем поступления в вуз и последующего трудоустройства. Они в поисках себя уезжают в самую западную часть СССР, в Прибалтику, и, хотя к концу этой поездки не все они обретают определенность в собственной судьбе, автор не осуждает своих героев. Сомнения в себе, самостоятельность в принятии решений и личная ответственность — таковы, по мнению Аксенова, черты нового человека, представителя поколения 60-х.
7. Обновление советской культуры в эпоху «оттепели», начавшись в русле литературы, распространилось на театр и кино, на изобразительное искусство и музыку, журналистику и общественную мысль.
8. «Оттепель» породила нового человека: это был, конечно, по-прежнему «советский человек», но он был более открытым внешнему миру, хотел быть частью мировой, преимущественно западной цивилизации, стремился повысить качество своей жизни, из которой ушли многие прежние страхи и стереотипы. Проявление своей человеческой индивидуальности, выделение себя из толпы, освобождение от догм стали казаться все более привлекательными для значительного числа молодых людей и тем самым вошли в состав новой советской культуры.

Журавлева Надежда Ивановна

Екатеринбург

Уральский федеральный университет имени первого Президента России

Б. Н. Ельцина, кафедра культурологии и дизайна, доцент

Кандидат философских наук, доцент

Типовая советская архитектура 40–50-х годов как объект культурного наследия

Архитектурный облик российских городов во многом сформирован советской застройкой. Центральные улицы и жилые кварталы промышленных районов, возведенные в послевоенное десятилетие, имеют узнаваемые черты стиля, у которого отсутствует устоявшееся название в современном гуманитарном знании. Просторечное «сталинки» не столько определяет эстетические и конструктивные характеристики зданий, сколько вызывает устойчивый ассоциативный ряд, связанный с особым типом жилого пространства. Малоэтажная послевоенная архитектура стала своеобразным тестом на верификацию концептуальных конструкций, интерпретирующих смысловые послы «сталинского стиля», — сосредоточенные на наиболее известных и впечатляющих его образцах, они, в своем большинстве, не применимы к массовой застройке советских городов. С другой стороны, типовые проекты не вызывают большего интереса и у историков архитектуры. В работах Ю. Л. Косенковой — ведущего отечественного специалиста по архитектуре сталинского времени — приоритетную роль играет исследование градостроительных процессов 40–50-х гг. Не будучи уникальными, выдающимися и исключительными, типовые объекты, казалось бы, не могут претендовать на статус памятника культуры, однако современное понимание культурного наследия позволяет относить к нему селитебные ландшафты, сформированные, в том числе, рядовой застройкой, типичной для определенного исторического периода. Объектом культурного наследия становятся не только отдельные здания, но историческая среда в целом. Это позволяет рассматривать архитектуру периода в рамках градостроительной проблематики, представленной в работах В. Л. Глазычева и А. В. Иконникова, исследовавших культурно-исторический и эстетический потенциал городской среды. Временная дистанция дает возможность увидеть в советской архитектуре манифестацию ушедшей эпохи и, помимо этого, невосполнимый ресурс, способный стать, с помощью современного менеджмента культурного наследия, товаром. Риторика наследия, уже привычно используемая в отношении раннесоветского авангарда, может быть применима и к его антагонисту «сталиансу». Она выполняет двоякую роль — дискурсивной легитимизации объекта в новом, «музейном» статусе и методологического основания для его комплексного исследования. Осмысление сталинской архитектуры в контексте культурного наследия продуктивно и для поиска адекватного языка ее описания, и для решения вопросов городского развития там, где она сохраняет целостность градостроительного ансамбля и составляет живую городскую среду. Как прецедент можно рассматривать статус достопримечательного места, полученный в 2018 г. жилым микрорайоном Казани, и включение его в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации в качестве объекта культуры регионального значения «Поселок имени Серго Орджоникидзе (Соцгород), 1938–1954 гг.».

Творческий опыт русского авангарда как фактор функционирования и развития современных социокультурных систем (в соавторстве с Н. А. Стрижковой)

О художественной ценности и историческом значении первого русского авангарда для мирового искусства сказано много. Гораздо в меньшей степени осмыслено, не стала пока предметом специального культурологического изучения его многоплановая социокультурная роль для настоящего и будущего современных обществ. До сих пор широко распространены представления об авангарде как «великой утопии», будто бы оставшейся в своем конкретном содержании и формах, в своих новаторских экспериментах в границах своего исторического времени. Целью предлагаемого доклада станет анализ наиболее актуально значимых компонентов социопрактического опыта авангарда. Отмечая признанное значение деятельности авангардистов для формирования тренда универсальной эстетизации и артизации социокультурной реальности, воплощенного в современном тотальном дизайне, доклад обращен к двум другим, пока явно недостаточно осмысленным в своем значении компонентам авангардистского практического опыта. Первый — институциональный опыт, опыт институциональной модернизации художественной культуры через участие авангардистов в государственном проекте культурной революции. В этом впечатляющем опыте сегодня актуальны все его аспекты. Во-первых, это доказавший свою необходимость и эффективность опыт со-творческого сотрудничества авангардистов с государством, их действительного влияния на государственную культурную политику. Начавшись с содержательной корреляции художественной программы авангарда и идеологической программы политической власти, этот опыт продолжился в работе художников-авангардистов в государственных органах управления культурой, в их масштабном практическом участии в художественно-культурном строительстве. Во-вторых, результатом этой работы стало создание сети художественно-культурных институций нового типа, ставших прообразами полифункциональности, креативности и демократизма организационных форм современной художественной культуры. В-третьих, новаторский институциональный опыт в сфере художественной культуры оказался — в контексте современного развития — «модельным» для модернизации институций других сфер социокультуры: как образец-аттрактор сближения и интеграции производства и потребления, теории и проектной деятельности, созидания объектов — и субъектов для этого.

Второй осмысляемый в докладе компонент опыта авангарда — фундаментальное значение авангардных художественных практик, в том числе в их самых крайних, радикальных вариантах, в качестве культурного антиинерционного и антиусталостного механизма, механизма системной креативной настройки и активизации социума и его акторов, утверждения творчества, новаторства, радикального обновления сознания (во всех его аспектах), языков, общения и практического преобразования в качестве всеобщей социокультурной нормы — что адекватно потребностям динамичной современной цивилизации.

Лобачевская Ольга Александровна

Минск

*Белорусский государственный университет культуры и искусств,
профессор кафедры культурологии
Доктор искусствоведения, доцент*

Этнографическое наследие как second hand

Современная цивилизация развивается как урбанистическая, все ускоряющимися темпами она вытесняет руральную культуру, уничтожает ее аутентичный «культурный слой» и его артефакты. В докладе рассмотрены сферы использования предметов сельского быта и ремесел в городской среде, анализируются дискурсы, которые сопутствуют этой практике. Вторичное применение разнообразной деревенской утвари (прялки, деревянные колеса, ступы, сечкарни и др.; предметы одежды, включая лапти; домотканые изделия — полотенца, покрывала) обозначено нами понятием second hand (вторые руки) в американской традиции его применения для определения любой, бывшей в употреблении вещи (в том числе автомобилей, книг и т. п.). Проблематика использования этнографического наследия в городской среде рассмотрена на материале Беларуси, которая на протяжении XX в. из аграрного края превратилась в страну с одним из наиболее быстрых процессов урбанизации в Европе. По переписи 2019 г. в стране в городах проживает 77,5 % населения. Депопуляция деревни, создание агрогородков и другие цивилизационные процессы приводят к массовому физическому уничтожению рукотворных предметов крестьянского быта и только в незначительной степени

к их музеефикации. В последнее время сформировались новые практики использования деревенской аутентики, основанные на дискурсах памяти (коммеморация), коммерциализации, а в сфере современных художественных практик и дизайна — утверждение индивидуального права на творческую интерпретацию. В качестве коммерциативных городских практик рассмотрены следующие: придание предметам ручного изготовления статуса семейных реликвий; создание частных музеев (например, музей-квартира «Старосветские карунки (кружева)» в Минске). Коммерциализация деревенских рукотворных артефактов осуществляется посредством появления института скупщиков, интернет-аукционов и интернет-магазинов *ay.by*, *kufar.by*; использования их в коммерческой рекламе, дизайне интерьеров и экстерьеров для привлечения посетителей объектов питания, туризма. Современные арт-практики и дизайн для визуальной артикуляции индивидуальных творческих высказываний практикуют приемы тотального использования артефактов (предметов народного костюма, тканей ручного изготовления), вплоть до их разрушения и трактовки в качестве исходного материала для апсаклинга (*upcycling*). Описанные практики не существуют изолированно: в пространстве культуры и общественного потребления они взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Лоевская Маргарита Михайловна

Москва

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,

факультет иностранных языков и регионоведения, профессор

Доктор культурологии, доцент

Метаморфозы древней литературы

Мировая литература всегда обращалась к наиболее волнующим для людей темам, сюжетам и образам. И поэтому неудивительно, что искусство, литература многократно обращались к Священному Писанию. Самые ранние попытки художественно интерпретировать Библию, как бы дополнить ее беллетристическим образом, являются апокрифы. Апокриф (от греч. *ἀποκρυφός* — дословно «тайный» — «тайна сокровенная»), т. е. означает книгу «спрятанную», «потаянную», т. к. они не признавались Церковью священными, Богом вдохновенными, потому апокрифы были запрещены как книги «отреченные», авторы которых пытались дополнить библейское сказание, раскрыть то, что как бы сокрыто и спрятано в Библии. На протяжении многих веков Церковь всячески боролась с апокрифами: изымала, сжигала, но оказалась бессильна вытравить их из памяти народной. Из поколения в поколение передавались они устно, претерпевая существенные изменения, превращаясь из запрещенной литературы в «безвредные», разрешенные Синодом. Мало трансформировавшись, они публиковались в XIX в. в разных журналах: «Странник» (1861, 1867, 1870), «Душеспасительное чтение» (1872), «Кормчий» (1903, 1906), «Русский паломник» (1907, 1912), «Христианское чтение», «Афонские листки». Некоторые апокрифы печатались с подзаголовком «притча», «легенда». В 2000-х гг. некоторые из них были опубликованы в трехтомнике московским издательством «Звонница» (т. 1 «Лилии полевые»). Протоиерей Григорий Понаморов (1914–1997) прошел путь типичный и трагический для многих священников советской эпохи: арест в 1937 г., отбывание наказания по 58-й статье на Колыме, 16 лет заключения в сталинских лагерях. После реабилитации он поступил в Духовную академию в Ленинграде, где посещал библиотеки и делал для себя выписки понравившихся духовных произведений из дореволюционной периодики. После учебы он возвращался домой (в г. Невьянск, Свердловской области) с чемоданом, набитым рукописями. Позже они будут перепечатаны им самим на пишущей машинке. После смерти Григория Александровича Понамарева его архив будет опубликован, в 3 тома вошли поучения духовных старцев, труды русских и зарубежных богословов, а также трогательные рассказы, предания, духовные стихи, поэмы. К сожалению, при публикации не будут указаны источники, материал не систематизирован тематически (по жанровому составу он очень неоднороден). И тем не менее многие из этих произведений представляют интерес как для литературоведов, так и для культурологов.

Медведев Александр Васильевич

Екатеринбург

Уральский федеральный университет

имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,

Уральский гуманитарный институт,

департамент «Факультет искусствоведения и социокультурных технологий»,

кафедра культурологии и социально-культурной деятельности,

профессор кафедры

Доктор философских наук, профессор

Культурное наследие и традиция (в соавторстве с А. К. Симоновой)

Традиция есть характеристика связи времен — современности и прошлого, и эта связь представляет собою широкий спектр разноплановых отношений, ибо прошлое многоуровнено. Первый аспект отношений между современным и прошлым определен тем, что прошлое — источник настоящего, оно вырастает из прошлого, как из зерна вырастает дерево. Но зерно, породив дерево, умирает, так прошлое, породив настоящее, покидает бытие. Второй аспект заклю-

чается в том, что прошлое, пережив свое время, продолжает свою онтологию в современности, но не связано с ней сущностно. Это — осколок прошлого, эстетический ее элемент. Наконец, в-третьих, прошлое — традиция, та часть прошлого, которая была и есть, которая составляет неотъемлемую часть онтологии настоящего. У традиции нет прошлого, она есть «длящееся настоящее». Традиция — это та часть прошлого, которая выбрана настоящим. Из прошлого настоящее берет не все, лишь то, что гармонирует новому времени. Традиция — миг вечности в быстро меняющемся настоящем. Сказанное позволяет определить культурное наследие как многоуровневое образование, оно включает в себя и память о прошлом, и элементы, дожившие до новых времен, являющихся частью эстетики нового времени, и традицию, которая всегда жива. Сохранение культурного наследия требует разных технологий, учитывающих его многоуровневый состав. Сохранение памяти — дело образования и воспитания. Современное российское образование переживает период деформации, частью которой является стремление ввести новые технологии. Изменения необходимы, это требования времени. Но при этом нельзя убивать традицию собственно российского образования, важной составляющей которого была широкая гуманитарная составляющая. Что касается второго аспекта, то здесь важен эстетический вкус, чтобы к вошедшим в современную культуру элементам прошлого не было отношения как к ненужной безделушке. Как-то, завершая свой жизненный путь, Г. Державин выдох-нул: «Река времен в своем стремлении / Уносит все дела людей / И топит в пропасти забвенья / Народы, царства и царей. / А если что и остается / Чрез звуки лиры и трубы, / То вечности жерлом пожрется / И общей не уйдет судьбы». В течение времени мы выделяем его сроки, говоря «вчера — сегодня — завтра», «прошлое — настоящее — будущее». Прошлое не исчезает бесследно, оно, в разных формах, живет в настоящем и устремляется в будущее. Река истории, меняясь, сохраняет глубинное единство, которое и есть традиция. И приобщение к ней — основа и гарант вечности этого социума. Сохранение традиции заключается, прежде всего, в согласованности традиции и инноваций, в ее сбережении и развитии. Это проблема соотношения традиционного и творческого. Традиция задает параметры творчеству, благодаря которым развитие традиции осуществляется не только за счет появления нового, но и углубления самой традиции. Культурное наследие — живое образование, каждое время вносит в него свои ценности, обогащая его содержание.

Ненашев Александр Николаевич

Москва

Национальный Дельфийский совет России,

член попечительского совета

Кандидат юридических наук

Дельфийские игры как важнейший фактор сохранения и приумножения нематериального культурного наследия

Вопросы сохранения и приумножения нематериального культурного наследия сегодня, в условиях наступившей новой реальности в России и за рубежом, находятся в центре внимания органов власти и научного сообщества. Решение Совета глав государств Содружества Независимых Государств от 18 декабря 2020 года об объявлении в Содружестве Независимых Государств 2022 года Годом народного творчества и культурного наследия придало значительный импульс творческому осмыслению происходящих на наших глазах и с нашим участием явлений общественной и культурной жизни. В этом контексте представляется важным обратить пристальное внимание на Дельфийские игры в области искусств, возрожденные 20 лет назад. В этой работе мы ориентируемся на решение Совета глав правительств Содружества Независимых Государств от 30 мая 2014 года, посвященного деятельности Совета по культурному сотрудничеству государств — участников Содружества Независимых Государств, в котором было отмечено, что в основу Игр заложен новый подход к проведению крупных мероприятий в области культуры для молодежи, не имеющий аналогов по своей организационной схеме, кругу решаемых творческих задач. Отмечу актуальность этого системного проекта, т. к. большинство номинаций Дельфийских игр, включая направления народного сценического искусства, народные промыслы и многое другое, позволяют не только сохранять национальные культурные традиции стран, но и ярко презентовать, интегрировать их в современные реалии, формировать на их основе позитивную повестку межгосударственного партнерства. Подготовка и проведение Игр способствует не только наращиванию духовного потенциала в регионах-участниках, но и поиску, становлению и укреплению связанности между молодыми талантами. Одновременно на практическом уровне укрепление диалоговых отношений помогает повышению молодежной мобильности на основе событийного и культурно-просветительского туризма, давая возможность сохранить этническую самобытность, использовать многообразие в интересах устойчивого развития, диверсификации в различных отраслях современной экономики. На сегодняшний день мы можем констатировать, что воссозданные в новейшей истории Дельфийские игры на наших глазах по сути уже сами стали объектом нематериального культурного наследия, органично впитавшим в себя историческую связь между древностью и современностью, продолжающим в новой реальности гуманистические традиции художественного диалога в духе и атмосфере культурного взаимопонимания. Пользуясь случаем, имею честь пригласить вас, уважаемые участники Конгресса, убедиться в этом лично, посетив масштабные Дельфийские мероприятия, запланированные на ближайшие годы.

Никонова Антонина Александровна

Санкт-Петербург

Санкт-Петербургский государственный университет, доцент

Кандидат философских наук, доцент

Музеефикация городского пространства в контексте коллективной памяти

В современной культуре множатся «места памяти» и формы «музеефикаторства» (многочисленные своды мемориальных изданий, мест, памятных досок, памятников историческим и мифическим героям, проекты «Россия — моя история»). Историчность появляется под воздействием закономерных и случайных факторов в судьбе предмета-памятника и образуется в результате как естественных процессов (старения, перерождения, изменения в историческом восприятии), так и сознательного вмешательства человека. Так формируется историческая память, которая имеет в каждый период развития общества свои методы интерпретации событий прошлого. Таким образом, условное «историческое целое» с его претензиями на обладание сознанием каждого человека последовательно добивается редукции, нейтрализации, обесценивания и обмирщения всех связей с жизнью. Нормирование и выделение топик для контакта с прошлым (музеи, архивы, памятные места, туристические маршруты, интернет-сайты) изменяет приоритеты индивидуальной и коллективной памяти, нивелирует ценность наследия и идеологизируется в феномене «историческая память». Границы топик размыкаются, и возникает редукция их замкнутых первоначальных смыслов: подлинности и историчности. Как ни парадоксально, но именно расширение «охранительных» стратегий культуры, их преобладание и «давление» спровоцировало процесс элиминации предметного мира. Памятники истории и культуры, памятные места, мемориалы — все эти образы прошлого воспринимаются сегодня как необходимый инструментарий настоящего, без трансляции смысловых констант прошлого (историческая память как область творчества). Остается в памяти лишь сам праздник и связанное с ним чувство удовольствия, развлечения. Событие прошлого представляется как набор пиктограмм, когда смысл предугадывается прежде, чем складывается целостная картина видимого. В контексте такого понимания исторического события даже визуальная достоверность его утрачивает свое значение. Таким образом, основным качеством прошлого как ресурса культуры является его актуальность или способность данных (информации) о важных исторических событиях быть закрепленными в настоящем. В этом случае речь идет о соответствии всех форм исторических источников живому опыту. Именно для снятия данного противоречия прошлое сохраняется в настоящем не как действенный ресурс, а как система знаков, которая позволяет легко трансформировать структуру критериев прошлого (историческая память). Эти изменения хорошо иллюстрируют современные многочисленные практики сохранения культурного ландшафта городского пространства. Одним из актуальных проектов сохранения и музеефикации памяти места является проект «Блокадный архипелаг памяти», который должен интегрировать опыт музеефикации объектов культурного наследия Второй мировой войны.

Пермиловская Анна Борисовна

Архангельск

Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики

имени академика Н. П. Лаверова УрО РАН,

научный центр традиционной культуры и музейных практик,

заведующая, главный научный сотрудник

НЦ традиционной культуры и музейных практик

Доктор культурологии

Действительный член Академии архитектурного наследия

Русское деревянное зодчество как феномен культурного наследия в аспекте национальной идентичности

Деревянное зодчество — особое, самостоятельное направление традиционной архитектуры. В своем уникальном качестве и разнообразии оно представлено в России, которая всегда была «лесной, таежной» страной. Это поистине общенациональная архитектура, которая впитала в себя мифопоэтическое и христианское мировоззрение русского народа. Архитектурные традиции Византии с установившимися формами крестово-купольных храмов вместе с христианством были приняты зодчими Руси и оставались неизменными на протяжении столетий. Но деревянное храмостроительство развивается своим путем и постепенно приобретает черты яркой индивидуальности. Широкому творчеству в строительстве церквей способствовали, во-первых, значительная трудность передачи в дереве архитектурных модулей каменных храмов, во-вторых, то обстоятельство, что греческие мастера никогда не строили из дерева. Русские зодчие проявили большую изобретательность, т. к. к этому времени уже были выработаны определенные конструктивные приемы в гражданской архитектуре и эти формы смело применялись в храмостроительстве. История русской деревянной архитектуры в значительной степени является историей деревянного зодчества Русского

Севера. Понятие «Русский Север» отражает также значительную «русскость» региона, где «были выработаны все те совершенные формы деревянного зодчества, которые в течение веков непрерывно влияли на всю совокупность русского искусства» (И. Грабарь). В основе работы 35 экспедиций, в которых были обследованы 368 поселений. Значительная часть материала была собрана в архивах и музеях Архангельской, Вологодской обл., Карелии, Москвы, Санкт-Петербурга; многолетняя работа автора по формированию музея «Малые Корелы»; изучение музеев под открытым небом и памятников *in situ* России и Западной Европы. Исследование раскрывает содержание и значение северного деревянного зодчества как базисной составляющей национальной культуры. Русский Север как особый регион наследия по своей значимости соотносим с уникальными явлениями русской и мировой культуры. Север может рассматриваться как модель Русского мира, особенности культуры определяются ее детерминированностью традициям древнерусской культуры, где в качестве предметного воплощения выступает культурный ландшафт северной деревни. Деревянная архитектура, созданная в большинстве случаев неизвестными мастерами на основе общенародных строительных традиций, отражающих коллективную и индивидуальную ментальность, является одной из универсальных доминант культуры этноса. В архитектурном и семантическом образе храма определяющее место принадлежит православию и мифопоэтическому мировоззрению. Дом в условиях Севера являлся одним из главных способов освоения природной среды. Это нашло отражение в архитектурно-конструктивных особенностях, типологии, декоре. Поскольку северное деревянное зодчество — единственный круг артефактов, сохранившийся в значительном объеме, оно рассматривается как культурный код, а Русский Север как особая территория наследия в аспекте его национальной идентичности.

Прохоров Михаил Михайлович

Нижний Новгород

Нижегородский государственный

архитектурно-строительный университет

Доктор философских наук, профессор

Постэкономический вектор логики культурно-исторического процесса

Джованни Пико делла Мирандола (1463–1494) сформулировал декларацию Гуманизма эпохи Возрождения в виде «речи», вложенной в уста Бога. Ее слабость: односторонне субъективный характер образа человека, отчуждение человека от мира в отличие от животных, природа которых была обусловлена занимаемой ими экологической нишей.

Человек обусловлен *универсальной* природой мироздания и его развитием, появлением общества и культурной истории. Марксизм и теория постиндустриального общества выделяют в истории большие культурные фазы на близких методологических принципах, обуславливая идею постэкономического вектора логики культурно-исторического процесса. Сторонники постиндустриализма выделяют «аграрное, индустриальное и постиндустриальное общество», марксизм — три формации: первобытную, общественно-экономическую с господством экономики и третичную, освобождающую от «экономизма». По К. Марксу, человечество совершает скачок из царства необходимости в царство свободы, когда экономика с ее товарно-денежными отношениями перестает «поглощать» прочие формы деятельности, обеспечивая общество необходимыми благами. По ту сторону «необходимости» начинается развитие человеческих сил как истинное царство свободы, которое становится самоцелью культуры, обеспечиваемой экономикой.

К сожалению, с ликвидацией Советского Союза в России произошел возврат к господству экономизма, товарно-денежных отношений, «экономического бытия и сознания» людей: многие виды культурной деятельности (образование, наука, художественная культура, медицина и т. д.) вновь *погружаются* в эти сферы, претендующие на подмену универсального, природно-общественного бытия в его развитии, соразмерным которому является человек в своей родовой сущности. Прибавочный труд при капиталистической системе имеет антагонистическую форму и дополняется полной праздностью известной части общества. Правда, эта система существует в условиях «многоукладности», которая ослабляет влияние капиталистической системы, обнаруживая ее абстрактность и «дополнение» другими формами культурной деятельности людей в современном обществе. Это обстоятельство находит своеобразное отражение в западной концепции постиндустриального, информационного общества, позволяя говорить ее представителям, начиная с 1960–1980 гг., о выходе в постэкономическое общество.

Вопреки проектам Пико развитие после Возрождения «вписало» человека и его образ в контекст антагонистических формаций, а концепция информационного общества предлагает ныне скорее утопию перехода к постэкономическому обществу. Указание на утопизм прямо включено Е. Масудой в «Компьютопии». Марксизм показал более реалистические пути выхода за пределы общественно-экономических формаций в «постэкономическое», в рамках третичной общественной формации, которую Маркс охарактеризовал как коммунистическое общество. Их борьба будет определять логику культурно-исторического процесса.

Ройфе Августа Борисовна

Москва

Московское отделение Научно-образовательного
культурологического общества, эксперт

Кандидат философских наук, доцент

Культурологические школы в контексте сохранения культурной памяти

Передача культурного наследия от поколения к поколению является неотъемлемой характеристикой развития человеческого общества любой эпохи. В традиционной культуре эта характеристика является доминирующей, однако она крайне актуальна и в современном мире, хотя сегодня важнейшими для развития цивилизации являются инновационные форматы, способствующие переходу на другой, техногенно-информационно-цифровой, уровень развития общества. В науке и образовании сохранение традиций и культурной памяти осуществляется за счет существования научных школ в рамках учебных заведений, НИИ или научных школ, созданных выдающимися учеными. Свои традиции научных школ есть и в культурологии. Эта наука развивается во всех регионах нашей страны, подтверждением чего является и данный конгресс, на котором география участников представлена достаточно широко, и разнообразие культурологических конференций, и работающие диссертационные советы во многих вузах и НИИ России... Сохранению культурной памяти способствует существование ведущих научных школ Российской Федерации, в частности, по направлению общественных и гуманитарных наук, в том числе тех, которые имеют государственную грантовую поддержку. Научное наследие выдающихся ученых приобретает общероссийскую значимость, когда им посвящаются музеи и памятники (музей М. М. Бахтина в Орле, ему же поставлен памятник в Саранске, бюст А. Ф. Лосева на Арбате в Москве), их имя присваивается учебным или научным учреждениям, библиотекам, научным центрам... Примеры таковых: Российский НИИ культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, Центр М. М. Бахтина в Мордовском государственном университете, библиотека истории русской философии и культуры «Дом А. Ф. Лосева» в Москве. Популяризации научного наследия выдающихся ученых способствуют научные чтения, посвященные их памяти. Известными мероприятиями в сфере культурологии являются Богатырёвские, Панаринские чтения в Москве, Лихачёвские, Кагановские, Торчиновские чтения в Санкт-Петербурге, Бахтинские — в Саранске, Данилевские — в Симферополе, Колосницинские — в Екатеринбурге... Наука и образование — те сферы человеческой деятельности, в которых передача культурного наследия является важнейшей составляющей сохранения самих этих социальных институтов, хотя они и ориентированы на приращение нового знания, а современная цивилизация развивается в формате инноваций именно благодаря открытиям науки и их практической реализации. Их эффективное развитие осуществляется при условии сохранения традиций и возможности культурной преемственности от поколения к поколению. Поэтому и в наше время, ориентированное на инновации, особое значение имеет сохранение традиций научных школ, формирование научных и педагогических коллективов будущего с опорой на традиции и культурную память.

Сгибнева Ольга Ивановна

Волгоград

Волгоградский государственный университет, профессор

Доктор философских наук, профессор

Культурное наследие в системе государственно-конфессиональных отношений

Изменения в отношениях государства и религиозных организаций отразились на современной культурной политике. В соответствии с российским законодательством сняты ранее существовавшие ограничения на деятельность религиозных объединений; конфессии получили возможности широкого участия в общественной жизни. Конституционно закреплён принцип свободы совести и свободы вероисповедания. По данным социологов, более половины населения современной России считают себя верующими, три четверти из них исповедуют православие. В стране зарегистрировано более 30 тысяч религиозных объединений, возобновили деятельность многие монастыри, миссионерские центры, конфессиональные благотворительные учреждения, учебные заведения, СМИ. За последние три десятилетия сложилась определенная система взаимодействия государственных и муниципальных структур и религиозных организаций в области сохранения и использования культурного наследия, взаимной помощи в реставрации и восстановлении храмов и монастырей, книг, икон, церковной утвари. Религиозным объединениям переданы тысячи культовых предметов из коллекций музеев. Важным направлением сотрудничества государства и религиозных объединений является передача последним культовых зданий и сооружений. Начало этому процессу положила подготовка к празднованию 1000-летия Крещения Руси, когда Русской Православной Церкви были переданы Оптина пустынь, Валаамский и Соловецкий монастыри, ряд храмов в Москве, Санкт-Петербурге, Новгороде и других городах. В дальнейшем Правительством РФ была создана специальная комиссия и утвержден «Временный порядок передачи религиозным объединениям относящегося к федераль-

ной собственности имущества религиозного назначения». Сложились три основных формы решения вопросов в этой сфере:

- передача объектов религиозным организациям в бессрочное безвозмездное пользование при условии вывода учреждений культуры из культовых зданий;
- передача религиозным объединениям части культовых зданий без изъятия их из учреждений культуры;
- деятельность учреждения культуры и религиозного объединения в одном комплексе.

Эти вопросы оказались сложными и неоднозначно оцениваемыми в обществе. Для одних это акт исторической справедливости, для других — возвращение награбленного, для третьих — ограничение доступа людей к культурным ценностям. Важно, чтобы взаимодействие государственных и религиозных структур в этой сфере осуществлялось на основе действующего законодательства. Нельзя создавать условия для деятельности религиозных объединений за счет ущемления интересов светских организаций. Испытывая определенный «комплекс вины» перед религиозными организациями, органы власти и управления отнюдь не всегда принимают правовые решения относительно судьбы тех или иных объектов культурного наследия. Тенденции монополизировать культурное наследие опасны для дела его сохранения, тем более что религиозные организации не имеют соответствующего опыта и не располагают специалистами в этой области.

Сердюкова Елена Владимировна

Ростов-на-Дону

Южный федеральный университет,

директор Института философии и социально-политических наук

Кандидат философских наук, доцент

Культурный трансфер между Россией и Европой в контексте феномена русского зарубежья

Русское зарубежье, особенно периода 20–60-х гг. XX в., последние десятилетия находится под пристальным вниманием отечественных философов, историков, культурологов, литературоведов, что вполне оправданно: в эмиграции формируется особый ареал, особая модель культурного сообщества, все силы бросившего на сохранение лучших образцов русской мысли и воспроизводство ценностей и норм русской культуры. Процессу формирования предшествует процесс переноса целого пласта русской культуры из послереволюционной России в эмиграцию и в какой-то мере его рассредоточение между различными центрами русской эмиграции (Прага, Берлин, Париж и т. д.). Осознавая свою важную роль в деле сохранения и приумножения традиций и ценностей русской культуры, русская эмиграция огромное внимание уделяет созданию архивов. Были организованы Русский Заграничный Исторический Архив в Праге, Русский педагогический музей и архив в Париже, «Русские архивы» в Варне, Харбине и других городах. Русские эмигранты пытались сохранить и русский язык. Печатное слово — газеты, журналы, книги — стало эффективным и едва ли не единственным способом сохранения и трансляции культурного наследия. Русская эмиграция возложила на себя миссию охранительницы православной веры, русского языка, русской литературы, поддерживала свободомыслие в философии, внедряла в эмигрантской среде лучшие традиции университетского образования дореволюционной России. Подобную миссию возложили на себя представители старшего поколения русских философов и деятелей русской культуры; к старшему поколению в данном контексте относятся уже сформировавшиеся и состоявшиеся на момент вынужденной эмиграции мыслители (Н. О. Лосский, Н. А. Бердяев, Г. П. Федотов, Л. Шестов, И. Ильин, С. Булгаков и др.). Более молодое поколение русских эмигрантов-интеллектуалов активно вливается в новую культурную и профессиональную среду, постепенно трансформируя свою национальную и культурную идентичность. Проблема европейско-русского взаимовлияния в первой половине XX в. является одной из актуальных тем современных исследований.

Симонова Алина Константиновна

Екатеринбург

Екатеринбургский институт физической культуры (филиал) УралГУФК,

доцент кафедры

Кандидат социологических наук, доцент

Культурное наследие и традиция (в соавторстве с А. В. Медведевым)*

* См.: А. В. Медведев.

Скобельцына Анна Сергеевна

Санкт-Петербург

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, доцент

Кандидат культурологии, доцент

Гостиничный бизнес как средство сохранения объектов культурного наследия (на примере Санкт-Петербурга) (в соавторстве с О. В. Архиповой)*

Соловьев Андрей Петрович

Москва

*Российский научно-исследовательский институт культурного
и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, старший научный*

сотрудник Центра социокультурных и туристских программ

Кандидат педагогических наук

Мониторинг потенциала объектов культурного наследия в Российской Федерации как ресурса развития общества

Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 февраля 2016 г. № 326-р была утверждена Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года, которая является основой для последующей разработки и реализации федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации государственных программ в сфере охраны объектов культурного наследия. Сохранению объектов культурного наследия в Стратегии культурной политики уделено немалое внимание, ведь они являются уникальными памятниками, обеспечивающими связь времен и преемственность поколений. В целях сохранения культурного наследия и создания условий развития культуры в Стратегии культурной политики предлагается обеспечение постоянного мониторинга состояния объектов культурного наследия. Мониторинг — это система повторных наблюдений одного и более элементов в пространстве и во времени с определенными целями и в соответствии с заранее подготовленной программой. Главной целью мониторинга является обеспечение органов охраны наследия инструментом получения объективной систематизированной аналитической информации о состоянии объектов культурного наследия и тенденциях его изменения. Основными задачами мониторинга объектов культурного наследия являются:

- установление наличия объекта культурного наследия;
- уточнение сведений о наименовании объекта культурного наследия;
- уточнение сведений о местонахождении объекта;
- уточнение времени создания (или гибели) объекта;
- уточнение сведений о границах территории объекта культурного наследия;
- определение культурной и научной значимости объекта для дальнейшей разработки проекта его использования;
- уточнение сведений о необходимости установления зон охраны объекта культурного наследия;
- определение влияния природных и техногенных воздействий (факторов риска) на состояние объектов культурного наследия;
- фиксация воздействия факторов риска на объекты культурного наследия;
- регулярная оценка состояния объектов под воздействием факторов риска;
- выявление тенденции динамики состояния объекта;
- разработка мероприятий по сохранности объектов культурного наследия.

Стрижкова Наталья Алексеевна

Москва

*Всероссийский музей декоративного искусства,
начальник научно-издательского отдела*

Творческий опыт русского авангарда как фактор функционирования и развития современных социокультурных систем (в соавторстве с д-ром филос. наук Л. А. Заксом)**

* См.: О. В. Архипова.

** См.: Л. А. Закс.

Цивилизационная миссия России в условиях глобализации

Стремительно меняющаяся основа человеческой жизнедеятельности глобализация вызывает неоднозначное отношение представителей научного сообщества, выражающееся в диаметрально противоположных взглядах — от откровенно поддерживающих, ожидающих от глобализации скорого экономического роста, получения странами нового политического статуса в мировом сообществе до агрессивно-негативных, считающих, что основным разрушительным результатом данного процесса может стать нивелирование наций и этносов. Несомненным является тот факт, что процесс глобализации современного мирового сообщества сопровождается тенденциями к стиранию различий между социальными группами и нациями, гомогенизации, избавлению от ценностей, обрядов, традиций, характерных для национальных культур. Чем больше процессы глобализации проникают в национальные культуры, тем сильнее народы стремятся защитить свои внутренние компоненты, такие как язык, религия, традиции, культура. Возникает насущная потребность в понимании того, что человечество находится в такой ситуации, когда различные культуры, цивилизации должны научиться жить в диалоге, взаимно обогащая друг друга. Однако диалог возможен лишь между теми, кто способен включиться в более широкую культурно-коммуникационную систему отношений. В основе диалога должны лежать идеи сотворения и козлования на основе взаимодействия «своего» и «другого». В контексте глобализации новое звучание получает тема исторической миссии России как самобытной цивилизации, находящейся на стыке двух миров — Запада и Востока, представляющей собой совокупность типов и форм жизнедеятельности различных этносов, ее населяющих, объединенных одним жизненным пространством, историческим временем, устойчивыми социально-экономическими отношениями и культурой. Именно особенности русской культуры определяют ту роль, которую суждено сыграть России в XXI в. За долгий и трудный путь своего существования русская культура приобрела бесценный опыт, который может быть успешно использован в решении цивилизационных конфликтов. А. С. Панарин видит цивилизационную миссию России в создании собственной модели альтернативной глобализации, опирающейся на культурно-нравственные и экологические императивы, способствующей предотвращению возможной в будущем общепланетарной катастрофы, спровоцированной западным сценарием глобального развития.

Фомченко Елена Владимировна

Тюмень

Детская школа искусств имени В. В. Знаменского,

преподаватель хореографии

Типология русского народного танца в современной культуре

Русский народный танец синкретичен и обнаруживает в себе все характерные признаки народного творчества: связь с музыкой, песней, словом, традиционность, коллективность как диалектическое единство массового и индивидуального творчества, нефиксированные формы передачи информации, вариативность, полифункциональность. Вопрос типологии русского народного танца недостаточно разработан в научной литературе. Ученые придерживаются разных мнений. Многие исследователи, классифицируя русский народный танец по жанрам, видам, берут за основу деление по временам года, по месту исполнения, приуроченности к определенным обрядам и праздникам, по хореографической структуре, хореографическо-музыкальной ткани танца. Русский народный танец предстает как явление, изменяющееся в пространстве и времени, развитие которого было связано с поиском новых форм выражения и отражения действительности. В соответствии с трактовкой традиционной культуры и техногенной цивилизации В. С. Степиным в исследовании произведена авторская типология русского народного танца. К настоящему времени русский народный танец получил развитие в трех направлениях: танец фольклорный (этнический), народно-сценический танец и его стилизация; стилизация фольклорного танца, к которой мы относим характерный танец и формы современного танца, включающие в танцевальный текст фольклорные мотивы и сюжеты (фолк-направления). Необходимо отметить, что фольклорный танец является частью традиционной культуры, а народно-сценический, характерный и формы современного танца, являясь сценическими жанрами хореографии, относятся к художественной культуре как явлению техногенной цивилизации. Мы считаем, что в настоящее время важно решение реконструкции, модернизации и систематизации жанров, типов и форм русского народного танца. Поэтому, опираясь на фольклорный материал, источник, предлагаем типологию русской народной хореографии по направлениям, получившим развитие в современности. Принимая во внимание взаимодействия хореографического фольклора в системе иных фольклорных жанров: песенных, музыкальных, драматических — и тот факт, что русский народный танец неотделим от фольклора, нашу классификацию строим на раскрытии специфики состояния русской народной хореографии в настоящее время.

Хилько Николай Федорович

Омск

*Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва,
старший научный сотрудник
Доктор педагогических наук, доцент*

Методология изучения факторов обновления культурной среды в городах России

В настоящее время существуют различные механизмы обновления культурной среды, основным из которых является механизм инициации инноваций культуры в культурном наследии. Суть последнего заключается в том, что новации культуры, с одной стороны, опираются на культурное наследие, которое, в свою очередь, берет все ценное от культурных традиций. С другой стороны, культурные новации впитывают в себя различные культурные инициативы и определяют характер обновленного культурного наследия. Процесс обновления культурной среды малого города или сельского поселения как некоторого локуса связан с их компактностью и наилучшей, по сравнению с крупным и средним городом, управляемостью социокультурной среды. Выявляются еще четыре дополнительных механизма процесса обновления культурной среды малого города или сельского поселения: знаково-символическая локализация культурной среды в брендинг; интеграция современных культурных объектов в историческую часть города (поселения), выделение доминирующих признаков в культурной среде; выделение важных культурных объектов и особо охраняемых территорий. Как нам представляется, существуют, по меньшей мере, три уровня обновления культурной среды в малом городе или сельском поселении и соответствующие формы: консервативный (1-я, 2-я формы), реконструктивный (3-я форма), актуализирующий (4, 5, 6-я формы).

1. Воссоздание утраченного культурного наследия.
2. Консервация объектов культурного наследия с внедрением новых форм его использования.
3. Обновление форм сохранения и развития охраняемого культурного наследия (благоустройство, реставрация, историко-культурная реконструкция).
4. Обнаружение новых культурных объектов или мест, имеющих культурно-историческую ценность.
5. Обозначение культурно-исторических объектов с помощью установления культурных маркеров.
6. Придание культурным объектам статуса объектов культурно-исторического наследия, закрепление его и включение в мобильные проекты и туристические маршруты.

Далее следует выявить критерии, по которым определяются уровни обновления культурной среды малого города или сельского поселения:

1. Достоверность воссозданного новодела и фактов исторической памяти.
2. Отсутствие разрушительных факторов и сохранение первозданности (аутентичности) культурного объекта.
3. Сохраняемость культурного облика и историческая достоверность местности.
4. Особая значимость нового культурного объекта для данной местности.
5. Общественная востребованность нового культурного объекта.
6. Наличие историко-культурного потенциала объектов культурного наследия.

Шастина Татьяна Владимировна

Город Чудово

*Санкт-Петербургский государственный институт культуры, доцент
Кандидат педагогических наук, доцент*

Искусство устной традиции в пространстве современной культуры

При рассмотрении проблем, связанных с искусством устной традиции, одной из основных составляющих музыкального фольклора следует выделить два направления разных, но тесно связанных задач. К первому направлению относятся сохранение, укрепление и передача аутентичного исполнительства локальных певческих традиций в среде их бытования. Второе направление касается изучения, осмысления, методического обоснования, освоения, перенимания, воссоздания аутентичного исполнительства в нефольклорном современном культурно-образовательном пространстве. Важность двух направлений в современной культуре безусловна и характеризуется быстрыми изменениями во всех ее сферах, непрерывной модернизацией, институализированной системой воспитания и обучения, нарушением общения и коммуникации. Искусство устной традиции включает произведения (песня, наигрыш на музыкальном инструменте, танец), единство которых следует учитывать, но предметом анализа может быть каждый из названных компонентов. В данной статье большее внимание будет уделено песенной традиции, вопросам ее бытования и воссоздания. Вторая половина прошлого века отмечается началом «невозврата» традиционной музыкальной культуры русского крестьянства, потери устоев и традиционного уклада жизни русской деревни. Определив особенности русской народной традиционной певческой культуры: коллективность,

традиционность, устность бытования, полистадиальность, вариативность, национальное своеобразие, локальность, диалектный характер, импровизационность, автор считает, что в настоящее время, когда наблюдается:

- 1) активное развитие системы профессионального музыкального воспитания;
- 2) рост понимания органами культуры важности искусства устной традиции, — следует выявить пределы возможности воссоздания аутентичного исполнительства в локальных певческих традициях, в местах его бытования и обосновать целесообразность данной деятельности.

Это сложная задача и требует не только серьезной научно-методической исследовательской работы, но желания и активного участия местных органов культуры и образования, а также серьезной и разносторонней поддержки региональных органов управления. Вопросы воссоздания певческого исполнительства в среде небытования фольклора заслуживают пристального внимания еще и потому, что тесно связаны с развитием голосового аппарата, формированием певческих навыков, освоением вокально-технических приемов, используемых аутентичными исполнителями и адаптацией их для конкретного певца — не носителя певческой традиции. Таким образом, в современном обществе для решения вопросов сохранения искусства локальных певческих традиций молодому поколению необходима профессиональная поддержка в вопросах народно-певческого исполнительства, освоения произведений искусства устной традиции, приобщения к народной певческой культуре.

Шерстинова Татьяна Юрьевна

Санкт-Петербург

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, доцент

Кандидат филологических наук

Русский рассказ первой трети XX века: сохранение литературного наследия и моделирование литературно-художественной системы

В докладе представлен проект по созданию представительного корпуса русского рассказа первой трети XX в., разрабатываемого силами кафедры математической лингвистики СПбГУ при участии преподавателей и студентов образовательной программы «Филология» НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге. Реализация проекта стала возможна благодаря поддержке РФФИ — грант № 17-29-09173 офи_м «Русский язык на рубеже радикальных исторических перемен: исследование языка и стиля предреволюционной, революционной и постреволюционной художественной прозы методами математической и компьютерной лингвистики (на материале русского рассказа)». Первые три десятилетия XX в. отмечены для России чередой острых социальных потрясений: Русско-японская война (1904–1905), Первая русская революция (1905–1907), Первая мировая война (1914–1918), Февральская и Октябрьская революции 1917 г., Гражданская война (1917–1922) и, наконец, образование Советского государства. Эти социальные катаклизмы кардинально перестроили привычный образ жизни и сложившиеся социальные отношения, привели к трансформации всех стереотипов поведения и общей системы ценностей. Для оценки масштабности произошедших в языке и литературе трансформаций в проекте используются статистические методы анализа. Концепция корпуса, разработанная под руководством основателя Санкт-Петербургской стилеметрической школы проф. Г. Я. Мартыненко, базируется на понятии литературно-художественной системы, введенной в 1929 г. известным представителем русской формальной школы Ю. Н. Тыняновым. По мнению Ю. Н. Тынянова, литература любой эпохи должна рассматриваться как единая литературно-художественная система, в которой важен каждый текст («литературный факт»), независимо от известности его автора. Это означает, что в орбиту научного исследования должны вовлекаться не только традиционно изучаемые выдающиеся писатели, признанные классиками, но и весь «совокупный литературный продукт эпохи», т. е. по возможности все произведения всех писателей, работавших в соответствующий исторический период. Только при таком подходе можно достигнуть объективности и построить модель литературной жизни эпохи. Реальное число русских литераторов первых трех десятилетий XX в. превзошло всякие ожидания, основанные на общих, без точных подсчетов, представлениях образованного человека о литературе и культуре: подготовленный список русских писателей 1900–1930 гг. превысил 2800 персоналий. В электронных библиотеках и открытых интернет-источниках был осуществлен поиск текстов этих авторов в цифровой форме, и была собрана коллекция рассказов, которая легла в основу создаваемого литературного корпуса. Поскольку для подавляющего числа малоизвестных авторов не удалось найти оцифрованных текстов, для представления в корпусе «забытых» писателей тексты их рассказов специально оцифровываются. Таким образом, параллельно с проведением научного исследования в проекте решается задача сохранения и популяризации национального литературного и культурного наследия.

Сохранение и использование материального и археологического наследия

Модераторы **А. В. Окроков, Ю. А. Логинова**

Богданова Елена Викторовна

*Петрозаводск
Музей-заповедник «Киж», директор
Кандидат филологических наук, доцент*

Опыт музея-заповедника «Киж» по сохранению объектов деревянного зодчества

Опыт музея в сохранении памятников деревянного зодчества не имеет аналогов в мире. Так, музеем-заповедником «Киж» реализован первый в России проект по комплексному сохранению памятников деревянного зодчества. В рамках проекта в 1997 г. в музее был открыт Плотницкий центр для реставрации объектов культурного наследия. Также более 25 лет активно развивается уникальное направление по консервации объектов культурного наследия — система комплексного профилактического обслуживания памятников. Сформирована многоуровневая система защитных мероприятий, которая включает мониторинг состояния объекта и комплекс текущих и ремонтно-реставрационных работ, направленных на сохранение памятников. Для своевременной диагностики используется высокотехнологичное оборудование, в том числе: резистограф — прибор для выявления скрытых дефектов древесины, приборы неразрушающего контроля, разработанная и запатентованная музеем СВЧ-пушка для уничтожения вредителей. Специалистами службы освоена профессия «промышленный альпинист», разработан ряд методических пособий по сохранению памятников деревянного зодчества. Построенный в 2007 г. Реставрационный комплекс позволяет проводить реставрационные работы на памятниках музея в теплых помещениях на протяжении всего года и, следовательно, сократить сроки и улучшить качество работ. Кроме того, благодаря работе в цехах впервые в России стало возможным тщательное поэлементное обследование конструкций памятников, что позволяет сократить процент замены подлинного материала. В 2019 г. завершилась реставрация церкви Преображения Господня, уникальная по масштабу и сложности работ. Высокое качество выполняемых работ регулярно отмечают как отечественные, так и зарубежные специалисты-реставраторы, включая ежегодные миссии ЮНЕСКО. Для распространения уникального опыта работ по реставрации Преображенской церкви в 2014 г. в музее был создан Учебно-методический центр по сохранению памятников деревянного зодчества, заключено соглашение о проведении международных курсов под эгидой Международного исследовательского центра по сохранению и реставрации культурных ценностей (ИККРОМ). На данный момент обучение в центре прошли более 500 человек. С сентября 2016 г. на основании соглашения между ЮНЕСКО, музеем-заповедником «Киж» и Петрозаводским государственным университетом работает кафедра ЮНЕСКО «Исследование и сохранение деревянного зодчества». В 2017 г. на базе музея проведены I Международные курсы ИККРОМ по сохранению деревянной архитектуры. 1 января 2020 г. в музее-заповеднике «Киж» создан Всероссийский центр по сохранению деревянного зодчества имени В. С. Рахманова.

Бондарь Виталий Вячеславович

*Краснодар
Южный филиал Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва,
ведущий научный сотрудник
Кандидат исторических наук*

Ценностные характеристики историко-градостроительной среды (из опыта разработки проектов предмета охраны и границ территории исторических поселений Северо-Западного Кавказа)

В 2016–2019 гг. был проведен ряд научно-проектных работ в целях установления границ территории и предмета охраны исторических поселений, расположенных на территории Краснодарского края, имеющих этот статус с 1990 г. на основании совместного Постановления Госстроя РСФСР, Министерства культуры РСФСР и Президиума ВООПИК: станции Тамань, городов Анапа, Армавир, Ейск, Краснодар, Сочи. Ценностные характеристики названных исторических поселений определялись исходя из установленного Законом «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» № 73-ФЗ от 25.06.2002 состава предмета охраны исторических поселений, результатов историко-библиографических изысканий и тотального

натурного обследования территорий. Анализ материала позволил выявить группы, ансамбли и единичные подлинники пространственной среды каждого из исторических поселений применительно к периодам, определенным как исторические. Подлежащие охране качества поселений составили их сохраняющиеся подлинники ландшафтные, планировочные, объемно-пространственные структуры, массивы исторической застройки, включая объекты культурного наследия, «фоновую» застройку, видовые раскрытия. Установлены суммы объектов и комплексы их качеств, составляющие предмет охраны, а также территории их распространения, выявлены специфика и общие черты культурных ландшафтов исторических поселений Северо-Западного Кавказа. В научно-проектной документации предмет охраны и границы территории фиксировались перечнями и картотеками объектов культурного наследия и ценных градоформирующих объектов, описаниями подлежащих охране планировочных структур, подлинных элементов объемно-пространственной композиции, реестрами видовых раскрытий, а также графическими материалами, в частности схемами сохранности и историко-культурной ценности территорий исследования. Для всех названных исторических поселений основными ценностными характеристиками определены отдельные сохраняющиеся элементы естественного ландшафта (например, в Краснодаре — цепь Карасунских озер на месте бывшего русла реки; применительно к Сочи констатировано определяющее значение естественного компонента культурного ландшафта по отношению к объемно-пространственной и планировочной композиции, функциональному зонированию, характеру застройки и озеленения и историческим панорамам); планировочные структуры (большей частью регулярные или приближенные к регулярным); акцентные элементы уличной сети (бульвары, площади, аванплощади); исторические озелененные территории и характер озеленения. В качестве специфических черт отмечена «низкорослость» исторической застройки, составленной одно- и двухэтажными, редко — трёхэтажными зданиями, преимущественно периметральный характер застройки кварталов с рядными фронтами их сторон (за исключением участков свободной планировки и санаторных комплексов в Сочи); наличие городских усадеб.

Воронина Юлия Николаевна

*Рязанская область, Рыбновский район, село Константиново
Государственный музей-заповедник С. А. Есенина,
заведующая отделом охраны, восстановления природного ландшафта
и мемориальных объектов*

Специфика сохранения объектов культурного наследия в Государственном музее-заповеднике С. А. Есенина

В состав Государственного музея-заповедника С. А. Есенина входят два объекта культурного наследия федерального значения: «Усадьба, в которой в 1895 г. родился и жил поэт Есенин Сергей Александрович» и «Усадьба Кашиных, где неоднократно бывал поэт Есенин Сергей Александрович». Специфика сохранения крестьянской усадьбы Есениных заключается в поддержании дома и хозяйственных построек в эксплуатационном состоянии. С этой целью систематически проводятся ремонтные и реставрационные работы в соответствии с проектами по сохранению и приспособлению. Так, в 2019 г. реставрационные работы проводились на хозяйственных постройках усадьбы Есениных: риге, амбаре и избе-временке. Были осуществлены работы по укреплению фундаментов, очистке бревенчатых стен, устройству соломенной кровли на избе-временке и риге, ремонту металлической кровли на амбаре. Для усадьбы Кашиных выделяются другие особенности проведения работ по сохранению, т. к. в композиционно-пространственной структуре усадьбы сохранился только усадебный дом. До 2017 г. сохранение объекта наследия проводилось в рамках реставрационных работ на доме Кашиных и приспособления территории для современного использования (устройство дорожек). В 2017 г. на основе историко-архивных изысканий был разработан проект, направленный на восстановление утраченных усадебных построек: каретного сарая, оранжереи, амбара и бани. Реализация проекта началась в 2019 г. с восстановления каретного сарая, как самого объемного из утраченных строений. Был подготовлен фундамент, возведены кирпичные стены (по воспоминаниям, каретный сарай был «каменным»), устроена металлическая крыша. В 2020 г. работы продолжались. Помимо отделки каретного сарая, приступили к восстановлению других построек. Построили кирпичную оранжерею, установили бревенчатые амбар и баню. Провели благоустройство в границах строительных площадок. Помещения каретного сарая планируется приспособить под размещение литературной экспозиции, амбар — под экспозицию, рассказывающую об истории села Константиново. Баня и оранжерея будут действующими, но посетители с ними также смогут ознакомиться и осмотреть. Перенос литературной экспозиции в каретный сарай позволит демонтировать диссонирующее здание научно-культурного центра, построенного в советские годы для размещения сельского клуба. Таким образом, Государственный музей-заповедник С. А. Есенина, созданный в 1965 г., продолжает развиваться и сохранять культурное наследие, реставрируя здания и восстанавливая утраченные структурные элементы.

Основные вопросы сохранения и использования объектов археологического наследия

Археологическое наследие — конечный и невозобновляемый ресурс, изучение которого на уровне научной дисциплины сопряжено, как правило, с разрушением объекта исследования. Археология деконтекстуализирует памятник посредством раскопок, но раскрывает его, превращая в научное выражение подлинности прошлого. Таким образом, объект археологического наследия переходит в новое качество, созданное в результате усилий по его изучению, сохранению и использованию. Примеры регулярного, логического и непрерывного подхода к научному изучению, сохранению и использованию археологического наследия являются чрезвычайно редкими, т. к. все эти действия носят долгосрочный характер и подвержены целому ряду угроз как институционального, так и экономического и регионально-политического характера. Продолжительное изучение памятников доказало свою эффективность, поскольку позволяет сохранить высокое качество процесса изучения, анализа и плавной корректировки методических и методологических подходов. Долгосрочные цели сохранения и использования археологического наследия, основанные на устойчивой научной программе, предполагают продолжительный цикл существования междисциплинарных команд исследователей, специалистов в области мониторинга, сохранения и использования объектов наследия. Современное понимание изучения, сохранения и использования археологического наследия требует новых подходов к образовательным траекториям и профессиональному развитию специалистов в целом ряде соответствующих теоретических и прикладных направлений подготовки. В существующей практике это имеет особую значимость в связи с возрастающим уровнем возможного физического вмешательства как в отдельные предметы, так и в недвижимые части объектов наследия. Доктринальные рекомендации имеют значительно меньшую скорость изменений по сравнению с постоянным совершенствованием аналитических инструментов исследований и использования их результатов. И это включает не только инвазивные методы или, к примеру, требования к отбору образцов для анализа слоя методами палеопроцеомики, но и такие направления использования археологического наследия, как репликация в научно-просветительских целях. Отдельной темой обсуждения должны быть вопросы сохранения пещерного и наскального искусства как объектов культурного и природного наследия и управления этими объектами. Развитие культуры каменного, бронзового и раннего железного веков не зависело от современных национальных и административных границ, поэтому защита и сохранение объектов археологического наследия являются совместным делом всего современного общества, неотъемлемой чертой современных подходов к исследованию памятников археологии, их сохранению и управлению ими как объектами культурного наследия. Сохранению археологического наследия препятствуют в равной мере как незаконные раскопки, так и дилетанты, результатом деятельности которых является нанесение непоправимого урона памятникам археологии, уничтожение историко-культурной информации и фальсификация истории.

Лаврентьева Елена Сергеевна

Москва
Филиал ЦНИИП Минстроя России — Научно-исследовательский
институт теории и истории архитектуры и градостроительства;
Российский государственный гуманитарный университет,
научный сотрудник

Храм Гроба Господня в Иерусалиме: проблемы научного изучения архитектурной истории памятника

Историография выдающегося памятника мировой культуры, храма Воскресения Христова в Иерусалиме, чрезвычайно богата, разнообразна и противоречива. Исследования часто дублируют друг друга или, наоборот, дают взаимоисключающую информацию. Статус главной святыни христианского мира ограничивает вариативность трактовок определенных событий, сужает диапазон обсуждения художественных особенностей и оценочных характеристик памятника. Несмотря на богатую искусствоведческую и культурологическую литературу, в изучении храма Гроба Господня до сих пор имеются значительные лакуны. Среди сложнейших и неразрешенных проблем: воссоздание подлинного облика памятника в разные исторические эпохи; архитектурные цитирования храма в Средние века; специфика формирования архитектурного стиля крестоносцев; сохранение фрагментов ранних построек в конструкции средневекового храма; реставрационные интерпретации; скульптурное убранство; «статус-кво» храма и др. Круг вопросов, сформулированных и поставленных исследователями второй половины XIX — начала XX в., в новой научно-археологической ситуации ча-

стично потерял свою актуальность, ряд вопросов рассматривается в ином ракурсе. Цель работы — попытка воссоздания полноценной картины научных концепций, определение круга вопросов и оценка степени их освещенности, выявление причин ослабления интереса к некоторым проблемам, связанным с архитектурной историей храма Гроба Господня. Современная исследовательская литература, в большинстве своем, рассматривает архитектуру храма Воскресения Христова, опираясь на археологический материал. Вне внимания авторов, как правило, остаются многочисленные описания путешественников и паломников, материалы средневековых миниатюр, фресок, мозаичных панно, произведений декоративно-прикладного искусства. Должным образом не анализируются и разновременные архитектурные элементы конструкции самого здания. В результате, читатель XXI в. получает в целом, возможно, и верный, но весьма упрощенный взгляд на архитектуру храма Гроба Господня, сформулированный на базе археологических изысканий выдающимися учеными Ш. Куаноном и В. Корбо (Coüasnon, 1974; Corbo, 1981–1982). Согласно данной концепции, в истории здания выделяются три строительных этапа: IV, XI, XII вв. Анализ исследовательской литературы позволяет очертить круг научных проблем, поставленных исследователями храма Гроба Господня в Иерусалиме, и определить основные направления и дальнейшие перспективы изучения памятника.

Логинова Юлия Алексеевна

Москва

Департамент культурного наследия города Москвы,
заместитель руководителя

Сохранение и использование культурного материального наследия Москвы

Современная Москва — город, в котором богатые культурно-исторические традиции переплетаются с ритмом динамично развивающегося мегаполиса. Историческая Москва — это старинные палаты и храмы, усадебные постройки и особняки, доходные дома, дома-коммуны, монументы и некрополи, парки и бульвары и др. В столице более 8,5 тысяч объектов культурного наследия. Москва бережно сохраняет свой исторический архитектурный облик. Московская программа реставрации является одной из крупнейших в мире. По итогам ее реализации 95 % московских памятников истории и культуры находятся в хорошем или удовлетворительном состоянии. С 2011 г. ремонтно-реставрационные работы завершены на более 1500 памятниках истории и культуры. Ежегодно в столице реставраторы работают на 500 памятниках архитектуры. Ежегодно из реставрации выходят более 100 объектов. Программа льготной аренды «1 рубль за квадратный метр» для представителей бизнеса стартовала в 2012 г. Подобный формат — взаимовыгодное сотрудничество бизнеса и власти. За эти годы в программу включены 24 объекта в неудовлетворительном, а порой и руинированном состоянии. В настоящее время 20 памятников полностью отреставрированы. Москва славится своей храмовой архитектурой. Москву не только древнюю, но и современную невозможно представить без золоченых куполов церквей. В городе постоянно ведутся работы по сохранению памятников церковного зодчества; применяется уникальный комплексный подход к сохранению памятников культового зодчества. В Москве каждый год находят тысячи археологических артефактов. Среди них попадаются черепки с тысячелетней историей, старинные клады и предметы быта людей, живших много веков назад. Погрузиться в историю древней Москвы возможно, посетив музейные экспозиции, постоянно пополняющиеся интересными находками археологов, обнаруженными при раскопках в столице. Только в 2020 г. было найдено 15 000 старинных артефактов. Памятники археологии сегодня становятся интересным элементом городской среды, точками притяжения для москвичей и туристов. Сейчас на улицах города можно увидеть 25 музеефицированных археологических объектов.

Наумов Юрий Михайлович

Петрозаводск

Музей-заповедник «Киж», ведущий научный сотрудник

К вопросу о реставрации традиционных судов и лодок в Российской Федерации

В фондах музеев всех регионов России хранятся и представлены в экспозициях традиционные местные деревянные лодки. Самая большая коллекция лодок, представляющая бесценное материальное наследие многочисленных, больших и малых народов Российской империи и Советского государства, начала формироваться с конца XIX в. Сотни лодок хранятся в областных, районных и местных краеведческих музеях. Существующие коллекции деревянных судов и лодок в музеях постоянно требуют внимательного отношения специалистов к сохранности, условиям хранения, реставрации и подготовке их к экспонированию. К сожалению, сертифицированных реставраторов и специалистов по деревянному судостроению в России на настоящий период нет. Большая работа по изучению и сохранению народного судостроения началась в конце XX в. Одним из первых стал заниматься собиранием и строительством традиционных лодок музей-заповедник «Киж», с 2010 г. в эту работу активно включились ассоциация «Морское наследие России» и Музей Мирового океана. Институт Наследия по госзаданию ведет большую научную работу

по изучению истории и современного состояния лодкостроения. Вышли два тома трудов Института «Народное судостроение России», в работе над которыми удалось объединить ведущих специалистов, научные организации и музеи страны. За 20 лет коллекция музея «Кижь» увеличилась на 23 лодки различных по типу, периоду постройки и степени сохранности. В связи с этим в музее ведется поиск способов их сохранения и музеефикации, развивается сотрудничество с мастерами-лодочниками и партнерами по «Кижской регате». В карельском Морском историко-культурном центре более 30 лет строятся исторические суда и лодки, действует верфь с учебным классом, где десятки молодых людей проходят обучение и получают практический навык деревянного судостроения. В Петрозаводском государственном университете действует первая в Российской Федерации вузовская лаборатория деревянного судостроения, которая имеет опыт преподавательской работы по обучению традициям строительства различных лодок. Используя существующую в Карелии судостроительную базу с привлечением партнеров и специалистов-реставраторов из-за рубежа, в настоящий период есть возможность в Плотницком центре ЮНЕСКО музея «Кижь» при поддержке Министерства культуры РФ организовать процесс обучения реставраторов. В результате работы подготовленные и сертифицированные реставраторы деревянного судостроения смогут внести большой вклад в сохранение морского и речного наследия в музеях России.

Окороков Александр Васильевич

Москва

*Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва,
заместитель директора по научной работе
Доктор исторических наук*

Морское культурное наследие: перспективы развития

Морское наследие России — это один из главных факторов развития морской деятельности нашей страны. Изучение, сохранение и использование морского наследия — суть целый блок морской деятельности Российской Федерации, причем блок системообразующий, и основная его функция — перспективная. Морское наследие — это фактор формирования целей и перспектив развития морской деятельности. Морское наследие — это ключ к выстраиванию гармоничной морской политики России. Морское наследие обладает мощным образовательным и воспитательным потенциалом. Наследие есть основа формирования и развития самосознания нации. Изучение и использование морского наследия страны является важной предпосылкой социальной ориентации молодежи на морские профессии и навыки. Объекты морского наследия — это очевидные свидетельства морской истории и морской славы отечества, соответственно, они являются важнейшим элементом системы патриотического воспитания, популяризации морской истории и выполняют важнейшую функцию консолидации морского сознания нации. Важно отметить, что морское наследие — это важнейший геополитический ресурс. Это визитная карточка морской деятельности на международном уровне. Забота о морском наследии — важнейший элемент имиджа России как великой морской державы и показатель отношения государства к своей геополитической роли в мировом сообществе. Объекты морского наследия, в которых воплощена история отечественных морских исследований, являются наглядными индикаторами приоритета государства в освоении Мирового океана, что особенно актуально для защиты национальных интересов Российской Федерации в Арктическом регионе. Объекты морского наследия в международном масштабе — это элементы и символы российского присутствия на акваториях морей и прибрежных территориях и свидетельства успешной морской политики государства. Важнейшей составляющей морского наследия любой страны является подводное культурное наследие, изучение которого ведется методами подводной археологии. Поиск, изучение и мониторинг объектов подводного культурного наследия требуют особых методик и междисциплинарных подходов.

Петрушкевич Алексей Вадимович

Москва

*Государственный научно-исследовательский институт реставрации,
заместитель директора
Кандидат исторических наук, доцент*

Повышение квалификации реставраторов и специалистов в области реставрации и исследования музейных ценностей на базе ГосНИИР

Подготовка реставрационных кадров и повышение квалификации реставраторов и специалистов в области реставрации и исследования музейных ценностей — важнейшее звено в формировании квалифицированных кадров для работы с музейными коллекциями. ГосНИИР обеспечивает систематическое повышение квалификации и переподготовку специалистов по всем направлениям практической реставрации музейных ценностей и их исследований. Индивидуальное повышение квалификации реставраторов по образовательным программам на базе ГосНИИР проводится по заявкам организаций по следующим направлениям реставрации: темперной живописи, масляной жи-

вописи, рукописей, тканей, металла, кожи, монументальной живописи, изделий из дерева, камня, монументальной скульптуры, музыкальных инструментов и механизмов. ГосНИИР принимает специалистов в области химических, физических, биологических исследований, деятельность которых связана с реставрацией культурного наследия. Формами подготовки кадров и повышения квалификации являются: повышение квалификации (индивидуальное и групповое) реставраторов музеев и реставрационных организаций, семинары для музейных хранителей.

Чичёва Светлана Евгеньевна

Самара

Самарский национальный исследовательский университет

имени академика С. П. Королёва, доцент

Кандидат исторических наук, доцент

Материальное наследие в городе:

социокультурные проекции и практики сохранения

Современный город остро заинтересован в сохранении и актуализации своего исторического наследия, поскольку через принятие и современное прочтение своего прошлого он идентифицирует себя в настоящем, вдумчиво и осознанно относится к проекциям своего будущего. К счастью, сейчас уже не нужно убеждать научное сообщество и городскую общественность в том, что «обращение к прошлому наполняет смыслом жизнь в настоящем» (П. Нора). Однако различия административно-управленческого и профессионально-исторического дискурсов порождают немало проблем, связанных с практической реализацией задач сохранения материального наследия и возможностью безболезненно и логично «вписать» его в современный городской ландшафт. Городам принадлежит особая роль в сохранении и актуализации исторического и археологического наследия, поскольку именно здесь в процессе длительной истории сформировался многослойный и многозначный культурный слой. Однако город в наибольшей степени подвержен модернизации и изменениям под воздействием экономических и технологических факторов. В столкновении двух тенденций — стремления модернизировать социокультурную среду и желания сберечь историческое и культурное наследие — сформировались различные способы и технологии сохранения памятников. Прекрасный опыт европейских городов с тысячелетней историей позволяет сохранить и включить исторические артефакты в современный городской текст так, что история как бы «проступает» сквозь многослойную разновременную застройку. Это дает возможность, не загромождая и не занимая дорогое пространство в историческом центре, тем не менее поддерживать многовековой диалог города со своей историей (Вена). Интересный современный подход к решению проблемы сохранения исторического облика города — «Том Соьер Фест» — появился в 2015 г. в Самаре. Этот проект объединяет всех неравнодушных горожан, тех, кто стремится сохранить и украсить родной город и не боится физического труда. Его участники занимаются восстановлением исторической среды на средства партнеров. Волонтеры приводят в порядок фасады деревянных домов, сохраняя их жилое назначение. Такой подход позволяет сохранить большую часть деревянной Самары. Ведь люди приходят в историческую часть города отнюдь не для того, чтобы полюбоваться чем-то неповторимым, а, наоборот, чтобы увидеть типичное — типичное городское пространство ушедшей эпохи, типичный городской колорит рубежа XIX–XX вв. Эту подлинность невозможно воспроизвести — ее можно только сохранить. Пандемия 2020 г. внесла коррективы в планы волонтеров, но не отменила их. В связи с тем, что реставрационный сезон начался не в мае, а в августе, волонтеры успели отреставрировать только один из запланированных объектов — деревянное здание конца XIX в. с двумя мезонинами на улице Братьев Коростелевых. К акции присоединился и губернатор Дмитрий Азаров, поучаствовавший в подготовке стены дома под грунтовку и покраску. Проект «Том Соьер Фест» стал настолько успешным, что опыт Самары переняли уже десятки городов и сел России.

Культурная память и проблемы нематериального наследия

Модераторы А. А. Кротов, Е. А. Полякова

Бегунова Екатерина Александровна

Кемерово

Кемеровский государственный институт культуры, старший преподаватель

кафедры культурологии, философии и искусствоведения

Феномен памяти в культуре

Память всегда имела большое значение в жизни как отдельного человека, так и общества в целом. Память является важным средством формирования и поддержания индивидуальной и персональной идентичности человека и общества. Память человека и народа выступает как хранитель материально-духовных ценностей культуры. В последние десятилетия XX столетия значимыми объектами зарубежных и отечественных исследований становятся различные

виды коллективных воспоминаний, феномены исторической и культурной памяти. Это подтверждается наличием целого ряда научных работ, посвященных изучению памяти в культуре отечественных и зарубежных авторов, среди которых можно отметить труды Я. Ассмана, М. Хальбвакса, А. Конфино, М. Ю. Лотмана, О. Н. Астафьевой и др. Дифференцируя термины «история» и «память», следует сказать об эмоциональном переживании последней, связанном с реальным или с воображаемым воспоминанием и допускающим всевозможные манипуляции, изменения, вытеснения, забвения. Память является одним из универсальных способов транслирования информации прошлых поколений для поколений будущего. Рассматривая память в культурологическом аспекте, следует отметить, что для этого понятия в зарубежной и отечественной гуманитаристике существует целый ряд синонимов: «культурная память», «историческая память», «коллективная память», «социальная память» и др. Их интерпретация и соотношение, а также выбор методологии исследования памяти остается сегодня предметом дискуссий для целого ряда гуманитарных направлений. Так, например, А. Конфино отмечает: «В настоящее время память в значительной степени определяется с точки зрения темы исследования. Выбор предметов слишком часто регулируется модой дня. История памяти, определяемая локально, становится полем, в котором нет ни центра, ни связей между темами» [3]. По мнению А. В. Костиной: «Память является универсальным способом сохранения информации, жизненно важной для существования любого сообщества — от традиционного до постиндустриального» [1]. Ссылаясь на исследования Ю. Лотмана [2], можно предположить, что культурная память, в отличие от исторической, это коллективные воспоминания, скорее, не общества, а отдельной нации, этноса, обладающие сложной мифологической, иррационально-эмоциональной и символической составляющей. Историческая же память формируется исследовательскими профессиональными сообществами и существует, прежде всего, в институциональных формах.

Список литературы:

1. Костина А. В. Память как механизм культуры. URL: https://vk.com/doc268719053_603813863?hash=d240ec587f5e4c9695&dl=022a351d32ea0878a7.
2. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб., 2000. 704 с.
3. Confino A. Collective Memory and Cultural History: Problems of Method // The American Historical Review. 1997. Vol. 102, № 5. P. 1386–1403. URL: <http://links.jstor.org/sici?sici=00028762%28199712%29102%3A5%3C1386%3ACMACHP%3E2.0.CO%3B2-Y>.

Бугаева Любовь Дмитриевна

Санкт-Петербург

Санкт-Петербургский государственный университет, доцент

Доктор филологических наук

Механизмы культурного ресайклинга: Советская Арктика, дубль два

Жан Бодрийяр увидел в искусстве, равно как и в политике, истории и морали, обреченность «на бесконечную ретроспективу всего, что нам предшествовало» (Бодрийяр Ж. Совершенное преступление. Заговор искусства / пер. с фр. А. В. Качалова. М., 2019. С. 248). В чем смысл этой «бесконечной ретроспективы», в частности, ресайклинга советского прошлого? Обращение к прошлому нередко выступает как заполнение умолчаний и пробелов в художественных репрезентациях исторических событий, на что собственно и претендуют многие литературные и кинематографические произведения, например фильм А. Кравчука «Адмиралъ» (2008; телеверсия, 10 серий, 2009), в котором Колчак (К. Хабенский) предстает не как предатель-белогвардеец, а как честный и смелый патриот и выдающийся исследователь Севера. Впрочем, обращение к темам, актуальным для советского искусства и литературы, не всегда имеет целью заполнение пробелов. Так, тема Севера в искусстве, появляясь и исчезая, трансформируясь и оставаясь неизменной, служит своеобразным индикатором тем и настроений, ставших актуальными в тот или иной период истории в силу социальных и политических причин. Чем же привлекал и привлекает Север писателей, кинематографистов и других деятелей искусства? Какой новый поворот получила эта тема в современном культурном пространстве? Произведения, героизирующие профессии полярника или полярного летчика, утратили сегодня свое литературно-художественное значение, и герои-полярники переместились со страниц книг в пространство музейных выставок и исторических игр (один из примеров — московская выставка «Покорение. Наследник авангарда Яков Халип», 2016, посвященная фотографу Халипу, участнику полярной спасательной экспедиции 1938 г., сопровождавшаяся научными играми для школьников «Покори Арктику»). Востребованной, впрочем, оказалась романтика поиска и приключений «Двух капитанов» В. Каверина, а одним из последних событий постсоветской жизни каверинского произведения стал выход двухтомной энциклопедии романа. Обращение к механизмам актуализации советского прошлого на примере советской Арктики позволяет не только раскрыть смыслы и цели ресайклинга советской темы в постсоветском пространстве, но и приблизиться к ответу на заданный Бодрийяром вопрос: может ли искусство быть «великим делом», если оно «без конца занимается вторичной переработкой», т. е. «апроприацией банальности, отбросов, обыденности, возводя все это в систему ценностей и идеологию» (Там же. С. 242).

Современные художественные практики в пространстве формирования культурной памяти

Доклад посвящен рассмотрению особенностей коммеморации как формы визуализации культурной памяти в современных арт-практиках. Рассматривается как зарубежный, так и отечественный опыт. Культурная память (КП) в последние десятилетия стала значимым объектом исследования, в социально-гуманитарном знании сформировалась междисциплинарная мемориальная парадигма (*memory studies*), в рамках которой утвердились представления о процессуальном нелинейном характере памяти, о ее избирательности, обусловленной как социально-психологическими, так и социокультурными механизмами. Искусство, по всеобщему признанию, во все времена играло важную роль в формировании КП, будучи действенным инструментом воздействия на массовую аудиторию, создавая маркеры культурной идентификации. Предметом нашего рассмотрения являются арт-практики (современные художественные практики, далее СХП) — новые экспериментальные формы современного искусства, сложившиеся в художественном пространстве XX в., которые иногда оказываются настолько новыми, что перестают укладываться в устоявшиеся границы искусства как такового. СХП стирают грань между искусством и не-искусством, между искусством и жизнью: политикой, наукой, философией, спортом, аттракционом. Можно сказать, что СХП — это искусство, погруженное в жизнь почти до растворения в ней. Закономерно, что при всей присущей им инновативности СХП активно работают с проблематикой культурной памяти, обращаясь к прошлому, пересматривая, переоценивая его. Культурная память — это не склад фактов и седых древностей, это именно процесс актуализации прошлого в настоящем, его адаптация к настоящему и тем самым обоснование будущего. СХП используют весь арсенал форм и приемов современного искусства, добываясь большей силы воздействия на аудиторию через усиление эмоциональности, выразительности, прибегая к интерактивности, эпатажности, трансгрессии, в результате стимулируя потребность в комментариях и обсуждении. Длющийся художественный дискурс становится частью СХП, своеобразным развитием открытого процессуального произведения. В ходе дискурса уточняются нюансы, закрепляются смысловые доминанты — рождается коммуникативный образ. В данной работе проблема рассматривается на основе произведений отечественных и зарубежных авторов (К. Болтански, Й. Герца, Д. Деллера, И. Кабакова, А. Кифера, Т. Радя, Х. Хааке, Т. Хиршхорна, Х. Хохайзера и др.).

Гриценко Галина Дмитриевна

Ставрополь

Федеральный исследовательский центр «Южный научный центр РАН»

(Ростов-на-Дону), главный научный сотрудник

Доктор философских наук, профессор

Культурная или историческая память — стабилизирующий фактор в полиэтничном регионе

Современный мир сегодня являя собой «горящее» социокультурное пространство. Межрасовые, межэтнические противоречия, перерастая в открытые конфликты, становятся неизбежной составляющей повседневной жизни мирового сообщества. Как правило, к современным социальным проблемам обязательно присоединяется исторический контекст, опирающийся на историческую память этносов, рас. К таким конфликтам можно отнести протесты начала июня 2020 г. в США, межэтнические противоречия на Северном Кавказе. Если истоки противостояний на межэтнической основе лежат в исторической памяти, то возникает потребность разобраться, что есть историческая память. Известно, что впервые термин «культурная память» появляется в 1970-х гг. в статьях Ю. Лотмана. По Ю. Лотману, культурная память — это атрибутивное свойство общества как некой самоотжественной целостности на всех этапах его развития. Опираясь на рассуждения Ю. Лотмана, Я. Ассмана и др., Т. Э. Рагозина утверждает, что культурная память есть имманентное свойство «целостности развивающегося во времени социокультурного организма» (общества), основное предназначение которого — обеспечить способность социокультурного организма сохранять и воспроизводить в своем актуальном бытии свою целостность. Примерно в 1980-е гг. вводится понятие «историческая память», которая, согласно П. Хаттону, рассматривается историками-постмодернистами в качестве средства мобилизации политической власти, функции власти, которая определяет «историческую правду» как единственно истинное описание прошлого. Но, исходя из принципа постмодернизма — методологического плюрализма, суть исторической памяти зависит от способа репрезентации прошлого, что ведет к появлению «многих прошлых»: каждая эпоха, каждый этнос формирует эксклюзивное изображение прошлого. Такое «различение» (Ж. Деррида) исторической памяти позволяет понять, например, почему официально раскручиваются юбилеи одних литераторов,

например А. И. Солженицына, и практически замалчивают других, в частности Кайсына Кулиева. Итак, если мы по-прежнему будем акцентировать внимание на исторической, а не на культурной памяти, то будем сталкиваться с конфликтными ситуациями, поскольку каждая из входящих в состав российского общества социальная (этническая, конфессиональная, политическая, территориальная и т. д.) группа или сообщество будет конструировать свою память о прошлом как единственно существующую память. И это неизбежно сегментирует единое общество на самостоятельные элементы дезинтегрированной социальной системы.

Жерносенко Ирина Александровна

*Барнаул
Алтайский государственный институт культуры,
профессор кафедры гуманитарных дисциплин
Доктор философских наук, доцент*

Этноэкологические принципы сохранения культурного наследия коренных народов Сибири

Л. Н. Гумилев, раскрывая закономерности этногенеза, пришел к выводу, что в разнообразных ландшафтах сами природные условия стимулируют динамику культурных процессов, что, в свою очередь, ведет к развитию и смене культур. В то время как в однородных ландшафтах культурные процессы проживающих там этносов стабилизируются, что препятствует быстрому развитию культуры. Необъятные просторы Сибири включают в себя богатейший спектр природных ландшафтов от арктических и высокогорных вечных снегов до бескрайних степей, от таежных дебрей до благодатных межгорных долин. Именно это многообразие ландшафтов стало причиной того, что территория Сибири и, в частности, Алтай стали с древнейших времен центром евразийского этногенеза. При этом коренные народы Сибири по сей день сохранили глубинное чувство природы и благоговение перед ней. Теории Гумилева созвучен концепт «месторазвития» культуры, сформулированный П. Н. Савицким, который определял геософию — «землемудрие», науку о «мудрой сущности земли» — «как синтез географических и исторических начал...», где обосновывается сакральная взаимосвязь между природой и культурой. По сути, П. Н. Савицкий обосновал базовые категории духовно-экологических (ноосферных) принципов социального развития, которые испокон веков исповедовало коренное население Сибири, почитая землю как живую, мудрую сущность, отвечающую на воздействие человека. Существующие в российской законодательной базе принципы охраны памятников природы, истории и культуры рассматривают каждый из объектов охраны в конкретной, заданной модальности: «природной», «культурной» или «исторической», в то время как испокон веков коренные народы обустроивали сакральные центры как заповедные места, в которых синкретично были слиты ценности и смыслы всех трех модальностей. В отличие от этноэкологии наука западного образца — экология — построена на запретительных принципах, отчуждающих человека от природы: не топтать, не сорить, исключить человека из особо ценных природных резерватов (например, заповедников). Утрата связей человека с природой влечет за собой разрушение традиционных культурных констант, что в свою очередь влечет за собой разрушение системы ценностей и неизбежно выливается в экологический кризис. Этнический комплекс ограничений, табу и ценностей, напротив, поддерживают этнос как целостную и открытую систему, встроенную в окружающий ландшафт. Природа и Культура — это две подсистемы бытия, с одной стороны, независимые, но с другой — находящиеся в нерасторжимом синкретичном и синергийном единстве, формируя единую сверхсложную систему. Через познание законов Природы человек пришел к пониманию законов существования и развития Вселенной; осознав их универсальность, он сформировал константные ценности Культуры.

Зиннатуллина Гульшат Фяритовна

*Москва
Московский государственный лингвистический университет,
преподаватель арабского языка*

Нематериальное культурное наследие мусульман в условиях мегаполиса

Нематериальное культурное наследие мусульман ярко проявляется и развивается, прежде всего, в контексте культуры повседневности. Ведущими проявлениями нематериального культурного наследия мусульман выступают: язык, обычаи, традиции, обряды, уклад жизни, праздничная культура, воспитание детей, взаимодействие между представителями различных поколений и пр. Мегаполис оказывает системное трансформационное воздействие на культуру повседневности мусульман в целом и особенно на комплекс нематериального культурного наследия. Отдельной проблемой выступает сохранение исторической памяти, ее трансляция, острым вопросом является искажение (целенаправленное или случайное) представления о культуре и истории мусульман — представителей различных народов и этносов России. Нематериальное культурное наследие взаимосвязано с ценностно-смысловым комплексом культуры мусульман, кодами культуры и исторической памяти. Культура повседневности мусульман

в условиях мегаполиса обладает значительной вариативностью, что определено значительной стратификацией представителей мусульманской культуры, их культурно-историческим прошлым, степенью влияния мегаполиса, а также комплексом нематериального культурного наследия. Выделены три категории представителей мусульманской культуры по степени их «укорененности» в культуре мегаполиса, приведены основные характеристики культуры повседневности представителей данных групп. К первой категории относятся коренные жители мегаполиса, родившиеся и выросшие в условиях большого города и многонационального состава населения. Для них характерна органическая включенность в социокультурное пространство Москвы, высокий уровень адаптации к жизни в специфических условиях мегаполиса, а также широта связей как в мусульманском мире, так и за его пределами. Ко второй категории относятся представители мусульманской культуры, мигрировавшие из своих родных городов и сёл в столицу России и проживающие в ней уже несколько лет. Среди них как жители других российских регионов, переселившиеся в Москву, так и выходцы из стран СНГ, постсоветского пространства, а также мигранты из других стран (Москва и Московская область являются лидерами по приему мигрантов на постоянное место жительства или для длительного пребывания). К третьей категории отнесем представителей мусульманской культуры, слабо адаптированных к жизни в мегаполисе, недавно прибывших в столицу, преимущественно в качестве гастарбайтеров. Они сохраняют тесные связи с родиной, где, как правило, осталась семья (жена, дети, родители). Обладая общими чертами и характеристиками, мусульманская культура в условиях мегаполиса формирует ряд субкультур, связанных, прежде всего, с культурой мигрантов и их семей.

Золотова Татьяна Николаевна

Омск

Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института

культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва,

ведущий научный сотрудник, заместитель директора

Кандидат исторических наук

Историко-культурное наследие и процессы коммеморации

Актуализация историко-культурного наследия тесно связана с процессами коммеморации — сохранения в общественном сознании памяти о значимых событиях прошлого. Культурное наследие в эпоху информационного общества понимается как «совокупность предметных реалий и духовных ценностей прошлого, сохранившихся в современной культуре и составляющих источник ее развития» (Э. А. Шулепова). Посредством культурного наследия общество упрочивает свое внутреннее единство и закрепляет в своей коллективной памяти символы, формирующие единое поле общественных ценностей и смыслов. В основе коммемораций лежит глубокий образовательный и интегративный потенциал, а историко-культурное наследие является важным фактором укрепления единства социума, проживающего на определенной территории, воспитания любви к малой родине и Отечеству, способствует формированию гражданской, региональной, этнокультурной и локальной идентичностей. В нашем докладе мы на конкретном примере приграничных районов Омской области представим факты использования историко-культурного наследия в процессах формирования культурной памяти современных поколений. Роль объектов историко-культурного наследия, которые используются в социокультурной, образовательной, просветительской и культурно-досуговой деятельности на приграничной с другим государством территории, является особенно важной. Проведенные нами опросы населения показали, что отношение к историко-культурному наследию амбивалентное: с одной стороны, 97 % опрошенных считают, что наследие необходимо сохранять, с другой — «сохранение» остается уделом администрации, учреждений культуры и отдельных краеведов-энтузиастов. В современный период наиболее значимым остается наследие советской эпохи, что объясняется рядом причин:

- 1) большой хронологической протяженностью советского периода;
- 2) значимостью происшедших в этот период событий (победа в Великой Отечественной войне, освоение целины, победы в спорте и т. д.);
- 3) ностальгией по общинному коллективизму и реальным достижениям в колхозном строительстве;
- 4) отсутствием значимых успехов в экономике в постсоветский период;
- 5) деятельностью органов власти по увековечиванию памяти о Великой Победе.

В постсоветский период в коммеморативной практике происходит обращение к дореволюционному прошлому, связанному с освоением сибирских территорий и основанием сел, усиливается персонификация наследия, проявившаяся в увековечивании памяти известных земляков. Историко-культурное наследие, воплощенное в памятниках, выступает фактором интеграции регионального и локального сообществ, способствуя формированию региональной и локальной идентичностей. Актуализируя гражданскую идентичность, наследие способствует сплочению российской нации. Особенно интенсивно интегративные процессы протекают во время праздничных мероприятий и мемориальных событий. Появляются новые тенденции в представлении наследия: оно обобщается, «привязывается» к ландшафту и предстает в виде символов территорий.

Кириллов Андрей Александрович

Ростов-на-Дону
Южный федеральный университет,
доцент кафедры социальной философии
Кандидат философских наук

Культурная память в постсекулярном мире: факторы и обстоятельства, меняющие приоритеты

Решение Государственный совет Турции в начале июля 2020 г. об отмене постановления турецкого правительства от 1934 г., в соответствии с которым бывшему христианскому храму (Ἀγία Σοφία) и в то время действующей мечети Айя-София был придан статус исторического музея, может быть рассмотрено как значимое эмблематическое событие, которое способно повлиять на характер конструирования культурной памяти. В частности, применительно к культурной памяти в восточно-христианском социальном пространстве это событие имело противоречивый отклик, понимание характера и интерпретация которого может представлять большой культурологический интерес. Изменение историко-культурного статуса Айя-Софии на новый религиозно-юридический в результате позиции президента Турции Реджепа Тайипа Эрдогана, который подписал указ, разрешало мусульманам вновь совершать молитвы в Айя-Софии, затронуло в мире целый спектр мнений, позиций и точек зрения, которые отчетливо продемонстрировали, как и где сегодня работает культурная память, в каком направлении ее паттерны сориентированы, что она способна оправдывать и на что скромно «закрывать глаза» или вовсе забывать. Фокус яркого и рельефного казуса статуса Айя-Софии сегодня остро проблематизировал зависимость и взаимную обусловленность форм и проявлений культурного сознания, культурно-исторической памяти и религиозных убеждений — ключевых факторов конструирования актуального социокультурного ландшафта постсекулярного мира. Анализ феномена культурной памяти как исследовательского поля для культурологии и социальной философии в данном ключе направлен на выявление факторов и обстоятельств, при которых религиозные убеждения и мировоззренческие установки оказывают кардинальное влияние на социальные пропозиции и гражданское самосознание, корректируют культурную идентичность или конфессиональную индифферентность. Важным обстоятельством в представленном подходе может стать привязка данного острого «мемуаративного культурно-исторического сюжета» к современной российской социокультурной действительности через методологические установки «еретического императива», представленного П. Бергером и Т. Лукманом, при анализе модернизационных («секулярный интернационал») и контрмодернизационных («новая религиозность», «лоскутная религия») стратегий, в их тесной связи с практиками формирования гражданского сознания.

Курикалов Юрий Леонидович

Санкт-Петербург
Правовой центр градостроительных проектов, директор

Культурное наследие и духовное развитие в XXI веке

Последние десятилетия XX в. прошли под знаком веры в устойчивость прогресса на базе научно-технической революции. На практике, однако, справиться с социальными проблемами оказалось не так просто, как расщепить атом и полететь в космос. На фоне разрушения привычных форм жизни в погоне за новизной, а порой и идеологически-радикального отказа от традиционных человеческих ценностей (трансгуманизма в широком смысле слова) усиливается реакция против «агрессивной современности». Проявления этой реакции отталкивают непредвзятых наблюдателя и заставляют говорить об угрозе «нового Средневековья» в XXI в. Что же ждет человечество в перспективе: безудержный «трансгуманистический прогресс» или «новое Средневековье»? Переосмысляя концепцию «социокультурной динамики» одного из выдающихся социологов XX в. Питирима Сорокина, можно выделить три стадии исторического цикла. В первой стадии господствует принцип авторитета традиции, духовного канона. Допускаются исключительно авторские варианты элементов канона. Переход ко второму типу культуры отмечен постепенным усилением значимости этих авторских вариантов и превращением процесса их создания в автономное творчество. При переходе к третьему типу автономное творчество завоевывает полную самостоятельность от канона. От первого типа культуры к третьему происходит инверсия отношения к инновациям — переход от почти полного их неприятия к своеобразному фетишизму новизны. Это приводит, в конечном счете, к чрезмерному усложнению общественной жизни. Наступает естественная человеческая реакция, требующая ее упрощения, — включается некий «гуманитарный тормоз». В результате достигается преодоление накопившейся сложности, происходит «перезагрузка цивилизации». Формируется новый канон, «новая парадигма». «Новое Средневековье» невозможно, поскольку в реку времени не войти дважды. Однако возвращение к высшим достижениям духа, воплощенным в культурном наследии человечества, не только возможно, но и необходимо современному обществу, во избежание его финальной катастрофы. И такое возвращение, в подлинных его проявлениях, не ограничивает, а открывает творчество. Это возвращение не перечеркивает современности, а наполняет его настоящим смыслом. Андрей Рублёв стал нашим современником

благодаря фильму Тарковского, который можно было бы упрекнуть в «модернистских приемах». Два тысячелетия новой эры, и особенно последние три столетия, дали человечеству возможность овладеть многими тайнами природы и невиданно высоко подняться над уделом умственно-слепой ее части. Однако безудержный отрыв от прошлого и фетишизация современности оборачивается полетом Икара. В третьем тысячелетии, как и во втором, как с незапамятных времен, восхождение вперед и выше по Лестнице Истории неотрывно от усилий по гуманизации общества и духовному самосовершенствованию личности, опирающемуся на сокровища культурного наследия человечества.

Никитина Елена Сергеевна

Москва

Институт языкознания Российской академии наук,

ведущий научный сотрудник

Кандидат филологических наук, доцент

Почему рукописи не горят, или Об иерархии смыслов

1. Смысл, в отличие от содержания, отвечает на вопрос «зачем» и потому представляет собой особую целостность. Это функция, притом означенная функция содержания в контексте коммуникативной ситуации. Но функция на отдельные составляющие не раскладывается. Здесь требуется иной метод анализа.
2. Создатель теории когнитивного развития Жан Пиаже рассматривал мышление человека как специфическую форму адаптации, при которой сложный организм приспосабливается к не менее сложной среде. Адаптация происходит посредством двух дополняющих друг друга процессов: ассимиляции и аккомодации. Ассимиляция — это конструирование, «подтягивание» события к шаблону структуры, имеющейся у индивида в данный момент. Ассимиляция по своей природе — процесс консервативный в том смысле, что его основной функцией является превращение незнакомого в знакомое, сведение нового к старому. Новая ассимилирующая система всегда должна быть только вариантом ранее приобретенной, а это обеспечивает и постепенность, и непрерывность интеллектуального развития. Сущность же аккомодации составляет процесс приспособления к разнообразным требованиям, выдвигаемым перед индивидом объективным миром. Интеллектуально приспособиться к действительности — значит сконструировать эту действительность, причем сконструировать в понятиях некоторой устойчивой конструкции, имеющейся у субъекта. В некоторых познавательных актах относительно преобладает компонент ассимиляции; в других обнаруживается большая склонность к аккомодации. Но никогда в познавательной жизни не встречается «чистая» ассимиляция или «чистая» аккомодация; познавательное освоение действительности всегда означает одновременно и ассимиляцию, производимую структурой, и аккомодацию этой структуры (Piaget, 1954, p. 352–354).
3. При переносе этого механизма на процессы понимания (сопровождения мышления в актах автокоммуникации) мы получим три области смыслопорождения: понимание, интерпретацию и толкование. Каждая из областей привязана к тексту в его разных функциях.
4. Текст как субъект требует понимания. Текст как объект, включенный в заданный контекст, предполагает интерпретацию. И наконец, текст как средство есть инструмент толкования, согласования понятий в коммуникативном взаимодействии.
5. Иерархия ролей текста задает и иерархию смыслов, которые из них извлекаются. Они же возвращают текст к его исходному — субъектному — состоянию, не позволяя ему исчезнуть или раствориться в интерпретациях.

Нор-Аревян Оксана Аведиковна

Ростов-на-Дону

Южный федеральный университет, доцент

Кандидат социологических наук, доцент

Профессиональная династичность как механизм социокультурной преемственности

Семья всегда выступала важнейшим культурным образцом социализации человека. В семье человек воспитывается, учится ходить и говорить, приобретает знания, приобщается к системе ценностей. Важное значение при определении факторов, влияющих на формирование профессиональных ориентаций у молодых людей, имеют функции семьи, носящие традиционный, взаимосвязанный с природой семьи характер, в том числе:

- 1) функция передачи социального опыта;
- 2) предоставление защищенного социального пространства для члена семьи;
- 3) поддержание определенного культурного образа, формирующегося в результате осознанного и неосознанного копирования действий родителей и сочетающего, как и предыдущие функции, биологические инстинкты (материнства, сохранения детенышей) и социальные установки (поддержание подрастающего поколения).

Преемственность становится профессиональной тогда, когда объектом передачи из поколения в поколение становятся профессия и определенные профессиональные ценности, посредством многопоколенной профессиональной преемственности образуется такой феномен, как профессиональные династии. Профессиональная преемственность

посредством включения в династию является характерной социальной практикой для советского периода, но и в современном обществе приобретает новые ракурсы исследования. В советский период династичность выступала примером межпоколенческого воспроизводства социальной позиции, а представители династий не только являлись носителями традиции и преемственности профессионального знания и мастерства, но и приобретали нравственные ценности, такие как любовь и уважение к труду, к человеку. На основе ретроспективного анализа биографических очерков профессиональных династий можно выделить как преимущества формирования династичности, так и недостатки, т. к. профессиональная династичность не является процессом цикличным и нарушение механизма воспроизводства профессии может приводить к кризису профессиональной династичности. Каждый человек, делая свой профессиональный выбор, ориентируется на множественные факторы, такие как личные интересы, рекомендации семьи и семейные традиции (династичность в профессии), престижность профессии, востребованность профессии на рынке труда. Преимущественно бывшие школьники делают этот выбор субъективно, с опорой на ситуативность (реальные возможности поступления в вуз, наличие требуемого числа баллов, близость учебного заведения к месту жительства, потенциальные возможности трудоустройства). Убежденность в правильности выбора профессии, с одной стороны, и достойное отношение общества к этой профессии — с другой, являются важными критериями профессиональной преемственности и создания профессиональной династии. Работа подготовлена при поддержке РНФ, проект № 19-18-00320.

Рейли Марина Викторовна

*Санкт-Петербург
Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук, старший научный сотрудник
Кандидат филологических наук*

Ипостаси Великой Богини в русских волшебных сказках и их культурологические параллели

Образ Великой Богини или Великой Матери известен во многих культурах с древнейших времен. В русском фольклоре он сохранился в раздробленном виде. В. Я. Пропп и многие другие исследователи видели его воплощение в образе Бабы-яги. Действительно, Баба-яга русских сказок сохранила целый ряд внешних и сущностных признаков и атрибутов Великой Богини. Но чтобы получить действительно объемное видение, необходимо учитывать как родовые связи (сестры, дочери, племянницы, братья и др.), так и типологические параллели этого персонажа в других культурах (Великие Богини Египта, Вавилона, Индии, Китая и др.). Для анализа используются тексты из основных сборников сказок Севера и Юга России, а также Сибири и Дальнего Востока. Рассматриваются наиболее распространенные сюжеты, в которых одним из действующих персонажей является Баба-яга и ее функциональные аналоги. Привлекается также материал мифологических и религиозных представлений других народов. Если Баба-яга русских сказок сохраняет наиболее архаические черты древней Богини (змеиные и другие признаки хтонической природы, гипертрофированные признаки пола, власть над животным миром и стихиями, черты исполина и др.), то ее племянницы, предназначенные в жены герою, чаще имеют двойственную природу, добавляя к образу, например, признаки орнитоморфной, солярной и т. п. природы, а также качества демиурга и «культурных героинь» (Царевна-лягушка, дочери морского царя, Марья-искусница и др.). Нам бы хотелось более подробно остановиться на змеиной природе образа Бабы-яги, т. к. именно отождествление со Змеей либо частичная змееподобность являются наиболее архаичным сущностным аспектом Великой Богини при типологическом рассмотрении. Важно и гендерное соотношение функций героя волшебной сказки и его покровительниц и спутниц. Так, например, бросается в глаза относительная пассивность героя на фоне активной и продуктивной магической деятельности женских персонажей в разных типах сюжетов. Соединение раздробленных частей позволит получить более полное представление о Великой Богине и ее трансформациях в рамках русской волшебной сказки.

Романенко Максим Андреевич

*Ростов-на-Дону
Южный федеральный университет, ассистент,
младший научный сотрудник*

Будущее прошлого: об утопии советского революционного праздника

Идея доклада строится вокруг исследовательского вопроса: можно ли говорить о существовании образа будущего в советских революционных празднествах с их повсеместной увлеченностью прошлым? Ответить на этот вопрос предлагается, обратившись к концепции «утопия как метод», довольно популярной в современных *utopian studies*. Такой аналитический подход к утопии позволяет понимать ее не как образ совершенного общества или как идеал, привнесенный извне, а как возможность и навык желать лучшего, критиковать существующую реальность и создавать альтернативы. Приложив этот инструмент к праздничной культуре послереволюционного десятилетия со свойственными ей пространственными и темпоральными представлениями (М. Озуф), мы попытаемся показать, как формировалось видение

желаемого будущего и его импликация в жизненную практику. Так, последовательное использование отдельных приемов из аналитического инструментария утопии-метода позволяет, во-первых, проследить, как же возникало и утверждалось пространство воображения, а во-вторых — деконструировать его. Через остранение представлений о настоящем и прошлом, историзацию того, что казалось вечным и неизменным, и проявляющийся тем самым подрывной эффект критики формировался свойственный утопии навык воображения и — так создавался образ будущего. С одной стороны, он требовал нового взгляда на историю и, как следствие, новых образов прошлого, ведь порожденное революцией ощущение большого сдвига или даже разрыва предопределяло деконструкцию устоявшегося понимания времени — теперь же с ним обращались как с пластическим материалом. С другой стороны, необходимо было подготовить пространство (присвоив, переделав или же создав его заново) для воплощения революционных идеалов. Таким образом, утопическая оптика помогает расширить смысловое пространство советских революционных празднеств, выявив функциональную связь между представлениями о прошлом и будущем. Даже несмотря на то, что в сюжетах празднеств отсутствовал детально проработанный образ грядущего, их участники все же приобщались к мечте.

Романова Дарья Яковлевна

Москва

*Российский научно-исследовательский институт культурного
и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, старший научный сотрудник
Кандидат культурологии*

Семейное наследие как неотъемлемая часть нематериального культурного наследия России

Обращение к ценностному содержанию культурной памяти неотделимо от изучения таких социокультурных явлений, как семья и род. В определенной внутренней культурной среде заложен путь от формирования фамилий до фамильных черт, образующих идентичность конкретной династии в контексте развития русской цивилизации. Когда мы говорим о социокультурном пространстве семейной и родовой памяти, то видим, что семейное наследие — это воспроизводство коллективных и трансляция индивидуальных характеристик, личностных качеств, формировавшихся на протяжении поколений. Социокультурное пространство памяти включает в себя выявление общего и особенного в семейных судьбах, культурные семейные традиции и социально значимые ценности, которые необходимо актуализировать для представителей молодого поколения. Род и семья представляют собой совершенно особую среду, совокупность и, в определенном смысле, иерархию и сферу бытования социокультурных ценностей. Этот аспект важен для развития культурологических аспектов генеалогии и приобщения современного поколения к историческим традициям культуры повседневности. При рассмотрении вопросов наследия рода важен всеословный подход к традициям служения: дворянских, священнических, купеческих, крестьянских семей. Расширение научно-исследовательской и просветительской работы по изучению и распространению знаний по данной теме, а также включение выявленных объектов наследия семей и родов в туристские маршруты и краеведческую деятельность, несомненно, станут важными составляющими в системе актуализации нематериального культурного наследия России. Приводится пример коллективной монографии «Живое наследие памяти», изданной Институтом Наследия, в которой представлены исследовательские работы участников просветительского проекта «Живое наследие памяти» и Всероссийской научной конференции «Ценности и образы русского купечества и дворянства конца XIX–XX в. как историко-культурное наследие России: проблемы актуализации», прошедшей в 2018 г. в Институте Наследия. В статьях предпринят анализ и интерпретация недооцененного культурного массива, связанного с ценностями, личными образами и материальными объектами историко-культурного наследия представителей разных сословий дореволюционной России, память о которых хранится потомками замечательных династий и нашими современниками, дорожащими историей своих предков.

Сазонова Вероника Александровна

Москва

*Московский педагогический государственный университет,
кафедра культурологии
Аспирант*

Образы нематериального культурного наследия в анимационном кино: контекст восприятия и технологии популяризации

Благодаря мифологизации и идеологизации сюжетов анимационное кино, как часть медиакультуры, оказывает значительное социокультурное воздействие на свою аудиторию. Помимо релаксационно-развлекательной, креативной и коммуникативной функций, такие произведения выполняют нормативную и интегративную функции. Частично замещая миф, они вводят в информационный контекст социальные, культурные и общественно-политические кон-

цепты и влияют на формирование картины мира современного зрителя, которая зачастую не целостна, пластична, противоречива и совмещает в себе аспекты разных культур. Создавая образы нематериального культурного наследия с помощью обертонов, которые воспринимаются зрителем на подсознательном уровне, и погружая их в разные контексты, авторы анимационного кино формируют коллективное восприятие объекта наследия. Эмоционально сопереживая героям произведения, зрители идентифицируют себя с ними, их образом жизни и картиной мира. Включение в эту семиологическую систему культурных кодов, ценностей и ролевых моделей, составляющих основу той культуры, из которой происходит зритель, позволяет конкретизировать образы (как реалистичные, так и соби- рательные или даже утрированные), сделать их более целостными. Акцентирование на элементах иллюстрируемого нематериального культурного наследия в рамках PR-стратегий картины позволяет внедрить его в современный ин- формационный контекст и сформировать зрительское ожидание. Узнаваемость иллюстрируемых культурных моделей, декодирование медиатекста потребителем, самостоятельная рефлексия и обсуждение произведения с другими его потребителями или ознакомление с их мнениями и критикой позволяют повысить информированность аудитории об этом наследии, популяризировать его. Изучение опыта популяризации «живого» наследия, которое включает в себя «обычаи, формы представления и выражения, знания и навыки, а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства», посредством анимационного кино является значимым направлением ис- следований как с теоретической, так и с практической точек зрения.

Семенец Ольга Павловна

*Санкт-Петербург
Российский государственный педагогический университет
имени А. И. Герцена, доцент кафедры русского языка
Кандидат филологических наук, доцент*

Прецедентные феномены как репрезентанты культурной памяти

Прецедентные феномены, связанные с русской литературой и представляющие собой интертекстовые единицы различных типов, играют важную роль в современном дискурсе. Корпус прецедентных феноменов, актуализирую- щих фоновые знания носителей языка, является базой культурного диалога, в ходе которого конкретная языковая личность приобщается к культурной традиции социума, а затем продолжает транслировать ее следующим поко- лениям. В этом смысле прецедентные феномены формируют и хранят культурную память языкового сообщества. Освоение корпуса прецедентных феноменов как результат взаимодействия языковой личности с базовыми текстами культуры является не только показателем ее приобщенности к культурному контексту, а значит, ценностной модели мира, но и необходимым условием для успешной включенности в современное коммуникативное пространство. Наличие лакун в прецедентной компетенции языковой личности чревато многочисленными коммуникативными сбоями, при которых носитель языка не сможет верно интерпретировать коммуникативный замысел различных речевых сообщений, обладающих в современном дискурсе повышенной прецедентностью. Изучение прецедентной компетенции молодежи, реконструкция той части общенационального прецедентного корпуса, которая ей освоена, а также качество усвоенной прецедентной информации показывают общую тенденцию к сокращению круга базовых прецедентных феноменов в прагматиконе современного молодого человека. Фактически это может привести к «пре- цедентному разрыву», при котором разные поколения лингвокультурного сообщества рискуют оказаться в ситуации коммуникативного рассогласования, при котором использованные старшим поколением языковые ресурсы окажутся вне поля понимания более молодых носителей языка, что может привести как к утрате общего культурного кода, так и ослаблению, а возможно, и утрате культурной памяти. Изучение корпуса прецедентных феноменов, освоенных современной молодежью, установление лакун и причин их формирования позволит разработать систему мер по повышению уровня культурной грамотности современных носителей русского языка, что в свою очередь будет способствовать укреплению культурных межпоколенческих связей, а также повышению эффективности общения. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «20-512-18006 Болг_а» («Вербализация культурной памяти: прецедентика»).

Четина Елена Михайловна

*Пермь
Пермский государственный национальный исследовательский
университет, кафедра русской литературы, доцент
Кандидат филологических наук, доцент*

Празднично-обрядовые традиции: проблемы сохранения культурного наследия

В ходе полевых исследований на территории Северного Прикамья мы неоднократно фиксировали традиционные мифо-ритуальные комплексы и обрядовые практики. Престольные и заветные праздники были представлены

здесь в живом бытовании. В настоящее время наблюдается трансформация народного празднично-обрядового комплекса, разрушение системы традиционных коммуникаций и ритуальных значимостей. Отчасти это связано с расширением фестивального движения, ориентацией на коммерциализацию социально-культурной сферы. Представители учреждений культуры, сотрудники досуговых центров часто используют традиционный праздничный календарь при составлении рабочих планов и подготовки выступлений. Организаторы подобного рода праздничных постановочных мероприятий далеко не всегда знают и учитывают этнокультурные традиции, не считают необходимым поддерживать связь с местными хранителями ритуала. Ритуал в народной культуре как особый канал коммуникации между профанным и сакральным мирами предполагает наличие ритуальных распорядителей. Исследователи русской народной театральности выделяют особую категорию участниц сельских праздников и обрядовых практик (руководительниц игр, хороводниц, «кумушек», распорядительниц), прослеживают вариативность функций агентов ритуала. В современном социуме ритуальные специалисты транслируют народные ценности, организуют ритуальное пространство во время традиционных праздников и обрядов, являются хранителями культовых мест. Активная деятельность ритуальных специалистов иницируется и поддерживается традиционной системой коммуникативных связей. Развивающийся этнотуризм и расширяющееся фестивальное движение способствуют популяризации народного наследия, однако ориентированность на зрелищность и коммерческую успешность приводит к трансформации традиционного содержания и принципов функционирования народной культуры. Представленные зрителю реконструкции изменяют культурное поле. Игровое пространство часто ограничивается сценой, исчезают элементы импровизации и эффект «соучастия», нивелируется народная смеховая культура. Присваивая функции ритуальных специалистов, организаторы и ведущие постановочных календарных мероприятий не осознают значимость ритуальных компонентов коллективного действия и не соотносят происходящее с полем символических значений.

Ярычев Насруди Увайсович

Грозный

Чеченский государственный университет имени А. А. Кадырова,

проректор по учебной работе, заведующий кафедрой

теории и технологии социальной работы

Доктор философских наук, доктор педагогических наук, профессор,

член-корреспондент Российской академии образования

Причины «мемориального разворота» современной культуры памяти

В 2016 г. российскому читателю стала доступна работа одного из крупнейших специалистов в сфере мемориалистики — А. Ассман «Новое недовольство мемориальной культурой». В ней обстоятельно и иллюстративно проанализированы процессы, происходящие в сфере современных memory studies, общим знаменателем которых стало понятие мемориального разворота. На основании аргументов, представленных немецким ученым, и также на основании осмысления массивного пласта актуальных мемориальных исследований нами были сформулированы причины происходящих в данной сфере трансформаций. Во-первых, утрата непосредственных свидетелей, участников, инициаторов страшных потрясений XX в. (обе мировые войны, Холокост и другие примеры геноцидов, холодная война и пр.), выступавших непосредственным трансляционным звеном между собственно событием и обществом. Уход из жизни очевидцев прошлого неизбежно переводит его из сферы бытования коммуникативной памяти (живого межпоколенного общения) в сферу объективированного исторического знания, т. е. меняет его эпистемологический статус. Однако до сих пор существуют группы, сопротивляющиеся этому процессу (небольшое число оставшихся в живых «свидетелей» и их близкие, представители общественных движений и волонтерских организаций и др.) и сохраняющие воспоминания о ключевых моментах новейшей истории в качестве оснований собственной коллективной идентичности. Во-вторых, смена поколений «интерпретаторов» — так А. Ассман назвала весьма разнообразную группу ученых, общественных деятелей, политиков, в чьи полномочия и круг интересов входило толкование мемориальных процессов прошлого и настоящего, выработка стратегий политики памяти, формирование ориентиров мемориальной идеологии и прочее в 60–80-е гг. прошлого века. По мнению исследователя, прежнее поколение сегодня передает интерпретативные полномочия новому, в значительной степени более адекватному современным вызовам времени. В-третьих, медиатизация памяти, перелокализация ее из реального пространства в виртуальное. Изменение формата бытования памяти привело, прежде всего, к демократизации процессов ее познания и интерпретации благодаря резкому повышению степени доступности информации, а также к нивелированию национальной специфики в мемориальных исследованиях.

Государственная культурная политика

Модераторы **В.В. Аристархов, О.Н. Астафьева**

Бучкина Елена Александровна

Москва

Московский педагогический государственный университет,

доцент кафедры культурологии

Кандидат филологических наук

Учреждения культуры как объект культурной политики в первые годы советской власти

В статье анализируется роль учреждений культуры в период культурной революции в советской России (20–30-е гг. XX в.). Произошедшие в этот период изменения в культурной политике затрагивали различные формы, процессы и практики. Для многих из них необходимо было создать новые объекты сферы культуры, например: рабочие клубы и дома культуры, парки культуры и отдыха, театры массового действия, спортивные сооружения и т. п. Для других необходимо было наполнить новым содержанием уже существовавшие культурные объекты — например, библиотеки. Два ключевых учреждения культуры данного периода — рабочий клуб в городе и изба-читальня на селе, ставшие важным инструментом взаимодействия властей с населением. В сложившихся условиях они также взяли на себя задачу трансляции новых ценностей и смыслов. Проводимая в клубе и избе-читальне просветительская работа стала ключевым звеном в деле ликвидации неграмотности и в утверждении концепции формирования «нового советского человека». Деятельность учреждений культуры в данный период рассматривается в статье в трех аспектах: как объект управленческой деятельности (что отразилось в новом институциональном оформлении культурно-просветительской отрасли), как конструктивистский проект («идеальная» модель рабочего клуба А. Родченко и избы-читальни А. Лавинского, представленные на Международной выставке современных декоративных и промышленных искусств, проходившей в Париже в 1925 г.) и как реальная жизненная практика (на материале этнографических описаний, газетных публикаций, методических рекомендаций, издававшихся «на местах»). Функции и направления работы избы-читальни и рабочего клуба были чрезвычайно широкими, они оказывали большое влияние на формирование локальных сообществ в городе и деревне. Большое внимание в статье уделяется роли рабочего клуба и избы-читальни в организации и пропаганде ликбеза. Так как для пролетарских и крестьянских масс чтение не было привычной культурной практикой, необходимо было не только обучить их грамоте, но и смоделировать новые культурные формы, в которых чтение стало бы привычным и стандартным видом работы и отдыха. С этой задачей удалось справиться благодаря разнообразным формам работы, которые освоили учреждения культуры.

Власова Наталья Владимировна

Санкт-Петербург

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, аналитик

Кандидат философских наук

Культурная политика и формирование современной идентичности в Европе и России

В современном мире культурная политика играет все большую роль в формировании коллективной идентичности. Современная идентичность характеризуется постоянными изменениями, что во многом обусловлено глобализационными процессами, взаимовлиянием различных культурных, этнических и религиозных групп. Для проведения успешной политики интеграции в Европе было заявлено о необходимости формировании европейской идентичности на наднациональном уровне. С другой стороны, одна из важных целей ЕС — это сохранение культурного и регионального своеобразия. При этом значительная часть современных европейцев испытывает беспокойство по поводу сохранения своей национальной идентичности. Культурная политика ЕС направлена на усиление гражданской активности и чувства принадлежности к общему культурному пространству, а также на сохранение европейского культурного наследия. Примером такой культурной политики являются программы «Креативная Европа» и «Европа для граждан». Формирование общегражданской идентичности также является актуальной задачей для современной России. Основой общегражданской идентичности являются разделяемые в обществе ценности, а также единство исторической и культурной памяти. В России основным документом, регулирующим процессы культурного развития, являются Основы государственной культурной политики, где сформулированы цели и принципы государственной культурной политики. В том числе укрепление гражданской идентичности, сохранение культурного наследия, передача традиционных для российской цивилизации ценностей. В условиях глобализации Россия стремится

к тому, чтобы сохранить свое цивилизационное своеобразие, стать создателем альтернативных ценностей, заново осмыслить свое место в мире и выстроить границы собственной идентичности. Формирование современной идентичности в Европе и России сталкивается с множеством схожих вызовов (миграция, глобализация, регионализация и проч.). Снова становится актуальным вопрос о том, есть ли у России свой особый цивилизационный путь, или траектории ее развития находятся в русле общеевропейских тенденций. Заявка подготовлена в рамках работы над проектом ERASMUS+ Jean Monnet «Трансформация идентичностей в Европе и России в современных условиях». Проект посвящен распространению знаний о формировании идентичностей в контексте взаимовлияния и взаимообмена культур.

Горенкин Валерий Анатольевич

Симферополь

Крымский университет культуры, искусств и туризма,

ректор

Кандидат политических наук, доцент

К вопросу о понятии социокультурной политики (в соавторстве с А. В. Швецово́й)

В настоящее время в отечественной науке одновременно используются три формально разных словосочетания, имеющих близкое смысловое содержание: «культурная политика», «социальная политика» и «социокультурная политика». При этом следует отметить, что понятие социокультурной политики является самым широким и его применение позволяет избежать крайностей радикального «культуроцентризма» или «социоцентризма». С нашей точки зрения, словосочетание «социокультурная политика» наиболее удачно соединяет понятия культуры и общества, отражая их нерасторжимое единство, имеющее место в реальных политических процессах. На это косвенно указывает и определение, которое дано в Основах государственной культурной политики, где последняя понимается как «действия, осуществляемые органами государственной власти Российской Федерации и общественными институтами, направленные на поддержку, сохранение и развитие всех отраслей культуры, всех видов творческой деятельности граждан России и формирование личности на основе присущей российскому обществу системы ценностей». Как видно из указанного определения, понятия «общество» и «культура» тесно переплетены, однако с заметным доминированием социального компонента. С учетом перспективных изменений (в инновационном направлении) социокультурную политику можно рассматривать как постоянный системный процесс сознательной координации действий и решений субъектов власти и гражданского общества, обеспечивающих культурное развитие в соответствии с социальными интересами. Разумеется, что основным ее субъектом выступает государство, традиционно обладающее максимальным количеством разнообразных ресурсов. Однако при этом роль остальных действующих лиц (от местных органов власти и НКО до отдельных граждан с активной политической позицией) должна возрасти настолько, чтобы (в перспективе) в своей совокупности уравновесить баланс интересов в процессе принятия важных политических решений. Согласимся с мнением О. Н. Астафьевой о том, что демократизация не предполагает устранения государства от организационно-управленческой функции координатора социокультурных процессов. Иначе говоря, ключевая роль государства определяет и соответствующую ей высокую степень ответственности за формирование социокультурного пространства, адекватного не только экономическим, политическим, но также и цивилизационным ценностным ориентирам, в контексте которых формируется модель и стратегия дальнейшего развития нашего общества.

Коваленко Тимофей Викторович

Краснодар

Российский научно-исследовательский институт культурного

и природного наследия имени Д. С. Лихачёва,

заместитель директора Южного филиала

Кандидат философских наук

Театральная жизнь в системе культурной политики: исторический опыт и современные проблемы

Театральная жизнь рассматривается как системная целостность в поле культурной политики, возникающая в сочетании центробежных и центростремительных сил художественного процесса, включая организационно-творческие и методологические (идеологические) аспекты. Анализируется институциональная структура театральной жизни, на базе которой формируется теоретическая модель, выявляются общие и особенные характеристики театральной жизни как творческого процесса в системе советской и современной культурной политики.

Культурная политика как средство развития регионов России: анализ современных практик

Современная культурная политика России демонстрирует устойчивую динамику и значительное многообразие проявлений. Особый интерес представляют региональный и местный уровни реализации государственной культурной политики. Именно от регионов, их включенности в национальные проекты, федеральные программы, развития собственных региональных и местных программ и социокультурных проектов, взаимодействия с локальным сообществом (как бизнес-сообществом, так и социально ориентированными некоммерческими организациями в сфере культуры) напрямую зависит непосредственная реализация государственной культурной политики на местах. Особое внимание привлекают практики государственно-частного и муниципально-частного партнерства в сфере культуры. Они позволяют использовать ресурсы из различных источников и создавать устойчивые социокультурные проекты. Ярким примером государственно-частного партнерства является проект музея-арт-резиденции «Арт-коммуналка «Ерофеев и другие»» (Коломна, Московская область). В результате сотрудничества Министерства культуры Московской области и АНО «Коломенский посад» возник музей – коммунальная квартира 60-х гг. XX в., а также арт-резиденция, участники которой влияют на культурное пространство Коломны, создавая арт-объекты, органически включаемые в текст малого старинного города. Ключевое значение для развития регионального уровня культурной политики имеет формирование культуры соучастия у жителей региона, конкретного города или поселка, понимание процессов самоорганизации культуры и ее субъектов, учет специфики проектов и программ в сфере культуры. Не менее значимой проблемой является профессиональное образование, профессиональная переподготовка и повышение квалификации сотрудников учреждений культуры, а также инициаторов социокультурных проектов. Заметно повышается роль профессионального экспертного сообщества, способного кардинально менять развитие сферы культуры конкретного региона. Одним из значимых вопросов в реализации культурной политики в регионах выступает проблема сохранения и ревитализации культурного наследия. Примером, требующим оценки и осмысления, служит программа льготной аренды «1 рубль за метр», позволяющая инвесторам развивать проекты в исторических усадьбах (Москва и Московская область). И если в столице программа эффективно работает, то в области пока больше вопросов, чем ответов.

Лужан Владимир Сергеевич

Красноярск

Красноярский художественный музей имени В. И. Сурикова,

директор

Доктор культурологии, доцент

Специфика концепта «социальное время» в контексте реализации культурной политики Российской Федерации

Анализ существующих моделей культурной политики и их генезиса позволяет раскрыть не только содержательную разницу между различными типами государственного устройства и применяемыми ими экономическими и политическими моделями, но и разницу в восприятии той или иной нацией, и даже цивилизацией, такой категории, как социальное время, которое, собственно, и определяет модели культурной политики, действующие в конкретном государстве. Во многом это связано с тем, что с социологической точки зрения время – функция от социальной парадигмы или социальный конструкт. Следовательно, в зависимости от доминирующих в обществе ценностных установок зависит эффективность применяемых механизмов культурной политики и их гибкости. Существующие в научном дискурсе типологизации моделей культурной политики позволяют зафиксировать принципиальное различие между изучением культурной политики на теоретико-методологическом уровне и на уровне конкретных управленческих решений. В результате имеющиеся трактовки понятия «культурная политика» и типологизации моделей культурной политики рассматриваются без привязки к фундаментальной категории «социальное время», что приводит к нивелированию учета специфики развития различных типов обществ (премодерн, модерн, постмодерн). Это особенно актуально для Российской Федерации, т. к. в силу географических, административно-территориальных и культурных особенностей следует констатировать сосуществование в современной России всех трех типов. Так, в парадигме премодерна находятся жители отдаленной сельской местности и коренные народы, ведущие традиционный образ жизни (включая кочевой); общество модерна наиболее ярко можно проследить на примере крупных городов, образующих агломерации с близлежащими сельскими территориями, – в данной пара-

дигме проживает подавляющее большинство жителей страны; в качестве репрезентанта парадигмы постмодерна выступают основные российские агломерации (Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск, Казань, Екатеринбург и ряд других), характеризующиеся высокими темпами внедрения цифровой экономики и занятостью населения в сфере услуг, применением автоматизации и робототехники на производствах, особым форматом информационного и медиапространства, динамичными формами социальности, их непостоянством, формированием нового типа виртуальных и динамичных сообществ в глобальном масштабе, особой значимостью культурных и креативных индустрий. Следовательно, моделирование культурной политики имеет смысл только по отношению к конкретным государственным образованиям и типам государственного устройства и не предполагает прямого копирования и повторения аналогичных результатов в иных государственных образованиях. Более того, реализация культурной политики даже в пределах отдельно взятого государства должна предполагать такие механизмы, которые учитывают мировоззренческие особенности развития каждого из типов обществ, формирующих данное государство.

Микитинец Александр Юрьевич

*Симферополь
Крымский университет культуры, искусств и туризма,
проректор по научной работе
Кандидат философских наук, доцент*

Понятие толерантности в контексте современной культурной политики Российской Федерации (в соавторстве с О. И. Микитинец)

В настоящее время понятие толерантности активно используется в средствах массовой информации в совершенно различных контекстах: от воспитания и образования личности до политики и искусства. При этом в отечественном законодательном пространстве данный термин не нашел широкого применения. Одним из немногих исключений является название федеральной целевой программы «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2001–2005 годы)», реализация которой, как следует из ее названия, уже завершилась. Среди документов, регламентирующих культурную политику, изредка можно встретить антоним толерантности — нетерпимость, который, к примеру, в Основах законодательства о культуре встречается один раз и еще три раза в Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года в числе опасных возможных проявлений гуманитарного кризиса, угроз национальной безопасности и единству культурного пространства. Также в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года имеется единичное упоминание проблемы нетерпимости в контексте необходимости проведения профилактических мероприятий, количество которых, действительно, увеличивается из года в год. С нашей точки зрения, понятие толерантности нуждается в своем уточнении и внедрении в современный отечественный нормативно-правовой категориальный аппарат. При этом следует отметить, что на международном уровне данное понятие более двух десятилетий назад было закреплено в ст. 1 «Декларации принципов терпимости ЮНЕСКО» и определено как «уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности. Ей способствуют знания, открытость, общение и свобода мысли, совести и убеждений». Формирование толерантного общества является одной из очевидных перспектив развития современной культурной политики. В нынешних реалиях толерантное отношение членов нашего общества возможно культивировать на основании сформированной гражданской идентичности. С нашей точки зрения, именно она является той нейтральной платформой, которая способна объединить представителей разных этнических и конфессиональных групп. Гражданская идентичность создает значительный потенциал и позволяет преодолеть межконфессиональные, межэтнические и иные противоречия. Осознание политического и экономического единства, признание заслуг каждого человека в зависимости от того, какой вклад он внес в «общее дело», — это залог успешности реализации культурной и национальной политики нашего государства.

Микитинец Ольга Ивановна

*Симферополь
Крымский университет культуры, искусств и туризма,
заведующая кафедрой философии,
культурологии и гуманитарных дисциплин
Кандидат философских наук, доцент*

Понятие толерантности в контексте современной культурной политики Российской Федерации (в соавторстве с А. Ю. Микитинец)*

* См.: А. Ю. Микитинец

Актуальность изучения евразийства в контексте культурной политики Российской Федерации

Культурная политика — это формирование и реализация стратегических концепций и программ развития культуры. Развитие культуры в РФ нашло свое отражение в обновленной Конституции РФ. Подходы к культурной политике РФ сформированы в Основах государственной культурной политики РФ (2014) и в Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года (2016). Фундаментальной основой культурной политики является ее идеологический ресурс. В данном случае рассматривается евразийское учение, которое является одним из компонентов идеологического ресурса культурной политики РФ. Одним из ключевых понятий евразийской идеологии является «месторазвитие». Евразийцы считают, что Россия не является азиатским или европейским государством. Россия есть евразийское государство. Одним из важнейших достижений евразийского учения является переход от «русской идеи» к «российской идее». Если в концепте «русской идеи» судьба России определилась только русской нацией, то в концепте «российской идеи» развитие государства было обусловлено турано-монголо-славянским сообществом. Евразийцы считали, что именно духовная культура является первоначалом в жизни общества. Одно из главных методологических положений евразийского учения — идея о равновеликости всех культур. Здесь подчеркивается, что каждая культура уникальна и найти похожую культуру нельзя в принципе. Основные идеи евразийцев представлены в Основах государственной культурной политики РФ. В документе прописано, что Россия не относится ни к Западу, ни к Востоку. Эта страна, которая объединяет в себе эти два пространства в единое целое, создает уникальную евразийскую культуру. Причем это положение относится как к географическим территориям, так и, самое главное, к этническим сообществам. Государственная культурная политика призвана обеспечить приоритетное культурное и гуманитарное развитие как основу экономического процветания, государственного суверенитета и цивилизационной самобытности страны. Евразийцы неоднократно писали об особой миссии русского народа в становлении евразийского культурного пространства, о непреходящей роли православия в формировании российского государства. При этом в учении евразийства постоянно указывается, что наряду с русскими здесь вместе проживают с незапамятных времен представители угро-финских, тюркоязычных, монголоязычных, тунгусо-манчжурских и других народов. Ислам, буддизм, иудаизм и другие верования также внесли свой вклад в формирование национально-культурного самосознания народов России. Ни вероисповедание, ни национальность не разделяют и не должны разделять народы России. Наконец, в евразийском учении одной из актуальных является идея о культурном многообразии современного мира, его изначальной гетерогенности, где свое место всегда занимала и занимает Россия. Ряд идей евразийского учения вошел в важный документ — Основы государственной культурной политики, а также в другие документы, что определяет актуальность дальнейшего изучения евразийства.

Никонорова Екатерина Васильевна

Москва

Российская государственная библиотека, директор департамента —
издательство «Пашков дом»

Доктор философских наук, профессор

Культурная политика: настоящее и будущее для устойчивого развития культурного капитала

Современная культурная политика не только устремлена в будущее, она базируется на культурных традициях и культурной матрице, формировавшейся на протяжении длительного времени, и включает опорные ценности культурного наследия, которые трансформируются в будущее и обеспечивают преемственность развития культурной идентичности. Эффективность культурной политики должна определяться направленностью на формирование национально-культурного и человеческого капитала и связать воедино культурный, природный и человеческий капитал. Культурная политика как процесс управления должна быть нацелена на непрерывное развитие культурного капитала для сохранения его преемственности, поддержание разнообразия и уникальности культур, создание условий для социальной справедливости в распределении культурных благ в пространстве и во времени (между поколениями), обеспечение взаимодействия и межкультурных коммуникаций с целью поддержания жизнеспособности нации. В условиях взаимосвязанного мира развитие рассматривается как расширение свобод, которое осуществляется в рамках общей среды обитания с ее ограниченными ресурсами биосферы на планете Земля. Такая трактовка развития способствует осознанию нового вызова времени —

нового понимания человека, уходу от узкого понимания прогресса как экономического, формированию нового мировоззрения, основанного на понимании необходимости развития человека, его творческих сил и способностей в единстве с его природными данными и естественными способностями. Культурная политика должна сдерживать стихийное неконтролируемое развитие информационных и цифровых технологий, не отвечающих принципам гуманизма. Цифровая направленность развития цивилизации не должна мешать естественному развитию человека, она должна усиливать его возможности в овладении полезной информацией и знаниями, необходимыми для формирования культурного капитала, а не превращать его в придаток информационных технологий и детище трансгуманизма. Глубокое осмысление развития происходит на локальном уровне, где люди меньше подвержены угрозе глобализации. Но для того, чтобы этот процесс был более эффективным, необходимо включать людей в решение общих задач, поддерживать и стимулировать их участие в происходящих изменениях для создания новых смыслов без потери идентификации. Это есть реальный культурный процесс, который нельзя подменить экономической или даже социальной активностью. Признание различий укрепляет устойчивость, а местное самоуправление и гражданское общество – самые лучшие инструменты для достижения этих целей.

Остапенко Светлана Михайловна

Москва

Министерство просвещения Российской Федерации,

Институт государственной службы и управления РАНХиГС,

факультет международного регионоведения

и регионального управления, начальник отдела

Департамента цифровой трансформации и больших данных

Аспирант ИГСУ РАНХиГС

Интегративный потенциал культурной политики: компоненты образования и просвещения

Динамика общественного развития, подверженная тенденциям цивилизационных изменений, ее зависимость от факторов глобализации оказывают влияние на основополагающие стороны жизни человека, формирование культурной, национальной, социальной идентичности, становление личности, образование, воспитание. Под влиянием увеличения интенсивности общественного взаимодействия современное социокультурное пространство демонстрирует усложнение эволюции общественного сознания, что неизменно сопровождается обретением новых вызовов для существования. Поиски путей стабильного развития России с учетом соответствия его социально-экономического, технологического состояния процессам модернизации и преодолевающие риски уязвимости для самодостаточности общества, уязвимости социальной и культурной динамики цивилизаций, влекущие разрывы в преемственности ценностей, нарушение паритета социальной и природной систем, требуют обоснованных и сбалансированных решений, в том числе управленческих решений в условиях цивилизационных изменений. Одна из перспектив разрешения сложностей заключена в ценностно-смысловых опорах механизмов культурной политики на общие параметры порядка культуры, исследованных в трудах О. Н. Астафьевой и содержащих два основных принципа в организации взаимодействия: когерентности, согласованности культуры, экономики, политики, и транспарентности, прозрачности и открытости государства, институтов гражданского общества. Их безусловная интегративность заложена в отказе от экономикоцентристской концепции, разрушающей ценностное поле культуры, и переходе к культуросцентристскому направлению культурной политики, находит отражение в обновлении культурно-образовательного пространства. Возможность образования влиять на вектор цивилизационного развития посредством формирования, гуманистического наполнения культурно-образовательной среды затрагивает вопросы межгосударственного регулирования и перехода к устойчивому развитию, сбережения человеческого капитала, усовершенствования технологий природопользования, вовлечения государственной, политической, гражданской элит в институциональное совершенствование социума. А также использования как ключевого принципа культуросообразности, отвечающего за соответствие материальных и нравственных ценностей и баланс между культурой и образованием. Просветительский потенциал формирования культурно-образовательной среды касается практик социокультурной модернизации и связан с растущей междисциплинарностью, практическими методами внедрения инноваций (прежде всего, с цифровизацией), увеличением количества реализованных проектных решений. Наиболее интересные из них представлены нацпроектами «Культура», «Образование», включением России в межгосударственные гуманитарные союзы, например, со странами Восточной Евразии, созданием образовательных продуктов, обновляющих ресурс управленческих кадров и сочетающих компетентностный и практико-ориентированный подход (магистерская программа «Управление в сфере культуры, образования и науки» ИГСУ РАНХиГС).

Швецова Антонина Викторовна

*Симферополь
Крымский университет культуры, искусств и туризма,
декан факультета социокультурной деятельности
Доктор философских наук, профессор*

**К вопросу о понятии социокультурной политики
(в соавторстве с В. А. Горенкиным)***

Международные исследования и международное сотрудничество в культурологии

Модераторы Д. Л. Спивак, Н. В. Филатова

Алексеев-Апраксин Анатолий Михайлович

*Санкт-Петербург
Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна,
Санкт-Петербургский государственный университет, HAINNU,
ЮНЕСКО, профессор
Доктор культурологии, доцент*

Международные проекты и платформы ЮНЕСКО по изучению Шелкового пути

В 2013 г. новый верховный лидер Китая Си Цзиньпин объявил о начале реализации мегапроекта «Один пояс — один путь», призванного стать драйвером развития страны в глобальном масштабе. За минувшие годы участниками этого проекта стали более полутора сотен стран. КНР позиционирует инициативу воссоздания Шелкового пути как транснациональный инфраструктурный проект. Возможно, по этой причине преодолевающие «порог слышимости» дискурсы по данной проблематике разворачиваются преимущественно в политическом и экономическом ключе. В то же время очевидно, что успех или провал грандиозных планов Поднебесной и ее партнеров зависит не столько от задействованных административных и финансовых ресурсов, сколько от искренней заинтересованности людей и их взаимодействий в куда более широком культурном плане. В настоящее время существующий дефицит КНР покрывает проведением фестивалей и выставок, а также приглашением к сотрудничеству зарубежных ученых, занимающихся изучением культурного наследия Шелкового пути. Например, в этом году Департамент науки и техники провинции Хайнань поддержал исследовательский проект «Исследование текущего состояния и перспектив культурного взаимодействия России и Китая в осуществлении инициативы “Один пояс — один путь”». При поддержке Национальной комиссии КНР по делам ЮНЕСКО началось предоставление двенадцати грантов «Шелковый путь для молодых исследователей». Такие проекты хороши и важны, но этого, очевидно, недостаточно. Культурная перспектива возрождения Шелкового пути находится на периферии внимания и умозрения. Пожалуй, наиболее значительную поддержку в развитии гуманитарной составляющей мегапроекта сегодня оказывает лишь ЮНЕСКО. Следует отметить, что «Комплексное исследование Шелковых путей — путей диалога» организация проводит уже с 1988 г., привлекая к работе по данной проблематике академические, культурные и художественные учреждения по всему миру. Провозгласив 2013–2022 гг. десятилетием сближения культур, ЮНЕСКО развернуло множество интересных проектов, среди которых отметим запуск открытой онлайн-платформы «Шелковый путь». На созданном портале представлены научные статьи, исследования материального и нематериального культурного наследия, программы грантовой поддержки, тематические фестивали, молодежные фотоконкурсы и т. д. Среди ближайших планов: объединение культурных, научных и творческих учреждений по всему миру, занимающихся вопросами Шелкового пути; изучение и представление материалов о городах, находящихся на древних маршрутах; формирование публикационной научной базы и виртуальных музейных экспозиций. Сделанное радует. Планируемое вдохновляет, но очевидно и то, что внимание, уделяемое КНР и странами-партнерами культурным аспектам реализуемого мегапроекта, не соответствует ресурсам, направленным на его материализацию. Это большое упущение, поскольку без активизации гуманитарной сферы инициатива «Пояс-Путь» вряд ли сможет оправдать ожидания по части своей культурно-исторической миссии.

* См.: В. А. Горенкин.

Культурологическое знание: вопросы преемственности и перспективы развития

Культурологическое знание характеризуется интегративностью. Оно конституировалось благодаря наличию сформировавшегося ранее арсенала социогуманитарных и философских наук, посредством заимствования из него некоторых методологических подходов и стратегий анализа. Одновременно были определены собственные предметные области исследования и выработаны критерии культурологического дискурса. Тем самым культурологическое знание в период своего формирования оказалось преемником, прежде всего, западной гуманитарной мысли, в ее контексте конституировалось оно в качестве самостоятельной научной области, а также учебной дисциплины и образовательной программы. Вместе с тем стремительно меняющийся мир, характеризующийся активными процессами межкультурного взаимодействия, развитыми информационными технологиями, транскulturацией, новым космополитизмом и вновь актуализировавшимся партикуляризмом, вносит новые ракурсы видения многих проблем. Сегодня иначе складываются взаимоотношения стран Запада и Востока, Юга и Севера. Претензии Запада на универсальные ценности подверглись критике, возникла идея нового универсализма, обоснование которой позволяет избежать европоцентризма и включить в сферу внимания незападные страны. Канул в прошлое ориентализм, как досадное непонимание восточных культур, ведущее к их искаженным трактовкам. Все еще не утратили актуальности постколониальные исследования, позволяющие более глубоко осознать своеобразие развития культуры ранее подчиненных народов. В поле зрения современной культурологии возникли процессы транскulturации, межкультурного сотрудничества и взаимопонимания, усиливающиеся тенденции к обретению суверенитета, возрождению национальных и этнических культур. Многие острые ситуации в современном мире вызваны не экономическими и политическими проблемами, но проблемами, лежащими в сфере культуры. Они касаются вопросов сохранения культурного своеобразия, отношения к субальтерам, ассимиляции мигрантов, межконфессиональным отношениям. Эти и многие другие вопросы призвана решать культурология как наука, и в этой связи одна из главнейших задач: пересмотр ее прежней тематической структуры, включение новых предметных областей исследования, расширение категориального аппарата.

Курумчина Анна Эдгемовна

Екатеринбург

Уральский федеральный университет

имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, доцент

Кандидат философских наук, доцент

Роль НКО в продвижении культурной политики РФ на международном уровне

В современном глобализирующемся мире значительно возрастает роль негосударственных некоммерческих организаций, которые фокусируются на продвижении отечественной культуры за рубежом, т. е. работают в сфере культурной дипломатии. Для России это имеет стратегическое значение, особенно в свете выявленных угроз, отмеченных в Распоряжении Правительства РФ от 29.02.2016 № 302-р: «К угрозам национальной безопасности в области культуры отнесены размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей и ослабление единства многонационального народа Российской Федерации путем внешней культурной и информационной экспансии (включая распространение низкокачественной продукции массовой культуры), пропаганды вседозволенности и насилия, расовой, национальной и религиозной нетерпимости, а также снижение роли русского языка в мире, качества его преподавания в Российской Федерации и за рубежом, попытки фальсификации российской и мировой истории, противоправные посягательства на объекты культуры» [1, с. 6–7]. В рамках данного исследования мы выяснили, сколько в РФ негосударственных НКО, работающих на международном уровне в сфере культуры, способствующих продвижению ее на мировом уровне? На портале www.culture.ru мы обнаружили во вкладке «Атлас России» 26 320 госорганизаций, в числе которых музеи, образовательные и религиозные учреждения, театры, концертные площадки, дома культуры и т. д. Негосударственных НКО на портале нет. Тогда мы обратились к portalу Каталог НКО в раздел «Статистика» [3]. По данным этого портала, в РФ насчитывается 1697 НКО; предполагаем, что эта цифра в настоящее время изменилась, поскольку данные представлены на портале за 2018 г. Из них только 269 (4,9 %) работают в творческой сфере, 207 (3,8 %) – в национально-культурной, 118 (2,1 %) – в научной, 113 (2,1 %) – в краеведческой, 85 (1,5 %) – в музейно-выставочной сфере. У 666 (9,6 %) НКО клиентами является молодежь, 594 (8,6 %) работают с детьми, 100 (1,4 %) – с национальными группами, 49 (0,7 %) НКО работают

с мигрантами внутри России. Со странами дальнего зарубежья работают 7 НКО, 3 негосударственных институции сотрудничают со странами бывшего СССР, а в сфере межнационального сотрудничества — 2. В разделе «Поиск НКО» на том же портале в разделе «Международная деятельность» находится 5 организаций. Вывод: в РФ крайне недостаточно негосударственных организаций, которые бы продвигали нашу культуру на мировом уровне. Им сложно конкурировать с такими мастодонтами международной культурной деятельности, как, например, Британский совет (в штате 7000 человек, представительства в более чем 100 странах мира). В Европе в 2013 г. создана платформа культурной дипломатии, основная цель — работать с третьими странами. Рекомендации: РФ необходимо серьезно продумать работу в сфере культурной дипломатии на международном уровне, поддерживать негосударственные организации в данной сфере, обучать специалистов, т. е. работать в тесной связке с вузами, всячески поощрять создание новых организаций.

Кыласов Алексей Валерьевич

Москва
Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва,
руководитель Центра традиционных игр и спорта
Кандидат культурологии

Игровая культура: этнокультурные, кросс-культурные и экстракультурные векторы

Развитие общества предполагает перманентное преодоление статики, которое достигается чередованием векторов движения к преобразованиям. Сам процесс изменений представляет собой имманентную состоятельность. Попытки изучения этого процесса в большинстве случаев сводятся к теоретическим доказательствам допустимых пределов в дихотомии «игра — не игра», при этом онтологический статус самой игры остается неразрешенным, с непременным выносом за скобки ключевого значения, эмпирической максимы — по причине самой игры. Тем не менее обсуждение онтогенеза игр не теряет своей актуальности, в нем сложилась телеология неразрешимого спора — контрверсии, восходящей к риторике Сенеки Старшего. Этот спор *ad hoc* необходим как игровое поле, выход любого исследователя на которое создает универсальный механизм культурного взаимодействия, позволяющего участникам в любое время «быть в игре». При этом в понимании игры как таковой есть две непересекающиеся позиции:

- 1) экзистенциальной трактовки игр, бессознательно присущих всему живому;
- 2) предиката правил, складывающихся в процессе игры, ее развития и логического завершения.

Главный интерес исследования игровой культуры заключен в том, что состоятельность стала институциональной нормой современного общества, обеспечив устойчивое развитие игровой культуры в его конституционно-правовых основах. Стремление к совершенствованию законодательства создает напряженную среду для экспериментальных воздействий на игровую культуру с активацией всего спектра этнокультурных, кросс-культурных и экстракультурных векторов ее перспективных изменений. Изучение природы игры составляет суть культурологической теории игр, в развитие которой внесли свой вклад Й. Хейзинга, М. Мосс, Р. Кайюа, П. Бурдые, И. А. Морозов, Л. Т. Ретюнских и др. Границы явления были расширены этологией биологических исследований К. Лоренца и сравнительной антропологией человека и животного Д. Агамбена. Однако при всей социальной значимости исследований игровой культуры наибольший интерес в обществе вызывает экономическая теория игр, объединяющая математические методы случайных сопоставлений и бихевиористические подходы в описании рыночных механизмов развития. В складывающейся ситуации потенциал культурологической теории игр кроется в осмыслении общего и частного в междисциплинарном дискурсе игровой культуры. Фундаментальным ресурсом для исследований представляется феномен традиционных игр и состязаний, с обращения к которым ведется трансэпохальное изучение сущности Игры, ее внешнего «пассивного» воспроизводства (функция поддержания, по Э. Дюркгейму) и внутреннего «активного» воспроизводства (функция обновления, по И. А. Морозову), а также ее «внутренней логики» (ход игры) и «внешней логики» (ритуал, внешнее оформление) в концепции П. Парлеба. Результаты исследований публикуются в международном журнале «Этноспорт и традиционные игры».

Мантет (Мэнтүф) Джеймс Уэсли

Арройо-Секо, Калифорния
Журнал «Апраксин Блюз», редактор по переводу
Бакалавр

«Тень звякнувшего где-то пятака»: Карантинные странствия наследия поэта

Завязку проекта восстановления поэтического архива Анны Алексеевой (1899–1945) можно рассмотреть как удачный пример смежного взаимодействия отечественных и зарубежных лиц и учреждений для сохранения и омысления рос-

сийского культурного наследия. Аспекты проекта затрагивают отголоски как Серебряного века, так и воспринявшей его второй культуры, наряду с народным и частным опытом Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда. Все эти аспекты послужили объединению участников и поддерживающих сторон в России и за рубежом — таких как Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, журналы *Cardinal Points* (Брауновский университет, США) и «Связь времен» (США), издательство *Smokestack Books* (Англия), и журнал «Апраксин Блюз» (СПб. — США). Более того, совпадение новой фазы работы над проектом с началом пандемии COVID-19 оказалось припятствием, менее чем созвучным фактором, вызывающим обостренный резонанс с конфликтными обстоятельствами жизни и творчества Алексеевой. Проект показывает, насколько самоорганизующий обмен через континенты может оказаться в итоге плодотворным, творческим и актуальным процессом для внесения недооцененных культурных кладов в поле будущего внимания, одновременно преодолевая и выявляя скрытый потенциал разделенности географических, геополитических и общественных реальностей прошлого и настоящего. По ходу проекта участники, с одной стороны, переживали опыт карантина, а с другой стороны, пренебрегали сужением возможностей пересечения мировых границ, входя в режим экстремальности вместе с автором ради приобретения необходимого взаимопонимания, сотрудничества и погружения в соответствующую среду. Другой важный момент — роль конкретных стратегий поэтического перевода с русского в представлениях заграничных участников проекта. При наличии осведомленных, посвященных участников международные культурные проекты могут разворачиваться в условиях саморазвивающегося процесса, в котором имеют место новые открытия и сдвиги и при котором изменчивость внешнего мира может обернуться динамичностью для общих целей. Таким образом, в данном случае малоизвестный литературно значительный автор с неисчерпанным историко-культурным контекстом становится живым достоянием как наследников этого контекста, так и мира, обогащенного примером поэтического памятника.

Смирнова Ольга Анатольевна

Нижний Новгород

Институт международных отношений и мировой истории ННГУ

имени Н. И. Лобачевского, доцент, руководитель Французского центра

Кандидат политических наук, доцент

Языковая политика ведущих государств Европейского союза и перспективы ее развития

Объединение Европы — это важное политико-экономическое достижение, которое стоило всем европейским языкам, кроме английского, утраты своего коммуникативного престижа и своих национальных позиций. Регулирование внешней языковой политики в Европейском союзе связано с реализацией важных для человека потребностей: потребности в выражении своей национальной идентичности и потребности во взаимопонимании. Несмотря на развитие европейской стратегии мультилингвизма, которая определяет лингвистическое и культурное разнообразие как неотъемлемый сегмент европейской идентичности, в ЕС наблюдается тенденция в пользу монолингвизма. Кроме того, в условиях притока мигрантов политика мультилингвизма стала камнем преткновения для правительств стран ЕС. Эффективное функционирование Европейского союза невозможно без языкового и культурного разнообразия, которое влияет как на социокультурные, так и на экономические процессы. Именно поэтому с начала XXI в. особое внимание стало уделяться политике в области языкового разнообразия, но ее воплощение в жизнь стало возможным не полностью. Вне всякого сомнения, можно утверждать, что языковая политика ЕС неразрывно связана с поддержкой культурного и языкового разнообразия и соответствует девизу ЕС «Единство в разнообразии», поэтому монолингвизм и трилингвизм не получили развития в рамках ЕС. Многоязычная языковая политика является наилучшим, а также наиболее эффективным решением как для институциональных структур, так и для граждан ЕС. Институты ЕС, как правило, поддерживают этот режим, но сами не реализуют его полностью в своей регулярной деятельности. Официальная языковая политика ЕС направлена на реализацию режима мультилингвизма. Более того, мультилингвизм напрямую связан с успехами европейских компаний, ориентированных на внешний рынок: знание языка бизнес-партнера оказывает положительное влияние на ведение бизнеса. На развитие языковой политики Европейского союза серьезное влияние оказывают как внешние, так и внутренние факторы: из-за миграционного потока и несоответствия между официальной языковой политикой ЕС и политикой некоторых его государств-членов мультилингвизм в настоящее время переживает период застоя. На практике очевидно, что с учетом современной миграционной ситуации, проводя одновременно политику мультикультурализма и мультилингвизма, трудно сохранять культуру страны. На данный момент ведущие страны пытаются словно отстраниться от политики мультикультурализма, корректируя и свою языковую политику. Согласно исследованиям и опросам, проведенным среди граждан государств-членов, большинство опрошенных изучали как первый иностранный английский язык и говорят на нем свободно, что делает английский самым распространенным языком в рамках ЕС. Занимающий третье место французский язык стремится укрепить свое влияние.

Судакова Наталия Евгеньевна

Москва

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, профессор
Доктор философских наук

Инклюзия в перспективе культурной политики: Россия и мир

Значимой проблемой современной цивилизации постепенно становится укрепление позиций социального начала, в центре которого в масштабах всего мира оказываются такие его составляющие, как социальная справедливость и солидарность. Современное общество достигло того уровня развития, когда преодоление любых форм обесценивания человека стало первостепенно важным во всех возможных аспектах, что не только демонстрирует нам усложнение всех форм и способов человеческого сосуществования, но и спровоцировало появление новой культурной универсалии — инклюзии. Данный феномен занимает сегодня одну из главенствующих позиций в исследовательском поле, что подтверждается его востребованностью в общемировых научных базах — более 95 %. Дискуссионность феномена инклюзии обусловлена его многогранностью. Стоит обратить внимание на то, что проблематика инклюзивного образования, инклюзивной экономики, финансовой, социальной и спортивной инклюзии находит свое отражение в стратегиях инклюзивной политики, которая, в свою очередь, производна от ценностно-смысловых паттернов современной культуры. Дискурс инклюзии, полноценно наполняясь, но не замыкаясь сегодня на аспектах инвалидности, показывает свою перспективность в преодолении проблем обесценивания любого Другого, где уже не является чем-то удивительным появление столь претенциозного инструмента оценки развития сообществ, как Индекс инклюзивного развития, предложенный в 2018 г. Всемирным экономическим форумом как более адекватная альтернатива Индексу физического объема ВВП в условиях стагнации мировой экономики. Анализ социокультурного опыта стран современного мира по реализации политики инклюзии показывает, что имеют место как универсальные механизмы ее развертывания, так и специфические, обусловленные культурными особенностями, вплоть до полного отрицания данной идеи. Акцентируя внимание на широкомасштабных образовательных инициативах, имеющих место практически по всему миру, не представляется возможным обойти стороной различные пути реализации инклюзивной идеи в социальной и экономической сферах, что демонстрирует ее сложный и достаточно разнородный характер. Историко-культурные особенности регионов еще более ярко вырисовываются в ситуации глобальных вызовов современности, в гуще которых оказывается современный человек с какими-либо дефицитами в области здоровья, борющийся за свое право быть ценностно значимым для общества. Актуальность представленного исследования не вызывает сомнений, поскольку все обозначенные проблемы серьезно обостряются в условиях пандемии COVID-19.

Торосян Вардан Григорьевич

Краснодар

Краснодарский государственный институт культуры,
профессор кафедры истории, культурологии и музееведения
Доктор философских наук, профессор философии

Культурная политика как «мягкая сила»

Проблема «от прошлого к будущему» особенно актуальна для России, переживающей затянувшуюся и все еще болезненную переоценку ценностей. В обсуждении экономических и политических проблем РФ, наконец, начинает осознаваться стержневое значение в настоящем и будущем государства культуры и адекватной современным условиям культурной политики. Знаковым в этом смысле является принятие поправки к Конституции РФ, на законодательном уровне выделяющей статус культуры как величайшего и судьбоносного национального достояния. Такой шаг, чтобы не оставаться на декларативной стадии, выдвигает требования, которые не могут быть реализованы при сохранении авторитарной модели, где единственным субъектом любой, в том числе культурной, политики является патерналистское государство с единственной и единственно правильной точкой зрения, с пассивными реципиентами и исполнителями. Подобная политика, воспитывая интерес и уважение к культуре и ее носителям, принималась советскими гражданами не столько по принуждению, но как нечто само собой разумеющееся, что позволяет оценивать ее как своеобразную «мягкую силу» внутри страны. Таким образом, уместно, отталкиваясь от известных представлений о культуре как «мягкой силе», применить понятие «мягкой силы» и к самой культурной политике. Что касается культурной политики в международных отношениях, то изначально «мягкая сила» культуры предполагалась как возможность подчинения иных государств путем «ползучего десанта» способного на него государства (что и было реализовано в отношении России 90-х гг.). Между тем реалии современного мира требуют акцентироваться на том, что знакомство с иными культурами, их традициями и ценностями, вековым опытом может не только многому научить, но и стать важным средством межгосударственных отношений, роста доверия, взаимоуважения и взаимопонимания, вытесняя из сознания людей устоявшийся образ врага и исключая ошибки и даже преступления, обусловленные незнанием или невниманием к иным культурам. Что касается механизмов

реализации культурной политики, ее субъектами, наряду с государством, все в большей степени становятся граждане государства и общественные организации (так произошло и с указанной поправкой к Конституции). Известно, что любая система — природная, политическая, экономическая — жизнеспособна и эффективна, только будучи основанной на принципах самоорганизации, когда приказы, образно говоря, идут как «сверху вниз», так и «снизу вверх», естественным образом формируя баланс «точек роста» и «точек риска» как условия развития. Подобная культурная политика делает недопустимыми и нелепыми любые «министерства правды», лакуны и крайности в оценке исторических событий и личностей, «железные занавесы» как между государствами, так и внутри самих государств, между государством и его гражданами.

Фазлуллин Сергей Маратович

Москва

Российский государственный гуманитарный университет,

факультет истории искусств, доцент

Кандидат географических наук

Управление объектами культурного наследия в прибрежной зоне Средиземноморских стран: проект BLUE MED

Средиземное море является регионом, где возникали и развивались основные многие культуры Южной Европы, Передней Азии, Северной Африки. Уже в V–VI вв. до н. э. благодаря усилиям греческих и финикийских мореплавателей Средиземное море превратилось в одно общее торговое пространство. Сформировалась торговая средиземноморская морская цивилизация, в дальнейшем ставшая фундаментом современного мира. На протяжении многих столетий культуры народов, населяющих берега Средиземного моря, взаимно проникали и дополняли друг друга. Города Средиземноморья превратились за это время в многочисленные музеи под открытым небом, которые постоянно притягивают внимание тысяч специалистов и десятков миллионов туристов. Вместе с тем прибрежные города Средиземноморья становились важными промышленными центрами и хабами гигантских потоков товаров, перевозимых морским транспортом. Все это привело в начале XXI в. к интенсивным поискам идеи гармоничного использования прибрежных районов Средиземноморья. Ответ был найден в концепции «голубой экономики», которая определяет приоритет развития этих регионов. Исследования в средиземноморских странах, входящих в Европейский союз, показали, что единственно возможной отраслью развития прибрежных экономик может быть только туризм, с опорой на экологический и культурный туризм, в которых главную роль отводят рекреационным погружениям под воду. Основная цель активности в этом направлении: валоризация и охрана подводного природного и культурного наследия в соответствии с подходами ЮНЕСКО, изложенными в конвенции 2001 г., повышение осведомленности общественности (актуализация) и туристической привлекательности объектов туризма. Основное внимание при этом уделяется: а) поддержке местных и региональных органов власти в выработке научно и экономически обоснованных планов (моделей управления, инновационных технологий) для создания подводных музеев, дайвинг-парков и центров, посвященных объектам морского и подводного культурного и природного наследия; б) содействию инновациям в индустрии дайвинга и улучшению опыта дайверов с помощью инновационных водолазных услуг и технологий; в) привлечению все большего числа туристов в сферу дайвинг-туризма; г) знакомству широкой общественности с подводным культурным наследием посредством 3D-визуализации на музейных выставках и в информационно-образовательных центрах; д) созданию веб-платформы «Подводные природные и культурные маршруты в Средиземном море» для единого продвижения туризма и создания сети объектов подводного природного и культурного наследия Средиземноморья. В настоящее время в 12 странах Средиземноморья организована партнерская сеть по продвижению идей сохранения морского и подводного культурного и природного наследия (проект BLUE MED). Детали этого проекта излагаются в докладе.

Фомина Марина Николаевна

Чита

Забайкальский государственный университет,

профессор кафедры философии

Доктор философских наук, профессор

Пространство диалога культур в глобализирующемся мире

Философия культуры, осмысливая теоретические проблемы культуры, которые рефлексированы в сферах исследований культурного пространства, диалога культур, межкультурного взаимодействия, сегодня анализирует

и культурные процессы в глобализирующемся мире, и глобализирующуюся культуру. Так как глобализация формирует механизм миропорядка, охватывающий все сферы и уровни жизнеобеспечения, то она и моделирует новые формы цивилизационного и культурного диалога, межкультурного пространства, трансграничного пространства, где традиционная культура, являясь духовным стержнем, оформляет миропонимание, мировая культура — мировосприятие, а локальная (в том числе и трансграничная) — мироотношение. Если до середины XX в. научная теория анализировала диалог цивилизаций и культур, то в XXI в. встают проблемы, требующие исследований глобальной культуры (которая сегодня трактуется периодически, либо в контексте мировой культуры, либо как экономическая культура), глобализирующейся культуры, рамки которой «размыты» между локальным и глобальным пространством. Аналогично происходит переосмысление и диалога культур, который уже не является онтологическим основанием межкультурного (локального) взаимодействия, а осмысливается в контексте мирового (глобального) пространства. Поэтому неслучайно, что в 2011 г. на Первом Международном культурном форуме (Тайху) в Китае, на «Лихачевских чтениях» в Санкт-Петербургском гуманитарном университете профсоюзов начиная с 2007 г. речь идет о месте традиционных культурных ценностей в глобальном мире, о консолидации международных научных сообществ в решении главных проблем развития цивилизации и диалога культур. Глобализация усложнила процессы цивилизационного и культурного развития, «разрушив» привычные «рамки» понимания культурного пространства, выдвигая тезис «Я и Ты — это Мы», что, если обращаясь к мысли В. М. Межуева, способствовало тому, что национальные культурные символы стали одним из элементов межличностного общения в транснациональном масштабе, что, можно предположить, является одним из факторов транскультурного пространства, которым сегодня, например, может выступать социокультурное пространство приграничья. А здесь уже речь должна идти о транскультуре, которая представляет собой новое образование, стоящее «за пределами», «над», «через» пространство локальных культур, оформляющей в транскультурное пространство, открытое для нового диалога культур.

Хилтухина Евгения Геннадьевна

Москва

Московская финансово-юридическая академия, профессор

Доктор философских наук, доцент

Человек — предмет глобализации

Глобализация в современном мире влияет на жизнь человека, который в силу смены времени и обстоятельств меняет основы человеческого существования, и, прежде всего, раскрывает внутренние характерные черты самого человека. Человек везде, независимо от социального, регионального, национального, религиозного и демографического различия, предстает единым. Единство человека диалектически переносится на общественное развитие, где происходит взаимосвязь природно-биологических явлений с социальными. Феномен человека, раскрываясь в единстве биологического и социального, определяет психологическую сущность как личность, которая «имеет разнообразный внутренний мир, с индивидуальной структурой сознания и со своими особенностями психики, которые полностью характеризуют человека как индивидуальность». Ведь личность формируется как совокупность общественных отношений и продукт исторического развития, который создает определенные ценности как общечеловеческого характера, так и культурно-эстетического. Поэтому в современном мире, в глобализационном процессе человек приобретает формалистский оттенок. Тем более что процесс глобализации, предполагая тенденцию к объединению, не является каким-то политическим или экономическим инструментом, придуманным человеком специально. По мере развития технологий, созданных человеком, в частности транспортных коммуникаций и средств передачи информации, глобализация как явление возникла сама по себе. Люди и товары стали перемещаться достаточно быстро, что, в свою очередь, сказалось на активности бизнеса. В культурном плане на глобализацию влияют миграция народов мира и средства связи. К примеру, Интернет и ТВ способны объединять культуры посредством популяризации музыки, кино и другого контента. Касаясь политической составляющей, можно заметить, что в связи с большей свободой перемещения и обменом информацией влияние централизованных органов власти снизилось. Все большую роль начали играть международные организации типа ВТО, ЮНЕСКО, ООН и НАТО. И поэтому происходит естественный процесс глобализации, т. е. интеграционные процессы в обществе предполагают путь объединения множества стран для работы над общими целями. В условиях подобной тенденции можно сказать, что страны отодвигают на задний план собственную национальную идентичность и стараются обустроить мир как одно единое общество, раскрывая тем самым суть человека как такового, который тем не менее имеет и проявляет свою индивидуальность. Современный глобализационный мир меняется, если происходит развитие общества в целом, — в силу постиндустриального, постмодернистского движения, где в основе лежит диалог. Диалогический подход характерен для постмодернистского глобализационного общества. Хотя любое развитие предполагает закономерное противоречие, которое ведет к совершенствованию и формированию как общества, так и человека.

Абросимова Лариса Сергеевна

Ростов-на-Дону

Южный федеральный университет, Институт филологии,
журналистики и межкультурной коммуникации,
профессор кафедры теории и практики английского языка
Доктор филологических наук, доцент

«Болонизация» российского университетского образования: компетенции вместо знаний. Кому это выгодно? (в соавторстве с М. А. Богдановой)

Более 20 лет прошло с подписания Болонской декларации, в которой был провозглашен курс на создание единого Европейского пространства высшего образования (ЕПВО) (European Higher Education Area — EHEA) с целью повышения его конкурентоспособности в мире. Главным заказчиком реформы европейского образования стали крупные промышленные корпорации, объединенные в организацию под названием Европейский круглый стол (European Round Table — ERT), считающие необходимым ликвидацию всех барьеров на пути создания единой общеевропейской экономики, а также участие промышленных корпораций в образовательном процессе. Создание единого образовательного пространства как цели Болонского процесса потребовало выработки сравнимости национальных образовательных систем и разработки общеевропейского профиля специалиста, подготовленного в рамках той или иной образовательной программы с набором приобретенных компетенций. Компетенции представляют собой утверждения относительно того, что будет знать и уметь обучаемый по завершении образовательного цикла, и как эти знания и умения могут быть применены на рынке труда. Компетентностный (профильный) подход, как новая образовательная модель, означает смещение акцентов результатов образования с интересов человека и общества на интересы производственных корпораций, которые «голосуют» за практическую ориентированность образования — обучение под заданные функции. С позиций компетентностного подхода выпускник — это не классически понимаемый эрудит, имеющий широкий горизонт знаний, а специалист, эффективно исполняющий свой функционал и приносящий прибыль работодателю. Сфера применимости компетентностного подхода весьма ограничена: в компетентностную форму достаточно органично «укладывается» содержание начального и среднего профессионального образования. Однако что касается классического, особенно гуманитарного университетского образования, то здесь, во-первых, «расщепление» (операционализация) образования на усвоенные компетенции выглядит абсурдным, во-вторых, проблематичным является вопрос об измеримости компетенций, в-третьих, сам выбор компетенций (особенно общекультурных) и их формулировка представляются надуманными. Если в Европе внедрение Болонской системы было добровольным и ряд университетов с мировым именем (включая Оксфорд и Кембридж) к ней не присоединились, то в России все происходило в обязательном порядке, с очевидным снижением качества образования и, как следствие, падением репутации многих российских вузов. Таким образом, «болонизация» образования превратила образование в сферу бизнеса, что привело к изменению целей и задач образования: образованный человек уступает место «человеку компетентному», т. е. конкурентоспособному участнику производственного процесса, «изготовленному» по заказу бизнеса. Отсутствие социальной составляющей в образовательных программах, в которой бизнес не нуждается, приводит к общей дегуманизации образования и социума в целом.

Богданова Марина Александровна

Ростов-на-Дону

Южный федеральный университет, доцент кафедры
«История зарубежной и отечественной философии»
Доктор философских наук, доцент

«Болонизация» российского университетского образования: компетенции вместо знаний. Кому это выгодно? (в соавторстве с Л. С. Абросимовой)*

* См.: Л. С. Абросимова.

Большаков Сергей Николаевич

*Санкт-Петербург
Институт художественного образования и культурологии РАО,
главный научный сотрудник
Доктор политических наук, доктор экономических наук, профессор*

Коррекция девиантного поведения подростков в различных учреждениях с использованием художественного образования и культурологии (опыт Ленинградской области)

Важной и актуальной задачей исследования для научного коллектива является не только выявление педагогического потенциала программ художественного образования и культурологии в профилактике и коррекции девиантного поведения подростков, но и определение степени востребованности программ художественного образования и культурологии в целях профилактики и коррекции девиантного поведения подростков. Для реализации поставленной цели авторами было проведено выборочное бесповторное наблюдение посредством организации социологического опроса (анкетирования). При ответе на вопрос о принадлежности респондента к тому или иному типу организации 59,2 % респондентов отнесли свою деятельность к образовательным организациям, каждый третий респондент (34,7 %) является сотрудником специальных учебно-воспитательных учреждений открытого типа, по 2 % опрошенных выступают сотрудниками коррекционных образовательных учреждений, центров психолого-педагогической помощи. По мнению респондентов при оценке видов девиаций, являющихся профильными для организации, наиболее встречающиеся нестандартные типы поведения воспитанников характеризуются делинквентным поведением (44 %), неадекватным поведением (42 %), антиобщественным поведением (4 %), 39 % респондентов отметили наличие у обучающихся признаков маргинального поведения, 35 % выделили наличие признаков криминального поведения. Наивысший приоритет для подавляющего большинства респондентов имели средства изобразительного искусства — 91 %, занятия музыки — 83 %, организация творческих студий (лепка, аппликация) — 78 %; посещение музеев и организацию экскурсий выделили три четверти респондентов — 73,5 %, организацию учебной театральной студии — 68,4 %, прикладные, трудовые элементы творчества — 59 %, организацию занятий по фольклору и народному, этническому творчеству — 24 %. При оценке значимости и весомости средств художественно-культурологического воспитания и обучения, оценке степени их влияния в профилактике и коррекции девиантного поведения подростков чуть менее половины респондентов (44 %) считают, что таковые являются основными. Исследование демонстрирует, что при оценке препятствий для использования художественно-культурологических средств в работе с девиантными подростками в исследуемых организациях респонденты в первую очередь указывают на дефицит (или отсутствие) квалифицированных кадров творческой, художественной направленности — 55 %, отсутствие соответствующей материально-технической базы — 48 %, далее следует отсутствие заинтересованности подростков в участии в такого рода программах (художественно-культурологической направленности) — 20,4 %; каждый десятый респондент в качестве препятствия отмечает незнание о существовании художественно-эстетических и творческих методов и их применении в профилактике и коррекции девиантного поведения — 15,3 %, и пятое место занимает фактор методической сложности использования художественно-культурологических средств в работе с девиантными подростками — 9 % респондентов.

Водяникова Ирина Федоровна

*Ростов-на-Дону
Южный федеральный университет,
Институт философии и социально-политических наук, доцент
Кандидат философских наук, доцент*

Смена моделей образования как ответ на вызовы

Никогда еще тема образования не была столь чувствительной, не затрагивала практически все слои общества. Особенностью современной эпохи является динамичность, скорость, с какой происходят изменения не только в отдельном обществе, культуре, — это планетарные процессы, а потому общечеловеческие и индивидуальные. Стремительность процессов необходимыми прессом диктует смену образовательных моделей. Но так было не всегда. Если обратиться к истории, то образование во все времена было консервативной сферой. До конца XX в. процесс обучения, по форме, мало чем отличался от того, что был в античности и позднее вплоть до наших дней. Пришедшие сравнительно недавно, на рубеже XX–XXI вв., в образовательный процесс информационные технологии если и приносили изменения, то не слишком радикальные, а вот пандемия — еще одна глобальная стихия-проблема — необратимо развернула образование на дистанционное, полностью выстроенное на информационных технологиях. Образование как социокультурный феномен всегда выступало как часть культуры, отражало своеобразие народов, этносов, национальных культур. Так было до XXI в. Глобализация, усиленная информационными и технологическими

процессами, стирает социокультурную специфику, обесценивает все национальные проекты, одним из которых был национально и государственно ориентированный университет. Сегодня университет не может символизировать идеи национальной культуры. Если университеты не будут учитывать складывающийся на данный момент экономический порядок, они будут вытеснены более гибкими образовательными структурами. Г. ван Гинкель, бывший ректор университета ООН, видит университет XXI в. следующим образом. Цель университетов — готовность к будущему, постоянно меняющемуся, полному вызовов и возможностей. Национальные структуры для функционирования университетов будут становиться все менее значимыми, задачи университетов будут сконцентрированы в большей степени на направлении и объединении потоков знаний (как, например, основные платформы массовых онлайн-курсов — Coursera, EdX, Khan Academy); свои собственные (фундаментальные) научные исследования университеты будут развивать в меньшей мере; обучение будет направлено на многосторонний род деятельности и на разнообразие финансовых источников; университетам следует обеспечить условия для большей независимости и предприимчивости; университеты должны отходить от традиционного обучения в аудиториях, создавая обучающую среду, которая предоставляет возможности для самостоятельной работы. Кризис сферы образования считается самым опасным; опасность его видится в том, что он является причиной всех других. Это действительно так в случае, если образование не успевает за динамикой происходящих перемен.

Гамова Елена Владимировна

Санкт-Петербург

Академия Русского балета имени А. Я. Вагановой

Аспирант

Развитие физических данных у юных фигуристов средствами хореографии

Значение урока хореографии для юных фигуристов. В докладе озвучиваются средства и приемы классической хореографии и современного танца, с помощью которых педагог-хореограф спортивной школы фигурного катания совершенствует пластические навыки и повышает уровень артистизма спортсменов и, безусловно, повышает физические качества фигуриста. Представлены некоторые разработки по оптимизации тренировочного процесса спортсменов на уроке хореографии. В задачи педагога-хореографа входит не только физическое воспитание спортсмена средствами хореографии и гимнастики, но также развитие музыкальности и артистизма. Музыкальность, чувство ритма и артистизм — неотъемлемые составляющие программы. И чем показатели выше, тем выше оценка судей на спортивных соревнованиях. В связи с этим продолжается поиск средств и приемов для развития пластики и артистизма в эстетических видах спорта вообще и в фигурном катании в частности. Раньше хореографы работали по системе А. Я. Вагановой. На сегодняшний день эта система тоже успешно применяется как в канонном, так и в трансформированном варианте (адаптированном под конкретные виды спорта). Педагоги используют помимо классического экзерсиса еще и приемы современного танца как в России, так и за рубежом. Поиск подходящих приемов пластической выразительности — это своего рода «вытяжка» из разных стилей современной хореографии, таких как джаз-танец, модерн-танец, контемпорари и др. Ледовая хореография стремительно развивается с эстетической стороны, стремится достичь максимальной выразительности с помощью синтеза виртуозной техники и средств хореографии. Основная цель сотрудничества тренеров и хореографов — воспитать профессионального спортсмена. Урок хореографии может научить ученика работать с весом и дыханием. При условии если преподаватель будет внимателен и скрупулезен. В последние годы наблюдается серьезный спад физической активности среди подрастающего поколения. Это подтверждают многие тренеры и хореографы как в любительских студиях, так и в учреждениях профессиональной подготовки. Современные дети из года в год все больше слабеют физически. Они невыносливы, и, что самое неприятное, довольно ленивы. И явление это не местного характера, а имеет глобальные масштабы. Именно этот фактор мотивирует педагогов, работающих в сфере хореографии и физической культуры (спорта), на поиск различных стратегий и методов, чтобы ситуацию скорректировать. На занятиях хореографией полезно давать ученикам творческие задания, в результате использования которых ученики могут совершенствовать пластику и артистическую подготовку.

Ганиева Алина Фандитовна

Уфа

AGGA_design, архитектор-дизайнер

Магистр архитектуры

Публикация подготовлена при поддержке РФФИ. Грант № 19-012-00193А.

От курса движения С. Б. Никритина во ВХУТЕМАСе к кинестетическим экспериментам в уфимской архитектурной школе

Доклад посвящен раскрытию потенциала пространственных экспериментов С. Б. Никритина и применению их в современном архитектурном образовании. Никритин является основоположником проекционного театра, который был

создан в 1922 г. во ВХУТЕМАСе. Там он начал изучать телесно-пространственные практики, взаимосвязь человека и геометрии архитектурных форм, искал новую систему проектного мышления, отражающего эти взаимодействия. Соломон Никритин в своих практиках объединяет несколько сфер искусств и создает одну систему ощущений, он разрабатывает упражнения, которые помогают ориентироваться в сложном воображаемом пространстве, для формирования пространственного мышления с помощью двигательного ощущения пространства и архитектуры. Кинестетические и визуальные эксперименты, способствующие формированию пространственного мышления, изучению пространства, в том числе через динамику телесности, были частью педагогических методик выдающихся школ авангарда XX в. — Баухауза, ВХУТЕМАСа. На основании этих методик происходит формирование пространственного воображения и новых методик в архитектурном образовании, а затем и в проектировании, т. к. архитектурное образование является частью архитектурной деятельности. Ведь мир мы не просто видим, а ощущаем его всеми органами чувств и сами двигательны в нем участвуем. Для развития пространственных ощущений кинестетические эксперименты продолжаются и по сей день в различных зарубежных и российских школах, в таких как Пристонский университет, The Bartlett School of Architecture, колледж прикладного искусства в Глазго. Изучается взаимосвязь человека и геометрии архитектурных форм. Появляется уникальная возможность использовать цвет и форму в динамике. Целый ряд кинестетических практик были разработаны и применены в учебном процессе на специальности «Архитектура» в Архитектурно-строительном институте УГНТУ. Уфимская архитектурная школа с 2004 г. начала проводить различные эксперименты в этом направлении в рамках архитектурного проектирования, композиционного моделирования и различных воркшопов. В лаборатории композиционного анализа УГНТУ изучались «Композиционные методы архитекторов XX века», снимались кинестетические киноэксперименты: «Архитектурный балет», «Кубик», «Конвейер», «Ордер», «Chupa-chupa space».

Гольдман Ирина Леонидовна

Санкт-Петербург

Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, доцент

Кандидат искусствоведения

Искусствоведческо-культурологический подход к профессионально-творческой медиаобразовательной деятельности

Медиаобразовательное пространство вуза в интеграции с культурными институтами выступает креативной средой для формирования творческих компетенций бакалавров и магистров рекламы и связей с общественностью. Художественная культура — важный ресурс для развития профессионального коммуникатора как субъекта культуры и креативной личности (М. В. Тарасова, Т. Н. Суминова, Е. А. Ноздренко). Как методологическая основа творческого развития профессиональных коммуникаторов (Л. В. Азарова, М. Е. Кудрявцева), искусствоведческо-культурологический подход имеет существенные преимущества. С его помощью обучающиеся могут приобщиться к художественной коммуникации в рекламе и связях с общественностью (PR), погрузиться в творческий процесс создания рекламного и PR-продуктов на основе интерпретации содержания произведений искусства (М. Л. Шуб, Е. Н. Шапигинская, Н. А. Анашкина). Следует отметить, что искусствоведческо-культурологический подход в рекламном и PR-образовании становится катализатором творческой активности обучающихся, ориентирует последних в научно-исследовательской деятельности в профессиональной коммуникации. Учитывая особенности данного подхода, формирование творческой компетентности профессионального коммуникатора в системе медиаобразования (А. В. Шариков, А. В. Федоров, И. В. Чельшева) целесообразно осуществлять, как мы полагаем, в условиях культурного взаимодействия и сотрудничества рекламы, PR и искусства (Т. А. Дзякова, Е. А. Каверина, А. В. Ульяновский); гуманитарных технологий и искусствоведческих стратегий (Э. М. Глинтерник, Л. К. Бондаренко). В связи с чем представляется важным выстраивать профессиональный медиаобразовательный процесс на основе художественно-образного восприятия и познания обучающимися произведений рекламного и PR-творчества как продуктов культуры, функционирующих в пространстве арт-институций. Искусствоведческо-культурологический подход позволяет будущим профессиональным коммуникаторам проследить влияние мировой художественной культуры, современного художественного процесса на креативную деятельность в рекламе и PR, на развитие культурной, художественно-эстетической коммуникации в рекламе; определить перспективные направления взаимодействия коммуникативных и художественных практик; выстроить индивидуальную траекторию гуманитарно-творческого развития в сфере арт-PR и рекламы арт-институций (С. А. Глазкова, Ю. В. Кондакова, А. К. Игнатова). Использование данного подхода в научно-педагогической практике в гуманитарной образовательной организации высшего образования может способствовать активной реализации и доминированию художественно-эстетического направления в подготовке профессионального коммуникатора на основе диалога разных видов искусства, рекламы и PR; критической оценке продуктов рекламного и PR-творчества, созданных в условиях арт-коллабораций (Е. Э. Дробышева, И. В. Марусева, И. В. Христофорова).

Далецкий Чеслав Брониславович

Москва

Московский лингвистический университет,
директор Института гуманитарных и прикладных наук,
профессор кафедры мировой культуры
Доктор философских наук, профессор

Риторическая культура современного образования

Система образования, как составная часть культуры, находится в режиме постоянного реформирования или же, по крайней мере, модернизации. Это информатизация образования, введение ЕГЭ, двухуровневый Болонский процесс, компетентностный подход, онлайн-образование, дистанционный формат, МЭШ, телеформат. Накопленный опыт важно осмыслить и использовать в качестве образовательных форм и средств. Образовательные платформы, освоенные в период коронавирусных ограничений, дают возможность изменить представление о телевизионном формате образовательного и воспитательного контента и его многократном повторении. Риторизация современного социально-научного знания предполагает освоение лексиконом и семантиконом гуманитарных наук с целью тиражирования представлений о современной культуре. В современной науке область образного мышления ограничена прагматиком исследователя, а язык современной науки является областью свободы слова, в пределах программы исследования, аргументации и образовательной программы. Современные медиасредства вытесняют устное слово технологичными устройствами и заменяют дискурс на чтение заранее подготовленных текстов. Динамика социокультурных процессов, происходящих в обществе, отсутствие высокоэффективных технологий адаптации в профессиональной культуре определяют риторическое пространство передачи общеобязательных, социально необходимых образцов коммуникативной активности. В вузе больше учат слушать, чем говорить. Риторическое пространство образования представляет собой разнонаправленный процесс в определенных точках соприкосновения. Участники ежегодно проводимых конференций по риторике прилагают немало усилий для сохранения устноречевых традиций и обеспечения аутентичности высказываний в ходе непосредственного общения. Этому способствуют конкурсы по риторике, проводимые в студенческой и школьной среде. Звучат предложения о проведении таких конкурсов среди школьных учителей и вузовских преподавателей. К сожалению, гуманитарные компетенции страдают релятивизмом, субъективным определением содержания гуманизма, относительностью гуманитарных компетенций, отсутствием критериев гуманизма — что ведет к трудностям технологизации процесса гуманитарного образования. Перечень учебных дисциплин, отнесенных к блоку ГСЭ, еще не свидетельствует о гуманитарном образовании студентов, прослушавших курс указанных лекций.

Иващенко Яна Сергеевна

Новосибирск

Новосибирский государственный технический университет,
Новосибирский государственный педагогический университет,
заведующая кафедрой истории и политологии,
заведующая кафедрой управления образованием
Доктор культурологии, доцент

Культура детства: стратегии локального изучения

Культура детства — важная часть культуры общества, обеспечивающая социальное воспроизводство, структурно однородная целой культуре и неразрывно с ней связанная; она отражает общие характеристики культуры и вместе с тем имеет свою специфику, представленную особым пространством, типами взаимоотношений, ценностями, смыслами, образовательными технологиями, способами ухода за детьми и другими инструментами поддержания их физического и психического здоровья. Сегодня это понятие применяется главным образом в рамках культур-антропологической и культурфилософской парадигм изучения детства. Существуют локальный, национальный и глобальный (общемировой) масштабы рассмотрения этого явления, но современные национальные и глобальные концепции культуры детства требуют уточнения за счет введения в научный оборот знания о неизученных локальных этнических формах. Дополнение картины российского детства новыми уникальными фактами и закономерностями позволит найти в условиях поликультурного пространства страны более оптимальные модели развития образовательной деятельности и других сфер, связанных с детством. Имеющиеся концепции локального изучения культуры детства не являются универсальными. Для разработки стратегии локального изучения культуры детства очень важно найти морфологию и методологические принципы, применимые к исследованию любой локальной культуры детства и позволяющие охватить все многообразные ее проявления в синхроническом и диахроническом измерении. Если культура детства структурно однородна всей культуре, то их строение может быть тоже идентично. Наиболее приемлемой в изучении культуры детства, на наш взгляд, является морфологическая модель культуры А. Я. Флиера, включающая несколько функциональных блоков: культура социальной организации и регуляции;

познания и рефлексии мира, человека и межчеловеческих отношений; социальной коммуникации, накопления, хранения и трансляции информации; физической и психической реабилитации и рекреации человека; рождения и смерти; культура преступления и наказания; культура приватной жизни; культура идентичности; лингвистическая культура. Каждый блок включает несколько сфер жизнедеятельности и различается по социально-функциональным составляющим (Флиер А. Я., 2017). Значительная детализация каждого блока способствует полноте охвата изучаемого явления, а также позволяет отбирать внутренние компоненты функциональных блоков в зависимости от типа культуры (сам автор концепции это допускает). Применение же предложенной А. Я. Флиером и А. В. Костиной тернарной модели социально-функциональных составляющих: культура-обычай, культура-идеология и культура-референция — позволяет представить функциональные блоки культуры детства как в синхронии (для современной культуры детства), так и в диахронии. Но прежняя, разработанная Э. А. Орловой и Ф. Я. Флиером бинарная модель — обыденная и специализированная культура — также имеет потенциал в изучении культуры детства в аспекте динамики.

Козачёк Мария Александровна

*Городской округ Восход Московской области
Средняя общеобразовательная школа городского округа Восход,
учитель*

Феномен партиципации как способ создания художественно-образовательных проектов

В первую очередь необходимо дать определения основополагающим научным категориям в контексте данного доклада. Под «партиципацией» подразумевается тип художественного поведения, участники которого свободно действуют внутри смоделированной ситуации или пространства проекта, применяя синтез художественных, эстетических и социальных практик. Партиципация рассматривается здесь в рамках социокультурных и художественно-образовательных проектов. Социокультурный проект следует понимать как процесс социальной активности человека, целью которой является создание культурных ценностей (как материальных, так и не материальных) в условиях сложившейся политической, экономической и культурной ситуации в обществе, с использованием различных способов художественных практик. Под художественно-образовательным проектом будем понимать процесс познавательной и воспитательной активности человека с целью создания субъект-субъектной трансляции научно-популярной информации в условиях массовой культуры. В связи со сложившейся спорной лингвистической ситуацией перевода термина: партиципация/партиципация — исследователь оставляет за собой право использования последней транскрипции. В последнее время в культуре складывается феномен партиципации. На практике он проявляется в свободных межсубъектных взаимодействиях в группе. То есть не в самой реализации какой-либо конкретной теоретической или практической задачи, а в самом процессе совместного, как правило, художественного действия или активности. В нынешней социокультурной ситуации особенно велика роль театра и сопричастных ему постдраматических структур (перформансов, арт-медиаций, инсталляций), поэтому особый интерес вызывают исследования партиципаций в этих эстетических категориях. Вся современная культура сейчас, в большинстве своем, несет в себе политический, образовательный и художественный контекст. И очевидно, что реализация основанных на нем проектов невозможна без соучастия и сопричастности человека, одновременно играющего роль: участник — исполнитель — зритель — критик. Идея выступления включает в себе попытку доказать, что педагогическая наука и ее новые веяния решают не только научные и практические задачи, но и художественно-эстетические. В докладе прозвучат следующие подтемы (далее в форме тезисов):

1. Исторический контекст образования и художественных практик (на основе работ Паолу Фрейре и Йозефа Бойса).
2. Конкретные примеры удачных художественно-образовательных проектов дальнего и ближнего зарубежья.
3. Контекст взаимодействия образования и музейного пространства (на основе работ петербургских музеев и музейных пространств). Тема доклада будет раскрыта с использованием конкретных примеров работ.

Крамер Александр Юрьевич

*Санкт-Петербург
Высшая школа печати и медиатехнологий Санкт-Петербургского
государственного университета промышленных технологий и дизайна,
кафедра журналистики и медиатехнологий СМИ, доцент
Кандидат культурологии*

Шпаргалка как культурный объект и культурное наследие

1. Следуя логике теории практик, мы устанавливаем, что культура воспроизводится в динамическом единстве артефакта и практики: артефакт порождает практику и распремечивается в ней, практика опредмечивается

в артефакт. Практику мы понимаем как систему возможных в данной культурной ситуации: (а) знаний и умений в решении практических задач; (б) правил и норм, стоящих за этими знаниями и умениями; (в) объяснительных парадигм, стоящих за правилами и нормами. Артефакт мы понимаем как результат опредмечивания практической деятельности, который становится одним из порождающих стиль жизни факторов восприятия, оценивания и действия. Единство артефакта и практики порождает культурный объект.

2. Шпаргалка распредмечивается в практиках «списывания» — наиболее неодобряемых в ситуациях «аттестации» в высшем и среднем образовании. Шпаргалка опредмечивается в трех главных практиках: (а) сжати и «переупаковке» знаний, (б) оформления их на таком носителе, который (в) можно замаскировать или отвлечь от него внимание. Шпаргалка распредмечивается в списывании в ситуации «экзамена», в которой уже опредмечена такая рассадка, в которой можно чем-либо или кем-либо заслониться от экзаменатора или «проктора». Здесь мы видим три проблемы. Первая: в текущей парадигме «знать» — значит «помнить», следовательно, шпаргалка имеет ценность, если учебный курс стабилен и долго не меняется (тогда же появляются «наследственные» конспекты и книги серии «шпаргалки по...»). Вторая: шпаргалка — артефакт сопротивления «кодифицированному принуждению» правилам корпорации и академической этике, а также формальному контролю «освоения знаний» и прокторингу, когда факт нарушения правил перекрывает даже то, что студент знает больше написанного в шпаргалке. Третья: разница между «оценкой» и формальной «отметкой» обнаруживает (а) конкуренцию за ограниченное количество наград и (б) границу «положительной» отметки («отрицательная» выбрасывает из конкуренции). При этом награда может быть традиционной для академической или корпоративной парадигмы, но не иметь ценности для студента. При принуждении к конкуренции, важности формальной «успеваемости» и малой ценности наград в конкуренции (при неочевидности правил академической этики, а также «закостенелости» учебных курсов) шпаргалка из «учебной культуры» неустраима.
3. Шпаргалка — вполне возможный объект «нематериального культурного наследия». Например, в формате «музей шпаргалки» можно показать ее эстетические качества как искусства и технологии создания иллюзии (тема академической этики будет почти неизбежно снята). С другой стороны, что гораздо важнее, — возможны локальные (в рамках того или иного учебного курса) коллекции шпаргалок с распредмечиванием их в практики обучения разным способам «переупаковки знаний».

Лопатина Светлана Сергеевна

Новосибирск
Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС,
доцент, директор Центра русского языка
для иностранных студентов
Кандидат педагогических наук

Межкультурный диалог в образовательном пространстве вуза

Исследование посвящено формированию межкультурной коммуникации в вузе. Коммуникативная культура студентов — развитие компетенций в области умения вести межкультурный диалог, формирование и развитие толерантности, уважение к традициям и обычаям, принятым в других культурах, а также развитие национального самосознания, национальной идентичности. Кроме того, развитие интеллектуальных, социокультурных, нравственных качеств личности, формирование межкультурной компетентности в настоящее время — важнейший показатель готовности студентов к будущей профессиональной деятельности. При этом вуз становится средой, в которой реализуются условия формирования готовности. В процессе изучения дисциплины «Межкультурные коммуникации» студенты учатся проявлять расовую, национальную, этническую и религиозную терпимость, уважительно относиться к историческому и культурному наследию, владеть навыками и умениями эффективного кросс-культурного взаимодействия. Подготовка и проведение мероприятий для иностранных студентов российскими студентами направления подготовки «Международные отношения», организация практики в Центре русского языка для иностранных студентов, разработка заданий для РКИ разных уровней и во внеучебной деятельности, проведение занятий для иностранных студентов по РКИ российскими студентами, участие в международных мероприятиях, посвященных проблемам межкультурной коммуникации, подготовка выпускных квалификационных работ студентов направления подготовки «Международные отношения». Также, в процессе внеучебной деятельности, проведение круглого стола «Русский язык в контексте культуры: история и современность», задачами которого являются: дать представление об основных этапах развития русского языка в контексте истории и культуры, сформировать отношение к языку как способу отражения картины мира народа и человека, развить внимательное отношение к языку и речи как способу проявления общей культуры личности, обратить внимание участников мероприятия на проблемы культуры речи молодежи. Участие в дискуссионных площадках «Дистанционное образование в разгар пандемии: взлеты и падения», «Актуальные проблемы межкультурной коммуникации в вузе».

Модели межкультурного взаимодействия посредством танца

История танца, так или иначе, связана с культурными заимствованиями. Особенно ярко это стало проявляться в XX в., глобализация оказала значительное влияние на развитие танцевальных культур. Благодаря СМИ и стремительной урбанизации появились транснациональные танцевальные культуры, а исследования феномена танца приобрели междисциплинарный характер. В современном мире культурные контакты между представителями разных стран и этносов распространились во все сферы социума. Вопросы межкультурного взаимодействия и изучение различных его аспектов нередко оказываются в центре исследовательского интереса современных отечественных и зарубежных ученых. В силу своей коммуникативной природы танец может быть рассмотрен как аспект межкультурного взаимодействия. Так как танец представляет собой невербальную знаковую систему общения, семиотический подход неоднократно применялся к изучению данного феномена, однако в рамках исследования танца как аспекта межкультурного взаимодействия, осуществляемого по моделям гибридизации и креолизации, данная концепция ранее не применялась. Это обусловило необходимость подробного рассмотрения социально-коммуникативных процессов межкультурного взаимодействия посредством танца. Основой семиотического подхода в исследовании послужили труды Ю. М. Лотмана, в которых культура и ее явления выступают в роли механизмов, хранящих, передающих и генерирующих информацию. Семиотический подход позволяет рассматривать танец как текст культуры. В рамках семиотики культуры социально-коммуникативная функция текста подверглась значительным трансформациям. Ю. М. Лотман сводит эту функцию к нескольким процессам: общение между адресантом и адресатом, общение между аудиторией и культурной традицией, общение читателя с самим собой, общение читателя с текстом, общение между текстом и культурным контекстом. Автором проанализированы на примере некоторых танцевальных стилей XX–XXI вв. гибридизация и креолизация в танцевальных культурах как модели межкультурного взаимодействия. Когда танец как текст культуры выполняет функцию коллективной памяти, происходит гибридизация в отношении культурной традиции. На примере финского танго автором подчеркивается разграничение понятий «гибридизация» и «креолизация» в отношении танцевальных культур. Таким образом, креолизация в рамках межкультурного взаимодействия посредством танца акцентирована на взаимодействии двух разнотнческих групп. В то время как гибридизация может характеризовать взаимодействие в глобальных танцевальных культурах.

Михальченкова Наталья Алексеевна

Москва

Институт художественного образования и культурологии

Российской академии образования,

заведующая лабораторией социально-педагогических исследований

Доктор политических наук, доцент

О некоторых результатах проекта «Формирование эффективных моделей и технологий коррекции девиантного поведения подростков средствами художественного образования и культурологии»

Деструктивные процессы, затронувшие различные общественные сферы, повлекли за собой рост преступности не только среди взрослого населения, но и среди молодежи. Более половины правонарушений совершаются педагогически запущенными несовершеннолетними подростками. Современная педагогика столкнулась с появлением новых факторов и угроз, влияющих на формирование поведенческих девиаций. Одним из факторов эффективности преодоления и предупреждения девиантного поведения несовершеннолетних является наличие гуманистической ориентированности социальных и образовательных учреждений, открытый характер образовательного, социально-педагогического и коррекционного направления их деятельности, в основе которой — художественно-эстетическое воздействие на подростка. В рамках проекта «Формирование эффективных моделей и технологий коррекции девиантного поведения подростков средствами художественного образования и культурологии», проведенного в 2019–2020 гг. в рамках государственного задания Минпросвещения РФ, были исследованы возможности применения культурологических приемов и методов в целях коррекции мировоззрения и поведения подростков с учетом имеющегося успешного мирового и отечественного опыта. В результате исследования разработаны теоретико-методологические основы моделирования коррекционного процесса, базовые классификации средств и методов художественного образования и культуры для целей коррекционной деятельности, сформированы реестры существующих в различной сети учреждений успешных программ и практик коррекционной деятельности художественно-культурологическими средствами и методами, разработаны системные подходы к моделированию и вариативности

инструментов коррекции и профилактических программ с технологией «комплексирования методов», представлены фундаментальные основы педагогики искусства как направления в коррекционной педагогике. Разработано научно-методическое описание основных методов и технологий коррекционной деятельности средствами художественного образования и культуры, представленных книготерапией и литературным творчеством, изобразительным искусством, музыкальным, танцевальным, театральным искусством, комплексными художественными программами и арт-терапевтическими методами с возможностью эмпирической навигации для целей коррекционной и профилактической работы. Реестр (навигатор) практик профилактики и коррекции девиантного поведения подростков, реализуемых с применением методов художественного образования и культурологии, является инструментом вариативности в моделях профилактической и коррекционной деятельности в отношении несовершеннолетних подростков, основанным на использовании различных форм искусства с возможностью проектирования содержания коррекционной деятельности в рамках основных образовательных, коррекционно-развивающих и воспитательных, а также дополнительных образовательных программ.

Мосолова Любовь Михайловна

Санкт-Петербург

Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, профессор кафедры теории и истории культуры

Доктор искусствоведения, профессор

Культурное наследие Евразии: от прошлого к будущему

Ключевую тему V Культурологического конгресса: «Продлить прошлое в будущем, связывая их воедино при сохранении складывавшихся веками базовых ценностей и норм» — вероятно, можно считать основополагающим мотивом в содействии развитию современной культуры. Задача участников конгресса: рассмотреть заново и внимательнее базовые культурологические дисциплины: теоретическую и историческую культурологию, а также рассмотреть категорию «культурное наследие» в качестве «ключевого компонента устойчивого развития». Самого пристального внимания сегодня заслуживает Средняя Азия, поскольку культурное наследие региона долго оставалось на периферии отечественной науки и недостаточно изучалось в странах региона, тогда как всесторонний анализ современной культурной динамики региона быстро становится востребованным политической и экономической повестками дня. Интенсивнее становятся поиски новых моделей интеграции народов России и Азии, и наиболее очевидным результатом является Евразийский союз. Весьма эффективным на этом пути оказался принцип уважения сторонами культурного наследия партнеров, хотя инициатив в систематизации знаний об элементах интеграции имеется совсем еще недостаточно. В ходе советского этапа развития отечественной науки среднеазиатская история, среднеазиатская культура изучались весьма эффективно различными методами исследований. Культурное наследие современной Средней Азии включает памятники древности и средневековья: Джейтуна, Алтын-тепе, Бактрии, Согдианы, Хорезма, Парфии, Ферганы, Афросиаба, Пенджикента и др. Многие артефакты среднеазиатской культуры разных эпох обрели статус объектов Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО (Бухары, Самарканда, Хивы, Оша, Узгена). Необходимо активно содействовать признанию факта беспрецедентно быстрого создания институтов культуры в советский период истории Средней Азии, в том числе быстрого достижения высокого уровня грамотности населения, образования, а также создания сообщества высококомпетентных профессионалов: в симфонической музыке, опере, балете, изобразительном искусстве, литературе. Очевидной становится задача аргументированной защиты этих фактов от их огульного отрицания, предпринятого со стороны внутренних и внешних критиков истории культурного строительства в Средней Азии. Мои недавние учебные занятия с российскими студентами, направляющимися, по просьбе президента Узбекистана, преподавать русский язык в разные города республики, позволили мне получить представление о лакунах в общей эрудиции выпускников российских школ. В связи с вышеперечисленными обстоятельствами полагаю, что перед культурологами встала задача разработать новую целевую программу и новые проекты изучения, сохранения и использования культурного наследия Средней Азии с тем, чтобы предложить эти мероприятия правительствам заинтересованных государств в содействии развитию связей между народами и их благосостояния.

Помигуева Екатерина Анатольевна

Таганрог

Южный федеральный университет, доцент

Кандидат филологических наук, доцент

Фольклор как средство формирования

кросс-культурной компетентности студентов полиэтнического вуза

На сегодняшний день формирование кросс-культурной компетентности (способности успешного общения с представителями другой культуры) и, как результат, осуществление эффективной межкультурной коммуникации стано-

вится приоритетной задачей современного общества, отличающегося многонациональным составом, разнообразием языков и культур. Важнейшим средством межнационального диалога являются культура и образование, сохраняющие и транслирующие духовные этнические ценности, поэтому закономерен интерес к культурному наследию разных народов, к их ментальным особенностям, поведению, обычаям, к различным проявлениям национального характера. Национальный характер — это совокупность отличительных черт и особенностей поведения того или иного народа, этнического сообщества, включающая особое мировосприятие и отношение к действительности, систему взглядов, оценок, норм, базирующихся на заложенных в данном обществе традициях. Это то, что позволяет отличить представителей одной нации от другой. Проявление национального характера можно найти и в языке, и в литературе, и в искусстве, и в философии. Особый интерес вызывает отражение типичных черт национального характера в фольклоре. Именно фольклор наиболее ярко отражает народную мудрость, хранит представление народа о самом себе и через отражение традиций и идеалов позволяет научиться видеть то общее, что объединяет человечество. Не случайно наряду с отражением особенностей национального характера в устном народном творчестве разных этнических сообществ можно обнаружить много общего. Это объясняется тем, что основные ценности представителей всех народов тождественны: отношение к добру и злу, к трудолюбию, к счастью, к дружбе, к любви. Одно из первых мест в системе ценностей различных народов занимает любовь к Родине, семье, крепкой, дружной, нерушимой, одним из непреложных правил как для русских, так и для представителей других наций является уважение к старшим, их почитание, авторитет, и все это находит отражение, например, во многих пословицах и поговорках. Много общего мы видим и в народных сказках: схожие сюжеты, небольшой размер, простой язык, герои/героини очень добрые; обычно есть волшебные существа (Баба-яга/Дэв), сказки имеют счастливый конец. Конечно, есть и различия, но, несмотря на это, сказки учат добру, трудолюбию, терпению и умению ценить советы старших. В современных вузах число студентов-иностранцев растет с каждым годом, и это значит, что в одной аудитории оказываются люди различного религиозного, социального и этнического происхождения. Студенты привносят опыт и ценности, характерные для культуры, в которой они выросли, поэтому изучение других культур и развитие компетенций межкультурного общения могут способствовать не только успешной социальной коммуникации студентов полиэтнического вуза, но и обеспечению мира, стабильности, улучшению отношений между странами.

Пржиленская Ирина Борисовна

Москва

Московский педагогический государственный университет,

Институт социально-гуманитарного образования,

заведующая кафедрой культурологии

Доктор социологических наук, доцент

Креативные навыки обучающихся в современных образовательных практиках

Современный рынок труда предъявляет ряд требований к специалистам, среди которых, по мнению экспертов в сфере занятости, лидируют те, кто в полной мере овладел креативными навыками. В условиях нелинейных социокультурных процессов и внешних вызовов в профессиональной сфере нужны работники, способные мыслить нетривиально и принимать нестандартные решения. Российское образование во многом живет и развивается по инерции, оставаясь в ситуации осмысления данного тренда. Несмотря на зарубежный опыт, в нашей стране задачи формирования креативных компетенций у обучающихся решаются не на системном уровне, а становятся личной инициативой отдельных преподавателей или педагогических коллективов, осознающих свою ответственность за качество подготовки специалистов. Креативный потенциал выпускника образовательной программы включает в себя как личностные качества, так и навыки, которые позволяют создавать новые профессиональные продукты. Результаты исследования, посвященные стратегиям адаптации обучающихся вузов Москвы и Санкт-Петербурга в период самоизоляции и перехода на дистанционное обучение в связи с пандемией весной и осенью 2020 г., показали отсутствие активности в сфере приобретения дополнительных профессиональных навыков, расширения социальных связей, новых квалификаций и пр. Несмотря на высвобождение времени, практически все респонденты не были ориентированы на саморазвитие, карьерный рост, приобретение транспрофессиональных компетенций, создание собственного бизнеса и пр. Важно, что все опрашиваемые отмечали значимость креативных навыков преподавателей и наставников при работе онлайн. Приведем некоторые из них: «...Весной 2020 года... новый формат работы был необычным и смог заинтересовать. В этом была... заслуга преподавателей, которые смогли увлечь предметом даже в условиях “дистанта” и организовать интересные проекты»; «...На мой взгляд, качество восприятия информации — во многом заслуга и результат грамотного подхода к изменившемуся формату обучения преподавателей. С другой стороны, на это влияет усердие и желание самого студента, его готовность воспринимать информацию». Опыт реализации учебного процесса в дистанционном формате выявил востребованность новых, интересных, креативных по своей направленности заданий и форм коммуникации между преподавателями и обучающимися. Речь идет о создании особой образовательной среды, которая, с одной стороны, помогает оптимизировать учебный процесс, а с другой — формировать у обучающихся навыки креативной деятельности как на уровне создания ими нового

творческого продукта, так и на уровне развития у них профессиональной и креативной культуры. В этих условиях актуальность приобретает проблема методов, форм и инструментов развития у обучающихся на образовательных программах всех направлений подготовки креативных компетенций, необходимых для выстраивания индивидуальных профессиональных и жизненных стратегий в условиях нелинейной социокультурной динамики.

Руколеева Римма Тимергазиевна

*Екатеринбург
Уральский государственный горный университет,
доцент кафедры философии и культурологии
Кандидат филологических наук, доцент*

Воспитание музыки: культурологическое измерение

В разные эпохи представления о красоте и гармонии воплощаются в художественных, музыкальных и литературных произведениях. Искусство полагается одним из важнейших видов человеческой деятельности и главным проявлением культуры. В древних цивилизациях зародилась идея воспитания личности силой искусства. Ведущая роль была отведена музыке. По мнению китайского мыслителя Конфуция, музыка способствует совершенствованию личности. Музыкальное просвещение долгое время считалось в Китае делом государственной важности. Культура Древней Греции определяется во многом через учение о музыкальном этосе. Уже в школе Пифагора возник термин «калокагатия» — греческий идеал человека, в котором гармонично сочетаются физическое и духовное, этическое и эстетическое. Пифагорейцы обнаружили связь между музыкой и состоянием души человека. Одни мелодии использовались ими как средство против тоски и внутренних терзаний, другие — для успокоения или, наоборот, поднятия духа. Подобные открытия оказали влияние и на Платона. Вслед за пифагорейцами он наделял важные категории гармонии (роды мелоса, лады), музыкальные тембры и ритмы особыми этическими характеристиками. Аристотель также отмечал, что обычными предметами обучения являются грамматика, гимнастика и музыка. И если гимнастика способствует развитию мужества, то природа музыки позволяет и направлять деятельность, и прекрасно проводить досуг. Но главная ценность музыки заключается в том, что она оказывает воздействие на нравственный склад человека и способствует возвращению внутренней добродетели. Потому-то выбор подходящей для воспитания личности музыки должен определяться на уровне государства. В современном мире музыка не утратила своей этической и антропосоциальной роли. Она по-прежнему призвана служить воспитанию гармоничной личности. Однако процесс восприятия и постижения музыкальных произведений имеет свои особенности. Экспансия массовой музыкальной культуры с ее упрощенными мелодиями и текстами приводит к тому, что классическая музыка кажется многим невероятно сложной и ненужной. Но только подлинные образцы искусства, несущие в себе глубокие культурологические смыслы, способствуют развитию духовно-нравственных качеств. Музыкальное просвещение сегодня необходимо для формирования определенных мировоззренческих позиций человека в эпоху научно-технического прогресса, когда на сознание большинства оказывают влияние телевидение и Интернет. В этом ключе представляется важным переосмысление философских идей древних мыслителей о воспитательном значении музыкального искусства.

Ташлыкова Наталья Юрьевна

*Москва
Российский государственный университет имени А. Н. Косыгина
(Технологии. Дизайн. Искусство), доцент кафедры философии
Кандидат философских наук, доцент*

Роль английского языка в образовании

Использование в настоящее время английского языка в качестве языка-посредника в науке и образовании дает большие преимущества англоговорящим народам. В истории человечества никогда не было всемирного языка, но были языки для общих культурных ареалов: греческий, латинский, санскрит, взъязы, церковнославянский. Сегодня существует классический арабский как язык Корана и мусульман. Разговорные арабские языки сильно отличаются от него. В XVIII в. развитие европейской культуры пошло в направлении национальных языков. Французская монархия смогла поддержать свой национальный язык настолько, что латынь уступила место французскому. Сравнительное языковедение отвергает положение, что какой-то язык по своему строю лучше другого. Но вопрос в том, какие функции выполняет язык? Ясно, что языки не равны, поскольку выполняют разные функции. Так, на территории России полный набор функций имеет только русский язык. Есть редкий пример, когда таких языков несколько, как в Швейцарии. До 1991 г. русский язык претендовал на роль международного. После распада Советского Союза в каждой из бывших советских республик встал вопрос о статусе русского языка. Английский язык стал претендовать на роль языка международного общения после Второй мировой войны, что было обусловлено ролью США в мировой экономике и политике. Английский язык занял лидирующие позиции в информационных технологиях и в области финансов. Стал необходим для всех, кто использует компьютерные программы, Интернет и банковские продукты.

Фактически перестал быть иностранным языком. Сегодня становится очевидным, что без владения английским языком невозможно получить современный уровень знаний. Такая роль английского в технологиях диктует изменения в области образования. Необходимо широкое общероссийское обсуждение проблемы овладения английским языком на уровне В2 всего работоспособного населения для повышения конкурентной способности на рынке труда во всех сферах экономики. С другой стороны, прошедшие в России крупные мировые спортивные соревнования показали, что многие приехавшие болельщики не владеют английским языком. Он не стал языком международного общения. Ясно, что необходимо поддерживать использование русского языка как языка мировой общечеловеческой культуры.

Текутьева Юлия Эдуардовна

Симферополь

Крымский инженерно-педагогический университет имени

Февзи Якубова, ассистент кафедры изобразительного искусства

Тенденции в современных методах обучения создания художественных произведений

Способы и методы создания произведений искусства влияют на конечный образ создаваемого объекта, на результат творчества творца. Современное образование художественных специальностей нуждается в способах определения направления развития искусства, которое ему диктуют новые современные методы, а также технологии. Наиболее эффективно и своевременно внедрять подобные технологии в методы обучения. Говоря о методах создания художественных произведений для творческих направлений, важно отметить, что перед преподавателем должна ставиться задача обеспечить обучающимся донесение знаний в наиболее простой и понятной манере. Такими требованиями обладают информационные технологии, и в частности CGI. Тенденция на применение новых методов в обучении отличных от изобразительного искусства специальностей набирает все больший оборот. Преподаванию в области искусств следует нацелиться на внедрение информационных технологий для обучения. Стоит использовать технологии с применением компьютерной графики для улучшенной демонстрации произведений искусства и для создания новых мест демонстрации искусства. Например, как дополненная реальность поверх реального мира проецируются оцифрованные или полностью цифровые объекты искусства, а также полностью смоделированное компьютером пространство, примером которого могут служить программы для 3D-моделирования, такие как Blender, 3D Max, Maya и др. О влиянии CGI-технологий на современное преподавание можно сказать следующее: как и все информационные технологии, эти способствуют снижению производственных трудозатрат на создание обучающего материала любого толка, позволяя достигать большей гибкости в преподавании, предоставляя возможность обучающимся с большей легкостью осваивать методы создания произведений искусства. Упомянув минусы, стоит, однако, сказать, что за счет своего низкого «порога вхождения» CGI-технологии вытесняют классические методики создания изобразительного искусства и обесценивают последнее. Следует обучать студентов профильных специальностей также и способам презентации себя как творца в информационном пространстве сети Интернет. Платформами для создания виртуальных портфолио служат личные страницы социальных сетей, а также сайты, такие как ArtStation и Pinterest. Применение подобного комплекса методов позволит выпускать специалистов не только готовых к вызовам современного искусства, но и способных продемонстрировать свои навыки и результаты на рынке труда профильных специальностей.

Фельдт Ирина Николаевна

Архангельск

Северный (Арктический) федеральный университет

имени М. В. Ломоносова,

доцент кафедры культурологии и религиоведения

Кандидат исторических наук, доцент

Формирование образа культурного наследия Арктики как основы складывания «арктической идентичности» у студентов Архангельска

Вхождение, согласно Указу Президента РФ, части Архангельской области в арктическую зону определило рост интереса к историко-культурному наследию Арктики не только в политической, экономической, научной, но и в образовательной среде. Для Архангельска арктический вектор не является новым направлением: один из исторических образов нашего города — это «ворота в Арктику». Но для того, чтобы на современном этапе Арктика придавала мощный импульс развитию региона, необходимо сформировать устойчивый позитивный арктический образ, прежде всего, у молодых людей, которым предстоит осваивать российскую Арктику. Образы лежат в основе наших знаний, мировоззрения, определяют характер отношения к тем или иным предметам, явлениям, людям. Процесс формирования образов очень сложен и происходит на протяжении всей жизни человека. Но особенно важным периодом этого

процесса является молодой возраст. В региональной политике преобладает образ Арктики в политико-экономическом контексте, часто он связан с развитием естественно-научной составляющей. Но, на наш взгляд, требуется культурологическое осмысление арктического образа, в основе которого лежит знание и понимание специфики арктического культурного наследия. Применительно к культурному ландшафту Арктики дополнительной сложностью является то, что для большинства людей это пространство воспринимается как тяжелое, некомфортное, где природа не просто противостоит человеку, а торжествует над ним. В этих условиях формирование образа культурного наследия Арктики дает возможность студенческой молодежи приобрести ментальную связь с культурным ландшафтом Арктики, ощутить это пространство как знакомое, близкое, перспективное для себя. Это является основой процесса формирования территориальной идентичности, в данном случае — «арктической идентичности». Северный (Арктический) федеральный университет названием подчеркнул четкие ориентиры своей политики и прилагает все усилия, чтобы тема Арктики стала близка всем жителям региона, но прежде всего студенчеству. В рамках культурологического осмысления наследия Арктики можно назвать активное взаимодействие с Национальным парком «Русская Арктика», разработку курса «Арктиковедение», включение в научные программы «Главучего университета» в том числе и культурологической тематики, проведение Международного кинофестиваля стран Арктики ARCTIC OPEN («Арктик опен»), создание кафедры ЮНЕСКО «Технологии сохранения историко-культурного наследия стран Арктического региона» и многое другое. Таким образом, сегодня формирование у студентов образа уникального культурного наследия Арктики становится источником складывания у молодых людей «арктической идентичности». А это, в свою очередь, позволяет сделать Арктические территории привлекательными в студенческой среде.

Щеброва Светлана Яковлевна

*Санкт-Петербург
Российский государственный педагогический университет
имени А. И. Герцена, Институт философии человека,
лаборант учебной лаборатории кафедры теории и истории культуры
Кандидат культурологии*

«Школа», «Училка» и караван верблюдов: куда идет российское образование?

Фраза «Искусство лучше предсказывает будущее, чем научное исследование» общеизвестна. Советское кинематографическое искусство часто обращалось к разговору о советской школе. Качество образования во второй половине XX в. не вызывало сомнения, подтверждаясь лидерством СССР в космической отрасли. Признав это, США проделали огромную «работу над ошибками», затратив 60 лет на достижение мирового первенства в эффективности национальной системы образования. За это же время Россия не просто уступила свои позиции в образовании, но и разучилась конструктивно воспринимать какие-либо критические высказывания по этому поводу. Телевизионный сериал «Школа» (2010, реж. В. Гай Германика, Р. Маликов, Н. Мещанинова) вызвал негативные отзывы политиков, религиозных деятелей и резкое неприятие со стороны учительского сообщества. Вышедший пять лет спустя фильм «Училка» (2015, реж. А. Петрухин) показал дальнейшее ухудшение ситуации с образованием. Примерно в это же время в школах России зазвучали выстрелы, а на телевидении появились сюжеты, как ученики избивают учителей или своих товарищей, издеваются над ними, а потом выкладывают видео в Сеть. Если во второй половине XX в. выпускники вузов массово становились учителями, то современные студенты воспринимают школу как «зверинец» и высказывают критику в адрес всей системы российского образования. Подтверждением мрачной образовательной картины является последовательное перемещение России в рейтинге стран мира по индексу уровня образования: с 3-го места в 1991 г. на 33-е место в 2020 г. Из 198 мест рейтинга лучших университетов мира за 2020 г. только один вуз России — МГУ имени М. В. Ломоносова — сумел занять 189-е место. К неутешительным выводам о невысоком уровне доверия к управленческим решениям в сфере высшей школы и о кризисе государственного школьного образования пришли в 2019 г. авторы монографии «Социология высшего образования». На конкретные проблемы школьного образования указала Е. М. Плюснина в сборнике научно-методических трудов «Концепция начальной грамотности XXI века». Устаревшие методы обучения, несбалансированные учебные планы, информационные перегрузки ведут к росту числа «труднообучаемых» школьников, а затем и студентов. Согласно данным Г. Е. Зборовского и П. А. Амбарово, у студентов отсутствуют необходимые компетенции по овладению научно-образовательным знанием, они не обладают навыками и умениями писать, анализировать, заниматься научными исследованиями, т. е. необходимой культурой образования и знания. О пагубности бесконечных тестов, о необходимости занятий искусством, о важности философии, культурологии, истории и других гуманитарных дисциплин говорится на многочисленных научных конференциях. Разработаны психологическая и культурологическая экспертизы образовательной среды, необходимые для любой педагогической системы. Однако от теоретических разработок до внедрения их в образовательную практику дистанция огромного размера, которая продолжает увеличиваться, но даже кинематограф это уже вряд ли волнует.

Культурная география: проблемы выявления, сохранения, интерпретации и использования культурных ландшафтов

Модераторы Ю. С. Путрик, В. Н. Бадмаев

Горелова Юлия Робертовна

Омск

Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва,

ученый секретарь

Кандидат исторических наук, доцент

Ландшафтная составляющая художественных образов пространства

Результатом взаимодействия человека с пространством является рождение пространственных образов. Образ города, с одной стороны, определяется особенностями архитектурной и ландшафтной составляющих места, с другой — зависит от ментальной компоненты. Художественные образы пространств, с одной стороны, отражают визуальную картинку реальности, с другой стороны, каждый художник, взаимодействуя с действительностью города, пропускает ее через некий ментальный фильтр своего восприятия. Природа и город могут сочетаться гармонично, конкурировать либо подавлять друг друга. При типе «город вписан в ландшафт» гармония природной и урбанизированной составляющей строится на принципе учета особенностей естественного природного ландшафта, его приоритете. Среди пейзажей, характеризующих доминирование природной составляющей, значительное место занимают речные пейзажи Оми и Иртыша. Во многом это обусловлено тем, что река, как часть природного контекста, наиболее непокорна человеку, ее нельзя игнорировать, менять характер ее расположения в пространстве. Само наличие реки предполагает рождение выгодных ракурсов изображения. Характеристика Омска как города на реке является одной из ключевых метафор его образного каркаса. Речные пейзажи позволяют художнику отобразить широту равнинного пейзажа, отобразить простор и ширь не только самой речной стихии, но и неба, обеспечивая доминирование естественного пейзажа над рукотворным. Изображение неба в городских пейзажах также во многом определяет степень урбанизированности ландшафта. Уместно рассмотреть два крайних варианта отображения неба: «мало неба» и «много неба». Картины первого типа («мало неба») эмоционально задают ощущение плотности городского пространства, отсутствия простора и пространства для жизни, ощущение сдавленности и угнетенности. Картины, в которых небо занимает большую часть картины, напротив, наполнены воздухом, создают ощущение простора. Другой тип взаимоотношений природы и ландшафта основан на приоритете архитектурной составляющей. Часто это изображение центральных улиц. Пространство центра пресыщено разнообразными объектами и процессами. Природа здесь робко напоминает о себе в виде подстриженных деревьев, кустарников и газонов, ярких цветочных клумб, в виде фонтанов и др. Гармония достигается приоритетом рукотворного начала. Подчиняясь воле человека, природа часто четко локализуется границами парков, скверов и бульваров. Тема подчиненности и угнетенности природной компоненты в городской среде не столь популярна у омских художников, для которых наиболее характерной является тенденция поэтизации ландшафта. Однако некоторые художники, такие как Г. П. Кичигин, все же отражают данную позицию в своем творчестве.

Жигальцова Татьяна Валентиновна

Архангельск

Северный (Арктический) федеральный университет

имени М. В. Ломоносова, доцент

Кандидат философских наук

Картографирование эмоций: направления и подходы

В докладе рассмотрены современные направления изучения проявления эмоций в городском пространстве. Эмоциональное картографирование представлено как основной метод визуализации эмоций (психогеографическое картографирование, биомеплинг). Более подробно анализируются примеры интерактивных эмоциональных карт Сиднея, Санкт-Петербурга, созданных при помощи различных компьютерных программ. Автор репрезентирует собственный опыт разработки и создания подобных карт пограничных арктических городов Никель (Россия), Хапаранда (Швеция), Торнио (Финляндия), размещенных на сайте <http://emogeography.com>. Карты демонстрируют эмоциональные места позитивных, негативных и смешанных эмоций, а также эмоциональную активность респондентов при помощи вращающихся диаграмм. Например, среди детей и подростков чаще всего упоминался «мой дом»: 37 раз в Хапаранде и 32 раза в Торнио. Кроме этого, карты позволяют проследить возрастные тенденции и определить места, требующие пристального внимания со стороны местных общественных инициатив и власти. В оформлении карт были использованы рисунки школьников и фотографии эмоциональных мест, созданные шведским фотографом

Кеннетом Микко. Карты Хапаранды и Торнио стали частью проекта на стыке науки и искусства, в результате которого были организованы две фотовыставки «Наш город», профинансированные местными администрациями данных городов. Результаты исследования эмоционального пространства пограничных арктических городов показали, что оно гораздо шире физических границ и может простираться до 30–40 км. За их пределами. Эмоциональные карты коренных жителей более насыщены, чем карты мигрантов, ограниченные самым центром города и окраинами (пляж, лес). Работа по созданию подобных карт способствует профилактическим мерам, направленным на поддержание эмоционального здоровья жителей, что крайне актуально для арктических территорий, где на людей влияют тяжелые климатические условия, короткий световой день и другие факторы, поскольку отрицательные эмоции по отношению к местам проживания способствуют потере чувства безопасности и вынужденной миграции населения.

Копанева Мария Робертовна

Ижевск

Ижевский механический завод, главный дизайнер

Деятельность культурного центра El Fogón de los Arrieros / «Эль-Фогон-де-лос-Аррьерос» («Очаг погонщиков»)

**в период с 1940-х по 1960-е годы как фактор изменения культурного пейзажа
Ресистенсии. Влияние наследия Фогона на современный облик города**

Культурный ландшафт трактуется как пространство цельное и структурированное одновременно, в котором есть единство природных и культурных компонентов, появившихся в результате направленной эстетической (дизайнерской) деятельности человека/группы людей, основанной на этических, сакральных и символических принципах. В этом случае культурный ландшафт становится хранилищем «общей памяти», формирует личную и этнокультурную идентичность. Исследование концепции культурного центра «Эль-Фогон-де-лос-Аррьерос», его деятельности и результатов проводится в России впервые. В Аргентине исследования этого культурного центра проходят с конца 1980-х гг. Л. С. Клаппенбах, А. Рейеро, М. Джордано, Э. Кантеро, Г. Аркерос. Анализ концепции «Эль-Фогон-де-лос-Аррьерос» осуществлен по следующим аспектам. Историко-культурный — исторический контекст возникновения «Эль-Фогон-де-лос-Аррьерос», его участие в диалоге общенациональной культуры и культуры коренных народов. Культурный центр как эталон в культурной истории провинции Чако. Архитектурный — с 1940-х гг. культурный центр создавал современную среду для развития культурных практик в городе и регионе, реализовывал «План благоустройства» города. В архитектуре здания второй и окончательной штаб-квартиры культурного центра осуществлена беспрецедентно современная идея использования ее принципов для раскрытия огненной символики «fogon» — топка/очаг — в локальной идентичности культурного центра. Третий аспект — творчество мастеров, имеющих аргентинскую и международную известность, живших или временно находившихся в Фогоне художников и скульпторов: Хуан де Диос Мена, Карлос Скеноне и русско-аргентинский мастер С. Эрзя, монументалисты Р. Монсегюр, Р. Браузау, писатели Х. Борхес, О. Кирога, А. Кристалдо и Эрнесто Э. Селайя. Успешность синтеза архитектуры и скульптуры в пространстве городской среды — результат совместных усилий архитекторов Ресистенсии и Буэнос-Айреса. Необходимо отметить уникальность и значимость постоянно действующей экспозиции «Эль-Фогон-де-лос-Аррьерос» для культурного диалога иностранцев и аргентинцев. Уникальность стихийно возникшей культурной институции, успешность ее деятельности с начала 1940-х гг. привели к закреплению ее статуса в общественном сознании. Фогон, как институция, усилил процесс самоидентификации локальной и региональной культуры. Доминантное значение этой институции, синтезирующей и сегодня ценности художественной культуры, проявлено в региональном измерении и международных контактах. Практический результат — изменение облика города. Сегодня Ресистенсия — это «Город скульптур», имеющий статус национального достояния. Значимость многогранной деятельности Фогон проявлена в сферах искусства, социума и политики. Подготовлено при поддержке гранта РФФИ: 20-012-00428 «Искусство Степана Эрзя в диалоге культур Аргентины и России XX–XXI века».

Полюдова Елена Николаевна

Монтерей, США

Военный институт иностранных языков, преподаватель

Кандидат педагогических наук, доцент

Аксиологические основы использования культурного ландшафта в дистанционной педагогической деятельности региональных музеев России и США

Условия карантина форсировали изменение методов работы музеев во всем мире. Дистанционная деятельность потребовала изменения концептуальной парадигмы в педагогических подходах музеев. По сравнению с музеями мирового масштаба, располагающими обширными коллекциями и источниками финансирования, региональные музеи оказались в наиболее сложной ситуации отсутствия посетителей и источника доходов. Исследование обозна-

чает проблемы, с которыми столкнулись музеи малого масштаба, с их незначительными коллекциями и отсутствием обширных источников финансирования. Деятельность таких музеев полностью зависит от уровня вовлеченности посетителей данного региона в работу музея, от популярности и востребованности его педагогических и социальных программ. На основе анализа работы таких музеев и интервью, проведенных с работниками образовательных отделов региональных музеев, рассматриваются теоретико-методологические подходы, которые были использованы музеями России и США. Одним из наиболее эффективных методов дистанционной педагогической деятельности в сложившейся ситуации является организация социальных программ с использованием ресурсов культурного ландшафта, которые трансформируют культурный ландшафт в персонализированное социокультурное пространство. В исследовании приведены примеры таких программ как новой формы личностного освоения культурного ландшафта как в России, так и в США. Программы организуют освоение культурного ландшафта на основе принципа формирования личностного интереса к окружающему пространству. Они организованы в соответствии и с принципами соблюдения социальной дистанции и с принципами возрастной и социальной педагогики. При этом социокультурная составляющая таких программ становится основополагающим принципом, который объединяет виртуальное музейное пространство, культурный ландшафт местности, образовательную деятельность и малую социальную группу. Разработанные программы показывают, что такой подход является эффективным переходом от осознания масштабов малой родины к культурно-историческому наследию страны. Исследование проводит параллели формирования ценностного взгляда на культурный ландшафт в двух странах, сравнивая основы и формы организации педагогических программ региональных музеев. Аксиологические принципы, возникшие и реализованные как реакция на нестандартную ситуацию дистанционной деятельности, могут быть использованы в традиционной работе музеев.

Полякова Ирина Алексеевна

*Калининград
Калининградский областной музей янтаря, главный научный сотрудник
Кандидат философских наук, доцент*

Янтарный путь: понятие, символ, метафора

Александр фон Гумбольдт (1769–1859), немецкий географ, натуралист и путешественник, одним из основных факторов, повлиявших на историю миропонимания, назвал торговлю янтарем в Средиземноморье. В 1874 г. по инициативе итальянского геолога Джованни Капеллини (1833–1922) тема активно обсуждалась на VII Международном конгрессе по антропологии и доисторической археологии в Стокгольме, но особую актуальность она обрела после доклада археолога Хосе Марии де Наварро (1896–1979), озаглавленного «Доисторические маршруты между Северной Европой и Италией, очерченные янтарной торговлей». Доклад был зачитан 9 февраля 1925 г. на собрании Королевского географического общества и в том же году опубликован в «Географическом журнале». Работа получила широкий отклик среди археологов, историков, исследователей культуры, а термин «янтарный путь» прочно вошел в обиход гуманитарного знания. Согласно Наварро, янтарный путь в самом общем смысле — это один из видов торговых маршрутов, которыми в доисторические времена определялась экономическая и культурная жизнь большинства народов, а также структурировался ландшафт территорий, по которым эти маршруты проходили. Именно янтарь в качестве природной и культурной доминанты на протяжении столетий определяет ландшафт морского побережья Калининградской области, значимые объекты которого исторически связаны не только с торговлей этим ценным сырьем, но и с его добычей, художественной обработкой и символической интерпретацией в мифах, фольклоре и литературе. Учитывая современную тенденцию к сужению значения термина (понимание янтарного пути лишь как исторического торгового маршрута от Северной Европы к Южной, по которому поставляли янтарь в Средиземноморье), в докладе особое внимание уделено его культурно-историческому контексту. Предполагается рассмотреть янтарные маршруты как маркеры ландшафта, а также проанализировать процесс символизации янтаря, результаты которого закрепились в топонимике, мифах, легендах, исторических хрониках и искусстве.

Путрик Юрий Степанович

*Москва
Российский научно-исследовательский институт культурного
и природного наследия имени Д. С. Лихачёва,
руководитель Центра социокультурных и туристских программ
Доктор исторических наук, кандидат географических наук, доцент*

Геокультурная матрица как инструмент реализации государственной политики в сфере сохранения, изучения и использования объектов культурного и природного наследия

Эффективная реализация государственной политики в области выявления, сохранения, охраны, изучения, популяризации и использования объектов культурного и природного наследия как материальных носителей исторической

памяти народа требует применения новых методов и подходов, актуальность которых определяется новыми вызовами глобализующегося мира и геополитических реалий, детерминирующих усиление процесса системного противостояния региональных цивилизаций глобальной экспансии, направленной на размывание культурных цивилизационных ценностей России, материальной основой которых являются объекты культурного и природного наследия. К объектам культурного наследия относятся, прежде всего, памятники истории, архитектуры, искусства, археологии, ансамбли, достопримечательные места, исторические города, музеи, музеи-заповедники и музеи-усадьбы и другие историко-культурные объекты, а к объектам природного наследия: национальные парки, природные парки, памятники природы, заповедники, заказники, т. е. особо охраняемые природные территории (ООПТ). Отдельное место в этом ряду занимают культурные ландшафты как комплексные объекты наследия, и поэтому объекты культуры и природы, с учетом сложившейся мировой практики, все чаще рассматриваются в едином методическом и правовом поле. С изменением внешних и внутренних условий действующая система механизмов государственного регулирования в области охраны культурного и природного наследия становится все менее эффективной. Системный подход позволяет рассматривать совокупность объектов культурного и природного наследия с особенностями их распространения в сетке административного деления территории Российской Федерации как самостоятельную систему с присущими ей внутренними и внешними взаимосвязями и позиционировать эту систему как геокультурную матрицу российской цивилизации, которая все в большей степени может функционировать на основе принципов саморазвития и саморегулирования. Многомерная геокультурная матрица Российской Федерации может стать эффективным инструментарием, благодаря которому могут быть реализованы новые возможности повышения эффективности управления сохранением и использованием объектов культурного наследия. Под геокультурной матрицей следует понимать сетевую совокупность объектов культурного и природного наследия в едином эквивалентном измерении как систему материальных носителей коллективной исторической памяти, являющейся, во взаимодействии с государственными и общественными гуманитарными институтами, неотъемлемым компонентом информационно-коммуникационного пространства и социокультурной среды современного российского общества в процессе обеспечения поддержания и устойчивой актуализации российской цивилизационной идентичности в меняющихся геополитических и геоэкологических условиях.

Реснянский Сергей Иванович

Москва

Российский университет дружбы народов,

профессор кафедры истории России

Доктор исторических наук, профессор

Сакральная география: исихазм в русском религиозном ренессансе второй половины XIV века

Говоря о культурах разных народов мира, мы можем сказать о них как о художественных картинах мира. Соответственно мы можем говорить об образах мироздания григорианского хораля и баховской мессы, опере Глинки и симфонии Чайковского, буддийского, древнерусского или авангардного искусства. В основе этих образов мира лежат определенные духовные ценности, традиции, ментальные устремления народов. Русская культура, в отличие от культуры западноевропейской, теоцентрична. Поиск духовно-нравственного совершенства и формирование на этой основе образа русского мира в народном менталитете были главными мотивами русской культуры на протяжении всей российской истории от митрополита Иллариона, Епифания Премудрого и Андрея Рублёва до Иоанна Кронштадского, оптинских старцев, Пушкина, Гоголя, Достоевского, Толстого. Образы русской духовной культуры (Ильи Муромца, Евпатия Коловрата, Ермака и др.) — это образы, которые генерируют русские качества души. Этим и сильна была Российская держава. Данная проблема чрезвычайно актуальна и практически значима в современной России, где мы наблюдаем глубокий кризис ценностно-смыслового ядра культуры. Что мы видим сегодня? Идет настоящая война в историко-культурном пространстве России с попыткой захвата территории противника. Война образов, духовных смыслов, различной семантики, интенсив утилитарного начала и соответствующая ему модель поведения. Чтобы понять чрезвычайную актуальность этого процесса, необходимо вспомнить родную историю. Особенно важен был в российской истории век XIV, век паламитских споров, век Сергия Радонежского, митрополитов Алексея, Киприана и многих других исихастских русских праведников, служение которых привело к русскому религиозному Возрождению, золотому веку русского православия. Еще раз хочу повторить, век этот был связан с влиянием византийской исихастской традиции Григория Паламы, социальным служением Сергия Радонежского и его многочисленных учеников, Куликовской битвой. Совсем не случайно уже при жизни Сергия Радонежского его называли «игуменом Земли Русской». С его именем связано, прежде всего, почитание на Руси Троичного культа, культа Живоначальной Троицы, праздника которого в Византии не знали. Тринитарная онтология, которая была впервые явлена преподобным Сергием, несла в противоречивый энтропийный мир сквозь его тяготы и скорби уверенность и твердость, добро и красоту, любовь и веру — извечные скрепы русской души. Сергей также первым на Руси стал проводить монастырскую реформу, создавая общежительные монастыри — киновии, эти центры духовной

силы, с сильной социальной составляющей, открытые для социальной миссии церкви в социуме с православными идеалами правды и справедливости, соборности и миролюбия. Монастыри тем самым становились местом общения, обучения, совместного проживания, совместного ведения хозяйства. Такая практика по зримому воплощению русской соборности в общественную жизнь не могла не быть привлекательной для русского общества, духовно-нравственно консолидируя русский этнос. Тем самым преподобный Сергий и его многочисленные ученики явились творцами того незримого фундамента, на котором воздвиглась Святая Русь, Московское Царство с его духовным идеалом «Третьего Рима». Ученики Сергия, создавая подобные монастыри, эти духовные центры силы — киновии — по всей Руси, тем самым способствовали духовному сплочению русского этноса в единый русский народ. Попытаться осмыслить эту сакральную географию, цепочку таких монастырских киновий, как, например, Кирилло-Белозерский, Ферапонтов и другие монастыри, — значит понять тот особый тип русской святости, который энергетически до сегодняшнего дня является ядром русской духовной культуры.

Савельева Елена Николаевна

*Томск
Институт искусств и культуры, Национальный исследовательский
Томский государственный университет, заведующая кафедрой
культурологии, теории и истории культуры
Кандидат философских наук, доцент*

Ревитализация марксизма в социокультурном ландшафте современной России

Среди разнообразия аспектов, раскрывающих природу глобальных проблем современного общества, все больше внимания привлекают трансформации социально-экономического характера нынешней эпохи позднего капитализма. В этом случае приходится иметь дело с такими системными параметрами общественно-экономического устройства, как способ производства, производственные силы и т. п. В рамках марксистской теории была предложена концептуализация систем общественного воспроизводства и разработан соответствующий категориальный аппарат. Ряд исследователей считают, что основные положения Маркса можно использовать в качестве методолого-теоретической основы для анализа «анатомии капитализма эпохи информационной революции» (А. Бугалин). Мы, в свою очередь, симптомы изменений производственно-экономических отношений позднего капитализма намерены продемонстрировать на примере развивающейся культуры просьюмеризма. Ее формирование связано с культурой консьюмеризма и процессами цифровизации, стимулирующей распространение DIY-культуры. Сферой нашего интереса является проблема формирования новой производственной парадигмы просьюмеризма. Цель исследования — выявить особенности трудовой деятельности субъекта-просьюмера, обуславливающие его новый статус, новые принципы взаимоотношений с властными структурами, а также риски подобной деятельности. Социально-философские и социокультурные исследования поставили под сомнение традиционное разделение между производителями и потребителями. В социально-экономической теории производства К. Маркса (как и в теории потребления Бодрийяра) эти сферы разводятся. Но подобная бинарность исчезает в просьюмеризме. Ряд исследователей полагают, что под влиянием информационных и коммуникационных технологий формируется новая производственная парадигма, изменяющая онтологический статус субъекта просьюмерской деятельности (D. Dusi, G. Ritzer, N. Jurgenson). В поддержку данного тезиса мы выявили ряд отличительных особенностей производственной парадигмы DIY-практик (добровольность труда, децентрализация производства, специфика продукта и т. д.). Большое значение новых производственно-экономических отношений заключается в конструировании производительной и потребительской идентичностей. Таков позитивный аспект просьюмерского труда, стимулирующего свободную, творческую активность, принцип соавторства, обеспечивающего сотрудничество граждан и властных структур (вынужденных ориентироваться на запрос общестности и демонстрировать социальную ответственность). Вместе с тем просьюмерский труд включается в систему новых форм эксплуатации посткапитализма. Данные признаки обнаруживаются в области взаимодействия просьюмеров с инфраструктурой, предоставляющей средства производства и выступающей в качестве партнера. Свободный творческий труд в условиях посткапитализма становится ресурсом для новых форм эксплуатации. Анализ разнообразных DIY-практик, функционирующих в цифровом пространстве современной России, подтверждает выдвинутые нами положения. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00237).

Скопинцева Татьяна Юрьевна

*Оренбург
Оренбургский государственный университет, доцент
Кандидат философских наук, доцент*

Русское ноу-хау в постсоветской культуре XXI века

Органика народной традиции и российская культурная политика XXI столетия в современном мире проявляются как сложносочиненное целое. В нем взаимодействуют элементы из глубины традиционного ядра и из институтированной

«скорлупы» бытия, образуя особую структуру бинарного типа. Его части, с одной стороны, имеют центробежные векторы развития; с другой — существование такой формы предполагает постоянную центростремительную направленность своего развития. Центробежность — центростремительность — это разнонаправленность векторов развития российско-традиционного содержания. С одной стороны, это функционирование мощных механизмов культуры, пополняемых внешними, заимствованными элементами. Так сформировалась основа российской культуры имперского, затем советского типа. С другой стороны, это постоянное обращение к глубинным, традиционным элементам, исторически присущим русско-российскому содержанию, укорененному в недрах социокультурной плоти. И внешние и внутренние компоненты этой целостности работают на сохранение и удержание сложности социокультурной системы. Алгоритм такой сложности присутствует и в основе (каркасе, скорлупе) культуры, и в культурном ядре. Внешний контур исторически охранялся на уровне государства, а органика глубинной социокультурной плоти — в недрах повседневности. Ослабление внешнего контура культуры, как правило, активизировало пассионарные, глубинные механизмы, а усиление ядерных структур активизировало работу внешнего контура культуры. Имперский и советский периоды Российского государства — это совершенствование культурных инструментов такого бинара. Особая роль в жизни системы принадлежит традиционным инструментам и механизмам. В культурной истории России традиционные элементы проявлялись в поведенческих структурах и на уровне элиты, и в действиях обывателя. Для тонкой шепотки разрыва между высокими смыслами и низовыми традиционными механизмами в культуре рождались особые инструменты. В советской культуре это русское ноу-хау, клубное учреждение разного типа и формы. Это «мягкая сила», добросовестно служившая укреплению российской культуры. Ее уничтожение — отторжение от государства и коммерциализация — сущностный фактор разрушения российской культуры в целом.

Усов Алексей Александрович

Архангельск
Федеральный исследовательский центр комплексного изучения
Арктики имени академика Н. П. Лаврова УрО РАН,
научный центр традиционной культуры и музейных практик,
младший научный сотрудник

Культурный ландшафт Онежского Поморья как объект арктического культурного наследия

Русский Север — это территория, характеризующаяся сохранением мощных пластов историко-культурного наследия, а также обширными природными ландшафтами, благоприятствовавшими развитию здесь выдающихся образцов деревянного зодчества. В совокупности они образуют целостные природно-архитектурные ансамбли — культурные ландшафты Русского Севера и Арктики. В течение четырех последних лет автор изучал Онежское Поморье — часть Русского Севера, простирающуюся по морскому побережью Онежской губы Белого моря, от р. Онеги до р. Кеми. В Онежское Поморье целиком входит вся прибрежная полоса земли Онежского района Архангельской области. Это пространство располагается в природных зонах северной тайги и тундры, а также субарктическом природном географическом поясе. Онежское Поморье интересно разнообразием представленных здесь поморских сельских исторических поселений, формирующих основу местного культурного ландшафта. В качестве case study данной работы было выбрано одно из наиболее интересных и уникальных поселений — с. Пурнема, Онежский район. Оно располагается на западном побережье Онежского п-ва, в устье одноименной реки, отделенной от Белого моря узкой песчаной косой с сосновым бором — «Кендищем». Композиционным центром села является традиционный для Севера деревянный архитектурный ансамбль («тройник»), состоящий из Никольской (1618) и Рождественской церквей (1861); колокольня (1775) была утрачена в первой половине XX в. Село делится на две большие части: Верховье (Верх), где располагаются культовые постройки, а также основные общественные сооружения, и Низ. Морское побережье находится с южной стороны поселения, благодаря чему местные крестьяне получили возможность совместить практическую и эстетическую стороны архитектуры. Пурнема относится к приморско-приречному под-типу заселения, т. е. основано не только на морском побережье, но и одновременно в устье реки и характеризуется прибрежно-рядовой формой застройки. Особое место в процессе формирования культурного ландшафта Онежского Поморья занимает крестьянский дом. Комплекс дома-двора с. Пурнема является одним из примеров типичного традиционного жилища Онежского Поморья. Его архитектурно-планировочное решение и декоративное убранство отражают преемственность плотницких традиций северных зодчих вплоть до конца XX в. Конструктивные особенности дома, тип крестьянской усадьбы и поселения в целом демонстрируют в предметно-пространственном воплощении особый образ жизни русского человека в суровой лесной зоне и приспособления его к местному климату. В суровых природно-климатических условиях Севера и Арктики крестьянский дом выступает в качестве стабилизирующего фактора адаптации, жилого пространства, обеспечивающего устойчивое существование населения, и представляет собой один из неотъемлемых элементов, формирующих уникальный культурный ландшафт Онежского Поморья.

Астахов Олег Юрьевич

Кемерово

Кемеровский государственный институт культуры, профессор

Доктор культурологии, доцент

Определение личностного содержания культуры в философии Вяч. Иванова

Творчество Вяч. Иванова, теоретика символизма начала XX в., отличается особым универсализмом культурософских идей, выступающим основой понимания как произведений самого автора, так и русского символизма в целом. В связи с этим особое внимание заслуживает проблема толкования философом предельных смыслов культуры, ее метаисторического содержания в отношении к личности. В «Переписке из двух углов» М. О. Гершензон обращается к Вяч. Иванову с критикой современной культуры, в которой происходит утрата ее личностного смысла. Отвечая М. О. Гершензону, Вяч. Иванов определяет культуру как всеобщее и сверх личностное образование, которое не указывает на состояние подавленности человеческого духа, а, скорее, наоборот — это залог вознесения индивидуального к вечной жизни, что порождает стремление личности к своему становлению. В этих высказываниях культура представляется Вяч. Иванову как некое имманентное начало, определяющее подлинную жизнь каждого человека сквозь призму опыта всего человечества. Соответственно, культура есть «культ предков», вечная память, являющаяся основой любого развития. Поэтому Вяч. Иванов не разделяет призыв М. Гершензона к бегству от культурных смыслов, поработающих человека, он рассуждает о подлинной жизни духа. В «Переписке из двух углов» отчетливо проявляется проблема определения онтологического статуса культуры. В категориях платонической философии проблема формулируется Вяч. Ивановым предельно отчетливо: культура располагается между мирами эйдосов и чувственных явлений. Она связывает их, превращая исходное двоемирие с учетом разделенности его частей в сущностное единство, в котором культурная память указывает «здесьнему» бытию на его высший смысл. Культура не есть конечное бытие, она есть стремление к истине, что может быть определено как пайдейя (греч. παιδεία) с ее ориентированностью на процесс развития. Такое промежуточное положение культуры затрудняет установление ее бытийного статуса в завершенных категориях. Постоянство движения должно сопровождаться обращением к первоосновам культуры, и именно эта ситуация определяет положение в ней человека. Вяч. Иванов пытается совместить метафизически ориентированное религиозное сознание и культуроцентристское миропонимание. Личностное содержание культуры определяется не только плоскостью, не только горизонталью, но и высоким «горним» путем. Сойти с круга движения культуры — это значит лишиться себя подлинной жизни. Такое соединение «вертикали» и «горизонтали» сопрягается в рассуждениях Вяч. Иванова с пониманием культурной памяти, способной фундировать бытие в устойчивое образование.

Балина Лариса Федоровна

Тюмень

Тюменский государственный институт культуры, доцент

Кандидат философских наук, доцент

Особенности эмоциональных проявлений у студентов в условиях пандемии: культурологический контекст

Мировое сообщество, страны и народы, населяющие их, столкнулись с распространением нового инфекционного фактора, имеющего пандемический характер. Геополитические, государственные (как внешние, так и внутренние) мероприятия и, в первую очередь, меры принудительной изоляции (самоизоляции) для предупреждения распространения вируса вызвали многочисленные средне- и долгосрочные последствия не только для экономического, но и физического, психического здоровья населения. Что нам известно? В 2020 г. Всемирной организацией здравоохранения была объявлена пандемия коронавирусной инфекции COVID-19. Для сдерживания распространения инфекции в мире и во всех регионах России был введен режим вынужденной социальной изоляции, которая была определена как самоизоляция. В свою очередь, это вызвало поток эмпирических исследований, целью которых является предметное осознание критической ситуации, комплексный анализ особенностей протекания эмоциональных переживаний и чувств в этот период, а в определенных случаях предупреждение деструктивного, разрушительного воздействия на личность. Совершенно очевидно, что, несмотря на разноплановость исследований и в определенной степени получаемых сведений (зависимость от возрастного показателя, менталитета и территориальной идентичности и т. п.), результаты исследований могут иметь практическую значимость в плане совершенствования психологической помощи людям, оказавшимся в критической ситуации, и научного обоснования психокоррекционной

и психотерапевтической работы [Лобза, 2020, с. 167–168]. Спустя год разворачивания пандемии и необходимости приспосабливаться к новым условиям, на протяжении которого продолжался шквал разноразмерных, фрагментарных, хотя и повсеместных исследований (впрочем, в привязке/ссылке на уже полученные данные) психических реакций современного человека, в том числе и студенчества в условиях дистанционного обучения в период пандемии COVID-19, следует сделать вывод о том, что остается не освещенным вопрос взаимодействия социальных, педагогических, психологических факторов с культурологической составляющей и о ее влиянии на стабильность психоэмоциональной сферы студентов. В первую очередь речь идет об ответственности личности к социальному окружению, о значении культурной среды, проявлении типологических реакций личности в конкретной социально-культурной заданности в условиях продолжающейся пандемии коронавирусной инфекции.

Список литературы:

1. Лобза О. В. Эмоциональные переживания и чувства студенческой молодежи России в период пандемии / О. В. Лобза, В. О. Короткова // II Международная конференция по консультативной психологии и психотерапии, посвященная памяти Федора Ефимовича Василюка : сборник материалов. М., 2020. С. 167–169.
2. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalnye-perezhivaniya-i-chuvstva-studencheskoi-molodezhi-rossii-v-period-pandemii>.

Богодухова Екатерина Евгеньевна

Чита

Забайкальский государственный университет

Аспирант

Изменение ментальности личности при смене культурных пространств (на примере России и Китая)

Менталитет личности как источник культурно-исторической динамики формируется и изменяется в зависимости от традиций, социальных структур и среды обитания человека. Он «откликается» на специфику жизни личности, раскрывается в системе взглядов, оценок, норм и умонастроений; основывается на имеющихся в обществе знаниях и верованиях; задается вместе с доминирующими потребностями и архетипами коллективного бессознательно-го. Международные отношения между государствами основываются на симбиозе различных уровней социального и экономического развития. Внутренняя и внешняя политика государства также строится с учетом особенностей страны и населения, которое является движущей силой развития. Народный менталитет диктует специфику общественной и духовной жизни государства, культуру, образцы поведения. При переходе из одного межкультурного пространства в другое личность претерпевает существенные изменения, которые связаны с языковой, культурной и социальной адаптацией. Проблема изменения ментальности на уровне личности является наиболее востребованной, т. к. иерархия ценностей, ценностных ориентаций, смыслообразующих мотивов способна не только определять противостояние и отторжение реформ, но и быть препятствием на пути личностного развития. От успешности адаптации зависят дальнейшие взаимоотношения личности с иностранным социумом, определяется характер этих отношений, изменение внешних условий, среды неизбежно влечет за собой изменения (позитивные, негативные) внутреннего мира личности, личностных образований, т. е. изменение мотивационно-ценностной сферы личности под влиянием социокультурных факторов приводит к трансформации ментальности. Интерес к культуре Китая, который зарождался на протяжении длительного исторического времени, является одной из главных черт российского общества. Китайская нация создала неповторимую культуру, которая формировалась под воздействием непрерывного смешения ханьской культуры с культурами соседних государств. Взаимообмен с русской культурой, несомненно, оказал воздействие на становление межкультурного взаимодействия между Россией и Китаем. Русская и китайская культура представляют собой самостоятельные семиотические пространства.

Василина Дарья Сергеевна

Уфа

Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы,

доцент кафедры культурологии и социально-экономических дисциплин

Кандидат педагогических наук

Сущность и генезис кросс-культурной коммуникации общества

На нашей планете практически не осталось народов (общностей), которые бы вели изолированный образ жизни (исключение — малочисленные туземные племена). Страны активно обмениваются культурным опытом, который может иметь ярко выраженные отличия, своеобразие (например, язык, национальная одежда, нормы общественного поведения, мировоззрение, менталитет, отношение к окружающему миру и человеку). В этой связи кросс-культурная коммуникация — важный компонент жизни человечества. Основы данной науки сформировались в США

в период окончания Второй мировой войны. Стартом послужило общение представителей различных стран с целью решения мировых проблем, связанных с военными действиями. Для этого было создано объединение научных деятелей, основу которого составляли лингвисты, антропологи, специалисты в области коммуникации. С 1946 г. стал функционировать Институт службы за границей, возглавляемый лингвистом Эдвардом Холлом. Он впервые употребил термин «кросс-культурная коммуникация». В европейских странах и в отечественной науке интерес к кросс-культурной коммуникации возник лишь к 70–80-м гг. двадцатого века. Однако данный вопрос рассматривался преимущественно филологами. В настоящее время понятие «кросс-культурная коммуникация» прочно вошло в научный оборот и имеет несколько синонимов. К примеру, ее называют «межкультурной коммуникацией», «межэтнической коммуникацией» или «межкультурной интеракцией». Впрочем, данный термин рассматривается учеными с различных сторон: в качестве общения, с филологической и культурно-антропологической сторон, как лингвокультурологическая категория, как междисциплинарный термин. В современном обществе большое внимание уделяется активному взаимодействию стран, различных народов и, соответственно, их культур. Это не удивительно, поскольку нормальное существование отдельного человека представить в изолированности от других людей невозможно. Кроме того, развитие культуры не может происходить полноценно без понимания и принятия достижений своего и иных народов (их опыта, исторических событий, созданных в прошлом артефактов и т. п.).

Викторова Елена Викторовна

Пенза

Пензенский государственный университет, доцент

Кандидат педагогических наук, доцент

Механизмы порождения смыслов в культуре: импресси́нг

В контексте взаимосвязи культуры, психики и социальных структур рассматривается один из скрытых механизмов влияния социума на индивида – импресси́нг. Импресси́нг трактуется как информационное воздействие, имеющее своим результатом сильное впечатление, определяющее ценностные ориентиры личности. От других видов социокультурных воздействий импресси́нг отличается тем, что, во-первых, возникает при совпадении нескольких факторов: воздействие соответствует наследственно обусловленной восприимчивости индивида; происходит в критические периоды личностного развития (онтогенеза); происходит в ситуации субъективно-эмоциональной уязвимости личности. Во-вторых, последствия импресси́нга очень устойчивы во времени и способны определять не только направление деятельности человека, но и возводить ее в ранг ценности, наделять устойчивым смыслом. При стечении определенных социокультурных факторов смысл деятельности, порожденный импресси́нгом, способен приводить личность к значительным достижениям в избранной ею деятельности. Поле реализации продуктов импресси́нга – социокультурные процессы, протекающие, прежде всего, на уровне «высокой» культуры. Импресси́нг способен влиять на культурные и социальные конструкты, порождая личностные смыслы социально значимой деятельности и выступая, таким образом, связующим звеном между индивидуальным и общественным. Механизм импресси́нга, с одной стороны, демонстрирует и объясняет «слабые» места в трансляции культуротворческой составляющей социального опыта; с другой стороны, он открывает новые исследовательские горизонты. С распространением цифровой культуры функционирование импресси́нга претерпевает изменения. Зависящий по своей природе от стечения нескольких факторов трудноуловимый механизм импресси́нга в условиях цифрового взаимодействия людей еще более уходит в «тень», теряясь, но не ослабевая, а, напротив, усиливаясь в огромном объеме информации, напряженности психических сил. Концепция импресси́нга как социокультурного феномена, представленная в докладе, базируется не только на анализе и синтезе немногочисленных теоретических работ, посвященных импресси́нгу, но на анализе биографического материала и на обобщении первичных данных, полученных в ходе эмпирического исследования с применением количественных и качественных методов (фокус-группы, анкетирования, тестирования, наблюдения).

Власенко Валентина Васильевна

Уфа

Центр детского (юношеского) творчества «Сфера», методист

Кандидат культурологии, доцент

Культурологические парадигмы личности современного учителя

Возрастающее значение искусственного мира и его воздействие на жизненный мир человека сегодня не подлежит сомнению. Сложность современной социокультурной ситуации, стремление преодолеть с наименьшими потерями существующие кризисы и предотвратить новые обуславливают «поворот» к культуре, понимаемой не в смысле культурно-досуговой сферы обслуживания населения, а в смысле базиса человеческого существования и человеческого самоопределения. Но если культура человечества как предмет исследования представлена в огромном

массиве литературы, то культура человека («кирпичика» культуры человечества) в ее содержательно-структурной характеристике до сегодняшнего дня не стала предметом фундаментального теоретического анализа. Подробный анализ причин сложившейся ситуации выходит за рамки настоящего исследования. Отметим только следующий факт, что культура человека как результат «скрещенния» двух суперсверхсложных системных образований: культуры как творения человека и культуры как творения культуры — трудно поддается анализу как системное целое. Поэтому подробно рассматриваются ее отдельные аспекты: эстетическая культура, нравственная культура, экологическая культура, правовая культура, политическая культура, физическая культура, конфликтологическая культура и т. п. Между тем необходимость постановки вопроса о выявлении содержания и структуры культуры человека как целостности обусловлена несколькими факторами. Во-первых, осознанием роли культуры как центрального фактора политики устойчивого развития, условия роста качества жизни и гармонизации общественных отношений; во-вторых, пониманием того, что культурный капитал личности определяет не только благополучие и благосостояние самой этой личности, но и уровень экономического и политического развития ее страны; в-третьих, осмысление того, что качество профессиональной культуры специалиста любой сферы деятельности напрямую зависит от качества его общей культуры. Особую роль культурный капитал приобретает в профессии учителя, у которого особая миссия в культуре: содействовать воспроизводству человека (рождению человека в сократовском понимании). Тем самым выявляется некая корневая общность педагогической и художественной деятельности. И в той и другой речь идет о творении человека в соответствии с тем идеалом человеческой личности, который существует в сознании обоих творцов. Но если деятельность художника — творчество, то деятельность учителя — сотворчество, ибо «материал» его творчества не пассивный природный объект, а Другой человек — субъект, без активного соучастия которого в процессах своего преобразования невозможны никакие личностные изменения. И как Художник (живописец, скульптор, композитор, поэт и т. д.) должен досконально знать свойства и качества того материала, который он преобразовывает, так и Учитель должен познать человека как системное целое в сопряжении биологических, социальных и культурных сторон его существования.

Глазкова Татьяна Вацлавовна

Москва

Издательство «Согласие», генеральный директор

Кандидат культурологии, доцент

Семья и личность: культурные границы и их преодоление в условиях принудительной со-бытийственности (опыт совместной изоляции в период пандемии)

В докладе рассматривается проблема культурных границ между членами семьи и возможности их преодоления в условиях несвободы постоянного пребывания вместе (опыт совместной изоляции в период пандемии). Затрагиваются вопросы культурного декодирования, культурного шока, готовности каждого члена семьи к самоограничению, восприятия межпоколенной трансляции опыта. При этом семья выступает как базовый концепт культуры. Культура как совокупность норм поведения, культура как ценностно-смысловая ориентация предполагает согласие определенной группы общества на сосуществование по определенным правилам, которые основываются на ограничении своеволия. Концепт «семья» в культуре структурно может быть представлен как трехуровневое единство, где первый уровень — это культурная память, которая предполагает участие в жизни семьи всех родственников с обеих сторон, умерших, живущих и еще не родившихся — во взаимоотношениях и в памяти живущих; второй уровень — культурный код, или те базовые ценности, на которые опирается конкретная семья на определенном этапе своего существования; третий — межпоколенная трансляция культурного опыта, содержание которой зависит от отношения к транслируемым ценностям: ретрансляция ценностей, трансформация ценностей; деформация ценностей; отрицание ценностей; замена ценностей. Новая реальность, вызванная пандемией коронавируса в мире, выявила проблему взаимоотношения отдельных личностей, объединившихся в семью или вошедших в нее по рождению. Вызовы, с которыми столкнулась семья в этот период, продемонстрировали, с одной стороны, ее необходимость в культуре (несмотря на многие голоса о кризисе семьи), но, с другой — выявили наличие психологических и культурных проблем в со-бытийственности членов семьи. Чем ответит семья на эти вызовы, станет ясно в ближайшее время. Изменения в семье, которые мы наблюдали до этого периода, были связаны с необязательностью для ее хозяйственно-экономического состояния четкого разделения ролей между ее членами в соответствии с гендерной принадлежностью и культурной традицией и коснулись непосредственно и структуры семьи, и ее качественно-количественного состава, и взаимоотношений внутри семьи, как той, что в социологии и психологии принято называть нуклеарной семьей, так и семьи — рода, дома, общности родственной и свойственной. По всей видимости, для самосохранения в новых условиях семья должна качественно измениться, благодаря качественному изменению каждого ее участника.

Проблема идеального человека в культуре Древнего Ближнего Востока

Важнейшим источником для изучения культуры древнего Ближнего Востока является язык, содержащий самую богатую и наиболее ценную информацию, поскольку язык регистрирует любые изменения во всех сферах человеческой жизни и деятельности; многочисленные факты доказывают, что древневосточный человек считал изначальным, творческим, созидającym именно устное слово — оно играет решающую, миротворческую роль во многих мифах творения. Основным источником для ответа на вопрос, каким хотел видеть себя древневосточный человек, остается представительный жанр древневосточной словесности, именуемый «литературой мудрости». Первоначально «литература мудрости» зародилась в устной форме в родо-племенном мире, она продолжала бытовать в этой среде даже тогда, когда дворец и храм становятся ареной для письменного оформления и обращения этой литературы. Одно из подтверждений тому — притчевая форма многих произведений «литературы мудрости». «Литература мудрости» обращена к широкому кругу людей; на первый план в ней выдвигаются проблемы человеческой жизни, проблемы отдельных граждан, их повседневные взаимоотношения друг с другом, их раздумья о настоящем и будущем, о справедливости или несправедливости их личной участи. Это были проблемы, постоянно занимавшие и волновавшие древневосточного человека. Исследования указывают на преобладающую «посюстороннюю» ориентацию древневосточного человека, на основополагающее для него признание жизни высшей положительной ценностью. Необходимым дополнением к долголетию и здоровью являлись материальное благополучие и достаток, занимающие очень высокое место в иерархии позитивных ценностей древневосточного человека. Поэтому во всех древнеегипетских жизнеописаниях в перечне личных достоинств значительное место всегда отводится подробному перечислению материальных благ, совершенно не отделяемых от их владельца, составляющих непременный компонент хорошей жизни хорошего человека. В древнеегипетской, шумеро-вавилонской, ветхозаветной и других системах моральных ценностей и норм трудолюбие предстает одной из высших ценностей. Труд, преимущественно как занятие животноводством и земледелием, признается высшей моральной ценностью и нормой также в зороастризме: «Творец создал тебя для доли скотовода и мирного пастуха». Также свойствами, отличающими праведника от нечестивца, считаются храбрость и отвага. Важным позитивным качеством признавались скромность, кротость и смирение, которым противостоят негативные — высокомерие, гордыня и строптивость. Таким образом, идеального человека древневосточной культуры правомерно определить как «человека послушного через непослушание». Возможно, именно в этом сосредоточена суть того шага в истории человечества, который сделала древневосточная культура, шаг, определившего ее значение для последующих культур, для судеб всего человечества.

Ерохина Татьяна Иосифовна

Ярославль

Ярославский государственный педагогический университет

имени К. Д. Ушинского, заведующая кафедрой культурологии

Доктор культурологии, профессор

Культурный герой советской эпохи: истоки и эволюция

Советская культура, формирующаяся на рубеже 1920-х гг., имеет свои истоки, теоретическое обоснование, художественное воплощение и повседневные практики. В концепции нового человека советской эпохи особое значение приобретает мифологический дискурс генезиса и эволюции текста и контекста советской культуры, а также героизация личности, что обусловлено рядом философских, историко-культурных и социокультурных оснований. Понимание героического как ценностного смысла бытия личности, отражающего нравственные идеалы общества, генетически связано с развитием модернистских течений в отечественной культуре, которые заложили основы концепции «новой личности», трансформировавшейся в дальнейшем в мифологему «советский человек», и «новой повседневности», трансформировавшейся в мифологему «советский быт». Смена историко-культурных парадигм от трактовки героического в культуре Серебряного века к становлению новой концепции героя в культуре первого послереволюционного десятилетия, от титанической личности тоталитарного периода к формированию культурного героя периода «оттепели», от идеального культурного героя периода «застоя» к новому герою «перестроечной эпохи» — наиболее репрезентативно демонстрирует нам как генетические связи русской культуры, так и основания разрыва, «слома» эпох, приведшие к формированию и кризису феномена советского бытия. Культурный герой, создающий или приносящий людям культурные дары, в контексте советской мифосистемы мог мыслиться и как реальная историческая фигура, и как аккумуляция человеческих достижений. Роль культурных героев в социальном плане сложно переоценить: культурный герой является не только образцом для подражания, он демонстрирует возможность достижения цели. Именно поэтому формирование пантеона культурных героев прошлого и настоя-

щего происходит в результате совместных усилий идеологических институтов, авангардных социокультурных групп и массового сознания, сориентированного на различные критерии. Особую роль в формировании культурного героя советской эпохи сыграл гендерный фактор, который становится знаковым и онтологически значимым в культуре советского периода. В отличие от маскулинного стереотипа героя, истоки которого формируются в мифологии и последовательно реализуются в истории мировой культуры, фемининный стереотип героини имеет несколько противоречащих друг другу парадоксальных вариантов, репрезентация которых в истории культуры в большей степени обусловлена историко-культурными и социокультурными факторами. Таким образом, героизм оказывается одной из самых популярных тем советской эстетики и художественной культуры, а героизация приобретает массовый характер и становится неотъемлемой частью как концепции личности, так и советского образа жизни, пропагандируемого на уровне государственной идеологии.

Золотухина Елена Всеволодовна

Ростов-на-Дону

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону), профессор

Доктор философских наук, профессор

Как воспитать оптимистов в современной культуре?

Одна из важнейших проблем современного человека — проблема оптимистического, позитивного отношения к жизни. Европейская культура, взятая в ее широком смысле, последние два столетия достаточно пессимистична, ей свойственно скорее печальное и трагическое мировосприятие: представление о перманентном социокультурном кризисе, отказ от приоритета разума, страх перед общественным будущим, которое видится как порабощение человека техникой, и перед личным будущим, поскольку человек-атеист всегда стоит перед смертью-ничто. Именно поэтому для гуманистической мысли так важно поддержание в людях духовной и душевной бодрости и веры в собственные силы. Приобщение новых поколений к духовной культуре в этом смысле означает не только их ознакомление с культурными вершинами прошлого, но и привитие им умения руководить собственными душевными движениями, эмоциями и волевыми импульсами. И здесь очень важным оказывается понимание оптимизма как «воли к жизни», данное А. Швейцером. Оптимистом можно становиться в ходе собственного развития, даже если исходный темперамент (например, меланхолический), казалось бы, не способствует успеху оптимистического взгляда. Задачей «современных культуртрегеров» — воспитателей, преподавателей, психологов, деятелей искусства — в немалой степени выступает ознакомление молодежи с теми установками внутреннего мира, которые способствуют позитивному взгляду на жизнь и на будущее. Это, во-первых, принятие самого себя как способного совершенствоваться и достигать успехов. Во-вторых, поиск своего «жизненного проекта» (профессии, сферы деятельности), который максимально выражает способности личности, дает ей поле для воплощения творческих потенций. В-третьих, это культивирование в себе в хорошем смысле слова здравого смысла, убагаживающего от эмоциональных крайностей, от избыточных восторгов и надежд, ведущих к последующему разочарованию. В-четвертых, это «умение довольствоваться» — ценить наличные возможности, радости и удовольствия, которые сами по себе уже являются благом (идея, развиваемая уже римскими стоиками). Наконец, это способность обладать полнотой чувств «здесь и сейчас», не ускользая от настоящего в прошлое или будущее. Еще одним важным моментом является предложение выбора мировоззренческой позиции, способной дать человеку приемлемое для него объяснение смерти — так как безвнятной позиции по этому вопросу трудно избавить личность от гнетущих трагических переживаний. Поддержка авторов, создающих оптимистические произведения в любой из художественных сфер, также значимая социокультурная задача; опыт советского кино и, к примеру, песенного искусства свидетельствует о том, что это возможно и эффективно. К доброму будущему можно прийти и оценить его плюсы только при общем оптимистическом настрое и принятии жизни как блага, несмотря на ее неизбежные противоречия.

Каширина Ольга Валерьевна

Ставрополь

Северо-Кавказский федеральный университет,

Гуманитарный институт, кафедра философии, профессор

Доктор философских наук, доцент

Культурно-временной подход к изучению личности как субъекта цивилизации в эпоху глобальных перемен

Культурно-временной подход к изучению личности осуществляется в рамках цивилизационного детерминизма, который выдвигает на первое место не экономические или другие ценности, а цивилизационные смыслы. Только с их помощью решается главная проблема теории культуры времени — цивилизационная социализация, предполагающая формирование гражданского и ноосферного патриотизма. В современной философии личности доминирует тема

ценностей. И это мотивировано не только внутрифилософскими основаниями, но и внешними и метавнешними условиями. Ведь мы живем в глобализирующемся мире в эпоху локальных цивилизаций, где люди и социальные группы осуществляют информационный отбор и цивилизационный выбор, ищут и выстраивают свою идентичность. И делают они это через различение ценностей, главным образом материальных и экономических. Если подростки ищут собственную идентичность при помощи различения таких ценностей, как одежда, язык, манеры, слово субкультуры, то у взрослых людей конструирование собственной политической, социальной, национальной или религиозной идентичностей происходит при помощи экономических ценностей, т. е. экономического детерминизма. Несостоятельность экономического детерминизма заключается в том, что он ориентирует на различение материальных ценностей, а не цивилизационных смыслов. Такая ориентация приводит к цивилизационным ошибкам. Поэтому главной проблемой самоидентификации цивилизационного субъекта становится цивилизационная социализация. Сегодня проблема цивилизационной социализации связана с формированием образа позитивного будущего России. Цивилизационный субъект соответствует своему понятию лишь в том случае, если он знает свою ответственность за будущее. Эта ответственность формируется по мере формирования культуры самосознания, координирующей культуру поведения и деятельности. В этом процессе происходит преобразование врожденной диахронической идентичности — диалектического единства внешнего времени-ритма и внутреннего времени-возраста — в триалектическую взаимодополняемость приобретенным цивилизационным временем-смыслом (метавнешним, связующим диахроническое единство). Образуется диалектико-триалектическая формула культуры времени цивилизационного субъекта, где главной является связь времен как предмет культуры времени. Культура времени как гуманитарный интеллект способна не только объединять и разъединять людей, быть связующим звеном философского, естественно-научного и гуманитарного знания, но и быть вечным общечеловеческим идеалом, к которому всегда стремятся как к величайшей гуманитарной ценности современности. Особую значимость в этом поле занимает формирование гражданского и ноосферного патриотизма, которые в современных условиях эпохи глобальных перемен приобретают смыслы локально-цивилизационной и глобально-цивилизационной консолидации.

Ким Флора Сергеевна

Бронницы

Бронницкий филиал Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета (МАДИ), доцент
Доцент МАДИ

Консервативный императив в культуре

Культурологическое исследование предполагает изучение способов культурного наследования и устойчивости культурного развития, воспроизведения культуры как целого (Драч, 2011). Обретение наследия, создание материальных и духовных условий возможности непрерывающегося наследования традиций — одна из ключевых задач творческого «просвещенного консерватизма». При этом подразумевается не простая преемственность культурного наследия, определяемая существованием таких констант, как язык, игра, искусство, «предварительное знание», институты, а именно обретение наследия, его интерпретация и обновление (Kaltenbrunner, 1975. С. 32, 96, 113–115). Сходные идеи высказывает философ и писатель В. Кантор (Кантор, 1994. С. 4–7). Важнейшей задачей для каждого образованного человека является решение: на какую сторону — сохранения или обновления — вставать во времена, когда нет равновесия между принципами прогресса и необходимого ограничения этого прогресса, полагал «секретарь Европы» Ф. Гентц. Он сформулировал своего рода консервативный императив в культуре — «быть противовесом беспорядку»: во времена господства варварства — быть на стороне принципа прогресса, обновления; во времена противодействия всему старому — упрямо «исповедовать старую веру»; во «времена разложения» — «многие должны работать на культуру человеческого рода», но «некоторые должны бороться с чрезмерностями этой культуры» (Gentz, 1857. С. 71–73). Г.-К. Кальтенбруннер считал этот завет одним из трансцендентально-социологических положений консерватизма (Kaltenbrunner, 1975. С. 32–34). Иначе говоря, просвещенный консерватор — не просто хранитель культуры, вечного наследия, но — страж равновесия в культуре, современниками зачастую оцениваемый в лучшем случае как чужак, фрондер, мыслитель *ad marginum*, в худшем — как реакционер (Kaltenbrunner, 1975, с. 52–53; Kaltenbrunner, 2020, с. 196–203, 219–220). Истинная значимость такого «культур-философского маргинализма» (Солонин, 2012) понимается только по прошествии времени.

Список литературы:

1. Драч Г. В. Конститутивы культурологической теории // Культурологический журнал. 2011. № 3 (5).
2. Кантор В. К. В поисках личности: опыт русской классики. М. : Московский философский фонд, 1994.
3. Манн Т. Рассуждения аполитичного // Вестник Европы, 2008. № 24.
4. Солонин Ю. Н. Жизнь и призвание : (три очерка по культур-философской персонологии). М. : Этносоциум, 2012.
5. Gentz F. Briefwechsel zwischen Friedrich Gentz und Adam Heinrich M Iler. Stuttgart : Cotta, 1857.
6. Kaltenbrunner G.-K. Der Schwierige Konservatismus. Definitionen — Theorien — Porträts. Berlin (West), Nicolai 1975. 7.
7. Kaltenbrunner G.-K. Vom Geist Europas: Ursprünge und Porträts, Band I. Graz : Ares Verlag, 2020.

Э. Мунье и Н. А. Бердяев: к вопросу о персоналистской критике цивилизации (в соавторстве с Е. О. Розовой)

Одной из центральных тем для философов первой половины XX в., и в особенности для представителей персонализма, являлся вопрос о кризисе цивилизации и человека. Основные идеи персонализма продолжают изучаться достаточно широко, однако критический взгляд мыслителей данного направления на современную им действительность не столь часто становится предметом отдельного изучения. Интересной задачей представляется выделить отличительные черты в такой критике, а также сравнить взгляды на данную проблему внутри европейского персонализма как особого духовного течения. Сопоставление точек зрения Бердяева и Мунье по ряду вопросов позволит установить общее и различное в том, каким образом два идейно близких философа могли смотреть на проблемы общества. В рамках доклада планируется рассмотреть, как Бердяев и Мунье выстраивали линии критики современной им культуры, какую роль они отводили политической и духовной основам будущей цивилизации, как видели ее возможное развитие. Один из ключевых моментов развития их мысли в рамках этой критики — процесс деприоритизации политического, который был наиболее характерен для Мунье в период создания «Эспри». Он наиболее полно проявился в позиции «третьего пути» (отказа от соотнесения себя с правым или левым политическим крылом) и в персоналистской концепции духовной революции. Обоснование такой позиции опиралось в значительной степени на работы по критике коммунизма и западной буржуазной культуры Н. А. Бердяева, близко знавшего Мунье и печатавшегося в журнале «Эспри». Опираясь на анализ критики современной им культуры, интересно сравнить и их проекты грядущей цивилизации, сформулированные в «Новом Ренессансе» Мунье и «Новом Средневековье» Бердяева. Позиция русского философа во многом оказывается отлична от взглядов французского персоналиста. Бердяев критикует Мунье в связи со слабой проработанностью философских понятий и колебаниями в определении четкой политической позиции. Подчеркивая свою идейную близость французскому персонализму, он указывает на проблематичность определения личности, которое является центральным как для критического анализа цивилизации, так и для персоналистской философской ориентации в целом.

Лисенкова Анастасия Алексеевна

Пермь

Пермский государственный институт культуры,
проректор по научной и международной деятельности
Кандидат культурологии, доцент

Социокультурная идентичность цифрового мира: стратегии персональной и групповой репрезентации

В докладе рассматриваются изменения, касающиеся репрезентации социокультурной идентичности, происходящие в современном мире под влиянием всеобъемлющей цифровизации и трансформации способов коммуникации, сбора, хранения и анализа информации. В данных условиях особенно остро ощущается смещение границ индивидуального и группового, приватного и публичного, связанных с постоянной коммуникационной и информационной включенностью, гипертрофированной визуальностью персональных нарративов и цифровой дивергенцией различных медиа общностей. При наличии цифровой включенности эти явления создают условия для сбора и анализа больших массивов неструктурированных разнородных данных, благодаря которым возможно конструирование цифровой личности любого жителя Земли. Сегодня, основываясь на аналитических данных пользователей медиаресурсов и социальных сетей, можно отчетливо проследить тенденцию сближения реальных и виртуальных идентичностей в постоянном процессе конструирования персонального публичного нарратива и социокультурной идентификации во фрейме ценностно приемлемого коммуникационно-информационного кокона. Таким образом, современные цифровые медиа становятся актуальным полем для публичного самоопределения, самоподтверждения и маркирования, выступая местом для демонстрации собственной идентичности, «оживания» нового пространства и накопления публичного капитала всеми участниками цифрового мира, стимулируя развитие новых групповых и персональных стратегий репрезентации. Становясь новым пространством, где виртуальность — сцена для демонстрации фрагментарно обретенной рефлексивной, проектной, модульной, ролевой (статусной), релевантной, мнимой и диффузной стратегий персональной идентификации в различных визуализированных нарративных практиках, заданных форматом существующих цифровых медиаплатформ. В результате постоянное производство медиаконтента позволяет не только участвовать в создании собственной виртуальной реальности, но также проявлять себя и идентифицировать

в рамках некоего социального сетевого сообщества, отстраивая себя от Других и замыкаясь в группе идентичных, похожих, ценностно аналогичных объектов. Тем самым создавая особую виртуальную социальную реальность, в четко очерченных символических границах информационно социально значимой и ценностно приемлемой капсулы, в которой есть условия, чтобы проявлять себя и расширять спектр возможных репрезентаций в границах данного генерализованного сообщества. Особенно данные тенденции стали заметными в условиях резкого возрастания неопределенности, связанной с пандемией COVID-19, повлекшей за собой рост виртуализации всех видов и форм общения. Таким образом, цифровая медиасреда, усиливая существующую диверсификацию групповых идентичностей, изменила форматы привычных стратификаций, став мощным интегрирующим основанием общества, но вместе с тем спровоцировав новые формы неравенства и сегрегации.

Розова Екатерина Олеговна

Москва

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,

философский факультет, ассистент

Кандидат философских наук

Э. Мунье и Н. А. Бердяев: к вопросу о персоналистской критике цивилизации (в соавторстве с М. А. Кобринец)*

Ртищева Оксана Владимировна

Кемерово

Кемеровский государственный институт культуры, декан социально-гуманитарного факультета

Кандидат философских наук, доцент

Языковая личность в лингвокультурологических исследованиях

Научный интерес к вопросам исследования языковой личности диктуется развитием лингвокультурологии в контексте ее связи с когнитивной лингвистикой, антрополингвистикой, что обусловлено становлением антропоцентристской парадигмы гуманитарного знания, в которой субъект выступает в качестве доминанты пространства человеческой деятельности. Поэтому феномен языковой личности становится центральным в лингвокультурологии, интегрирующей в себе лингвистику и культурологию, ориентированной на исследование проблем, связанных с выявлением универсальных и идиоэтнических отношений в осуществлении языка, культуры, личности. Язык как явление культуры в определении языковой личности рассматривается при обращении к работам Й. Л. Вайсгербера. Рассуждая о языке как культурном достоянии, исследователь в своей работе «Родной язык и формирование духа» (1929) оценивает возможность его понимания как внутреннего содержания культуры. Языковая личность определяется контекстом внутренних особенностей культуры с учетом бытийных характеристик языка в его статике и динамике. Первое упоминание языковой личности мы находим в работе В. В. Виноградова «О художественной прозе» (1930). Языковая личность в интерпретации исследователя выступает как интегративное образование, включающее две стороны, коллективную (социальную) и индивидуальную. Важным аспектом реконструкции языковой личности у В. В. Виноградова является то, что автор обращает внимание на ее речевую структуру, что свидетельствует о живом понимании языка с учетом его функциональных характеристик. Более детальная разработка практик языковой личности в контексте культуры осуществляется уже в современных отечественных лингвокультурологических концепциях. Так, например, В. И. Красик рассматривает языковую личность с позиции лингвистической концептологии, ориентированной на интегративное понимание языка, с одной стороны, в его семантическом, ценностном аспектах, с другой стороны — практическом, функциональном аспектах. Об этом рассуждает Ю. Н. Караулов, пытаясь интегрировать поляриность языковой личности уровнями ее организации с учетом инвариантных и вариативных характеристик. Отмечается, что языковую личность можно охарактеризовать с позиции языкового сознания и речевого поведения, однако лингвокультурологический аспект ее изучения открывает те стороны природы человека и его жизнедеятельности, которые связаны с осуществлением культурных форм, в которых реализуются бытийные основания человеческой жизни, отражающие ее духовное содержание. Подобная направленность исследований, связанных с возвращением к онтологической проблематике в лингвофилософии начала XX в., востребована в связи с необходимостью установления глубинных корреляций культуры и языка в понимании языковой личности.

* См.: М. А. Кобринец.

И. Г. Фихте о личной культуре и культуре личности

Цикл публичных лекций И. Г. Фихте «О назначении ученого» (1794) содержит оригинальное понимание культуры, позволяющее уточнить частный аспект общей проблематики культурологии личности, а именно: аспект личной культуры, замыкающийся на идее личного достоинства. Культура понимается Фихте одновременно — и это важно — и в качестве высшей конечной цели всего человечества (в смысле высшей цели для каждого, составляющего человечество, человека), и в качестве средства, ведущего к этой цели отдельную личность. В качестве высшей и последней цели для каждого человека культура выступает воплощением идеи достоинства личности. Культура есть высшее благо (в терминологии критической философии: благо само в себе) как полное согласие человека с самим собой: всякий человек должен быть тем, что он есть; он должен сам определять себя и никогда не позволять определять себя посредством чего-нибудь постороннего. Именно так и определяет Фихте личность — как человека, несущего свою цель в самом себе. Чувство собственного достоинства есть результат осознания этого факта. Однако личность (Я) очевидным образом зависима от многого, по отношению к ней постороннего (от сферы не-Я), и тем не менее она должна оставаться в согласии с самой собой. Следовательно, личность должна стремиться воздействовать непосредственно на сами вещи, от которых зависят чувства и представления человека; человек должен стремиться модифицировать их и привести в согласие с чистой формой своего Я, чтобы их представление согласовывалось с этой формой. Из сказанного следует, что требование полного согласия с самим собой выявляет круг ответственности каждого человека: в зависимости от очерчивания сферы действительности Я можно проследить расширение или, напротив, сужение этого круга. Для этой операции по приведению внешних вещей (Не-Я) в соответствие тому, какими они должны быть (стать) согласно необходимым для каждой личности (Я) понятиям о них, недостаточно только стремления воли, но необходим особый навык. Именно приобретение этого навыка (а также приобретенная определенная степень его) называется Фихте культурой (но уже в понимании средства). Таким образом, культура выступает у Фихте «последним и высшим средством для конечной цели человека — полного согласия с самим собой, поскольку человек рассматривается как разумно-чувственное существо», как личность. Следовательно, последней верховной целью человека как разумного, но конечного, как чувственного, но свободного существа есть подчинение себе всего неразумного, свободного овладение им, согласно своему собственному закону. Человек существует, чтобы постоянно становиться нравственно лучше и улучшать все вокруг себя в нравственном смысле. И эта человеческая миссия осуществима исключительно в сфере культуры как внутренней свободы личности и только в свете исходной идеи достоинства — самосохранения свободы быть Я.

Черевкова Алена Игоревна

Ростов-на-Дону

Южный федеральный университет, стажер-исследователь
Аспирант

Трансляция культурного капитала в профессиональных династиях врачей (по материалам автобиографических интервью)

В социологической литературе профессиональные династии понимаются как «социальные группы, характеризующиеся кровнородственными отношениями, в которых несколько поколений осуществляют свою профессиональную деятельность в одной сфере» [1, с. 100]. Династичность исследуется как механизм трансляции профессионального и социального капитала, а также как монополизация доступа к престижным позициям. Однако трансляция культурного капитала в медицинских династиях еще не была предметом специальных исследований. Изучение культурного капитала семьи и его воспроизводства представляется актуальным с точки зрения обеспечения преемственности в условиях нестабильности социальной структуры. Эмпирической базой выступают результаты прикладного исследования, проведенного в 2020 г. в нескольких городах России (Иркутск, Москва, Ростов-на-Дону, Самара, Уфа и др.). Методом автобиографического нарративного интервью было опрошено 20 медиков — представителей династий, насчитывающих не менее трех поколений. Далее на примерах из интервью рассмотрим трансляцию культурного капитала в медицинских династиях в трех его формах, выделяемых П. Бурдьё [2]:

- 1) объективированной — потомственные медики отмечали, что имели доступ к объектам культуры, накопленным родителями, а последние принимали непосредственное участие в процессе их приобщения к ним; так, д-р мед. наук, оториноларинголог (ж., 61 г., 2-е поколение из трех) рассказывает о том,

как формировалась ее любовь к чтению: «Отец всегда читал нам в детстве. Библиотека насчитывала где-то 10 000 томов у него. У него были возможности. В то время книжки было сложно купить, но у нас все было»;

- 2) институционализированной (в виде образовательных квалификаций) — наиболее ярко трансляция культурного капитала в этой форме проявляется при получении ученых степеней; рассказывая об этом периоде, кардиолог, канд. мед. наук (ж., 34 г., 4/4) упоминает: «Семья, конечно, помогала. Это было крайне важно. Это была идея фикс для папы. Мы это всегда обсуждали, что наряду с практической деятельностью я буду заниматься научной»;
- 3) инкорпорированной (воспитание, культура) — высокая степень вовлеченности в профессиональную деятельность родителей создает особую культурную среду, специфический габитус: «Какие-то стишки, баечки по анатомии, пословицы латинские, которые просто используются как норма в семье. Дня не проходит, чтоб на латыни кто-нибудь что-нибудь не сказал» (психиатр, ж., 37 л., 3/3).

Таким образом, династии медиков представляют собой особую культурную среду и выступают механизмами межпоколенной трансляции специфического культурного капитала во всех его формах. Благодарность: статья подготовлена при поддержке РНФ, проект № 19-18-00320 «Конструктивный и деструктивный потенциал профессиональных династий в российском обществе».

Список литературы:

1. Посухова О. Ю. (2013) Профессиональная династия как результат семейных стратегий: инерция или преемственность? // Власть. № 12. С. 100–103.
2. Bourdieu, P. (1986) The forms of capital.

Щербич Людмила Ивановна

Москва

«Военно-медицинский журнал», редактор

Кандидат философских наук, доцент

Цифровизация образования и культура личности

Понимание культуры в новой истории XVIII–XIX вв. подразумевало развитие разумности, просвещенности, нравственности, движения к свободе мысли. Культурность и цивилизованность личности провозглашались как благо. Цивилизованный и культурный человек на протяжении столетий в представлениях философов, историков и педагогов был антиподом человеку дикому, грубому, неразвитому, невежественному. Но уже в конце XIX в. произошла трансформация взглядов на цивилизацию и цивилизованность, а также культуру и культурность человека. XX в. внес свои коррективы в эти понятия. Оказалось, что культура не всегда благо и, доходя до стадии цивилизации, некоторые культуры переходят на новый этап, для которого характерны вырождение, деградация, загнивание. Так, О. Шпенглер и З. Фрейд не видели блага в культуре, отмечая ее способность умирать и деформироваться. На пороге XXI в. окончательно проявилось то, что понимание дефиниций «цивилизация» и «цивилизованность», «культура» и «культурность» невероятно многозначно. Обнаружилось вдруг, что управление культурными изменениями не может обходиться без манипулирования деятельностью, мыслями, чувствами и конечными материальными продуктами. В XXI в. цивилизация вступила в завершающую техногенную стадию, кардинальным образом отразившуюся на культурной ориентации всех сфер деятельности человека, и ускорила его движение к Новому мировому порядку, в котором тот, кто хочет управлять миром, заинтересован в жестком контроле над различными сторонами деятельности людей. Среди средств достижения такого порядка — цифровизация мира в глобальном масштабе и в разных сферах жизни: экономике, культуре, образовании. Несмотря на обнищание населения, на программу цифровизации выделяются огромные средства. Сущность и конечная цель цифровизации завуалируются, в тени и ее главные бенефициары. В СМИ широко говорится о преимуществах цифровизации, но только мельком упоминается о некоторых проблемах, которые она несет. Противников цифровизации считают маргиналами и диссидентами. Негативные проявления цифровизации отражаются на культуре деятельности и образе жизни. Учащийся школы, как и студент, в системе разношерстной информации психологически теряется, при этом уровень адаптации и степень социализации личности снижаются, поскольку человек утрачивает возможность активного общения со сверстниками на занятиях в учебном заведении, где он еще в миниатюре видит модель социальных взаимоотношений. Концепция форсайта цифровизации образования полностью трансформирует потребность в культурном развитии в установки, стремления любыми средствами в жесткой конкурентной борьбе достичь лидерства, а в конечном счете попасть в число «успешных управленцев» крупнейших корпораций мира. Такова главная цель цифровизации образования — формировать отборный «человеческий капитал» посредством создания уникальных, избранных специалистов для технопарка, которым, по мнению цифровизаторов, должно стать государство.

Азарова Валентина Владимировна

Санкт-Петербург

Санкт-Петербургский государственный университет, профессор

Доктор искусствоведения, доцент

Проблемы и перспективы развития французского музыкального театра в XX веке

Начало XX в. — один из самых бурных и противоречивых периодов развития французского музыкального театра. Предпочтение театральных жанров послужило основой для разработки различных жанровых разновидностей в первое десятилетие XX в. В это время сосуществуют и взаимодействуют художественные тенденции натурализма, позднего романтизма, символизма, критического реализма и музыкального импрессионизма. Возникают новые музыкальные жанры, складываются особые эстетические принципы. Во французской столице, где бился пульс мировой культуры, гастролировали «Русские сезоны» С. П. Дягилева, утверждалась мода на спектакли известной танцовщицы из России Иды Рубинштейн. В первое десятилетие XX в. обнаружили новые элементы сценических постановок традиционной лирической драмы, были созданы новые образцы сценической музыки для драматических пьес, а также наметились перспективы развития старинных жанров миракля, мистерии и оперы-балета. Ярким документом эпохи стал «музыкальный роман» Г. Шарпантье «Луиза» (1900). Отдельные особенности развития музыкального конфликта оперы композитор почерпнул из практики постановок символистских пьес. Шарпантье включил в оперу нон-персонифицированные образы-аллегии, «маски». Образом-символом Трудя выступает в опере ее главная героиня Луиза — Муза Монмартра, «Хозяйка города». Натуралистический сюжет оперы и история любви главной героини развернуты в мансарде дома Луизы на Монмартре и на парижских улицах. Как представитель французского музыкального натурализма Г. Шарпантье, наряду с А. Брюно, расширил русло натуралистического направления. Отдельные аспекты музыкальной драматургии французских композиторов, создавших новую концепцию французской оперы, перекликались с эстетикой итальянского оперного веризма. Новые перспективы во французском музыкальном театре открыла импрессионистическая лирическая драма К. Дебюсси «Пеллеас и Мелизанда» на текст одноименной символистской пьесы М. Метерлинка (1902), за которой последовала импрессионистически-символистская драма П. Дюка «Ариана и Синяя Борода» (1907). Линия французской лирической драмы получила завершение в опере «Пенелопа» Г. Форе, созданной на либретто композитора и поэта Р. Фошуа (1913). В русле христианской традиции («Таис», «Жонглер Богоматери» Ж. Массне, «Мученичество святого Себастьяна» К. Дебюсси) развивается особая ветвь французского музыкального театра: «Легенда о святом Христофоре» В. д'Энди (1920), «Диалоги кармелиток» Ф. Пуленка (1957), «Святой Франциск Ассизский» О. Мессиана (1983). К ветви французского синтетического театра принадлежат драматическая оратория «Жанна д'Арк на костре» А. Онеггера, созданная по одноименной поэме П. Клоделя (1935), и сценическая музыка к драме-мистерии П. Клоделя «Благая весть Марии» (1912–1955). Французский музыкальный театр в русле христианской традиции представляет собой магистральную линию развития в XX в.

Алексеев Евгений Павлович

Екатеринбург

Уральский федеральный университет имени первого Президента

России Б. Н. Ельцина, доцент кафедры истории искусств

Кандидат искусствоведения, доцент

Публикация подготовлена при поддержке РФФИ. Грант № 19-012-00193А.

Противостоять авангарду. Степан Эрзя в Екатеринбургских свободных государственных художественных мастерских. 1919–1920: педагогические принципы и творческое наследие

На основе новых архивных документов, газетных публикаций и мемуаров свидетелей реконструируется и анализируется деятельность скульптора С. Д. Эрзя в Екатеринбургских СГХМ. Выпускник Московского училища живописи, ваяния и зодчества, добившийся известности еще до революции, Эрзя принял активное участие в становлении советской культурной программы. Для осуществления ленинского плана монументальной пропаганды скульптор летом 1918 г. приехал на Урал, но оказался на территории, занятой антисоветскими силами. Непростые отношения с представителями белой власти, а затем с советской администрацией усложнили творческую жизнь мастера. Во время реорганизации Екатеринбургской художественно-промышленной школы в Екатеринбургские СГХМ Эрзя отстаивал свою позицию, предлагая создать на базе учебного заведения скульптурную школу. Конфликт с уполномо-

моченными ЕСГХМ А. Ф. Боевой и П. Е. Соколовым привел к внутреннему расколу, мастер отстаивал традиционные методы обучения, стремясь личным примером демонстрировать ученикам творческий процесс. При участии учеников художественных мастерских скульптор создал ряд монументов, которые вызвали неоднозначную реакцию у советских чиновников. Мастер испытывал и сильное давление со стороны художников левых направлений и был лишен мастерской. Все это привело к увольнению Эрзы и отъезду из Екатеринбурга в конце 1920 г. Для скульптора уральский период творчества оказался ярким и продуктивным, но добиться своей программы по развитию скульптурной школы он не сумел. Но и художники авангарда потратили много времени и сил на борьбу с Эрзеем и также не смогли осуществить все намеченные цели. История этого конфликта наглядно демонстрирует, насколько сложно шел процесс становления новой советской художественной системы. Благодаря деятельности Степана Дмитриевича скульптурная мастерская Екатеринбургских СГХМ – Уральского художественного техникума будет активно развиваться, а произведения, созданные мастером в эти годы, до сих пор вызывают интерес у исследователей.

Бобрихин Андрей Анатольевич

*Екатеринбург
Екатеринбургский музей изобразительных искусств,
заведующий сектором наивного искусства
Кандидат философских наук*

Наивное искусство как репрезентация травмы

Творчество наивных художников в наибольшей степени основано на личных переживаниях и историях, а не на художественных стилях, пожелании заказчика или академических канонов. Наивное искусство – реализация потребности высказаться, рассказать отношение к хранимому – опыту, знаниям, впечатлениям – как к значимому багажу, достойному хранению в передаче и имеет непосредственное отношение к индивидуальному опыту. В том числе индивидуальному опыту переживания базовых ценностей и эпохальных событий. Рассказывание – способ понимания и оправдания пережитого опыта. С помощью своих произведений наивные художники латают прорехи своей памяти, выстраивают спасительно-целостную, связную и осмысленную историю своей жизни. Мы полагаем, что источником произведения самодеятельного художника в качестве вербально-визуального нарратива является фокусирование переживания личного опыта автора в коллективной истории. Мы рассматриваем произведения художников-любителей этнографической или исторической тематики, их разного рода бытописания в качестве особого рода исторических источников, которые возникают на пересечении автобиографической и исторической памяти. Взаимосвязь личной и коллективной памяти имеет свои особенности. Индивидуальная память характеризуется коммуникативной природой отбора значимых фактов, психологическими способами их удержания и бессознательной основой иерархии фактов. В индивидуальной памяти особенно важна роль рассказов, услышанных из уст старших в семье, они выполняют важные функции в расширении временного горизонта, который закрепляется в понятии исторической памяти группы. В исследовании применяются биографический метод, методология устной истории и разработанная заявителем методология сравнительного анализа устных и визуальных нарративов автора. В докладе рассматриваются различные визуальные нарративы, репрезентирующие травму Холокоста.

Булатова Анастасия Васильевна

*Екатеринбург
Уральский федеральный университет имени первого Президента
России Б. Н. Ельцина, доцент кафедры культурологии и дизайна
Кандидат философских наук.*

Фасилитированная дискуссия в современном музее, или О миссии эксперта-посредника (в соавторстве с С. В. Мельниковой)

Анализируя способы определения искусства после его значительной трансформации в XX в., можно заметить, что все они выделяют необходимость коммуникации в цепочке «мира искусства» (А. Данто), ибо правильная передача сообщения Автора нуждается в интерпретативной помощи экспертов. Произведение искусства требует реакции зрителя, произведение должно быть замечено, понято, интерпретировано. А. Данто, как философ и художественный критик, определяет внутренние, «незаметные глазу» признаки художественного произведения, позволяющие ему соответствовать вновь открываемым художественным формам. В работе «Что такое искусство?» он приходит к выводам, что произведения искусства есть «воплощенные смыслы». Зритель должен уметь «интерпретировать смысловые признаки так, чтобы они помогли ему постичь смысл, который они воплощают». Посредники из «мира искусства» помогают зрителю добраться до искомого смысла. Активное развитие партиципаторных практик с включением зрителя в полноценный процесс эстетического и художественного восприятия, является ответом на эту потребность. Основываясь на работах Ж. Рансьера, М. Линд, Д. Френкель, А. Бойко, Д. Маликовой и др., авторы рассматривают

преимущества и особенности различных практик зрительского участия в музеях. Основываясь на собственном опыте, анализируют использование метода фасилитированной дискуссии при групповом обсуждении художественного изобразительного текста. Метод, разработанный для студенческой аудитории Н. В. Иевлевой и М. В. Потаповой на основе VTS (A. Hausen, P. Yelowine), не только делает искусство доступным, но и имеет выраженный педагогический эффект. Вместе с тем метод, созданный для работы с миметическим искусством, нуждается в трансформации в случае применения к нефигуративным изображениям. Фасилитированная дискуссия базируется на двух группах вопросов — «содержательных» и «поощряющих». Содержательные вопросы всегда ориентированы на предметность изображения: «что вы здесь видите?», «чем занимаются изображенные персонажи?», «какое это время года?» и т. д. Если изображение не содержит узнаваемых предметов, дискуссия при рассмотрении абстрактного произведения может зайти в тупик. Авторы статьи делятся своим опытом использования фасилитированной дискуссии для анализа абстрактной живописи, в частности произведений В. В. Кандинского. Ими скорректирован ряд «содержательных» вопросов и предложены направления развития описанной методики.

Гомбоева Маргарита Ивановна

Чита

*Забайкальский государственный университет,
заведующая кафедрой теории истории культуры, искусств и дизайна
Доктор культурологии, профессор*

Феномен художественного новаторства семейных мастерских: коллаборационизм и стилеобразование

Изучение феномена семейного творчества, развитие творческого потенциала художника в командной среде являются объектом научной рефлексии многих научных дисциплин. Доказано, что творчество художника обусловлено не только его собственным потенциалом, зависит от множества внешних факторов и обстоятельств. Поэтому творческие способности являются не созданием самого художника, а результатом функционирования его в более широкой среде и системе. Одним из важнейших факторов, обуславливающих становление талантливого художника, является среда его воспитания. В качестве объекта исследования мы рассматриваем семейные художественные мастерские, семьи российских художников: скульптора Д. Намдакова и оружейника Ж. Баясхаланова. Есть общие характеристики творчества и искусства семьи Намдаковых. В исследовательской литературе отмечено, что его талант глубоко национален, имеет ярко выраженные традиции, которые проявляются как в тематических, жанровых и композиционных формах, так и в технико-технологических особенностях художественных произведений, основанных на наследии народного творчества. Художественное наследие Намдакова обусловлено сюжетными особенностями конкретной культуры его семьи, в которой воспитывался сам художник, его братья и сестры. По нашему мнению, феномен успешного семейного союза — в качестве насыщенной творчеством семейной коллаборации. Совместная деятельность по созданию художественных произведений: коллективное проектирование, обмен и обсуждение художественных решений, стратегические видения маркетинговых перспектив представителей трех поколений при условии сегментации компетенций и зон ответственности, многогранной поддержки таланта внутри семьи — создает условия успешности творчества в целом и каждого художника коллаборации. Начало XXI в. отмечено глобальной востребованностью креативных (творческих) индустрий, в основе которых лежит индивидуальное личностное начало, уникальный опыт и талант личности. В этом контексте творчество семьи Намдаковых отвечает основным трендам развития современного искусства и экономики искусства, соответствует новым вызовам развития мирового искусства, связанным со значительным ростом инфраструктуры «интеллектуального и творческого предпринимательства», созданием и экспортированием художественных произведений, образующих новый потенциал актуального искусства.

Девятова Ольга Леонидовна

Екатеринбург

*Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, профессор
Доктор культурологии, профессор*

Сергей Слонимский и польская музыкальная культура

Проблема русско-польских культурных связей сегодня представляется особенно актуальной в условиях весьма сложных социально-политических отношений России и Польши и требует глубокого анализа в осмыслении путей укрепления культурного диалога и взаимодействия между двумя славянскими странами. И в этом процессе музыка и музыкальная культура должны являться важным связующим звеном. Тем не менее вопрос о русско-польских музыкальных отношениях пока остается мало исследованным в отечественной науке. Отчасти его касались в свое время в работах по творчеству Ф. Шопена В. Пасхалов, И. Белза, Б. Асафьев и другие ученые. Вопрос о русско-польских контактах

в музыкальной культуре XX в. рассматривался в трудах, посвященных творчеству К. Шимановского, В. Лютославского, К. Пендеревского (З. Лисса, И. Никольская, Л. Кокорева, А. Ивашкин и др.). Большой вклад в развитие русско-польских отношений внес выдающийся композитор петербургской школы Сергей Михайлович Слонимский (1932–2020), которого с Польшей связывали многие родственные и творческие узы. Род Слонимских идет от прапрадеда композитора, талантливого ученого Авраама Якоба Штерна, члена Польской академии наук, дочь которого была женой Зиновия (Хаима, Зелига) Яковлевича Слонимского (1810–1904) — прадеда композитора по отцовской линии. Польским родственником композитора был и известный поэт Антоний Слонимский. Польско-петербургская ветвь рода берет свое начало от сына Зиновия и Сары Штерн — Леонида (Людвига) (1850–1918), деда композитора, юриста, автора ряда книг, сотрудника журнала «Вестник Европы». Сын Леонида Слонимского и Фаины Венгеровой — Михаил (1897–1972), отец композитора, стал известным русским советским писателем, членом литературной группы «Серапионовы братья». Сергей Слонимский формировался как личность и композитор в 1950–1960-е гг., в период «хрущевской оттепели», неустанных творческих исканий в советской музыке, когда были особенно сильны авангардные тенденции, которые открывали новые горизонты в области музыкальной культуры. Передовые позиции принадлежали тогда польскому авангарду, который на фестивалях «Варшавская осень» демонстрировал новинки современной музыки. В их числе было и яркое, оригинальное сочинение Сергея Слонимского «Концерт-буфф» (1964), с успехом прозвучавшее на этом фестивале в 1969 г. В то же время был создан и решенный в авангардной технике вокальный цикл для меццо-сопрано и флейты «Польские строфы» на стихи Антония Слонимского (1963). Слонимский всю жизнь с большим пиететом относился к польской музыке: классической и современной (Шопен, Шимановский, Лютославский, Пендеревский). Польше, ее многотрудной истории посвятил Слонимский симфоническую поэму «Восхождение и триумф» (2018), созданную к 100-летию независимости Республики Польши. За укрепление русско-польских культурных связей Слонимскому было присвоено почетное звание кавалера Командорского креста ордена «За заслуги» Республики Польши.

Денисова Наталья Викторовна

Санкт-Петербург

Санкт-Петербургский государственный университет, доцент

Кандидат филологических наук

Соцреализм: взгляд из настоящего

Настоящий доклад посвящен выставке, прошедшей в ЦВЗ «Манеж», ставшей не только «флагманом» VIII Санкт-Петербургского международного культурного форума, но и настоящим культурным событием в жизни Петербурга, что, несомненно, связано с оригинальной кураторской задумкой Семена Михайловского объединить в одной выставке работы двух признанных мастеров советской живописи и блестящим ее воплощением дизайнера Антона Горланова, но прежде всего с возрождением интереса публики, причем не только российской, к соцреализму. Успеху выставки немало поспособствовали и дополнительные мероприятия: виртуальный тур по выставке, встречи и вечерние лекции, посвященные культуре 1930-х — 50-х гг. и рассказывающие о культурном наследии советского времени. Выставка «Дейнека/Самохвалов» получила освещение не только в российской прессе (особого внимания заслуживает статья Надежды Плунгян «Соцреалистическая нища»), но и в некоторых ведущих зарубежных изданиях, в частности в газете The New York Times и майском номере журнала The New York Review of Books. Важным видится необходимость по-новому взглянуть на работы двух основных представителей соцреализма в живописи. Любопытно наблюдение Софи Пинкам, которая сравнивает реакцию американских критиков 1930-х гг. на работы Александра Дейнеки с восприятием его полотен современным зрителем: несмотря на пропагандистский толк многих его картин, сегодня они воспринимаются прежде всего как иллюстрации жизни «нового» советского человека. Автор одной из статей выставочного каталога Кристина Кэр рассматривает ряд работ Дейнеки сквозь призму феминизма, сравнивая в этом ключе его работы разных лет. По мнению Пинкам, выставка «Дейнека/Самохвалов», наряду с другими проектами, посвященными советской культуре (в частности проекту Варвары Борцовой Soviet Visuals), — необходимый «антидот против устойчивых клише времен Холодного занавеса о том, что СССР — это один большой ГУЛАГ». Интересным представляется не только провести сопоставление оценок выставки российскими и зарубежными искусствоведами, но и проанализировать реакцию на столь значимое культурное событие посетителей, которой они делились в социальных сетях.

Иншакова Галина Николаевна

Москва

Московский государственный музей С. А. Есенина,

и. о. главного хранителя

К вопросу об изображении коня в иранской и могольской миниатюре

Понимание сюжета произведения — одна из проблем искусствоведения. Связанная в том числе и с тем, что многие бытовые реалии, априори понятные современникам автора, для современного зрителя становятся нечитаемы.

Особенно остро этот вопрос встает в произведениях, где так или иначе присутствует конная тематика. Также стоит отметить, что эта тема одинаково актуальна как для европейского, так и восточного искусства. Поскольку заявленная нами проблема весьма широка и имеет множество аспектов, в рамках данного доклада мы затронем лишь некоторые из них. Главная цель доклада — показать важность этого вопроса и необходимость его изучения. Для наглядности обратимся к листу из собрания ГМВ «Конюх с лошады», н/х, Исфahanский стиль, XVII в. Причина, по которой мы обращаемся сразу к двум столь огромным пластам — иранской и могольской миниатюре, — это связь и преемственность культур. Невозможно рассматривать могольскую миниатюру, не обращаясь к ее истокам — миниатюре иранской. Несомненно, и обратное воздействие могольской миниатюры на искусство Ирана. В диалоге Мастер — Заказчик, всегда существенном в искусстве Средневековья, Заказчик определяет главное. То есть при известной идеализации и стилизации тем не менее передача деталей быта, костюма, оружия либо сбруи должна быть достаточно достоверной. Иначе изображаемое не вызовет узнавания и, следовательно, доверия, расположения заказчика. Здесь следует отметить большую документальность могольской миниатюры по сравнению с иранской. Историческая подлинность сюжетов, портретных характеристик и бытовых деталей — одно из главных достоинств могольской миниатюры. Эти ее качества распространяются и на изображения животных. Более того, могольская миниатюра — едва ли не единственная школа живописи, разрабатывавшая в эпоху Средневековья строго анималистический жанр и, как его частность, иппологический жанр, а именно конский портрет. Также необходимо подчеркнуть, что иппологическая культура (особенно на Востоке) достаточно консервативна: снаряжение, приемы обращения с лошады на протяжении многих лет и даже веков в своей основе остаются практически неизменными. С XIV в. в иранской, а затем и могольской миниатюре появляются изображения лошадей с выкрашенными хвостом и ногами, и постепенно число таких «окрашенных» коней возрастает. В XVIII в. в могольской миниатюре мы встречаем изображения лошадей, на которых покраска захватывает не только ноги и хвост лошади, но доходит до половины ее корпуса и при этом содержит декоративные элементы. Что характерно, эта традиция сохранилась и до наших дней.

Казин Александр Леонидович

*Санкт-Петербург
Российский институт истории искусств,
научный руководитель
Доктор философских наук, профессор*

Русская культура: вызов и ответ

За последние годы автору этого доклада не раз приходилось присутствовать на конференциях и семинарах, где обсуждалось, что такое искусство и где его границы. Ни одна из конференций на вопрос не ответила, но многие выступавшие склонялись к мысли, что искусство (особенно современное) — это то, о чем пишут/говорят искусствоведы и критики, кураторы выставок и организаторы фестивалей. Искусство сегодня назначается сообществом кураторов, критиков и хозяев арт-рынка. В таком плане, искусство — это всё и ничего: критериев и границ арт-мира не существует. Конечно, любой критик-искусствовед представляет при этом себя, свою культуру (или субкультуру), обнаруживает свой эстетический, а значит, и мировоззренческий кругозор. К примеру, известный создатель теории словесных игр Л. Витгенштейн прямо писал, что искусство сущности не имеет и о нем не следует говорить ничего, что нельзя сказать языком эмпирического описания. Таков идеал лингвистического неопозитивизма, целиком соответствующий вышеуказанной практике «назначения», и на этом всякую теорию искусства как такового можно было бы закончить. Однако в XXI в., и тем более в других веках, были и есть другие подходы. Их, действительно, невозможно описать только понятиями, нужны имена и символы. У каждого большого «арт-проекта» есть свой идеал-символ в истории. Событие искусства и есть предметно явленный идеал. В предлагаемом докладе автор намерен сопоставить разные, и отчасти даже противоположные, эстетико-культурологические идеалы и практики, разделив их во времени и пространстве культуры на три группы:

- классическое искусство, обращенное к духовной красоте/истине, к Богу;
- модернистское искусство, обращенное к человеку и его миру;
- постмодернистское искусство, обращенное к ничто.

Классику, модерн и постмодерн мы рассмотрим как ценности/этапы/методы художественного творчества европейской и русской цивилизаций в их единстве с соответствующими религиозными, умственными и социальными структурами. В сущности, это грани одного целого. Предлагаемый подход, как надеется автор, позволит сделать некоторые обобщающие выводы — не только эстетического, но и культурологического и историософского порядка. Некоторым такой подход может показаться пессимистическим, особенно что касается XXI в. — времени, которое, с определенными оговорками, можно назвать «эстезисом апокалипсиса». Но не будем опережать события.

Кильдюшова Лариса Васильевна

Саранск

Государственный музыкальный театр имени И. М. Яшуева,
концертмейстер

Кандидат искусствоведения

Чувственное познание как смыслообразующая форма интерпретационного бытия музыкального творчества

Настоящее время — это время, когда происходит объединение, казалось бы, далеко существующих друг от друга, различных по сути способов мышления. Искусство как важнейшая смыслообразующая структура оказывается одним из тех «методов управления» культурой, который сохраняет, оберегает память народа, меняет отношение к различным проблемам человеческого жизнеустройства, помогает рассмотреть их с разных сторон. Художественное творчество — неотъемлемая часть духовного, нематериального отношения к жизни, его начала, создающие смыслы материального мира. Менялись эпохи, менялись принципы, менялся и сам человек. Задача современности — выявление путей воплощения в жизнь базовых установок государственной политики, фундаментальных закономерностей развития культуры, культурологической традиции, вхождение в мировой культурный процесс, креативность в пространстве традиции инновационных технологий. Культурное наследие — явление духовной жизни народа, полученное от предыдущих поколений. Ценности, сформированные этими поколениями, требуют постоянного наблюдения со стороны общества. Традиция и современность часто находятся в противоречии, подменяя смыслы настоящего, упрощая и обесценивая истину. Инновационные технологии — залог будущего наследия, проблема лишь в том, кто и каким образом будет отбирать ценностные установки, на чем они будут выстраиваться и на что держать ориентир молодому поколению. Здесь важны и средства массовой информации, социальная среда, которая формирует будущее самобытных народов, населяющих нашу планету. Музыка, музыкальное творческое наследие — особая форма чувства, имеющая смысл и формирующая его на уровне, не уступающем фундаментальным наукам. Эстетика, философия, психология, их методы, которые использует «музыкальная наука», также способствуют продвижению и оформлению среды и бытия человека. Ближе всех к чувственному познанию музыкальной атмосферы находится эстетика. От ее первоначальных установок зависит будущая смыслообразующая форма бытия творчества, ее интерпретационный искус. Метафизическая истина эстетического представления, по сути, становится «правдой смысла» для каждого из нас, катарсисом (эстетической истиной), в добывании которой человечество имеет шанс на выживание.

Кокшенева Капитолина Антоновна

Москва

Российский институт культурного и природного наследия
имени Д. С. Лихачёва, руководитель Центра наследования русской культуры
Кандидат искусствоведения, доктор филологических наук

Между словом и цифрой: новейшие тенденции в современном театре

Современный театр активно использует новые технологии — сам процесс эстетического освоения уже назван «кибернизацией» и «цифровизацией», где под ними понимают «игру с реальностью» с помощью VR-очков, использует гироскутеры, тифлокомментирование, видеопроекции, использует 3D-эффект, создающий объемное обволакивающее звучание. Все это рождает новые формы спектакля, в частности, например, такие как «#спектакльчат», во время которого актеры ведут беседы с теми, кто реально присутствует в социальных сетях. Современный театр поселился уже и в гаджетах. Вместе с тем вопрос о эстетической ценности «слова» все эти новые тенденции активно обостряют. Само «слово» становится главным оппонентом «цифры». И их «отношения» зачастую весьма драматичны. Современные технологии, как правило, меняют и форму спектакля (изменяют или искажают его классический образ). Так, «театр в гаджете» предполагает, что вы получаете доступ через платный или бесплатный сайт к онлайн-представлению и вместе с другими зрителями смотрите спектакль. Первым прецедентом в России принято считать Asmodeus — интерактивный онлайн-сериал продюсерской группы спектакля «Черный русский» режиссера Максима Диденко (2018). История сама по себе (богатое русское семейство ждет конец света в своем специально оборудованном тайном бункере) не содержит новизны. Новизна «спектакля в гаджете» состояла в том, что зритель мог купить дополнительные опции и влиять на ход действия (то есть в таком спектакле использовались и приемы видеоигры). Творческие эксперименты, направленные на изменение визуального и сценографического облика спектакля, приводят и к экспериментам с формами и жанрами: сегодня становятся во всем мире популярны и мультимедийные проекты, где перформанс и танец соединены в одном спектакле и с собственно драматическим театром, но и допускают экспромт. Проблема вхождения театра в «цифровую культуру» сегодня изучена мало, хотя недавний «карантинный опыт» онлайн-трансляций обнаружил достаточно много проблем технического и эстетического плана, главная из которых — уничтожение уникальности театрального представления (спектакля) как вида «сиюминутного», неповторимого художественного акта, который происходит «здесь» и «сейчас».

Кочнова Ольга Анатольевна

Симферополь
Крымский инженерно-педагогический университет
имени Февзи Якубова, доцент
Кандидат культурологии, доцент

Русский модерн в Крыму: симферопольский период творчества Николая Краснова

Под влиянием романтически настроенного архитектора и художника Уильяма Морриса, условно именуемого «первым дизайнером», а также под влиянием творческого союза «Братства прерафаэлитов» в последней четверти XIX в. в Англии, а затем и во всей Европе начинают закладываться предпосылки возникновения нового стиля — модерн. В настоящем докладе русский модерн исследуется в контексте архитектурного искусства в пределах города Симферополя на примере наиболее ярких его репрезентантов. Первое из них это здание, построенное в 1913 г. для крупного симферопольского банка — Общества взаимных кредитов (архитектор Н. Краснов, 1915). По словам зодчего, оно было исполнено в ренессансном стиле с применением стиля модерн и восточного зодчества. В настоящее время — здание крымского отделения Центрального банка России. Второе архитектурное сооружение, которое с уверенностью можно отнести к архитектуре модерна, — здание кинотеатра «Баян». В 1915 г. на улице Дворянской, напротив недавно отстроенного банка, воздвигнут внушительный комплекс — кинотеатр (иллюзион, синематограф) «Баян» (зал на 800 мест, два фойе, центральное отопление, хорошая вентиляция) с примыкающим к нему трехэтажным корпусом. К сожалению, фамилию архитектора этого замечательного сооружения архивные материалы не сохранили. Но известно, что автором арочного проема, соединяющего два отдельно стоящих здания с фойе, стал тот же архитектор Николай Краснов (1904–1915). В настоящее время здесь расположен кинотеатр имени Т. Г. Шевченко. С именем русского архитектора Николая Краснова, назначенного в 1887 г. главным архитектором города Ялты, связана фактически большая часть ялтинской архитектуры конца XIX — начала XX в. Он являлся автором и участником более двадцати архитектурных проектов на Южном берегу Крыма. В Симферополе имелись (к сожалению, не сохранились до настоящего времени) и другие шедевры модерна: ресторан «Астория» на улице Карла Маркса, швейная фабрика имени Крупской, пассаж Анджело и менее известные здания. Все они несли в себе идею синтеза искусств, так характерного для модерна. Специфической чертой, выделяющей крымскую публичную архитектуру, был ее европейский характер. В то время как русский модерн представлен неорусским стилем (его образцы — творчество Васнецова, Нестерова), крымские зодчие наделяли местную архитектуру типично европейским модернистским характером. Не случайно приезжая публика отмечала, что крымская провинциальная архитектура более походит на архитектуру южной Европы, нежели на деревянную архитектуру среднерусской провинции.

Кузьмина Любовь Аркадьевна

Якутск
Северо-Восточный федеральный университет,
Институт языков и культуры народов Северо-Востока РФ,
кафедра культурологии, доцент
Кандидат культурологии, доцент

Наскальное искусство в контексте зарождения визуальной культуры

Семиотический подход предполагает изучение наскальных изображений как знаковых систем, несущих в фиксированных визуальных образах духовные идеи, характерные для религиозно-мифологической картины мира архаических культур. На наш взгляд, этот метод можно применить к исследованию археологического материала, представляющего зарождение искусства. В методологическом плане наскальное искусство осмысливается исходя из принципа единства всемирно-исторического процесса и существования общего универсального ядра человеческой природы. В трактовке семантики наскальных изображений находим интерпретации, в которых нашло своеобразное мироощущение постмодернизма. К примеру, Д. Прециози, исследуя процесс развития изобразительных способностей человека с палеолитических времен до современности, приходит к выводу о сохранении архаического опыта художественного творчества в наши дни. К. Леви-Строс отмечает, что логический потенциал мышления первобытного человека и человека современного принципиально равны. Универсальны и бессознательные структуры мышления, в основе которых лежат бинарные оппозиции. Их использование при восприятии и категоризации мира свидетельствует о том, что между научным и мифологическим мышлением, между логикой первобытного и современного человека не существует качественных различий. С позиции современного реципиента многие черты, присущие наскальному искусству, характеризуют общую культурную парадигму современности. Создатели произведения искусства: первобытный человек и художник-постмодернист — являются участниками своеобразного перформанса, истинный смысл которого заключается в самом акте воспроизводства художественного процесса. В рамках представленной логики

здесь важна, с одной стороны, технологичность изобразительной деятельности как составляющей определенной ритуально-обрядовой практики, с другой — непосредственная психико-эмоциональная вовлеченность автора в семиотическое пространство. Для иллюстрации отношения субъекта к символу можно воспользоваться примером использования наскальных изображений в опыте религиозно-мифологической, обрядовой традиции культуры народов, содержащих представления об их уникальном характере. В соответствии с кризисом репрезентации произведение наскального искусства, утратившее свою связь с архаическим предметом и явлением, не репрезентирует реальность, а отсылает нас к мифологическому, пантеистическому сознанию, в котором субъект не отделяет себя от познаваемого мира. Художественная практика архаичных форм и современное искусство представляются как совершенно различные формы деятельности человека: в первом случае это способ проникновения в ирреальное и трансцендентное и во втором — инструмент производства симуляции. Современный человек, находящийся в поле визуальной культуры, стремится формировать в своем сознании целостную картину мира на основе «первобытного синкретизма».

Лекус Елена Юрьевна

*Санкт-Петербург
Санкт-Петербургская государственная
художественно-промышленная академия имени А. Л. Штиглица,
доцент Центра инновационных образовательных проектов
Кандидат культурологии*

Становление категории «красота» в изобразительном искусстве: прошлое — настоящее — будущее

В докладе рассматривается становление категории «красота» как одной из ведущих эстетических категорий и анализируются ее исторически сложившиеся объективные типы в изобразительном искусстве. На основании анализа категорий «красота» и «прекрасное» в истории эстетической мысли и обширного художественного материала автор делает два принципиально важных вывода: во-первых, категории «красота» и «прекрасное» хотя содержательно близки, но не тождественны друг другу; во-вторых, красота является одной из главных констант художественного творчества, лежащих в основе разных художественных картин мира, в которых она трактуется по-разному под влиянием множества факторов: исторического, национального, религиозного, идеологического, моды и др. Изменения в понимании красоты в эстетике и художественном творчестве рассматриваются с позиции последовательно сменяющих друг друга разных форм диалектического синтеза других эстетических категорий, начиная с момента зарождения художественного творчества и заканчивая современным периодом. Так, автор выделяет несколько типов красоты, характеризующих протомиметическую (первобытное искусство), миметическую (искусство Древнего Востока, Античность, Средневековье, Новое время), немиметическую (модернизм) и постнемиметическую (постмодернизм) парадигмы. В соответствии с логикой научного исследования, предполагающей описание и объяснение предмета (в данном случае проблемы исторических и социокультурных трансформаций категории «красота»), а также предсказание, в заключении дается прогноз относительно возможности становления следующего исторического типа красоты с опорой на примеры из современного изобразительного искусства. Анализ исторической преемственности красоты, во-первых, выявляет новые закономерности в развитии художественного сознания и искусства; во-вторых, делает возможным применение альтернативного подхода к исследованию исторического развития художественного творчества, доказывающего, что каждая из рассматриваемых художественных парадигм обладает присущим только ей типом красоты; в-третьих, применение методов диалектического анализа и синтеза снимает противоречие между категориями классической эстетики и эстетическими паракатегориями постнеклассики.

Мальцева Елена Александровна

*Новосибирск
Сибирский государственный университет путей сообщения, доцент
Кандидат искусствоведения, доцент*

Железная дорога в пространстве современного театра

Железная дорога, возникшая как результат развития технической мысли, достаточно быстро стала самостоятельным культурным феноменом, активно взаимодействующим с другими элементами культуры, в частности со сферой художественного творчества. Художественный образ железной дороги многократно воплощен в произведениях живописи, литературы, музыки, кинематографа, театра. Путешествие по железной дороге радикально изменило представления человека о пространстве и времени: передвижение на поезде стало похоже на театральную постановку, когда «картинка» за окном быстро меняется, а время «сгущается», позволяя за короткий период пережить многообразные эмоции. С другой стороны, сам театр реагировал на происходящие в мире трансформации, частью которых была

железная дорога. Авангардные поиски новых форм привели к переосмыслению пространства и времени в театре вплоть до полного их уничтожения. В силу своей специфики театр не в состоянии передать реалистичный образ железной дороги так, как это делают другие виды искусства. С данным объектом театр обращается иначе: железная дорога становится частью художественной реальности, преобразуя сценическое пространство и время. Уже традиционным для театра стал перенос действия в иную сферу, не существующую в литературном источнике. В качестве такой сферы современные режиссеры часто используют пространство железной дороги (например, спектакли «Доходное место», «Зойкина квартира», «Возвращение», «С любимыми не расставайтесь» в новосибирских театрах). Однако и сама железная дорога может стать театральным пространством, полностью исключив систему «сцена — зрительный зал», например в спектаклях, поставленных в рамках направления *site-specific*. «Разговоры беженцев» К. Учителя — проект, действие которого происходит в пространстве реального железнодорожного вокзала, и оно задает форму спектакля. В череде театральных экспериментов — постановки, разворачивающиеся в движущемся локомотиве. В. Спесивцев в конце 1970-х перенес театральное действие в пригородную электричку в пьесе «Моей памяти поезд», а в 2006 г. вновь вернулся к этой идее в спектакле «Смертельно-смешное путешествие». Декорации в таком спектакле принципиально отсутствуют, реальное и театральное пространства смешиваются, зрители становятся соучастниками действия, время спектакля задается временем движения поезда, что совершенно меняет традиционную театральную схему. Техника *verbatim*, основанная на монтаже дословно записанной речи, позволила студентам школы-студии МХАТ впустить реальную жизнь железной дороги в театральное пространство — в спектакле «Транссиб» недельное путешествие сжалось до полутора часов, позволив зрителям стать попутчиками самых разнообразных героев, слушателями их живых историй. Таким образом, железная дорога и театр — культурные феномены, вступающие в активное взаимодействие в процессе художественного творчества и порождающие новые формы художественной интерпретации действительности.

Мелихова Лариса Анатольевна

Москва
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Аспирант

Природа культуросообразных перспектив графики В. Н. Петрова-Камчатского

Актуальность темы связана с исследованием страниц советской графики, творчества большого художника и организатора образования В. Н. Петрова-Камчатского (1936–1993) как прекрасного художника эпохи второй половины XX в. Изучению и анализу его произведений было уделено недостаточно внимания. Литература по данному вопросу разрознена и пестра. Единого материала, раскрывающего специфику творческого метода, не существует. Из имеющихся библиографических описаний можно отметить: Абельдяева И. Г. Виталий Петров. М. : Советский художник, 1981. В докладе предполагается рассмотреть культурную ценность графического наследия художника В. Н. Петрова-Камчатского в сериях его работ в области линогравюры 60-х гг., литографии 60–80-х гг. из циклов «Камчатка» и «Чукотка». Проанализировать специфику авторского стиля, отметить особенности пластических решений в образной системе в устойчивых традициях графической изобразительности. Раскрыть творческий метод, новаторство мастера выделением основных мотивов и его пластической трансформации в условиях складывающейся программы советского искусства XX в. В своих работах художник Петров-Камчатский исследует бесконечность и открытость пространства Крайнего Севера. Для передачи сурового климата вечной мерзлоты автор выбрал графические техники исполнения — линогравюру и литографию. В его черно-белых гравюрах образы Чукотки и Камчатки — это созвучие времени и темы, формы и содержания. Он использовал минимальный набор художественных приемов: монохромную цветовую гамму, упрощение формы, игру фактур и светотени. Конструктивно выстроенное пространство в гравюрах напоминает кинетические движущиеся декорации. Соединив классические основы фигуративности и наследие авангардных направлений 20–30-х гг. XX в., художник не порывает с традицией, а модифицирует и обогащает ее. В контексте своего времени стиль, в котором работает художник, смело можно назвать «суровый романтизм». Но в полной мере его нельзя назвать реалистом. Это путь эволюции графических средств, а не отказ от академических основ. При внешней статичности, фронтальности, ярусно-ступенчатой композиции внутри произведений сконцентрированная экспрессия. Важное значение имеет белый фон листа, по-особому сияющий и организующий еще одну внутреннюю структуру графики. В циклах «Камчатка» и «Чукотка» таинственное, многоликое пространство, сотканное из света и воздуха, стало многозначным объектом изображения, представленным в разнообразных ракурсах. Небо, скалы, тундра, море, океан в произведениях Петрова-Камчатского наполнены реальным жизненным смыслом и тесно связаны с героями и их судьбой. Художник находит пластические графические приемы, передающие общность природы и человека, показывая, что мир вокруг — это единое пространство. Переосмысление значения творчества В. Н. Петрова-Камчатского открывает новые перспективы для исследования эволюции построения форм и образов в пространстве художественного произведения.

Мельникова Светлана Витальевна

Екатеринбург
Уральский федеральный университет имени первого Президента
России Б. Н. Ельцина, доцент
Кандидат философских наук, доцент

Фасилитированная дискуссия в современном музее, или О миссии эксперта-посредника (в соавторстве с А. В. Булатовой)*

Никифорова Лариса Викторовна

Санкт-Петербург
Академия Русского балета имени А. Я. Вагановой, профессор
Доктор культурологии, профессор

Искусство как форма культурной памяти: наследие Аби Варбурга в теории и истории художественной культуры

В теории и истории художественной культуры наследие Аби Варбурга практически не представлено. В концепции М. С. Кагана теория художественной культуры — это синтез эстетики (духовно-содержательное измерение), социологии (институциональное измерение) и искусствознания (морфология искусства как теории разных видов искусства) (Каган М. С. Художественная культура как система // Каган М. С. Системный подход и гуманитарное здание. Л., 1991). В учебниках и учебных программах по истории и теории художественной культуры последняя выглядит как сумма теорий различных видов искусства, их выразительных возможностей или языков (Основы теории художественной культуры / под общ. ред. Л. М. Мосоловой. СПб., 2001). Учебные программы вузов в целом следуют этой модели, предполагающей, как ни парадоксально, расчленение, а не синтез — отделение мира искусства от других видов деятельности и внутреннее деление искусства на виды. При всей продуктивности этой теории на этапе становления культурологии она требует развития. Теорию художественной культуры стоит обогатить наследием Аби Варбурга, метод исследования которого его последователи называли «наукой о культуре» и «культурной историей образов» (Мир образов — образы мира : хрестоматия / под ред. Н. Н. Мазур. М., 2018). Несмотря на то, что исследования Варбурга и его последователей выполнены, в основном, в формате конкретных кейсов, гамбургскую школу искусствознания можно без преувеличения назвать культурологией искусства (Васильев А. Г. Теория социальной памяти Аби Варбурга: между философией культуры и искусствоведением // Искусствознание. 2009. № 1/2). Для понимания художественной культуры как концепта, ориентированного на взаимосвязи между искусствами, между высоким искусством и массовой образностью, между искусством и внехудожественной реальностью (культурным контекстом), важны несколько теоретических идеи А. Варбурга. Жизнь визуальных формул прошлого в настоящем позволяет увидеть не только взаимосвязи исторических эпох, но и точки разрыва; позволяет трактовать обращение к визуальным формулам прошлого как способ выразить современные идеи и ценности. Эти идеи коррелируют с концепцией «изобретения традиции» (The Invention of Tradition. Ed. by Eric Hobsbawm & Terence Ranger. Cambridge, 1983). Пути «переселения» образов во времени и пространстве позволяют очертить границы ойкумены (цивилизации) как в географическом, так и в историко-культурном аспекте. Перемещение образов между разными медиа, между высоким искусством и массовой культурой дает возможность судить о ключевых идеях эпохи, связывающих различные контексты: художественный, политический, социальный, символический. Концепция искусства как инструмента памяти Аби Варбурга дает инструмент анализа классической художественной традиции в полицентричном пространстве современной культуры.

Отургашева Наталья Вадимовна

Новосибирск
Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, доцент кафедры
международных отношений и международного сотрудничества
Кандидат филологических наук, доцент

Женственность и мужественность как социокультурные конструкты в современном российском кинематографе

Традиционная дихотомия женственного (слабого, пассивного) и мужественного (сильного, активного), закреплённая в архетипах коллективного бессознательного и выразительно представленная в мировой художественной практике, заметно трансформируется под воздействием происходящих в современном мире изменений самого разного уровня.

* См.: А. В. Булатова.

Актуализируются гендерные исследования, в рамках которых женское и мужское понимаются как биологические категории, а женственное и мужественное — как культурные конструкты, сформированные обществом. При этом социальные параметры половой идентичности не всегда совпадают с биологическими характеристиками, а иногда и противоречат им. Меняющаяся жизнь вносит существенные коррективы в наши представления об иерархической структуре мужского доминирования и женского подчинения в семье и обществе. Кризис традиционной маскулинности в западном мире делает очевидной необходимость поиска и обретения новых ценностно-идеологических контуров мужественности и женственности. Российский кинематограф активно включается в обсуждение и художественный анализ этих процессов. Странность, инаковость, выпадение за пределы нормы — то, что объединяет героев анализируемых фильмов. Мужественный Егор Коршунов, лесник, бесстрашно вступающий в противоборство с бандитами — браконьерами в начале фильма «Человек, который удивил всех» (2018, Н. Меркулова и И. Чупов), во второй его части примеряет на себя роль женщины, желая обмануть неизбежную, по словам врача, смерть. У одинокой и интеллигентной работницы зоопарка, скромно живущей с матерью, вдруг вырастает хвост, а вместе с этим атавизмом просыпается чувственность непреодолимой, почти хтонической силы («Зоология», 2016, И. Твердовский). Герой фильма «Слоны могут играть в футбол» (М. Сегал, 2018), напротив, стремится избавиться от бремени пола, очистить любовь от всякого физиологического привкуса и насладиться ею в рафинированном виде отцовского чувства обожания взрослой дочери, которой у него никогда не было. Обращение к мифу восстанавливает единство природного и человеческого мира (хтонические внерациональные образы) и допускает мистическое путешествие души из одного тела в другое через магический ритуал инициации. Природный универсум меняет людей или становится молчаливым свидетелем их изменений. Но социум настоятельно вторгается в мир человеческой тайны и выставляет ее на позор и осмеяние. Предопределенность существования в соответствии с отведенными мужчине и женщине социокультурными и психологическими ролями подвергается суровому испытанию в художественном пространстве авторского кино: общество не готово принять нарушение предписанных им правил и сложившихся стереотипов в отношении «феминности» и «маскулинности». Бремя пола проявляет себя как конфликт природного и социального, биологически обусловленного и культурно адаптированного, телесного и духовного, зачастую обобщаясь трагедией личной судьбы, одиночеством, смертью.

Петухова Татьяна Ивановна

Санкт-Петербург

Санкт-Петербургский государственный университет, доцент

Кандидат филологических наук, доцент

Изобразительное искусство соцреализма в зеркале англоязычного искусствоведческого дискурса (в соавторстве с Е. Г. Хомяковой)

Доклад посвящен исследованию оценочной интерпретации изобразительного искусства соцреализма в современном англоязычном искусствоведческом дискурсе, в ходе которого было выявлено изменение характера оценки деятельности советских художников, работавших в русле этого художественного направления, а также определена роль социоисторических и геополитических условий создания произведений искусства и контекста их восприятия для оценочной интерпретации этих произведений за рубежом. Рассмотрение творчества художников с учетом широкого спектра культурно-исторических и социально-политических установок позволяет экспертам в области русской живописи наиболее полно интерпретировать его информационно-семиотическую составляющую, разработать новые подходы к анализу произведений изобразительного искусства, позволяющие выявить доминантные культурно-ценностные смыслы, определить концептуальное содержание произведений сквозь призму межкультурной парадигмы. Анализ англоязычных искусствоведческих текстов проводился в рамках комплексной методологии с использованием лексико-семантического, прагматического и когнитивно-дискурсивного методов анализа. В результате проведенного исследования можно сделать вывод об изменении вектора оценочной интерпретации творчества советских художников и о формировании нового научного знания в западном социуме об искусстве соцреализма. В ходе исследования была выявлена биполярность оценочной интерпретации живописи соцреализма в англоязычном искусствоведческом дискурсе, которая выражается в языковой экспликации как социально стереотипного, так и авторского понимания смысла произведений соцреализма. Объективируя в искусствоведческих исследованиях противоположные взгляды на искусство советских художников, зарубежные эксперты предлагают оценочную интерпретацию, актуализирующую не противопоставление, а взаимодействие и интеграцию оценочных смыслов. Это позволяет им трансформировать подходы к идентификации ценностного компонента произведений изобразительного искусства соцреализма, выработать новые критерии оценки и сформировать иные, отличные от традиционно принятых в западном мире, модели оценочной интерпретации. Проведенный анализ свидетельствует о неоспоримой значимости изобразительного искусства соцреализма в культурном наследии России, а также признании роли его ценностных координат в мировой культуре.

Методологические особенности исследования российского абстракционизма конца XX – начала XXI века

Обращение позднесоветских и постсоветских художников к традиции западного абстракционизма воспринималось как заимствование и ставило российских мастеров в позицию второстепенных авторов. Критики часто противопоставляли живописную традицию и дизайнерский подход в искусстве, относя абстракционизм ко второму явлению, не имеющему серьезных претензий на художественность. В постсоветском пространстве сформировался подход, предполагающий изучение абстракционизма с точки зрения эволюции творческого метода автора. Действительно, для ряда художников обращение к беспредметности стало этапом освобождения от прежнего творческого метода и возможности найти новые пути сложения формы. Исследовательские методы семиотики и структурализма обходили абстракционизм на протяжении всей второй половины XX в. Отчасти это было вызвано полулегальным положением советского беспредметного искусства. Оно не было запрещено в 1980-е и 1990-е гг., но искусствоведческая традиция понимания и интерпретации беспредметности находилась в состоянии отказа от советских стереотипов, поиска места беспредметности в уже утвердившейся логике развития русского искусства. Обращение к беспредметности художников позднесоветского периода связано с творчеством неконформистов 1960–1970-х гг. Позднесоветское и постсоветское искусство характеризуется отечественными исследователями как советский постмодернизм. В плане обращения к абстракционизму художники имели два источника: практика западного абстракционизма и беспредметное искусство русского авангарда. В условиях ограничения информации о западной живописи и русском авангарде большую роль играло интуитивное домысливание и бессознательное творческое стремление к новым формам. Таким образом, практика обращения позднесоветских и постсоветских художников к беспредметности не ограничивается исключительно заимствованием уже готовых решений. Для исследования этой практики комплексно следует представить абстракционизм XX в. как формирующуюся структуру, в которой есть постоянные языковые элементы, составляющие основу коммуникации. Русский авангард и западный абстракционизм представлялись уже сложившимися художественными явлениями, в основе которых структура со схожими языковыми элементами. Художники-абстракционисты конца XX – начала XXI в. отражали современные мировоззренческие установки общества, обращаясь к языку абстракции как к уже сформированному в искусстве языку со сложившейся структурой. Другими словами, живописцы говорили о современных проблемах общества на языке абстракции. При этом само освоение языка абстракции шло опытным путем на основе представлений об истории абстрактного искусства и личной творческой практики. Постмодернистская многослойность российской беспредметности конца XX – начала XXI в. диктует обращение к методологии французских структуралистов второй половины XX в.

Рейфман Борис Викторович

Москва

Российский государственный гуманитарный университет, доцент

Кандидат культурологии, доцент

О различии культурных оснований стилистически схожих европейских и японских фильмов 1950-х – 1960-х годов

Важную роль в произошедшем в 1950-е гг. сближении японского кино и европейского интеллектуального зрителя сыграли главный редактор журнала «Кайе дю синема» Андре Базен и работавшие в этом журнале молодые критики, вскоре ставшие режиссерами французской «новой волны». Именно эти молодые критики включили творчество таких японских кинорежиссеров, как Кэндзи Мидзогути, Ясудзиро Одзу, Акира Куросавы, Канэто Синдо, и сегодня чуть менее известных Микио Нарусэ, Кон Итигава, Масаки Кабаяси в тот ряд, который очерчивался понятием «авторское кино», рождавшимся в это же время. Однако Базен, говоря о японском кино 1950-х, в отличие от своих более молодых коллег из «Кайе дю синема», восхищается в первую очередь не достоинствами стиля того или иного японского режиссера-«автора», а тем, что все эти индивидуальные стили причастны, по его мнению, к гораздо более важной, чем любой индивидуальный стиль, анонимной японской древней культурной традиции. При этом японские режиссеры часто используют те же самые приемы, что и такие европейские «авторы», как Р. Брессон, М. Антониони, И. Бергман, А. Тарковский, прежде всего съемку, известную как «длинный план», фундаментальные основания этого использования у японских режиссеров совсем иные, чем у европейских. По мысли Базена, стратегию европейских «авторов» (сегодня мы можем назвать их киномодернистами) ориентирует стремление сквозь экранную реальность пробиться к самому глубокому, экзистенциальному, уровню зрительской персональности, на котором бытийствует интересубъективное «всеведение» по поводу подобного страстям Христовым личного страдания,

личного неотменимого пути на Голгофу. Говоря же о глубинных истоках стиля японских режиссеров, воспользуюсь рассуждениями известного японского философа Сакабэ Мэгуми о созданном в 1961 г. фильме Ясудзиро Одзу «Осень семьи Кохаягава». «Что особенно поразило меня в этом фильме, — пишет Мэгуми, — так это некоторые простые телодвижения... которые очень напоминают пластику актеров театра Но». По мнению Мэгуми, такой характер движений, как и создающая «длинные планы» отчужденная кинокамера и бесстрастная «масочность» многих лиц как в кино, так и в жизни, связаны со своего рода «внеличностностью» японской культуры, которой присуще «наличие более неопределенной, нежели в западной культуре, грани между естественными и ритуализированными движениями. «...В культурной истории Японии... не было такого исходного пункта развития человека, как "личность", — говорит философ, — ...было ли отсутствие личности несчастьем для нас, японцев, или нет... сложная и трудноразрешимая проблема». Японская культура — это культура тотальных отражений, а не иерархии истин и их «ложных», несовершенных отражений. Именно поэтому, полагает Мэгуми, фильмы Одзу и других японских «авторов» подразумевают не выход зрителя за пределы своей «поверхности» ради обретения личностной экзистенции, а, скорее, выход в область своего «ничто».

Скотникова Галина Викторовна

*Санкт-Петербург
Санкт-Петербургский государственный институт культуры;
Российский институт истории искусств, профессор,
ведущий научный сотрудник
Доктор культурологии, профессор*

Византийская духовность XII века в новой культурологической парадигме

В современном культурно-историческом сознании XII век. Византии предстает как «квинтэссенция византизма». Выявление составляющих духовного строя этого периода византийской культуры, рассматриваемой как целостность, является по специфике своей исследовательской природы — культурологической задачей. Необходимо отметить, что в развитии культурологического научного подхода отечественной византистике принадлежит немалая роль. Так, А. П. Рудаков в книге «Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии», увидевшей свет в 1917 г., обосновал назревшую потребность изучения византизма как культурно-исторического типа, преодоления узкоспециализированного подхода. В послеоктябрьский период византиноведение, как известно, пережило катастрофу, будучи разрушено как единая область знания. Однако «трудный путь в Византию» (Каждан А. П. Трудный путь в Византию // Одиссей. Человек в истории культуры. Историк и время, 1992. М. : Круг, 1994. С. 35–50), пройденный многими советскими исследователями, принес свои плоды. В 1968 г. была опубликована книга А. П. Каждана «Византийская культура (X–XII вв.)», в которой автор, подчеркивая, что византийская культура не сводится к сумме памятников, что возведенный в абсолют описательно-классифицирующий метод убивает целое, поставил задачу выявления принципов, на которых строилась культура Византии. Развернутая картина действия этих принципов в византийском духовном мире оказалась блестяще представлена в творчестве академика С. С. Аверинцева. Целостность, одновременно подвижность и устойчивость византийской картины мира, ее потенциальную значимость для полноценного существования современного индивида раскрывает в своих трудах чл.-корр. К. В. Хвостова, идя по пути исследования социально-экономических реалий культуры Византии. Сущностные черты византийской культуры, ее ключевые категории выявлены в фундаментальном исследовании Г. С. Колпаковой, посвященном искусству Византии. Основными векторами обновления византистики являются опора на эстетико-метафизическую методологию, дающую представление о духовно-ценностном содержании явлений, и поиск путей развития когнитивной византистики. XII век византийской культуры именуется «веком гуманизации» благодаря свободному раскрытию личностных сил (в богословии, церковном искусстве, философии, литературе и др.). Одним из возможных путей обоснования этого имени служит создание «вербальной карты» века Комнинов посредством выявления на различных уровнях (бытовом, научном, мировоззренческом) когниций, концептов и категорий, дающих представление о доминантных опорах самоощущения личности. Художественно-духовное наследие Византии XII в. — несравненный цивилизационный ресурс современности.

Усовская Элина Аркадьевна

*Минск
Белорусский государственный университет,
заведующая кафедрой культурологии
Кандидат культурологии, доцент*

Искусство белорусского постмодерна

Постмодерн при всей полемичности и неоднозначности собственного определения и содержания оказался важным периодом в развитии цивилизации и культуры второй половины XX в., во всяком случае, в аспекте признания важ-

ности проблем культурных различий, гендера, мультикультурности, в целом так называемых культурных поворотов. Постмодерн в Беларуси был связан с несколько другими реалиями и проблемами, нежели в западной цивилизации. Вернее, для советского и постсоветского постмодерна одним из значимых вопросов стал поиск путей развития независимости, а также основ национальной идентичности. Наряду с другими проблемами эти вопросы оказались в центре пространства искусства, чаще всего альтернативного, «непослушного». Создание литературных объединений, появление первых арт-проектов и институций, репрезентация в творчестве многих художников злободневных тем и повышенная рефлексия над прошлым и настоящим составили ядро эстетики периода конца 1980 — начала 2000-х гг. В произведениях А. Клинова, Р. Вашкевича, И. Тишина через откровенную иронию, стёб, сентенции актуального искусства рассматривается проблема белорусской ментальности, знаковой репрезентацией которой стала ментальность партизанская, созвучная детерриториализации постмодернизма. В то же время экзистенциальные, вечные темы, касающиеся личности, личностного выбора, свободы, по-прежнему сохраняли актуальность. Особое значение приобрели inferнальные мотивы, собственно всегда характерные для белорусской литературы и искусства. «Нулевые» стали еще одной вехой в развитии искусства. Постмодерн и постмодернизм не утратили своего значения в связи с незаконченностью цивилизационно-культурного выбора наций и государствами. Однако формат радикальной критики и рефлексии сменился на более спокойный тон. Сегодня многие художники и писатели продолжают эксплуатировать проблематику и сюжеты последних лет тридцати, центральными из которых являются «тутэйшасць» белорусов, образ партизана и так называемая советскость постсоветской Беларуси. В то же время появляются сюжеты, связанные со злободневными социальными проблемами, гендерной идентичностью, отношениями между поколениями, представленные, в частности, белорусским кинематографом последних лет: «Выше неба», «II», «Шабаны». В прозе И. Бобкова звучит ностальгия-осмысление национального культурного возрождения второй половины 1980-х гг. А. Горват возвращает читательскую аудиторию к истокам той самой «тутэйшасці», жизни так называемых обычных людей, людей белорусской глубинки. Помимо практик альтернативного, современного искусства, существенное место продолжали и продолжают занимать традиционные, реалистические и постреалистические направления белорусского искусства, сохраняющие верность в хорошем смысле академизму и открытиям сурового стиля.

Устьянцева Елена Валентиновна

Якутск

*Якутский колледж культуры и искусств имени А. Д. Макаровой,
преподаватель*

Межэтнические коммуникации в музыкальной культуре Якутии

Межэтнические коммуникации на территории Сибири и Дальнего Востока на протяжении многих веков способствовали развитию национальных культур с помощью их интеграции, а также и формирования самостоятельного направления. Отличительной чертой культурных традиций Якутии является положительный опыт творческого взаимодействия представителей различных этнических групп, проявивших интерес к раскрытию внутреннего потенциала фольклора коренных народов. Особую роль в развитии национальных культур сыграли композиторы России, принявшие участие в создании классического репертуара для якутского зрителя в 1940–1950-е гг. Сравнивая современную социально-политическую ситуацию в России с послевоенным периодом середины XX в., отмеченным небывалым эмоциональным подъёмом, связанным с верой в светлое будущее, можно предположить, что основная проблема нашей современной действительности кроется в отсутствии общей для всей страны идеи, призванной обратить людей к традициям предшествующих поколений, чьи помыслы были направлены на всеобщее объединение и сохранение культурных и семейных ценностей, а также на заботливое отношение к природе. В современных условиях городской среды усиление роли развлекательных форм досуга может привести к трансформации изначальных нравственных устоев, прежде формировавших этические нормы межличностных отношений, поскольку современная индустрия культуры зачастую имеет лишь бессодержательный, увеселительный характер. В этой связи особое внимание заслуживает деятельность республиканского Дома народного творчества имени А. Е. Кулаковского, подчиненная благородной идее поддержки различных диаспор народов Якутии, бережно сохраняющих традиции своих этносов. Определяя вектор дальнейшего развития современных направлений в искусстве, необходимо создать общую платформу духовно-нравственных ориентиров, не исключаящих позиции гуманизма 40–50-х гг. прошлого столетия, когда духовная сила советского народа подняла нашу страну на небывалые высоты после разрушительных, трагических военных лет (1941–1945). Возможно, нам следует обратиться к своей истории и вспомнить особенности взаимоотношений многонационального общества, известного своей беспримерной созидательной активностью, поскольку несколько десятилетий оно удерживало передовые позиции по многим направлениям социально-культурного развития. Путь возрождения культурных традиций середины XX в., на наш взгляд, способен возобновить духовные основы прошлого и с применением новых технологий обозначить вектор эволюции национальных культур.

Проблемы и перспективы развития российского кинематографа

В данном докладе освещается одна из актуальных и влиятельных на человеческое воздействие сфер — российский кинематограф. В силу своего статуса как средства массовой коммуникации кино обладает огромным потенциалом воздействия на общество, а значит, может вести информационную войну. Как бы ни относился зритель к показанному на экране, по какой бы причине он ни шел в кинотеатр: провести свободное время, встретиться с друзьями, наконец, получить наслаждение от произведения искусства, — в любом случае «мир» фильма, хотя бы одной из своих многочисленных сторон, затрагивает его духовное развитие. Особенно тогда, когда этот «мир» организован по законам зрелища. Вместе с распадом СССР перестал существовать и кинематограф, т. к. оттуда ушли все, кто только мог. Кинотеатры переделали под рынки, по телевизору показывали дешевые сериалы, а в переходах продавали пиратские кассеты и диски низкого качества с зарубежными фильмами. Очередной бедой, свалившейся на российский кинематограф, стал кризис 1998 г. В истории отечественного кино были «золотые эпохи», когда работали локомотивы, которые тянули за собой весь кинематограф и держали ориентир на массового зрителя. Многие лидеры на сегодняшний день снимают фильмы, не рассчитанные на широкую публику, более того, эти фильмы пытаются угодить западным тенденциям и трендам. Наблюдения показывают, что за последние 10 лет российский кинематограф, с одной стороны, стал мощной индустрией, но с другой — к сожалению, прославляет антидуховные и антипатриотические ценности. На конференции будет представлено краткое теоретическое обоснование темы, история и причины сильнейшего влияния Запада на нашу культуру, которое идет уже более 80 лет, пример сериала российского производства, грубо нарушающего Конституцию Российской Федерации, а также поэтапные пути решения, способные стать основой для предотвращения угрозы. Эти этапы разработаны на основе результатов исследования, направленного на укрепление государственного суверенитета нашей страны.

Хомякова Елизавета Георгиевна

Санкт-Петербург
Санкт-Петербургский государственный университет,
и. о. зав. кафедрой английской филологии и лингвокультурологии,
профессор
Доктор филологических наук

Изобразительное искусство соцреализма в зеркале англоязычного искусствоведческого дискурса (в соавторстве с Т. И. Петуховой)*

Юрева Татьяна Семёновна

Санкт-Петербург
Санкт-Петербургский государственный университет, профессор
Доктор искусствоведения

Из эмиграции в эмиграцию.

Русское зарубежье в мировой культуре XX–XXI веков

Культура русского зарубежья имеет свою биографию, которая создается на протяжении более ста лет. Пласты истории нуждаются в пересмотре, казалось бы, незыблемых положений. Вносить динамику осмысления фактов, которые давно известны, необходимо. Существенны нюансы, акценты. Из моих наблюдений, касающихся «Мира искусств» и русского зарубежья, стало ясно, что есть необходимость уточнений некоторых фактов истории. В какой-то степени я пыталась дать ход своим размышлениям в статьях. И каждый раз понимала, что продолжение следует. Точка зрения, утверждающая, что о современном искусстве рассудят потомки, провоцирует меня на определенные поступки. Совершенно ясно, что оценочная шкала остается даже в наши времена, когда «anything goes» — «всё позволено». Поразительно, но в период XX–XXI вв. вырисовываются фундаментальные особенности, которые дают основание для конкретизации выводов при исследовании этой страницы отечественного искусства. Долгие годы непосредственного знакомства со многими художниками призвали меня исследовать природу их компромиссов с собой и с временем своей жизни. Особое, пластическое закодирование решений произведений было не понято властью, но отражало суть времени. На моих глазах бунтари становились классиками. «Враги народа» — его героями. Россия — страна, способная удивлять. Со щедростью, достойной лучшего применения, она расставалась

* См.: Т. И. Петухова.

с неугодными или нелояльными к власти деятелями культуры. Российское общество теряло свой цвет. Вот только некоторые имена: А. Бенуа, С. Дягилев, З. Гиппиус, Д. Мережковский, В. Набоков, М. Ларионов, Н. Гончарова... В России Серебряный век называли позорным десятилетием. Как и весь русский авангард, он был вычеркнут из истории российской культуры минимум на пятьдесят лет. В советское время откровенно освобождались от таких талантов: М. Растроповича, И. Бродского, Э. Неизвестного, М. Шемякина, А. Синавского, Ю. Даниэля и многих-многих других. Париж, Берлин, Нью-Йорк — места их высылки. Они любили и ценили Россию, где бы ни жили. У Петербурга не только своя душа, но и своя трагедия, о которой постоянно напоминают тени предков. Петербургская часть русского зарубежья была пропитана особым ощущением мира, индивидуальными чертами творческого почерка, не изменившегося на чужбине: сочетание строгости и фантастики, эстетический изыск и стремление к классической завершенности по-разному поняты художниками. Без петербургско-царскосельских аллюзий не было бы ни Серебряного века, ни русского авангарда. Представители русского зарубежья продолжали прославлять русскую культуру в мировом масштабе. Плоды их творчества, отмеченные развитием национальных традиций, — яркий вызов Отечеству, с требованием если ни веры, то признания. Что и свершилось! В докладе анализируется творчество наших соотечественников: Э. Неизвестного, В. Комара и А. Меламида, М. Шемякина, О. Целкова, Л. Сокова, Г. Брускина, О. Васильева, Л. Ламма, А. Нея; определяется их роль в художественном процессе мира.

Культурология медиасферы

Модераторы Н. Б. Кириллова, Т. Б. Сиднева

Божедаров Дмитрий Александрович

Саранск

Национальный исследовательский мордовский

государственный университет имени Н. П. Огарева, доцент

Кандидат филологических наук

Философия сетевой коммуникации — новый дискурс медиалогии

Медиакоммуникационное пространство, сформированное на рубеже двух столетий, позволило человечеству не только заглянуть далеко за горизонты, но и значительно изменить координаты, сократив расстояние и время до минимума. Скорость обмена информацией превзошла все футурологические представления, которые строились ранее. Однако подобный кибернетический бум с участием новейших технологий и цифровых форматов оказался не достаточным для личностной самореализации и достижения перспектив, позволяющих добиться успеха. Как протест, как альтернатива и как новая возможность значительно улучшить показатели в процессе достижения социального успеха стремительно формируется сетевое медиакоммуникационное пространство. Две медиакоммуникативные системы не входят в противоречие, они становятся конкурентными субстанциями современного социума. Функционирование первой выстраивалось на основании определенных правил, требований, этических и эстетических норм. Вторая субстанция возникла стихийно, не принимая никаких институциональных ограничений. В результате стихийности и практической неуправляемости современное общество получило ряд негативных социальных последствий от проявления медиа-объектов сетевого коммуникативного пространства. В настоящее время назрела острая необходимость определения новых концептуальных подходов к теоретическому анализу функционирования сетевой медиакоммуникационной среды с целью формирования методологии управления системой. Необходимо определить наиболее эффективные концепции изучения и анализа сетевого коммуникативного пространства; обозначить методологические подходы к типологизации медийных объектов; изучить возможности формирования медийного образа в условиях сетевого медиакоммуникационного пространства; подвергнуть первичному анализу просоциальные и асоциальные интеракции; определить возможные причины их проявления. Автор выделяет пять системных проявлений (признаков) сетевой медиакоммуникации:

1. Признак «безбарьерной среды».
2. Признак «пионера».
3. Признак «симулякра».
4. Признак «моргенштерна».
5. Признак «мигрирующего образа».

Все представленные синдромы выделены на основе анализа множества медийных объектов и их социальных (асоциальных) проявлений. Каждый из них требует дальнейшего анализа и обобщения. По мнению автора исследования, полученные в ходе обобщения данные позволят приблизиться к формированию методологии управления системой сетевой медиакоммуникации или позволят выработать способы влияния на нее.

Бычкова Ольга Анатольевна

Чебоксары

Чувашский государственный педагогический университет
имени И. Я. Яковлева, доцент кафедры литературы и культурологии,
заведующая кафедрой литературы и культурологии
Кандидат филологических наук, доцент

Реализация жанра антиутопии в пространстве компьютерных игр (в соавторстве с А. В. Никитиной)

Антиутопия как жанр литературы зародилась в XX в. абсолютно закономерно: устои и ценности века XIX подверглись окончательному разоблачению: «эсхатологические настроения», «эпистемологическая неуверенность» и т. п. определили облик искусства модернизма и постмодернизма XX и XXI вв. Знаковыми фигурами времени стали Ф. Ницше, Ф. Кафка, Л. Шестов, Х. Ортега-и-Гассет, Ж.-П. Сартр, А. Камю, Р. Барт, М. Фуко и др. Классику жанра составляют «Мы» Е. Замятина, «О дивный новый мир» О. Хаксли, «1984» Дж. Оруэлла, «451° по Фаренгейту» Брэдбери и т. п. Конфликт личности и тоталитарного государства, технократической цивилизации и духовного начала, разрыв с прошлым, неверие в прогресс и пессимизм — вот постоянные черты, среди которых прогностическая функция антиутопии является ведущей. Современная литература, развиваясь в киберпространстве, стала более ироничной и безрадостной. Разнообразна проблематика антиутопии: человек в компьютерном мире («CTRL+S» Э. Бриггс, «Страна Качества. Qualityland» М.-У. Клинка, «Станция "Одиннадцать"» Эмили Сент-Джон Мандел), постапокалиптический мир («Метро 2033» Дм. Глуховского, «Первый год. Чужая эра» Д. Кисилевского, «Код Гериона. Осиретевшая» Л. Брус) и т. п. В свою очередь видеоигры развивают жанр антиутопии и формируют новые семантические поля, оказывающие влияние на картину мира игрока. В отличие от литературной антиутопии, дистопии видеоигр предполагают иную степень вовлеченности. Понимание повествования — это активный процесс, в ходе которого происходит, во-первых, сравнение с подобного типа повествованиями, на основе которого, во-вторых, формируются ожидания дальнейшего развития сюжета — своего рода ментальные карты повествования. Игроки действуют внутри этих ментальных карт, чтобы буквально протестировать этот мир на себе. Исследователь Эспен Аарсет описал данную особенность как эргодичность (производное от *ergon* — труд и *hodos* — путь) — форма когнитивной вовлеченности, когда игрок прилагает нетривиальные усилия для того, чтобы сформировать личный опыт проживания в антиутопии. Игровые антиутопии могут направлять внимание человека через смежные образы, благодаря которым игрок сравнивает разыгрываемые события с тем, что он знает о реальном мире (например, «Fallout 3», «Fallout 4»). Игра уменьшает расстояние между фантазией и реальностью, поскольку обозначенные в ней проблемы актуальны для нашего мира: борьба с бедностью, этнические и расовые конфликты, комплекс проблем, связанных с развитием искусственного разума. Таким образом, в отличие от литературной антиутопии, антиутопия игровая побуждает к постоянному осуществлению сложного выбора. Предоставление игроку возможности выбора и, следовательно, ответственности за дальнейшее развитие игрового мира формирует эмоциональный отклик — катарсис. Следовательно, сюжеты антиутопии очень востребованы и получают дополнительные возможности реализации этико-социальных потребностей общества в пространстве современных видеоигр.

Высоцкий Вадим Борисович

Санкт-Петербург

Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна,
доцент кафедры журналистики и медитехнологий СМИ
Кандидат культурологии, доцент

Субъективизм как функция и дисфункция медиасферы

Многие европейские периодические издания в качестве названия и концепции использовали метафору зеркала. Но, как известно, отражения не могут претендовать на абсолютную адекватность. Ракурсы и проекции, которые создаются отражениями действительности в СМИ, являются составляющими конкретного общего культурного кода, а также текущей конъюнктуры. Таким образом, институция, претендующая на принципиальную объективность в передаче информации, попадает в проблемное поле субъективизма. Это противоречие коррелируется с реализацией свободы в медиасфере. Анри Бергсон писал о неодолимости свободы в связи со свойством слова перемещаться. Свобода — важнейшая универсалия культуры. Одним из ее маркеров является свобода обмена информацией. Потому что «в начале было Слово», и потому что язык — единственный способ осмысленного существования, которое обязательно подразумевает интерпретацию. Свобода мысли воплощается в свободе слова, свобода слова реализуется в свободе печати. Но, как только появляется прообраз классических СМИ: римские *acta diurna*, — возникает цензурирование информации. История журналистики во многом история борьбы за свободу печати и цензуры, с другой стороны. Так почему же полная свобода СМИ, если таковая возможна, ведет к «разнузданности печати», по словам Марка

Твена? И где пределы субъективности, которые не могут быть определены современной медиаэтикой однозначно? Необходимо рассмотреть функциональную природу субъективности в СМИ. Этот анализ позволит сконструировать механизм культурной регуляции применительно к медиапространству. Одним из способов достижения этой цели является вычленение и трансляция культурных констант, которые не будут подвержены конъектурной амортизации под видом творческих модуляций. Очевидно, что эта деятельность возможна при обязательном условии интеграции усилий культурологов, философов, социологов и журналистского сообщества. Собственно, на эту тему рассуждали многие деятели — от Джона Мильтона до Пьера Бурдьё. Но озвученная проблема приобрела особый смысл в эпоху развития «новых СМИ» и деформации традиционных ценностей.

Голик Надежда Васильевна

Санкт-Петербург

Социологический институт Российской академии наук —

филиал Федерального научно-исследовательского социологического

центра РАН, ассоциированный сотрудник

Доктор философских наук, профессор

Зачем нам просвещение в эпоху digital man?

1. Несколько информационных революций знает история человечества, последний этап которой принято называть цифровой цивилизацией. Инновационная революция, благодаря Интернету, необратимо изменила мир и сотворила нового человека — Digital Man, человек, для которого цифра стала чем-то вроде Божества, определяющего формы, нормы, ценности и образ жизни.
2. Информационное пространство Интернета и его бесчисленные сайты рождают впечатление, что человек постоянно открывает самого себя, не ведая и не подозревая ранее о том, что он есть на самом деле, в реальности почти абсолютной свободы словоупотребления. Очевидно известное положение К. Ясперса о том, что человек всегда больше того, что он знает о себе. Вместе с тем сам человек как произведение культуры для большинства пользователей Интернета и его цифровых ресурсов становится персоной проблематичной.
3. Анализ этих явлений сопряжен с достаточно стойкими оценками в научной литературе, где отмечены процессы дегуманизации, снижения ценностного статуса культуры, вездесущность инструментально-технократических тенденций. Человек и его интеллектуально-духовные способности интерпретируются и оцениваются в жестких рамках соответствующих электронных форм, фиксирующих количественные показатели.
4. Но цифра в применении к характеристике человека, без соответствующего содержательного сопровождения, «отрезает» от человека его сущностную сторону. В результате мы имеем вселенную, населенную не только Digital Men, т. е. «цифровыми людьми», но одновременно и Digital Zombies, «цифровыми зомби». Digital Zombies — это существа без эмоциональных оттенков в восприятии мира и других людей, словно над ними произвели операцию лоботомии, в процессе которой удаляются соответствующие отделы мозга. Безусловно, современный мир — одно из превращений знаменитого «Одномерного человека» Г. Маркузе в пейзаже современной цифровой цивилизации.
5. Смысл описываемых явлений невозможно понять без обращения к истории. По своему пафосу современная цифровая революция очень напоминает время первого этапа модернизации Европы, связанного с эпохой Просвещения. Та же прогрессистская интенция, та же вера в благо и победоносность шествия новой эпохи, в данном случае цифровой. Но теперь магическая константа, обещающая решение всех проблем, — это цифра, заменившая Разум.
6. Поминальный звон «поминок по Просвещению» (Д. Грей) уже прозвучал. Однако следует помыслить, почему исторический background обсуждения проблем Просвещения в XVIII в. в Германии, например И. Кант, М. Мендельсон, связан с научными спорами о новых словах «культура», «образование», «просвещение», появившихся в немецком языке.

Гудова Маргарита Юрьевна

Екатеринбург

Уральский федеральный университет

имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, профессор

Доктор культурологии, доцент

Медиаарт — воплощение социокультуры эпохи постграмотности

Современную социокультуру мы определяем как социокультуру эпохи постграмотности. Нижней исторической границей такой социокультуры мы считаем средину XX в., когда на основе революции в информационных технологиях (К. Шваб) совершилась культурно-цивилизационная революция (Л. А. Закс) и произошел системный сдвиг социокультурных качеств грамотности и, как следствие, качеств действующих субъектов социокультуры. Эпоха постграмотности — это социокультурная эпоха, которую отличает сочетание следующих черт:

- 1) одновременное сосуществование в одном социокультурном сообществе различных медиа, каждое из которых нуждается в определенном специализированном виде грамотности;
- 2) разнообразие медиумов (уникальных мультимодальных текстов новой природы), востребующих для своего создания и интерпретации комплексной грамотности в отношении старых и новых медиа;
- 3) многообразие языков (лингвистических, художественных, научных, программирования), синтезируемых в уникальных медиумах;
- 4) наличие субкультур, чьи представители владеют ограниченным набором видов, форм и уровней грамотности, что приводит к коммуникационному разрыву (Б. Гройс) в пространстве социокультуры.

В эту социокультурную эпоху в конце XX — начале XXI в. на основе синтеза искусства традиционных форм, достижений науки и техники и новых информационных технологий возникает искусство новых медиумов (Р. Краусс), называемое в разных исследовательских парадигмах и Science-Art, и Digital-Art, и Media-Art, и искусство новых форм. Поскольку это новое искусство синтезирует при создании художественных проектов различные медиа, то мы будем придерживаться той традиции, что называет это искусство Media-Art. Традиции архивирования и описания медиаарта заложили такие авторы, как Оливер Грау и Розалинд Краусс. Р. Краусс, исследуя современное искусство и культуру, называет современную социокультурную эпоху эпохой постмедиаальности, поскольку она считает, что в искусстве, создаваемом на основе гибридизации медиа, возникают всякий раз такие гибридные художественные проекты, что не принадлежат ни к одному из известных медиа, а всякий раз порождают нового и уникального медиума. В этой уникальности каждого из художественных проектов, по нашему мнению, как в зеркале, отражается неповторимость и скоротечность каждого момента/фрагмента современной постграмотной и постмедиаальной социокультуры. Отдельные черты схватываются в уникальном медиуме, а целостная картина складывается из пазлов различных медиа-арт-проектов. Искусство наших дней, как называет медиаарт Оливер Грау, не только проявляет сущность социокультуры, в которой оно рождается, оно является наиболее гибким приспособительным механизмом социокультуры для того, чтобы адаптировать человека к тем революционным изменениям, что происходят вокруг него, сформировать необходимые в социокультурной жизни навыки сочетания различных гибридных, множественных форм грамотности.

Муликова Наталья Анатольевна

*Ставрополь
Северо-Кавказский федеральный университет,
доцент
Кандидат философских наук, доцент*

Влияние информационной культуры на межэтнический диалог

Представление об информационной культуре сложилось в середине XX в. в результате активизации исследовательского интереса к механизмам информационного взаимодействия с существенным усилением значимости информации в социокультурных процессах. Информационная цивилизация радикально преобразует социокультурное пространство, формируя новый тип культуры, а именно информационную культуру. Учитывая все многообразие подходов к определению информационной культуры, можно утверждать фундаментальность и многоаспектность данного явления. Информационную культуру следует рассматривать как процесс, эволюционирующий в обществе в поиске наиболее оптимальных форм взаимодействия, затрагивая мировоззренческие, когнитивные, морально-этические, психологические, социальные и технологические аспекты распространения информации в обществе и использование ее индивидом. Вопрос, касающийся рассмотрения информационной культуры, становится достаточно актуальным применительно к межэтническому диалогу в условиях этноконфессионального разнообразия. Примером такого региона является Северный Кавказ, который является регионом с исторически сформировавшейся поликультурной и поликонфессиональной сферой обитания. Вследствие чего необходимо изучение информационной культуры применительно к тем условиям, которые сложились в данном регионе с учетом этнокультурного и этноконфессионального разнообразия. Важно изучить особенности формирования и развития с целью толерантного межэтнического взаимодействия, межэтнического диалога в поликультурном регионе. Народы, проживающие на Северном Кавказе, показывают существенное разнообразие в способах восприятия мира, специфических устоях мировоззренческих стандартов, поведенческих нормах, социально-психологических установках, что находит свое выражение в различиях материальной и духовной культуры. Это, в свою очередь, влияет на формирование информационного пространства. Важно учитывать данные обстоятельства при формировании информационного пространства региона и, соответственно, информационной культуры, которая способствует регламентации информационного пространства. Основными субъектами, влияющими на формирование информационного пространства, являются представители средств массовой информации. Таким образом, если принять во внимание все эти

факторы, на первый план выходит потребность создания механизма предупреждения межэтнических конфликтов, который, в действительности, показал бы свою эффективность, в том числе и способность обеспечить позитивный диалог между представителями разных этнических групп, также и между самими этническими общностями. Огромную роль в этом плане может играть информационная культура, ее целенаправленное формирование и развитие как у отдельного индивида, так и внутри различных социальных групп, в том числе конфессиональных и этнических.

Никитина Александра Валерьевна

Чебоксары

Чувашский государственный педагогический университет

имени И. Я. Яковлева, доцент кафедры литературы и культурологии

Кандидат философских наук

Реализация жанра антиутопии в пространстве компьютерных игр (в соавторстве с О. А. Быковой)*

Паниотова Таисия Сергеевна

Ростов-на-Дону

Южный федеральный университет, профессор

Доктор философских наук, профессор

Мобильная фотография: Кто я в культуре?

Мобильная фотография как зеркало культурной идентичности (в соавторстве с М. В. Митрохиной)

Современная цифровая цивилизация демонстрирует постепенное смещение традиционных форм вербальной и письменной коммуникации с визуально-пикториальной, где зрительный невербальный компонент становится ведущим. В соответствии с этой трансформацией изменяются способы и виды репрезентации культурной идентичности человека. Традиционные автобиографические формы, такие как автопортрет, дневниковые записи, эпистолярные жанры моно- и диалоговой речи, расширяются и замещаются новыми продуктами развития высоких технологий. Возникает мобилография — одна из новых форм репрезентации культурной идентичности. Мобильная фотография представляет собой разновидность фотографического искусства и практики, при которой изображения получают на устройство, не предназначенное для профессионального фотографирования, — электронные приборы со встроенной цифровой камерой: мобильные телефоны, планшеты, «умные часы» и пр. Культура понимается нами как социальная система смыслов, интериоризированных субъектами в виде устойчивых схем или общих представлений и объективированных в символических формах в конкретных социально-исторических и пространственно-временных контекстах, а культурная идентичность — как совокупность индивидуального и социально общего, включающая особенности характера и ценностно-смысловых ориентиров человека, его образ жизни, общественные связи и эмоционально окрашенную привязанность к материальным и символическим объектам. Иначе говоря, культурная идентичность включает ответ на вопросы «Кто я в культуре?» и «Что для меня культура?». Особенно широкое распространение мобилография получила в молодежной среде, поэтому при проведении исследования выборку составили фотографии пользователей социальных сетей Instagram, Facebook, «ВКонтакте» и «Одноклассники» в возрасте от 15 до 30 лет. Изображения подверглись семиотическому, структурному и культурологическому анализу, результатом которого стало выделение семи специфических групп фотографий со схожей коннотацией. Исследование показало, что принадлежность к определенной культурной общности демонстрируется молодыми людьми с помощью изображений малой родины и мест социализации, фотографий на фоне памятников и с выдающимися людьми, снимков с массовых мероприятий и общенародных праздников, фотоакций и флешмобов, косплея и визуализации культурных символов. Результаты исследования позволяют сделать вывод, что мобилография актуальна как способ осмысления и выражения культурной идентичности для молодых людей. С помощью мобильных фотографий, циркулируемых в рамках интернет-пространства, осуществляется социокультурная интеграция, интеракция, символический обмен смыслами и ценностями, формирование групповой и индивидуальной идентичности, демонстрация инаковости, закладывание вкусов и предпочтений, этнических стереотипов и в целом — культурное творчество. Другими словами, обнаруживается цикл культурной идентификации, где презентуется, узнается и переходит друг в друга субъективное и общекультурное.

* См.: О. А. Быкова.

Сиднева Татьяна Борисовна

Нижний Новгород
Нижегородская государственная консерватория имени М. И. Глинки,
проректор по научной работе,
заведующая кафедрой философии и эстетики
Доктор культурологии, профессор

Музыка как предмет современной культурологии: границы и перспективы

Для современного научного знания музыка остается одной из наиболее сложных и притягательных сфер исследования. Музыка привлекается в качестве «последнего» убедительного аргумента для обоснования широчайшего спектра идей. Так, И. Пригожин апеллирует к музыке при определении параметров неравновесных систем и «философии нестабильности»; исходным моментом рассуждений об «открытом произведении» У. Эко оказываются музыкальные композиции; для Ю. Лотмана музыка становится неким методологическим ключом понимания процесса «автоматизации» и т. д. Обозначенное в разные периоды истории культуры, сегодня стало некоей аксиомой представление о музыке как барометре общемировых процессов, «квинтэссенции культуры» (Т. Манн), ее понимание как «модели моделей» (С. Малларме). Музыка открывает благодатное пространство апробации ключевых принципов всей вертикали культуры, при этом оставляя «досадной помехой» для построения общих систем и «исключительно неподдающимся» философскому охвату объектом, не прекращающим «немо свидетельствовать о пределе философии, о некоем тайном препятствии» [1, с. 128]. Сложность современной ситуации обусловлена и тем, что вопрос ««что есть музыка?», казалось бы, давно и согласно решенный» сегодня остается по-новому «животрепещущим и остро дискуссионным» [2]. Трудности поиска ответа на этот вопрос обусловлены многими причинами. Среди них — полисемантность понятия «музыка», приобретающая новую актуальность. Очевидным препятствием окончательной дефиниции музыки является беспрецедентная полинасыщенность современной звуковой среды. К началу XXI в. музыка предстала перед человеком в виде огромной «энциклопедии» тонов, созвучий, ладов, тембров, жанровых и стилевых моделей — энциклопедии, авторами которой являются практически все этносы, проживающие на земле все социальные группы, возрасты и профессии. Масштабность влияния музыкального искусства объясняется и актуализацией различных пластов музыки прошлых эпох — не только ее вершинные образцы, но и повседневной-обиходной традиции. Музыка остается новой проблемой культурологии. И это обстоятельство обусловлено не только открытостью звукового пространства, но и стремительностью перемен, происходящих в сфере музыки. Это отдаляет нас от возможности найти целостное, системное определение музыки, объединяющее все пространство звукового опыта. В то же время современные события подтверждают необходимость и продуктивность изучения музыки именно как феномена культуры. Отечественная культурология за последние годы серьезно обогатилась трудами (в том числе переводами исследований К. Дальхауса, М. Робертса и др.), расширяющими проблемное поле музыки и позволяющими найти новую аргументацию в изучении ее когнитивных ресурсов.

Список литературы:

1. Лаку-Лабарт, Ф. Musica ficta: Фигуры Вагнера. СПб. : Аксиома/Азбука, 1999. 224 с.
2. Холопов Ю. Н. О сущности музыки. URL: www.kholopov.ru (дата обращения: 02.04.2020).

Сидоров Виктор Александрович

Санкт-Петербург
Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций»,
профессор кафедры теории журналистики и массовых коммуникаций
Доктор философских наук, профессор

Институты культуры в медийной среде: новые сущности

Формирование антропоморфной «цифровой среды» предопределяют новые информационные рефлексии человека и его новые социальные практики: сегодня человек чаще встречается не с фактами и событиями, а их «цифровым» эквивалентом — медиафактами, медиасобытиями. В этом контексте социальные практики превращаются в медийные, а с их возникновением начала разрастаться ценностная дихотомия «оригинал — его медийное отражение». Художественная мысль давно присматривается к противостоянию подлинности и ее видимости: еще в повести Х. К. Андерсена бесплотная тень обратилась в человека, а самого человека из реальности вычеркнула. Сегодня претензии на право обрести плоть и кровь выражает медийная видимость: ее расширяющаяся среда задает новые форматы воображаемым картинам мира. Медийная тень функционирует в поликультурной среде широкой интерактивности, приходит к человеку в компьютерном символическом поле. Институт культуры в «цифровой среде» — факт общественного сознания, как и его прототип из социальной реальности, — репрезентирует медийные интенции человека и ценностную систему общества в целом. В жизни социума происходит перенос удовлетворения его важнейших информационных потребностей в «цифровое пространство»: повсеместны медийные библиотеки, фильмофонды,

художественные галереи, музейные экспозиции, общества по интересам (любителей фантастики и путешествий, коллекционеров); возникло медиаискусство, в его основании информационно-коммуникационные технологии; популярны блоги критиков и писателей, деятелей культуры; ширится практика медийной идентификации человека; самодостаточным становится пространство игры в «цифровых полях». С одной стороны, социальные следствия революции в области информационных технологий открывают необходимые обществу пути к модернизации форматов его культуры; с другой — образуют зону риска в процессах наследования культурной памяти. «Цифровое» пространство проходит стадию непрерывного формообразования: его архитектура предопределяет возникновение в Интернете таких институтов культуры, которые только в отдельных аспектах наследуют параметры своих исторических прототипов. Таков, прежде всего, институт игры. Решающими факторами его становления являются медийность и мифогенез. Медийность определяет качественно иное состояние исторически известных форматов игры; мифогенез — институализацию в медийной среде новообразованных форматов игры. В сопоставлении с институтом игры библиотеки «цифрового пространства» в большей степени сохранили меру наследования важнейших черт своего прототипа, но при этом, подобно институту игры, стали явлением культуры и в медийной среде. Понимание соответствия исторически реального и «цифрового» нового позволяет прийти к установлению актуальной сущности трансформации культуры в медийных полях, расширить представления о закономерностях развития культуры на основе междисциплинарных исследований философии, культурологии, теории журналистики. Грант РФФИ и АНО ЭИСИ, проект № 20-011-31069.

Соколова Наталья Юрьевна

*Санкт-Петербург
Санкт-Петербургский государственный университет,
филологический факультет, кафедра английской филологии
и лингвокультурологии, доцент
Кандидат филологических наук*

Прагма-коммуникативная роль заголовка в создании образа советского художника в англоязычных цифровых медиа

Наступление информационной эры повлекло за собой необходимость рассмотрения вопросов межкультурного взаимодействия с нового ракурса. Афоризм канадского философа и культуролога Герберта Маршалла Маклюэна, ёмко заключившего, что «средство коммуникации есть сообщение», предвосхитил время возникновения активной дискуссии о проблемах медиакультуры и медиареальности и в наши дни получил новое звучание. Представляя собой сочетание размывающей границы технологии и высокоинтерактивного, интертекстуального контента, цифровые медиа выступают не только в качестве глобального канала коммуникации, но и действенного средства преобразования ментальных репрезентаций, в частности формирования когнитивных образов. Обладающие беспрецедентным потенциалом визуализации, мгновенно доступные через технические устройства, цифровые медиа оказывают значительное влияние на создание и распространение мировоззренческих и межкультурных представлений. Геополитические перемены конца XX — начала XXI в., а также их многоаспектный отклик в настоящем являются предметом культурологического осмысления с позиции «от прошлого к будущему» и полемичной темой межкультурного диалога, включающей в себя вопросы концептуализации советского изобразительного искусства и способов его интерпретации как в Отечестве, так и за его пределами. Как видится, несмотря на возможное ввиду падения железного занавеса пересечение географических границ и обусловленное появлением медиапространства виртуальное преодоление коммуникационных барьеров, русское, а также советское изобразительное искусство по-прежнему недостаточно информационно освещено и представлено за рубежом, о чем свидетельствуют отдельные высказывания западных экспертов по русскому искусству. В связи с обозначенной культурологической лакунарностью вызывает интерес обращение к материалу цифровых медиа, доступному в результате поискового запроса 'Soviet artist'. Основные функции заголовка как важнейшего компонента медиатекста заключаются в информировании реципиента и формировании у него predetermined отношения к предмету публикации. Вместе с тем формулировка заголовка играет заданную роль в создании образа воспринимаемого адресантом явления. Как показало данное исследование, значительная доля заголовков публикаций о советских художниках построена по модели 'Numeral + Soviet Artists + You + Modal Verb + Know' ('11 Soviet Artists You Should Know') или аналогичным этой модели. Как видится, подобные заголовки, характерные для листиков — статей, структурированных в виде списков, более коррелируют с идеей для монетизации, а также с концепцией «общества потребления» Жана Бодрийяра, где «нет больше различия между высшим сортом бакалеи и галереями живописи». Таким образом, рассмотрение роли заголовка в создании образа советского художника — многоаспектная задача, решение которой лежит в плоскости теории коммуникации, теории медиа, лингвистики, философии. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00276.

Строева Олеся Витальевна

Москва

Институт кино и телевидения (ГИТР),

заведующая кафедрой теории и истории культуры

Кандидат философских наук, доцент

Неомифологизм современной визуальной культуры

Доклад посвящен анализу феномена неомифологизма в современной культуре, выявлению неомифологических стратегий в медиакультуре, порожденных постмодернистской парадигмой. Наличие тенденций «преодоления кризиса постмодернизма» на современном этапе и зарождение новых неомифологических моделей и стратегий в визуальной культуре XXI в. требуют культурологического осмысления. Актуальность предпринимаемого исследования определяется тем, что потребитель образов XXI в., в отличие от прошлого столетия, в массе своей имеет специфический культурный багаж — «ложную память», но не литературно-театральную, а спрессованный коллаж из множества визуальных образов различного происхождения. Однако главная функция неомифа направлена не на воспроизводство связи с традицией, а, скорее, на ее «архивирование» (термин Дж. Агамбена) и «остранение» (освобождение предмета мысли от привычного контекста), разрушение преемственности и актуализацию репрезентации, в чем прослеживаются тенденции, заложенные авангардистами еще в начале XX в. Новый этап в развитии визуального неомифологизма в культуре связан с появлением феномена виртуальной культуры, что влияет на модели и механизмы его функционирования, в том числе развитие эстетики постгуманизма и трансгуманизма. Поток полиэкранной визуальной информации, составляющий «жизненный мир» современного потребителя образов, в целом представляет собой неомифологическое поле, где разрушаются границы между действительностью и фикцией, естественным и искусственным, сакральным и профанным. Такая неомифологическая модель представляет собой своего рода «хаосмос», по определению Джойса, что является закономерным этапом эволюции техногенной цивилизации и требует научной концептуализации. Неомиф не имеет характера универсального собирающего начала:

- с точки зрения феноменологической рефлексии неомифологические произведения создают возможности как чистого восприятия без нарративной основы, так и гипертрофированности образов, ведущей к нищете воображения и смыслообразования;
- демифологизирующая тенденция сформировала визуальную стратегию абсолютизации визуального аттракциона, эксплуатируемую массовой культурой, дала импульс развитию дизайна и эстетики повседневности;
- неомифологический субъективизм спровоцировал процесс эстетизации индивидуального пространства обывателя, что привело к разрушению границы между искусством и обыденностью, реальным и виртуальным, а также стиранию границы между произведением искусства и продуктом технологий;
- процесс демифологизации требует компенсации, что порождает феномен ремифологизации в виде бриколажной модели с эффектом остранения в массовой культуре, а также моделью дизъюнктивного синтеза, т. е. одновременного разоблачения самого процесса мифотворчества;
- полифоническое неомифотворчество в медиасреде, спровоцированное развитием технологий, является проявлением эволюции «номадического субъекта» техногенной цивилизации и симптомом ее кризиса.

Цибизова Лилия Александровна

Москва

Всероссийский государственный институт кинематографии

имени С. А. Герасимова, доцент

Кандидат философских наук, доцент

Перед лицом «Black Ocean»

Традиционно оценивая любое публичное выступление, будь то лекция в системе образования, участие в конференциях, симпозиумах и круглых столах, мы всегда в первую очередь обращаем внимание на ту информацию, которую доносит до окружающих тот или иной произносящий текст человек. Методические материалы в системе образования также обычно нацелены на этот аспект подачи материала. Следовательно, в отношении ответа на вопрос «что звучит» рекомендаций более чем достаточно. Но если бы слушателям достаточно было только этого аспекта публичного выступления, они бы вполне довольствовались прочтением партитуры, приходя в концертный зал. Но зрители, слушатели настроены погрузиться в живой творческий процесс, будь то музыка или лекция. Особой притягательностью обладает ответ на вопрос «как», в какой экспрессивно-выразительной форме предстает тот или иной текст. Именно этот живой, творческий процесс перетекающих энергий и эмоций заряжает и вдохновляет как исполнителей, так и реципиентов. Но случилась пандемия. И многие традиционные живые формы взаимодействия в публичном пространстве перешли в цифровую реальность, со своими правилами и особенностями. Кроме всевозможных технических трудностей, «человек выступающий» столкнулся с новыми, исключительно психологическими проблемами. Если раньше его присутствие в пространстве публичности имело вербальную, звуковую, пластическую

форму, обращенную к публике, к конкретному человеку, порождало двустороннюю динамику. Сейчас вся экспрессия выступающего обращена к так называемому Black Ocean. Этот концепт появился в К-Рор-культуре и стал «страшным сном» каждого артиста, когда вместо ярких огней лайтстиков и восторженных криков фанатов группу встречает абсолютно черное молчаливое пространство громадной концертной площадки. Артисты вынуждены выступать словно перед бесконечно враждебным, черным океаном. Художественная экспрессия и коммуникация принципиально невозможны. С этим феноменом сегодня столкнулись лекторы, музыканты, просветители, смело вышедшие в Интернет. Плохое качество связи, отсутствие современных гаджетов или просто нежелание подключать изображение рождает знакомую многим картинку с множеством черных прямоугольников на экране монитора. Так, великое множество людей, далеких от поп-культуры, столкнулись с проблемой, давно известной в пространстве массовой культуры.

Чернышева Анна Владимировна

Москва

Московский государственный технический университет

имени Н. Э. Баумана, доцент

Кандидат философских наук, доцент

Миф и медиакультура как коммуникационные системы

Миф — наиболее древняя система ценностей. В целом культура движется от мифа к логосу, т. е. от вымысла и условности к знанию и к закону. Фантазия и вымысел позволяют легко преодолевать несовместимость смыслов и содержания реальной жизни, поскольку в мифе все условно и символично. Интерес к мифу обостряется в переломные моменты истории, во времена кризисов и потрясений. Это происходит потому, что человек пытается сделать жизнь более приемлемой, создать более привлекательное и светлое будущее. Миф всегда имманентен культурному опыту определенной эпохи. Иначе говоря, миф, как и медиакультура, является коммуникативной системой. Человеку во все времена и в любых условиях необходимо испытывать веру во что-либо. Тревога перед неизвестным и необъясненным глубоко внедрена в человеческое мышление, вероятно, на генетическом уровне. Медиакультура и СМК создают мифы, позволяющие человеку воспринимать окружающую действительность. Но мифы создают и самого человека. Это одна из основных функций медиакультуры в обществе, а поэтому миф является не просто посредником между человеком и реальностью, он — своеобразный механизм управления, который, управляя человеком, проникает в его внутренний мир и программирует его. В конечном счете, при помощи современных медиасредств миф создает особую мифологическую реальность, которая начинает восприниматься человеком как истина и объективная реальность. Быстрота перемен, релятивизация общественных ценностей обращается потерей ориентации человека в новом социокультурном пространстве. Кризис традиционных ценностей приводит к определенному поведению и переоценке ценностей, следствием чего является создание новых мифов, отражающих произошедшие изменения. Феномен мифа — это феномен веры. В мифе, как и в религии, отражены ценностные установки. В этом заключено его огромное значение для формирования и развития цивилизованного общества. Следует заметить, что миф также несет в себе компенсаторные функции: он обнадеживает человека и тем самым создает, пусть даже ненадолго, состояние психологического комфорта. Сильное эмоциональное воздействие увеличивает компенсаторную способность мифа, где человек отождествляет реальное и воображаемое, желаемое и действительное. СМК играют важнейшую роль в формировании государственной идеологии, мифологизации общественного сознания. Их развитие влечет за собой создание информационного общества, расширение границ виртуального мира, способствует увеличению получаемого объема информации, ее психологического воздействия на человека, манипулирования его сознанием. Таким образом, с помощью медиакультуры создаются новые идеология и политическая мифология, ориентированная на формирование определенного массового сознания как главной цитадели мифов. Аналогичные процессы происходят и в системе государственного менеджмента во многих странах, особенно находящихся во власти тоталитарных систем. А основой мифотворчества являются средства массовой коммуникации.

Шуб Мария Львовна

Челябинск

Челябинский государственный институт культуры,

заведующая кафедрой философии и культурологии

Доктор культурологии, доцент

Сетевая коммуникация как зеркало локальной идентичности

(культурологический анализ пользовательского контента жителей

г. Карабаш Челябинской области)

Карабаш — особенный город не только в масштабах Челябинской области, но и в масштабах России в целом. С одной стороны, в Карабаше было сосредоточено уникальное медеплавильное производство (в 90-е гг. оно практически

остановилось и возобновилось только в последние десятилетия), которое сыграло огромную позитивную роль в деле Победы в Великой Отечественной войне. С другой — устаревшее оборудование, отсутствие должного контроля за экологическими последствиями деятельности комбината привели к формированию целого комплекса серьезных проблем (загрязнение воздуха, воды, почвы, резкий рост заболеваемости, массовый отток населения и пр.). В совокупности это предопределило и общий социокультурный климат в городе, и специфику городской идентичности жителей Карабаша, отражение которой можно найти в самых различных сферах, в том числе и в сфере сетевой коммуникации. Сетевой контент карабашской городской группы «ВКонтакте» («Подслушано Карабаш») отличают следующие черты.

1. Высокая степень вовлеченности в сетевые коммуникации. Учитывая численность населения города (на сегодняшний день она составляет около 10 тысяч человек), отметим, что практически каждый житель состоит в тематическом городском сообществе в социальной сети «ВКонтакте» (количество подписчиков проанализированной группы составляет чуть более 7 тысяч).
2. Утилитарный характер сетевой коммуникации. В отличие от озерчан, которые рассматривают социальные сети как пространство разностороннего общения, разноплановых дискуссий, самопрезентации и самовыражения, жители Карабаша обращаются к ним, как правило, в прагматических целях: продать или купить товар, найти попутчика в дорогу, сообщить об утрате ценных вещей и т. п. Это обуславливает отсутствие личного отношения к публикуемой информации, ее эмоциональную сдержанность.
3. Тематическое однообразие. Подавляющее большинство постов сводятся к нескольким обобщенным тематическим группам:
 - продажа/приобретение/безвозмездная передача товаров или услуг;
 - поиск/обнаружение потерянных/найденных вещей/животных;
 - нарушители общественного порядка (главным образом, автомобилисты);
 - официальная информация (прогноз погоды, сведения о порядке получения документов, порядок отключения горячей воды и т. п.).
4. Сетевой контент практически не содержит материалов, касающихся культуры и истории города, жизни выдающихся горожан, природы, спортивных достижений, волонтерских инициатив и пр.
5. Низкая активность аудиторного отклика. В отличие от озерских групп, в тематических сообществах Карабаша практически полностью отсутствуют комментарии. С одной стороны, информация, размещенная там, и не предполагает наличие эмоциональной или какой бы то ни было реакции. С другой стороны, даже те сообщения, которые в Озерске вызвали бурную дискуссию, столкновения мнений, жесткую критику (посты о бездействии властей, нарушении ПДД, социальном хамстве и пр.), в Карабаше остаются без пользовательского внимания, что свидетельствует о сложившемся в городе высоком уровне социальной инертности. Ключевые положения исследования осуществлены в рамках программы грантов Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих молодых российских ученых — докторов наук (Конкурс МД-2020), проект «Культура памяти индустриальных городов российской провинции: мемориальные стратегии региональной идентичности».

Щербакова Галина Ивановна

Тольятти

Тольяттинский государственный университет,

профессор кафедры «Журналистика»

Доктор филологических наук, доцент

В. П. Мещерский: Распалась связь времен — о русском пути после Петровских реформ

Наследие русских консерваторов изучено недостаточно и неравномерно, хотя оно составляет немаловажную часть нашего национального культурного достояния. Несмотря на то, что в последние три десятилетия появились переиздания трудов и творчества таких деятелей, как Катков, Победоносцев и др., началось изучение их исторических, философских, культурологических взглядов, этот материк еще не открыт полностью и не вписан в карту нашей культурной ойкумены. Между тем изучение наследия русских консерваторов не только даст понимание русского исторического пути в его полноте и противоречивости, но и покажет алгоритмы общественного диалога как в прошлом, так и в настоящем. В. П. Мещерский — писатель, публицист второй половины XIX в., известный консервативными взглядами, патриотическими заявлениями и резкой полемической манерой в публицистике. Князь Мещерский, внук Н. М. Карамзина, был европейцем по воспитанию, но избрал себе дорогу патриота-русофила. Он довольно сознательно выбрал названием для одного своего романа вполне личное утверждение: «Трудно быть русской», что было лозунгом его внутреннего духовного пути, порой ставившего его в конфликтные отношения с представителями своего класса и с властью, включая императора. По образу жизни он был далек от народа: у него не было поместья, его

с детства готовили к карьере госслужащего и всю последующую жизнь он провел не в русском поле, а в кабинете, гостиных, салонах, типографиях, клубах и в чиновничьих приемах. Однако он обожал народ до идеализации. Тема столкновения и взаимодействия двух цивилизаций — русской и европейской — была постоянной в его творчестве, высвечивалась в беллетристике и публицистике, в письмах и воспоминаниях. Он признавал, что с реформами Петра I в Россию пришла европейская культура и оказала огромное влияние на русский уклад жизни, разделив ее на две сферы. Россия и Европа вошли в русскую жизнь, но не слились органично, дали повод многочисленным внутренним и внешним конфликтам. Все сюжетные коллизии встреч русского человека с европейской культурой в творчестве В. Мещерского можно классифицировать по группам:

- 1) русский путешественник за границей;
- 2) русский человек на войне за границей;
- 3) отношение русского к иностранцу, приехавшему в Россию;
- 4) отношение русских к России и соплеменникам за границей;
- 5) столкновение геополитических интересов России и Запада (ее сузим до отношений русской и европейской дипломатии и высшего офицерства в ходе Балканской войны 1877–1878 гг.)

Тема русского путешественника за границей была широко представлена в отечественной литературе XIX в., а началась она еще раньше со знаменитых «Писем русского путешественника», написанных Н. Карамзиным, дедом В. Мещерского по матери. Тема «русский человек в военных действиях за границей» раскрывается у Мещерского в двух больших циклах: «Письма из Сербии» и «Кавказские путевые записки». Теме авторитета иностранных деятелей посвящены как многие публицистические выступления, так и роман «Лорд-апостол».

Культурология региона

Модераторы Н. Ю. Костюрина, Е. Ю. Липец

Байкова Екатерина Владимировна

*Саратов
Саратовский государственный технический университет
имени Гагарина Ю. А., Институт урбанистики, архитектуры
и строительства (УРБАС), кафедра «Дизайн архитектурной среды»,
профессор
Доктор культурологии, доцент*

Дома-коммуны в Саратове: факторы и принципы формообразования

Рассматриваются закономерности формирования экспериментальных домов-коммун начала XX в. в контексте социальных, культурных, экономических и художественных явлений Саратова. Проводится анализ проблем и предпосылок, превративших концепцию нового быта в утопию, изучается вклад советских архитекторов домов-коммун в мировую архитектуру, а также контексты данной проблематики на примере Саратова. Сохранение культурного наследия — важнейшая задача архитекторов XXI в., т. к. именно памятники архитектуры наиболее иллюстративно демонстрируют историю и образ жизни людей прошлых поколений. Изучение истории государства и образа мышления архитекторов начала XX в. расширяет кругозор современных специалистов и помогает прорабатывать цепочки логических связей в развитии архитектуры как науки. В результате данных исследований можно ответить на вопросы: что же стало причиной нереализованного нового коммунального образа жизни людей в начале XX в., какой вклад внесла концепция новой жилой архитектуры в развитие современных архитектурных стилей, какова перспектива развития и использования домов коммун как памятников архитектуры в современном мире? Актуальность данного исследования заключается в том, что с помощью собранной теоретической информации рассматриваются причины краха нового типа жилья, анализируется вклад концепции нового формообразования в современную архитектуру и перспектива развития домов-коммун в современных условиях как памятников архитектуры. Методы исследования: решение поставленных в работе задач осуществлялось на основе общенаучного метода исследования по средствам анализа исторической и современной литературы, проведения аналогии между событиями и процессами в СССР, сравнения принципов проектирования жилых домов в начале XX в. Цель исследования: проанализировать предпосылки возникновения нового типа жилья, изучить новую концепцию формообразования жилой архитектуры, причины ее краха и вклад в развитие мирового искусства, дать оценку перспективы развития построенных домов-коммун как памятников архитектуры. Задачи:

1. Проанализировать роль социальной, культурной и экономической составляющей концепции нового быта в жилых домах нового типа на примере Саратова
2. Проанализировать формообразование жилых ячеек домов-коммун.
3. Проанализировать саратовские дома-коммуны экспериментального типа.

Геобрендинг в контексте территориальной идентичности и культурно-исторической памяти

Любая попытка «внешнего» формирования геобренда должна начинаться с углубленного прояснения структуры связанных с географическим местом смыслов, поскольку без серьезной символической составляющей любая локальная идентичность оказывается лишенной корней. Она не может органично вписаться в социокультурный контекст современной российской провинции, не дает основы для когнитивного комфорта коренного населения. В то же время с помощью медиа возможно достаточно долго поддерживать идентификационные настроения как во внутренней среде (у самих жителей той или иной местности), так и во внешней среде (у жителей любой другой местности). Но в последнем случае мы не будем иметь основание говорить о диалогическом подходе к коммуникации и управлению. Этот подход будет скорее директивным, не предполагающим установления обратной связи, а следовательно, не предполагающим и установление коммуникации «на равных». Знание традиций, их учет в коммуникативных практиках позволяет выстраивать эффективную коммуникацию на различных уровнях. Более того, осознание на бытовом, повседневном уровне наличия определенных исторически сложившихся местных традиций, стремление их поддерживать в каждодневной ментальности — все это свидетельствует о достаточно высоко развитом ощущении причастности к той или иной локально ограниченной местности, говоря метафорически — к малой родине. В то же время говорить о прочности культурно-исторической укорененности той или иной локальной идентичности можно лишь в тех случаях, когда традиция формировалась и даже претерпевала определенные изменения естественным путем, в процессе длительного развития. Общность «коллективной памяти», единство (или приблизительное тождество) границ ее «социальных рамок» приводит к образованию общего прецедентного слоя, набора определенных общепонятных концептов — по сути архетипическая общность — позволяет говорить о сформированности на той или иной территории местной идентичности. Коллективная память, ее социальные рамки, следовательно, оказываются детерминированными культурно-историческими и ментальными традициями, характером протекавших на данной территории экономических и политических процессов, сменой властной парадигмы и рядом других факторов. При анализе социокультурных процессов, происходящих в ментальном континууме местных идентичностей, необходимо учитывать такое явление, которое, согласно терминологии Я. Ассмана, можно назвать коммуникативной памятью. Коммуникативная память охватывает воспоминания, связанные с недавним прошлым. Соответственно, рамки коммуникативной памяти складываются в значительной мере самопроизвольно, спонтанно.

Захарова Людмила Николаевна

Тюмень

Тюменский государственный институт культуры, профессор
Доктор философских наук, профессор

Смыслы культуры региона

Третий Российский культурологический конгресс укрепил статус понятия «региональная культура». По материалам одноименной секции конгресса была издана большая монография «Континуум культуры регионов» (СПб. : Эйдос, 2012. 637 с.), в которой рассматривались самые различные аспекты региональной проблематики культуры: методологические вопросы, культурология этноса, различные феномены культуры в регионах, особенности художественной культуры в регионах. Современная ситуация в мире и в отдельных странах показывает, что все темы, рассмотренные на конгрессе и в монографии, не устарели. А многие из них актуализировались, приобрели новые смыслы. На фоне реального проявления глобальных проблем, в частности пандемии, изменения климата и других, обнаружилось, что человеку, как в материальном, так и в духовном плане важно иметь уникальное Место, где ему безопасно, где его понимают и принимают. Тысячи людей, оказавшиеся за границей в непростой ситуации, стремятся вернуться домой, в свою страну и на свою малую родину. Наличие своего Места для человека — один из признаков культуры, в особенности региональной. Именно свое Место, его уникальность — это то, что связывает все остальные компоненты системы региональной культуры. П. Сорокин когда-то правильно заметил: из всех связей, которые соединяют людей между собой, связи по местности являются самыми сильными. Одно и то же местожительство порождает в людях общность стремлений и интересов. Кроме географического пространства, людей объединяет и культурный ландшафт — локальные социальные процессы, особенности ценностей местной культуры, общая память об истории возникновения и развития региона, единство знаний о региональных культурных феноменах. Культура региона имеет единое пространство общественного сознания — наличие всех понятных символов, легенд и мифов (взять хотя бы

бренд «нефть», который стал в определенном отношении синонимом Тюменского региона, легендой о первопроходцах). На основании общей истории культуры в регионе складывается и общая ментальность как система качественных и количественных социально-психологических особенностей человека как субъекта региональной культуры. Региональная культура укрепила в последние годы свой статус как в теоретическом, так и практическом плане.

Кириллова Ольга Сергеевна

Ростов-на-Дону

Южный федеральный университет, старший преподаватель

Кандидат философских наук

Культурный ландшафт города: культурологический подход как перспектива брендинга

Брендинг городов — одна из бурно развивающихся стратегий социального проектирования. Несмотря на относительную молодость осознанного системного продвижения интересов городов, на эту тему издано уже много интересных теоретических работ и существуют практически реализованные успешные проекты. Процесс становления и продвижения бренда территории требует колоссальных совместных усилий со стороны и администрации, и местного самоуправления, и частных предпринимателей, и собственно населения. Позиции и решения филологов, этнографов, урбанистов, краеведов, социологов города, искусствоведов, историков, специалистов по туризму могут быть успешно синхронизированы и обработаны культурологом как системным аналитиком для формирования концепции привлекательности конкретного города. Культурологический анализ задает более глубокий и продуманный уровень проектирования символической топографии: грамотно проработать и подготовить к реализации цельную и красивую культурную концепцию города, «перезагрузить» город для интенсификации инвестиционного интереса, туристического потока и привлекательности территории для новых жителей, полезных для рынка труда. Культурологический подход выигрывает в ситуации, когда нужно точно подойти к реализации аутентичного городского проекта, поскольку привычно имеет дело с уникальным контекстом и историческими феноменами. Кроме того, именно междисциплинарное поле культурологии способно многогранно работать с миром образов, символов и концептов. И эти символические ряды и идеи визуально, событийно должны быть «выстроены» с акцентом на цельный эмоциональный, имиджевый контекст, способный вызвать положительное восприятие культурного ландшафта города у потенциального инвестора, туриста и жителя. Прикладная культурология может одинаково продуктивно работать и с мифологическим, и с легендарным контекстом городов, и с организационной стороной практик гостеприимства, комфортности размещения и транспортной доступностью объектов территории для туристов. Для России и сохранения ее культурного наследия культурный брендинг городского ландшафта представляется очень продуктивной стратегией развития. Те проекты, которые уже успешно апробируются в рамках, например, маршрута «Золотого кольца России» и еще ряда городов, позволяют говорить о том, что культурологический анализ чрезвычайно важен для эффективного брендинга культурного пространства. Системный культурологический подход способен актуализировать образ территории, составить ее «имиджевый паспорт», систематизировать ее локальную «мифологию» и полноценно работать с культурным ландшафтом.

Костюрина Надежда Юрьевна

Санкт-Петербург

Санкт-Петербургский университет технологий управления

и экономики, профессор

Доктор культурологии, доцент

Проблемы культурологического образования в Дальневосточном регионе

Становление культурологии в России имеет специфическую региональную историю. На Дальнем Востоке в период конца 1990-х — начала 2000-х гг. возникло несколько центров культурологического образования, в том числе в Комсомольске-на-Амуре, где в течение почти 15 лет существовала мощная культурологическая школа, основанная доктором культурологии Т.А. Чебанюк, функционировали выпускающая кафедра культурологии, диссовет. Роль культурологического (и шире — гуманитарного) образования в небольшом провинциальном городе на периферии РФ трудно переоценить. Воспроизводство специалистов в разных сферах деятельности (музеи, театр, газеты, образование, волонтерство) обеспечивалось не в последнюю очередь усилиями преподавателей и выпускников кафедры культурологии КнАГТУ. С 2012 г. начинается процесс деградации культурологического образования в вузе, обусловленный рядом причин. Запрет бюджетного набора на непрофильные специальности, последствия демографического спада, сокращение ставок, увеличение учебной нагрузки привели к оттоку студентов и преподавателей, закрытию специальности. За период 2012–2020 гг. было 2 коммерческих выпуска бакалавров культурологии, причем второй состоял только из иностранных студентов (Китай). Бюджетных мест не было выделено ни одного. Слабо осмысленные процессы и непродуманные решения привели к тому, что, ставший в 2018 г. классическим университетом,

вуз оказался практически лишен квалифицированных кадров по гуманитарным направлениям. Подушевое финансирование привело к тому, что забота о качестве образования оказалась де-факто подменена заботой о сохранении студенческого контингента. Аналогичные процессы характеризуют и городскую культуру. Сокращается разнообразие форм городской жизни, падает численность населения. Снижение качества образования, высокая стоимость высшего образования в регионе, оказавшаяся не по средствам многим родителям (особенно гуманитариям — учителям, преподавателям, библиотекарям, музейным работникам), сужение поля возможностей трудоустройства, карьеры, саморазвития спровоцировали отток выпускников (и их семей) в западные регионы страны.

Липец Екатерина Юрьевна

Ростов-на-Дону

*Южный федеральный университет, Институт философии
и социально-политических наук, заведующая кафедрой теории
культуры, этики и эстетики
Кандидат философских наук, доцент*

Научный и образовательный потенциал ростовской философско-культурологической школы

Современная культурология сегодня накопила фундаментальный, теоретико-практический потенциал. Она имеет разные школы и имена, подходы и методологию и тем самым демонстрирует колоссальную динамику развития и востребованность в современной жизни общества. Труды европейских исследователей также свидетельствуют о разрастающемся круге вопросов и тем. Для ростовской философской и культурологической школы большую роль сыграли исследования Михаила Константиновича Петрова, которые появляются во второй половине 20-го столетия. Так, в одной из своих статей (У истоков ростовской философско-культурологической школы. Статья 1 // Наука. Искусство. Культура. 2017 № 1 (13). С. 5–15) Г. В. Драч говорит о том, что «...ростовские философы еще в 60–70-е годы прошлого века смогли параллельно западным коллегам поставить актуальнейшие проблемы истории философии и культуры, подняли современные вопросы бытия человека и человечества, волнующие нас до сих пор». Базовой идеей, которую транслирует М. К. Петров, становится понимание науки как ключевого элемента для развития общества, динамики, новизны. Важность научных разработок заключалась в том, что он обозначил необходимость выделения культурологии в самостоятельную дисциплину и предметную область, которая может продемонстрировать многогранность культуры, ее потенциал изучения историко-культурного наследия и т. д. Эти и многие другие идеи получили продолжение и развитие в научных трудах и работах специалистов ростовской философской и культурологической школы. К 1990-м гг. появились зрелые работы в сфере культурологии. Они были связаны с появившимися научными изысканиями по вопросам теории и истории культуры, онтологии, гносеологии и т. д. Надо отметить, что большая заслуга принадлежит таким специалистам, как В. Е. Давидович и Ю. А. Жданов, которые в рамках деятельностного подхода обозначили сущность культуры и ее динамику. Далее работу в научном и образовательном плане продолжил Геннадий Владимирович Драч, который был одним из первых разработчиков образовательных стандартов по культурологии. Сегодня культурология представлена как в академическом, так и прикладном формате. Научный и образовательный процесс пополняется исследованиями по утопии и утопическим проектам, экономике и культуре, социальной и культурной антропологии, культурным индустриям. Молодые специалисты-культурологи постоянно расширяют спектр тем, исследований и проектов как в науке, так и в образовании.

Манзырева Екатерина Сергеевна

Улан-Удэ

*Восточно-Сибирский государственный институт культуры,
заведующая кафедрой культурологии и искусствоведения
Кандидат культурологии, доцент*

Особенности формирования художественного образования в Восточной Сибири (XVIII — 1-я половина XIX века)

Художественное образование является неотъемлемой частью развития региональной культуры. Изменения, которые происходили в культурной жизни городов, влияли и на развитие сферы образования. В отличие от центральной России, развитие художественного образования в Сибири в рассматриваемый период осуществлялось либо посредством преподавания предметов художественного профиля в общеобразовательных учреждениях, либо через немногочисленные специальные учреждения, основанные при духовных учреждениях и по частной инициативе. Поэтому период XVIII в. — 1-я пол. XIX в. скорее был этапом формирования художественного образования в сибирских городах, который все же заложил традиции и принципы, развитие которых происходит во второй половине XIX в. Уже с XVIII в. нам известны примеры формирования художественного образования в декоративно-прикладном искусстве. Прежде всего, это казалось ювелирного искусства. Его богатые традиции всегда были у коренных народов Сибири, например у бурят, вы-

полнявших великолепные изделия из серебра. Но эти традиции передавались исключительно традиционным способом, от мастера к ученику, из поколения в поколение. Негосударственные типы учебных заведений были представлены в основном небольшими частными мастерскими, сведения о которых также немногочисленны. Художественное образование в изобразительном искусстве региона в рассматриваемый период также развивалось в основном при духовных учреждениях. Далекая Сибирь не имела своих профессиональных творческих кадров, и ее художественное освоение приходилось в основном на долю художников, ссыльнопоселенцев и приезжавших из центральной России в рамках научных экспедиций. Эти художники, многие из которых были выпускниками Академии художеств либо талантливыми любителями изобразительного искусства, привнесли в регион национальную профессиональную художественную школу. Существенно менее заинтересованным было участие государства в поддержке системы художественного образования, и выражалось оно в изучении рисования и музыки в общеобразовательных учебных заведениях. В силу этого процесс формирования художественного образования носил непрофессиональный, любительский характер.

Перова Елена Юрьевна

Улан-Удэ

Восточно-Сибирский государственный институт культуры, ректор

Кандидат экономических наук, доцент

Вклад вуза культуры в сохранение и изучение культурного наследия региона

В России изучение и сохранение культурного наследия рассматривается как одно из приоритетных направлений государственной политики. Позиционирование наследия как ресурсного источника свидетельствует о его интеграции в социальный контекст, что не только позволяет сохранять национально-культурную самобытность регионов, но и способствует их социально-экономическому развитию. Это актуализирует создание научно-методологической и эмпирической основы для решения данной задачи. Сложность ситуации обусловлена множественностью подходов и методов, а накопленный исследовательский опыт учеными различных специальностей подтверждает необходимость комплексной разработки заявленной проблемы. Важная роль в этом процессе отведена вузам культуры. Восточно-Сибирский государственный институт культуры, основанный в 1960 г. как третий вуз культуры в стране, накопил серьезный опыт в области изучения, сохранения и трансляции наследия народов Байкальского региона. Это подтверждается спектром научно-исследовательской проблематики, успешно разрабатываемой институтом: «Культурное пространство Восточной Сибири: становление, современное состояние и тенденции развития», «Традиционная культура народов Восточной Сибири», «Историко-культурная среда как фактор устойчивого развития Байкальского региона» и др. Байкальский регион представляет собой уникальную территорию, богатую объектами культурного и природного наследия, в том числе входящих в Список ЮНЕСКО, а включение озера Байкал в список участков Всемирного наследия (1996) является фактом признания исключительной ценности самого озера и прилегающих к нему территорий. Кроме того, согласно Конвенции по охране Всемирного культурного и природного наследия, озеро Байкал и прилегающие к нему территории рассматриваются не только как геолого-географический водосборный регион, но и как уникальное культурное пространство. Кроме того, этнокультурное явление семейских старообрядцев Забайкалья Тарбагатайского района было провозглашено ЮНЕСКО «Шедевром устного и нематериального наследия человечества» (2001). Своеобразие Байкальского региона обусловлено его полиэтничностью и многоконфессиональностью, что определило особенности его социокультурного пространства. Они сформировались в ходе исторического развития территории как трансграничного региона, где происходили сложные многочисленные миграционные процессы. Здесь сложилась особая формация, характеризующаяся взаимодействием западной и восточной цивилизаций, мирным сосуществованием различных этносов и конфессий, что привело к синтезу разнородных традиций и укладов, особым формам межэтнического и мультикультурного взаимодействия. ВСГИК, наряду с совершенствованием системы подготовки квалифицированных кадров, вносит существенный вклад в комплексное изучение, сохранение и трансляцию культурного наследия как ресурса социально-экономического развития региона, в том числе содействуя решению задачи обеспечения национальной безопасности страны.

Полякова Елена Александровна

Барнаул

Барнаульский юридический институт МВД РФ;

Алтайский государственный институт культуры, профессор

Доктор исторических наук, доцент

Культурное наследие Алтайского края: вопросы сохранения и продвижения

Алтайский край расположен на юго-востоке Западной Сибири. До 1991 г. в его состав входил Горный Алтай, уникальная природа которого является своеобразным брендом, затмевающим наследие степного и рудного Алтая. Степной Алтай знаменит своими солеными озерами и уникальными ленточными борами. Рудный Алтай — месторождениями различных минералов полиметаллических руд. Богатые залежи меди и серебра стали причиной формирования круп-

нейшего в стране комплекса предприятий цветной металлургии XVIII–XIX вв. Историко-культурное наследие региона представлено в первую очередь памятниками, характеризующими горнозаводское производство: Змеиногорский серебряный рудник, Колыванская камнерезная фабрика, Барнаульский сереброплавильный и медеплавильный завод, «огненная» машина Ползунова (первый российский паровой двигатель) и пр. Особую категорию наследия составляет комплекс архитектурных зданий и сооружений, известный как «Барнаул — маленький Петербург». Значительная часть объектов горнозаводского наследия нуждается в дополнительных мерах по сохранению и реставрации. На современном этапе реализуется проект по созданию туристско-рекреационного кластера «Барнаул — горнозаводской город». Закат горного производства в конце XIX в. положил начало развитию сельского хозяйства, пищевой промышленности и торговли. Этот период оставил свое архитектурное наследие в разных районах Алтайского края. Нематериальное наследие данного периода составляют промыслы (войлоковаляльный, гончарный, художественная роспись, домовая резьба, камнерезное искусство и пр.) и технологии пищевого производства масла и сыров. На современном этапе это наследие переживает фазу вторичной актуализации и активно продвигается средствами культурно-исторического, событийного и гастрономического туризма. Алтайский край является поликультурным переселенческим регионом. Многообразие этносов и их культур обусловило своеобразие традиционной культуры, образцы которой на современном этапе активно popularизируются средствами туристской и социокультурной деятельности (событийный туризм, фестивали и пр.). Особый пласт историко-культурного наследия Алтайского края — мемориальный. Регион является родиной М. Калашникова, Г. Титова В. Шукшина, Р. Рождественского, В. Золотухина, М. Евдокимова и др. Их наследие презентуется не только в музеях, но и посредством проведения массовых мероприятий. Алтайский край знаменит и своим археологическим наследием. Самым известным объектом является Денисова пещера, в которой были обнаружены останки представителя особой ветви эволюции рода Номо, отличного от неандертальцев и современных людей. Историко-культурное наследие Алтайского края многообразно, оно является значимой частью общероссийского. Для дальнейшего его сохранения и развития нужны меры государственной поддержки и продвижения.

Серета Наталья Дмитриевна

Вологда

Вологодский государственный университет, доцент

Кандидат филологических наук, доцент

Туризм как демиург социокультурного пространства

Констатируем, что в спектре культурных практик современного мира одной из таких практик, особенно активно (до известных событий первой половины 2020 г.) фактически экспоненциально развивающихся и приобретающих все большую значимость, является туризм. Уверенно выйдя из элитарного положения, он стал массовым явлением, естественной и желаемой частью жизни людей, поскольку оперативно отзывается интересными предложениями и диверсификацией услуг на их социокультурные потребности — как константные, так и новые (сейчас, в частности, в осуществлении, пусть временном, отпускном формате, экологичного стиля жизни, в инициативе участвовать в решении социальных проблем — скажем, экологических, на примере туризма). Туризм выступает как мастер — демиургос Эллады, для которого был характерен пафос активного продуцирования и преобразования с целью организации и гармонизации хаоса, превращения его в космос, произведения культурного контента с опорой на эйдосы. Нельзя не согласиться с исследователями (В.К. Киптенко и др.), которые классифицируют туристский продукт через их характерные элементы, выделяя продукт-место, продукт-услугу, продукт-объект, продукт-предмет, продукт-событие и продукт-маршрут. Однако, на наш взгляд, особый интерес представляет интегрированный тип турпродукта, включающий все другие виды, мультипродукт, — туристские проекты, особенно трансграничные. Будучи межрегиональными, трансформируя прежние локальные культурные ландшафты, раздвигая историко-культурные фронтиры, осваивая новые социокультурные пространства, связывая общим культурным смыслом объекты показа в нескольких регионах и создавая новые, они сегодня не только способствуют развитию территорий, но и моделируют, по Ю. Лотману, особый коммуникационный универсум, где взаимодействие локальных культур осуществляется в процессе диалога между ними. В мире и в России, в частности, функционирует несколько таких туристских проектов, выполняющих миссию познания культурного богатства массами, и число их растет. Одним из новых (идея — 2012 г., реализация — с 2015 г.) является межрегиональный историко-культурный и туристский проект «Серебряное ожерелье России», объединивший северо-западные регионы, в которых сохранились уникальные природные объекты и памятники истории и культуры: Санкт-Петербург, Ленинградскую, Калининградскую, Псковскую, Новгородскую, Архангельскую, Вологодскую, Мурманскую области, Республики Карелию и Коми, Ненецкий автономный округ. В рамках проекта культурные институции этих и весьма отдаленных и этнографически разнородных территорий вышли за свои границы — как результат, во-первых, началось образование своеобразной дестинации, моделирование культурного ландшафта, развитие культурных ресурсов и производство культурного контента и, во-вторых, появился потенциал организации дополнительных активностей и творческих реализаций на основе существующих объектов показа (к примеру, этнографических или религиозных) в интересах интеллектуального и эмоционального совершенствования человека.

Этническая культурология: проблемы сохранения и развития культур малочисленных и больших народов в современном мире

Модераторы **И. И. Горлова, И. А. Селезнёва**

Аксёнова Валерия Алексеевна

Норильск

Арктический государственный институт культуры и искусств

Студентка

Проектная деятельность как способ актуализации, сохранения традиционной культуры коренных малочисленных народов Арктической зоны Красноярского края (Долгано-Ненецкого муниципального района) (в соавторстве с О. Д. Ковровой)

Опираясь на стратегию развития Арктической зоны России и обеспечение национальной безопасности до 2035 г., мы провели исследование в Таймырском Долгано-Ненецком муниципальном районе Красноярского края, который относится к абсолютно дискомфортной зоне. Климат близок к арктическому: с продолжительной зимой, полярными ночами, сильными морозами и ветрами. Вместе с тем Таймырский Долгано-Ненецкий муниципальный район является самым многонациональным из всех северных территориальных образований России (из 26 малочисленных народов Севера 5 проживает на этой территории). По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., численность коренных народов на Таймyre: долганы — 5393 человек, ненцы — 3494, нганасаны — 747, эвенки — 266, энцы — 204. В целом коренные малочисленные народы составляют около 30 % населения муниципального района, остальную часть формирует прибывшее в разное время пришлое население. В 2021 г. в поселке Новорыбная Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального района студентами заочного обучения Арктического государственного института культуры и искусств было проведено социологическое исследование на тему: «Современное состояние традиционной культуры коренных малочисленных народов Таймыра». Объектом исследования стала молодежь в возрасте от 18 до 35 лет, проживающая в данном поселке. Цель социологического исследования: выявление социальной потребности представителей коренных малочисленных народов Таймыра в сохранении традиционной культуры. Размер выборочной совокупности составил 30 человек из молодежной среды представителей коренных малочисленных народов (долганы — 25 респондентов, нганасаны — 2 респондента, эвенки — 3 респондента). Итоги исследования показали, что молодежь отдаляется от культурных традиций предков: 34 % респондентов не проявляют интереса к культуре своего народа, 35 % не имеют определенных увлечений, всего лишь 28 % респондентов интересна культура народов Таймыра. Также выявлено, что 50 % респондентов имеют, но не используют навыки в области традиционных ремесел. 70 % респондентов ответили, что стремятся уехать в крупные города, где вероятность расстаться с традициями и обычаями предков увеличивается. Для решения данной проблемы студентами АГИКИ разрабатываются социально-культурные проекты с целью создания условий и организации целенаправленной деятельности на сохранение и развитие традиционной народной художественной культуры, а также хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Крайнего Севера России — Таймыра. Согласно гипотезе исследования, реализация данных проектов приведет к социальному развитию, сохранению и приумножению традиционной культуры отдаленных поселений, в которых компактно проживают малочисленные народы Таймыра: долганы, нганасаны, эвенки, энцы, ненцы.

Антонова Марина Сократовна

Санкт-Петербург

Санкт-Петербургский государственный институт культуры,

доцент

Кандидат исторических наук, доцент

Культурное наследие Байкальского региона: культовые места

Своеобразным эталоном интеграции этнокультур и сохранения культурного наследия представляется Байкальский регион, имеющий многовековую историю межкультурных связей, диалога восточной и западной цивилизаций. Близость священного озера Байкал, естественное влияние его на этническую духовность, мирное сосуществование разных конфессий сформировали самобытный синтез культурных, религиозных традиций разных народов данного региона. Культовые места являются природно-историческими памятниками, состоящими из сакральных элементов с их

ландшафтным окружением и составляющими культурное наследие региона. Их уникальность и ценность в научном, культурно-познавательном, воспитательном, эстетическом и оздоровительном смыслах связана с важными историческими событиями, с жизнью замечательных людей, с произведениями литературы и искусства, а также с духовными ценностями. Культовые места состоят из культовых комплексов и неотделимого от них ландшафтного окружения. В свою очередь, культовые комплексы могут быть как природного, так и антропогенного происхождения и состоят из культовых объектов и присущих им сооружений и атрибутики. Для выявления традиционных исторических культовых мест Байкальского региона автором изучены определенные источники, проведены экспедиционные и социологические исследования, интервьюирование и анкетирование местного населения. Для определения значимости культовых мест использованы критерии природной и культурной ценности наследия в соответствии с требованиями ЮНЕСКО, а именно: свидетельство конкретного проявления культуры, обладание особой ассоциативной ценностью (сакральностью), подлинностью (достоверность) объекта, наличие уникальных природных феноменов (OGI). Экспедиционные исследования показали, что на изучаемой территории древние и современные культовые места отличаются особой природной красотой и эстетической ценностью и являются ключевыми объектами для сохранения регионального культурного наследия. На основе проведенных исследований предлагаются определенные меры по сохранению и трансляции культурного наследия в конкретных природных и социально-экономических условиях современного Байкальского региона.

Коврова Ольга Даниловна

Якутск

Арктический государственный институт культуры и искусств, доцент

Кандидат культурологии

Проектная деятельность как способ актуализации, сохранения традиционной культуры коренных малочисленных народов Арктической зоны Красноярского края (Долгано-Ненецкого муниципального района) (в соавторстве с В. А. Аксёновой)*

Копцева Наталья Петровна

Красноярск

Сибирский федеральный университет, заведующая кафедрой

культурологии и искусствоведения

Доктор философских наук, профессор

Этнокультурная динамика коренных народов Севера и Сибири: концептуальные подходы к исследованию

Этнокультурная динамика — предмет исследований многих научных дисциплин. В контексте культурологии речь идет о научном моделировании базовых культурных процессов, основных акторов этих процессов, выявлении закономерностей социокультурного развития и прогнозировании основных тенденций на ближнюю и дальнюю перспективу. Культурологическое исследование коренных народов Севера и Сибири предполагает комплексный междисциплинарный подход, эмпирической базой которого выступают полевые исследования в местах компактного проживания коренных народов и дальнейшая теоретико-культурологическая интерпретация полученных результатов. Особенностью современных исследований этнокультурной динамики коренных народов Севера и Сибири является тот факт, что эти уникальные культурные группы переживают сейчас процессы радикальных трансформаций. Если в 20–80-е гг. XX в. и даже в 1990-е гг. можно было говорить о преобладании традиционных культурных процессов, то в настоящее время мы имеем дело со сложным синтезом традиционных, современных и постсовременных этнокультурных практик. Основная зона нашего исследовательского интереса — это актуальные способы сохранения, воспроизводства и трансляции этнокультурной идентичности. В результате можно утверждать, что не существует единого этнокультурного пространства коренных народов Севера и Сибири. В зависимости от ряда объективных и субъективных факторов перед исследователем предстает сложное пространство коммуникаций, интересов, целей, способов этнической манифестации, переплетения реальных и виртуальных практик, комплекса разнообразных методов передачи культурного наследия. До недавнего времени владение родным языком было основой этнокультурной самоидентификации этих народов. За последние 20 лет количество людей, владеющих родным («материнским») языком, резко сокращается. Одновременно фиксируется стабилизация или даже рост количества людей, имеющих коренную северную и сибирскую этнокультурную идентичность. Основные маркеры этнической самоидентификации переходят из сферы традиционных культурных практик в сферу социально-психологическую, «воображаемую», виртуальную. Интереснейшим предметом исследования выступила до недавнего времени «бесписьменная» культура энцев. На основе актуальных полевых исследований и применения целого ряда современных теоретико-культурологических подходов был открыт феномен «воображаемой

* См.: В. А. Аксёнова.

бесписьменности», где данная «воображаемая бесписьменность» была одной из главных особенностей этнической манифестации отличий энецкой этнокультурной группы от ненецкой этнокультурной группы. Современная теория культуры, применяемая для исследований этнокультурной динамики коренных народов Севера и Сибири, базируется на целесообразном сочетании культурно-антропологических и культурсоциологических концепций. При этом полевое исследование должно быть необходимой эмпирической практикой, без которой адекватное научное моделирование этнокультурной динамики невозможно.

Куцаева Марина Васильевна

Москва

Институт языкознания Российской академии наук, научный сотрудник

группы финно-угорских языков отдела урало-алтайских языков

Кандидат филологических наук

Сохранение этнической культуры марийцев в условиях диаспоры Московского региона

Доклад посвящен проблеме сохранения этнической культуры марийцев в условиях диаспорного проживания в поликультурном пространстве Московского региона. В Российской Федерации насчитывается 547 605 марийцев, из них 290 863 человек проживают в Республике Марий Эл и составляют 41,8 % от населения республики. Остальные марийцы (46,9 % от всего марийского населения РФ) проживают как компактно, так и дисперсно во многих регионах страны, в том числе и в Московском [1]. Марийцы отличаются сильной диаспоризацией и занимают второе место среди всех финно-угорских народов РФ после мордвы по количеству марийцев, проживающих за пределами своей исторической родины. [2, с. 746]. Под диаспорой мы понимаем совокупность лиц определенной этнической принадлежности, проживающую за пределами основного традиционного места расселения этого народа, объединенную общим этническим самосознанием и, как правило, сохраняющую свой этнический язык в качестве одного из средств общения [3, с. 57]. Социолингвистическое обследование проводилось автором в марийской диаспоре Московского региона в декабре 2019 – мае 2020 г. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., численность марийцев в Москве и Московской области – 4655 человек [1]. Выборка составила 100 человек, все респонденты принадлежат первому поколению марийской диаспоры: они являются уроженцами Республики Марий Эл, а также мест компактного проживания марийского этноса (Республика Башкортостан, Татарстан, Кировская и Свердловская области), проживающими в настоящее время в Московском регионе. Все респонденты идентифицируют себя в качестве этнических марийцев. Одним из аспектов обследования являлось изучение языковой лояльности респондентов, которая косвенно находит свое воплощение в знании и соблюдении этнических традиций и обычаев. Респондентам задавались вопросы, касающиеся критериев принадлежности марийскому этносу, соблюдения этнических традиций и обычаев, особенностей этнической культуры мари, межпоколенной передачи этнической культуры. На основе ответов, полученных в ходе интервью, составлены таблицы по возрастным когортам. В ходе обследования была определена, с одной стороны, роль этнической культуры в жизни марийской диаспоры в настоящем, с другой стороны, перспективы ее сохранения в рамках интеграционных процессов в поликультурном пространстве Московского региона.

Список литературы:

1. Всероссийская перепись населения 2010 года. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612-tom9.htm.
2. Кондрашкина Е. А. Языковая ситуация в Республике Марий Эл // Язык и общество : энциклопедия. М. : Азбуковник, 2016. С. 746–752.
3. Словарь социолингвистических терминов / отв. ред. В. Ю. Михальченко. М. : Институт языкознания РАН, 2006. 312 с.

Ламажаа Чимиза Кудер-ооловна

Кызыл

Тувинский государственный университет, Тувинский институт

гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований

при Правительстве Республики Тыва, заведующая лабораторией

этнологии и лингвокультурологии, главный научный сотрудник

Доктор философских наук

Изучение и сохранение традиций проведения тувинского обряда дагылга (в соавторстве с Ш. Б. Майны)

В тувинской культуре календарные обряды дагылга (обряды освящения мест – истока реки, дерева, культового места оваа и пр.) проводились традиционно как обряды с элементами праздника – населением территории или родовыми группами. В XX в. они были практически под запретом и не проводились. Возобновление обрядности приходится

на начало XXI в., и это связано не только с процессом возрождения национальной культуры в российских регионах, но и с общим процессом десекуляризации. Особенно популярным обряд стал у семейно-родственных групп тувинцев, которые собираются ежегодно в местах кочевий своих предков (дедов и прадедов) для совершения ритуалов обычно под руководством шаманов. Причиной сборов чаще всего становятся прагматические мотивы: стремление отвести несчастья в роду, укрепить благополучие, получить благословение у духов предков, мест, а также укрепить родственные связи между разрозненно живущими родственными семьями. Каждая родственная группа проводит обряд по-своему, тем не менее встречаются общие элементы (обряд возжигания костра са салыры, камлание или общие молитвы, жертвоприношение молочной пищей, установление шестов с флагами и пр.). В реконструкциях встречаются и новации, импровизации. Организация проведения обряда опирается на современные технологии (мобильную связь, Интернет), участники приезжают на место на автомобилях; на самом обряде участники ведут фото- и видеосъемку. Однако информация о проведении обрядов доступна только самим членам родственных групп. Исследовательский интерес представляет данная комбинация старого, трансформированного и нового в проведении обряда дагылга. В задачах также фиксация вариаций, обобщение и выделение территориальных различий современных вариаций. Исследование проводится коллективом лаборатории этнологии и лингвокультурологии Тувинского государственного университета по проекту «Тезаурус этнической культуры в XXI веке: проблемы исследования и сохранения (на примере тувинской культуры)», который реализуется по гранту РНФ (№ 21-18-00246). Работа осуществляется в сотрудничестве с Центром тувинской традиционной культуры и ремесел, который готовит перечень объектов нематериального культурного наследия тувинского народа для соответствующего российского перечня. За период с лета 2019 г. до конца лета 2021 г. собрано и подготовлено несколько описаний обряда дагылга: турлаг дагылгазы, тел ыях дагылгазы, суг бажы дагылгазы, проводившихся в разных районах Тувы. К концу 2021 г. готовится к изданию научно-популярная брошюра о тувинских обрядах дагылга с представлением нарративов с научными комментариями, иллюстрациями и выпиской из паспорта перечня нематериальных объектов культурного наследия тувинцев.

Лепешкина Лариса Юрьевна

Тольятти

Поволжский государственный университет сервиса, доцент кафедры

«Гостеприимство и межкультурные коммуникации»

Кандидат исторических наук, доцент

Проблема сохранения этнической самобытности в условиях осуществления советской культурной политики (на примере Поволжья)

Сегодня многое, что относится к истории СССР, подвергается критике как в научной литературе, так и в средствах массовой информации. Речь идет о конкретных решениях Советского государства, в том числе затрагивавших сферу культуры. Движущей силой в осуществлении советской культурной политики выступала марксистско-ленинская философия, инструментами ее реализации — агитация и пропаганда. Актуальность исследования советской культурной политики в целом и применительно к Поволжью обусловлена в настоящее время потребностью создания государственной программы развития культуры. Одним из последствий реализации культурной политики СССР стала проблема сохранения этнической самобытности среди народов данного государства. Так, в Поволжье способы проявления самобытности носили оригинальный характер. Примером служат свадебные обряды мордвы-эрзя. Они начинались со сватовства, которое длилось два дня. Родственники невесты одаривали сватов ритуальными полотенцами. Эти действия относились к традиционным, но далее происходило смешение прежних и советских элементов свадебной обрядности. После положительного исхода сватовства брак регистрировался в ЗАГСе, затем следовало венчание. Без венчания свадьба воспринималась как несостоявшаяся, ненастоящая. Другим примером синтеза народных традиций и символов советской эпохи являлось использование ритуального удмуртского полотенца «чушкэн». Этими полотенцами украшались портреты советских вождей. Тогда образ вождя обретал сакральное значение, подобно языческому богу, требовавшему почитания. Наиболее ярко этническая самобытность сохранялась в похоронно-поминальных обрядах народов Поволжья, несмотря на усилия партийных органов в борьбе с религиозными пережитками. Например, в честь погибших в Великой Отечественной войне на чувашских кладбищах устанавливались особые намогильные столбы «юпа» как символы поминовения. Также продолжали совершаться очистительные ритуалы, связанные с представлениями о сверхъестественных возможностях умерших. Агитационная и просветительская работа советских властей по внедрению нового социалистического образа жизни стала давать свои результаты во второй половине 1960-х гг. С этого времени стремление проявить этническую самобытность интерпретировалось среди партийных и научных деятелей в качестве интеллектуальной ограниченности. Тем не менее присутствие традиционных элементов в обрядах волжан указывало на потребность людей действовать в трудных и критических ситуациях, опираясь на опыт предыдущих поколений, на проверенные рецепты выживания, что может служить индикатором этнической самобытности. Таким образом, советская культурная политика представляла собой

сложный социокультурный феномен, трансформировавший систему ценностей и стиль жизни многих народов. Ее влияние ощущается и по сей день: любые реконструкции утраченных явлений традиционной культуры сопоставимы с порождением симулякров, где грубые копии не способны выразить сущность оригинала.

Майны Шенне Борисовна

Кызыл

Тувинский государственный университет, доцент кафедры технологии и предпринимательства, старший научный сотрудник лаборатории этнологии и лингвокультурологии
Кандидат культурологии, доцент

Изучение и сохранение традиций проведения тувинского обряда дагылга (в соавторстве с Ч. К. Ламажаа)*

Михайлова Надежда Владимировна

Владимир

Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, доцент
Кандидат исторических наук

Этнический туризм как фактор существования этнических культур в современном мире: развитие, разрушение, трансформации?

Доклад посвящен исследованию этнического туризма как полифункционального феномена, влияющего как на путешествующих индивидов, так и на принимающие их сообщества. Актуальность темы связана с особым положением туризма в жизни современных обществ и современного человека, с его сложной функциональностью и динамичностью форм, плотной включенностью в формирование экономических, политических, социальных, культурных отношений и форм деятельности. Этнотуризм находится на пересечении современной коммерциализированной массовой культуры и индивидуальных поисков Другого. Используя функциональный и аксиологический ракурсы исследования, анализ дискурсов, а также совмещая дисциплинарные оптики культурологии, этнологии и культурной антропологии, мы анализируем этнический туризм как вид деятельности, феномен культуры, форму межкультурного взаимодействия. В докладе сопоставляются эссенциалистский дискурс поддержания/разрушения традиций и конструктивистский дискурс «изобретения традиций» средствами этнотуризма. Выявляется ценностная риторика, характерная для первого подхода, и ее биполярный характер: положительная или негативная оценка функционирования этнотуризма в контексте его влияния на поддержание этнокультурных традиций. Отмечается нейтральная оценка функционирования этнотуризма с позиций второго подхода с акцентом на трансформационную функцию туризма и его роль в формировании так называемой новой аутентичности. Развивая идею трансформации культур под воздействием туризма как нормы современного существования, можно предположить, что туризм по отношению к сообществам выполняет адаптивную функцию. С этой позиции следует говорить о туризме не столько как об агенте сохранения этнокультур, сколько как об агенте их трансформаций, включения их в современность, в рамках которой коммерциализация, капитализация традиций — своего рода норма. С другой стороны, продуктивным, актуальным и перспективным видится объединение данной позиции с критикой существующих норм современности, в частности в рамках Critical Tourism Studies и других приложений критической теории.

Никифорова Саргылана Валентиновна

Якутск

Северо-восточный федеральный университет, доцент
Кандидат культурологии, доцент

Иеротопии северо-востока Азии: к проблеме конструирования сакральных пространств

Культурное наследие принято рассматривать как законченную историческую данность; веками сложившееся, требующее лишь выявления, охраны, исследования, паспортизации и консервации. В сознании носителей культуры оно непременно должно быть освящено народным признанием и включено в Список наследия, если не ЮНЕСКО, то хотя бы в региональный охранный реестр. В центре внимания — анализ процесса становления, конструирования объекта культурного наследия, происходящего на глазах у современников и, желательно, осознаваемого

* См.: Ч. К. Ламажаа.

ими в качестве такового. Указанный вид деятельности выделен и описан А. М. Лидовым, он назвал эти процессы «иеротопией» и определил как «создание сакральных пространств, рассматриваемое как особый вид творчества» [2009, 61]. Конструирование сакральных пространств есть результат отбора культурной памяти — отклик на расширение семантического поля, наложение разных событий. Срабатывает механизм культурной памяти, когда образ места складывается из нанизывания коннотативных смыслов в разных стратах культурного пространства, по сути, он есть заявка на освоение культурного наследия, «иеротопизацию». В национальном проекте «Культура» деятельность указанного направления обозначена как «реализация творческих проектов... направленных на укрепление российской гражданской идентичности на основе духовно-нравственных и культурных ценностей народов РФ» [2019, 30]. Практически каждый наслег, каждый алаас, где ступала нога человека, имеет свою культурную историю. Другое дело: хранит ли память? Проблема — в степени сохранности, насколько культивируемые на местном уровне мифы, культурная память работают на имидж, становление ценностей в культурах разных этносов. Например, саха, эвенки, эвены, татары и русские; субэтнос казаков и субкультура ямщиков в Олекминском улусе: когда в одном месте сошлись хозяйственные, ритуальные, сакральные, религиозные, культурные пласты представителей разных родов, этносов, субэтносов, конфессий и форм жизнедеятельности. Здесь более уместно понятие, введенное М. Фуко, — «поликультурная гетеротопия» («перекресток культур»), отличительные признаки которой: «высокий индекс терпимости к иным традициям, наличие многообразных культурных традиций и атрибутов, соседствующих в одном пространстве; культурно-нормативный либерализм» [2017, 11]. Для культурного пространства республики характерны именно такие синтезированные миксты: культурные перекрестки, определяемые как поликультурная гетеротопия. Усложнение культурной памяти ведет к изменению статуса места, что порождает более устойчивые и жизнеспособные культурные формы. В народном сознании образ культурного пространства представляет симбиоз сакрального и профанного, при этом сакральное имеет более сложную архитеконику — исторически сложившуюся конструкцию тесно переплетенных различных страт (пластов): историческое, мифологическое, конфессиональное, мистическое, ритуальное и другие содержания страт культурного пространства.

Обухов Алексей Сергеевич

Москва

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики», Институт образования,

Центр современного исследования детства, ведущий эксперт, доцент

Кандидат психологических наук, доцент

Транзитивное общество теленгитов обособленного селения: исследование в парадигме метапозиции (в соавторстве с Н. В. Ткаченко и Ю. С. Овчинниковой)

При исследовании традиционных этнических культур, как правило, изучается межпоколенная преемственность с акцентом на устойчивость социальных институтов и культурных феноменов. Сейчас актуализировалась линия исследований транзитивности этнических обществ в условиях VUCA мира. Под транзитивностью понимается состояние динамического перехода общества с относительно стабильной структурой к меняющейся. Исследование локальной этнической общности в ситуации транзитивности нами проводилось в селении Язула Улаганского района Республики Алтай в 2003 и 2019 гг. Рассмотрены метаморфозы, произошедшие за 16 лет по аспектам: обиходная жизнь и социальная ситуация; изменения в бытовании обрядов и музыкальной культуре; трансформации социальной идентичности. Эти проблемы осмысляются на материале конкретных изменений в ситуации увеличения «открытости» селения «внешнему» миру за данный период. Мы опирались на принцип метапозиции, который рассматривается как технология организации полипрофессионального взаимодействия различных специалистов в общем пространстве исследований (на этапах планирования, сбора и анализа полевого материала). Выявлено:

1. Увеличение доступности и открытости обособленного селения «внешнему миру» вызывает разнонаправленные процессы в жизни сельского сообщества: принятие нового и расширение культурной вариативности в повседневном укладе жизни; усиление значимости и закрытости для внешнего мира сакральной составляющей культуры; стабильная преемственность ключевых обрядов перехода при расширении вариативности обрядового сопровождения детства и взросления.
2. Появление стабильной доступности внешних информационных каналов резко изменяет языковую ситуацию с монологической на билингвальную и существенно трансформирует социальную ситуацию развития, а также содержание культуры детского сообщества, повышает социальную мобильность молодых людей; изменение языкового контекста трансформирует музыкальный репертуар и особенности его переживания у среднего и старшего поколения.
3. Переход от замкнутого существования обособленного локального сообщества к относительной открытости «внешнему миру» усиливает оппозицию «мы — они», делает более выраженными границы между ними; актуализирует

переживание репрезентации образа себя и своего селения другим людям, обостряет значимость образа «парадного портрета» себя и своей жизни.

4. Ситуация этнокультурного возрождения на региональном уровне обуславливает востребованность и, как следствие, переезд носителей специфических этнокультурных традиций, репрезентирующих уникальность этноса, из обособленных селений в центральные.
5. Увеличение культурного разнообразия, особенно в обиходной жизни, создает ситуацию необходимости самоопределения отдельного человека и семей на поведенческом уровне и усложняет структуру социальной идентичности, в том числе создавая проблему этнокультурного и религиозного самоопределения; все это усиливает переживание незащищенности себя и жизни своего локального сообщества в целом для внешнего мира.

Овчинникова Юлия Сергеевна

Москва

Московский государственный университет

имени М. В. Ломоносова, доцент

Кандидат культурологии

**Транзитивное общество теленгитов обособленного селения:
исследование в парадигме метапозиции
(в соавторстве с А. С. Обуховым и Н. В. Ткаченко)***

Протанская Елена Сергеевна

Санкт-Петербург

Санкт-Петербургский институт культуры,

профессор кафедры психологии и педагогики

Доктор философских наук, профессор

Этнокалендарь России: в поисках единого вектора ценностей

Этнокалендарь России — инновационный идеологический проект, продукт творчества ученых, позволяющий вывести педагогический процесс на общероссийский уровень, сделать детей активными участниками жизни страны, знатоками ее истории и этнокультур, заинтересовать деяниями ярких жизней россиян. Проект возник в 2006 г., выпускается с 2007 г., с 2008-го — распространяется в образовательных организациях города. Его печатная версия — это, например, «Этнокалендарь Санкт-Петербурга — 2021», который получает учитель, 60 плакатов о важных этнокультурных событиях народов России, представители которых проживают в Санкт-Петербурге, вывешиваемых в рекреациях в школе, а также методические рекомендации по работе с плакатами, которые получает учитель для того, чтобы выбрать способ отмечаемых с детьми тех или иных событий. Этнокалендарь — современный учебно-методический комплекс, воспитывающий юного гражданина поликультурной России на идеологии преемственности общих для всех россиян ценностей Родины, с раннего детства имеющего представление о народах Отечества, их традициях, верованиях, их достойных представителях и важнейших событиях. Учебно-методический комплекс «Этнокалендарь Санкт-Петербурга» выпускается ежегодно на основе разработок петербургских ученых. В настоящий момент это комплекс материалов для воспитания детей четырех возрастных групп — от дошкольников до выпускников школ. Благодаря информации, размещенной в материалах проекта, в каждой школе дети знакомы с флагом, гербом России и Петербурга, отмечают День России и День города, знают, что такое Пасха, Курбан-байрам, Сагаалган, где отмечается Есенинский день поэзии, кто такой Георгий Победоносец, почему отмечается День птиц, знают поэтов и ученых разных народов, их обычаи и многое другое. За годы работы «Этнокалендарь Санкт-Петербурга» получил признание в образовательных организациях Санкт-Петербурга, в регионах, на международном уровне, оценивается как бренд Санкт-Петербурга. В создании этнокалендаря участвуют профессионалы: доктора и кандидаты наук, глубоко владеющие темой, — из Музея антропологии и этнографии, Кунсткамеры РАН, РЭМ, СПбГУ, Санкт-Петербургского государственного института культуры, РГПУ имени А. И. Герцена, АППО, Санкт-Петербургского Дома национальностей и других организаций. На этапе внедрения педагоги прошли курсы по обучению работы с этнокалендарем в Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования. Согласно мониторингам, более 78 % учителей постоянно работают с материалами этнокалендаря в учебное и внеучебное время в контексте формирования идентичности «россияне», «петербуржцы», «представители одного из народов России». Они знакомят детей с символами, святынями, ценностями культур народов России и других стран, с историей в лицах, создавая единую картину ценностей мировой и отечественной культуры. Проект выпущен во Владимире, на Ямале, в Югре. Многие школы перевели всю воспитательную деятельность на работу с этнокалендарем.

* См.: А. С. Обухов.

Салбиев Тамерлан Казбекович

Владикавказ

Владикавказский научный центр Российской академии наук,
и. о. зав. отделом «Центр скифо-аланских исследований»

Кандидат филологических наук, доцент

Танец Хонга как этнический миф осетин

Сохранение этнического культурного наследия вообще и осетин в частности предполагает не просто его консервацию, а активное творческое освоение, в результате которого оно должно стать не только источником развития, но и органичной частью современного этнокультурного ландшафта. С этой точки зрения совершенно особая роль должна быть отведена традиционной хореографии, которая выражает дух и национальный характер, воплощаемых в синкретических формах пластики, музыки, костюма, обряда и сюжета. При этом из всех перечисленных компонентов танца последний, а именно смысловой, неизбежно берет на себя интегрирующую функцию, сводя воедино все прочие, наполняя все их единым содержанием. Очевидно, что в этнографическую эпоху, когда происходила фиксация осетинской традиционной хореографии, содержание танца неразрывно связано с мифологией, выступавшей в качестве универсального средства концептуализирования относительно устройства и происхождения как мироздания, так и общества, а также и самого человека. Изучение под предложенным углом зрения осетинской этнокультурной традиции показало, что выразителем этнического мифа осетин можно считать танец Хонга, фактически выступающий в качестве хореографической инсценировки эпического сюжета «О чудесной яблони нартов», относимой исследователями к циклу «Начало нартов». Разыгрываемый во время исполнения танца сюжет предстает драматизацией мифологемы «Священного брака», поскольку брачная семантика является основополагающей для всей хореографии в целом. Кроме того, обретение невесты, которая в танце выступает в образе дочери Владыки водного царства, становится необходимым условием для разделения изначально единого патриархального рода на касты воинов, священнослужителей и общинников, обеспечивая тем самым переход к более сложной социальной структуре. Все участники танца при этом берут на себя те или иные роли эпических героев, а их костюмы выполняют функцию театральных декораций и реквизита. В целом не остается сомнений в том, что лишь при подобном подходе традиционная хореография может стать полноценным элементом современной культуры, давая ответы на вызовы нового времени и становясь источником вдохновения для новых сценических воплощений, не идущих вразрез с ее изначальной аутентичной сущностью, но бережно сохраняя и раскрывая ее. Только в этом случае модернизация будет носить естественный и органичный характер, обеспечивая непрерывную связь поколений в принципиально иных социокультурных условиях.

Селезнева Ирина Александровна

Омск

Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва,
Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского,
директор, доцент

Кандидат исторических наук, доцент

Современная сельская культура Сибири: варианты модернизации

Сельские территории и сельская культура сегодня являются перекрестком ряда социальных трансформаций. С одной стороны, здесь продолжается депопуляция, обусловленная деградацией и девальвацией деревенского образа жизни, отставанием его по многим показателям комфортности от городских условий, с другой стороны, нарастающее в обществе недовольство городской средой и поиск альтернативных вариантов организации сельского образа жизни привели к появлению «родовых поместий» и экопоселений. В итоге формируются разные варианты модернизации сельских территорий, которые включают не только социально-экономические, но и социально-культурные практики, формирующие образы сельского жителя и сельской жизни. Все указанные процессы характерны и для сельских территорий Сибири и приобретают особую актуальность в условиях продолжающегося сокращения населения на этих обширных пространствах. Деревня, сельский образ жизни представляются ключевым звеном в сохранении межпоколенных связей, трансляции устоявшихся норм и ценностей. Данное положение нашло отражение в государственных программах Российской Федерации по развитию культуры. Особое внимание в них уделяется функционированию сельских домов культуры, музеев, библиотек как центров притяжения и центров удовлетворения культурных потребностей населения. Эти учреждения хранят, актуализируют и репрезентируют культурную специфику населения, находятся в русле государственной культурной политики. Не менее интересной современной тенденцией является популяризация искусственных образований — «этнодеревень», как важного фактора развития отдельных территорий и презентации культурного

наследия. Наряду с традиционной деревней в последние 20 лет в России, в том числе и в Сибири, идет процесс формирования сельских поселений нового типа. Как правило, это связано с недовольством городской жизнью и желанием горожан жить и воспитывать детей ближе к природе, вдали от негативного воздействия городской среды. Возникающие новые формы сельскости рассматриваются как механизмы адаптации и воспроизводства сельского образа жизни в современных социокультурных реалиях, как новая модель и новая сельская идентичность, вариант модернизации сельской культуры.

Ткаченко Наталья Владимировна

Москва

Московский государственный психолого-педагогический университет, доцент

Кандидат психологических наук

Транзитивное общество теленгитов обособленного селения: исследование в парадигме метапозиции (в соавторстве с А. С. Обуховым и Ю. С. Овчинниковой)*

Цыремпилова Ирина Семеновна

Улан-Удэ

Восточно-Сибирский государственный институт культуры,

проректор по научной работе

Доктор исторических наук, доцент

Культурное наследие Бурятии: современный исследовательский опыт

Одной из задач отечественной теории и практики является активное включение культурного наследия в стратегии устойчивого развития регионов страны. Фундаментальная значимость культурного наследия как одного из факторов формирования государственной идеологии и этнонациональной идентичности определяет необходимость анализа тех угроз и вызовов, которые ему предъявляет современное общество. Актуализация культурного наследия обусловлена также его ролью как эффективного ресурса социального и экономического развития. Это определяет необходимость анализа накопленного исследовательского опыта в области изучения, сохранения и использования культурного наследия на территории одного из уникальных регионов России — Республики Бурятия. Вопросы сохранения, изучения и трансляции культурного наследия, как в целом России, так и отдельно взятых регионов, всегда вызывают интерес ученых различных специальностей. При этом современная исследовательская ситуация характеризуется вариативностью методологических подходов к концепту «культурное наследие» в отечественной практике. Формирование концепции культурного наследия началось с середины XX в. и характеризуется непрерывным расширением ее содержания. Культурное наследие рассматривается с разных позиций: как совокупность культурных ценностей, как форма закрепления и межпоколенной передачи духовного опыта, как совокупность артефактов духовной и материальной культуры и результатов культурной деятельности по освоению и использованию человеком природных ландшафтов и др. Современными учеными Бурятии достигнуты серьезные успехи в изучении археологических памятников, их паспортизации и государственной охраны, накоплен опыт комплексных исследований памятников архитектуры и истории, в том числе культовых (православных, буддийских, старообрядческих и др.) объектов, отражающих многовековое и устойчивое взаимовлияние религиозных конфессий. Учитывая высокую сейсмичность территории Бурятии, отметим, что с целью сохранения, реставрации и дальнейшего использования памятников важными являются инженерные обследования зданий — памятников истории, архитектуры и культуры. В последнее время увеличилось количество исследований, рассматривающих возможности и перспективы включения культурного наследия в экскурсионно-туристские маршруты. В качестве положительных примеров также следует рассматривать появление в последние годы обобщающих трудов, работ справочного и энциклопедического характера, краеведческих и научно-популярных изданий, посвященных истории и культуре народов Бурятии. Региональные гуманитарные исследования достигли качественных результатов в вопросах изучения объектов культурного наследия Бурятии. Поэтому необходима дальнейшая консолидация исследовательских изысканий по разработке региональных моделей сохранения, трансляции и эффективного использования культурного наследия как важнейшего стратегического национального ресурса.

* См.: А. С. Обухов.

Культурология музея

Модераторы **О. С. Сапанжа, А. В. Венкова**

Балаш Александра Николаевна

Санкт-Петербург

Санкт-Петербургский государственный институт культуры, доцент

Доктор культурологии, доцент

Иммерсивные и интермедиальные практики презентации культурных артефактов: современный музейный опыт

В настоящее время вопросы репрезентации постоянно оказываются в фокусе внимания междисциплинарных исследований. Представлявшаяся ранее локальной проблематика «истории зрительства» в контексте истории искусства, а также происхождение, развитие и концептуальные аспекты экспозиций и выставок, исследуемые с позиций музеологии, в настоящее время сопрягаются с анализом различных культурных практик репрезентации с позиций культурологии и культурной антропологии. Терминология этих наук и, в частности, представления о культурном артефакте как об «интерпретативном воплощении какой-либо культурной формы» (Флиер А. Артефакт культурный // *Summa culturologiae. Энциклопедия* / под ред. С. Я. Левит. Т. 1. М.: СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. С. 122–123), а также о том, что «срок жизни всякой культурной формы <...> исчисляется длительностью ее продолжающихся интерпретаций в процессе воспроизводства, восприятия, описания, оценки <...> в качестве артефакта культуры» (Там же), позволяет существенно расширить исследование практик репрезентации. В то же время перспективным представляется соотнесение этих позиций с музеологическим осмыслением практик презентации «музейных предметов» как объектов материальной культуры с трансформированной и насыщенной семантикой, а в настоящее время все чаще — «музейных объектов», под которыми понимаются сложноорганизованные музейно-фицированные явления материального и нематериального наследия. Очевидная событийность, фиксация позиции зрителя как свидетеля и в то же время статус экспоната как документа, подтверждающего и погружающего в событие, установка на культуру участия, сопрягаемая с новой осведомленностью и практикой сохранения информации фрагментарно, в виде варьирующихся гипертекстов, проявляются во многих крупных выставочных проектах и музейных экспозициях последнего времени. Подобные подходы образуют новые типы репрезентации, которые формируются за рамками музейных пространств как новые культурные артефакты и затем переходят в музей как инновационные методы музейного показа. Среди них наиболее значимой представляется дихотомия методов иммерсивного погружения, предполагающая перформативную вовлеченность зрителя, и методов создания интермедиального текста, ориентирован на интеллектуальный отбор и нарративную структуру экспозиции. Междисциплинарность подобных подходов приводит к возникновению мобильных временных сообществ, вовлеченных не только в создание, но и в реинтерпретацию подобных проектов. И именно динамика взаимодействия иммерсивных и интермедиальных форм репрезентации, часто даже в одном выставочном проекте, видится характерным явлением современности, представляет новую модель актуализации культурного наследия.

Быстрова Татьяна Юрьевна

Екатеринбург

Уральской федеральный университет имени первого Президента

России Б. Н. Ельцина, профессор

Доктор философских наук, доцент

Культурологические основы проектирования музейного сувенира: опыт практической реализации подхода

Музейный сувенир является уникальным средством распространения информации о музее и его экспонатах, а также идентификатором территории. Сувенир понимается нами как специфический культурный феномен — предмет, призванный актуализировать индивидуальную память владельца о месте или событии. Разработка музейного сувенира на основе дизайн-мышления предполагает исследование и учет качественных характеристик как целевой аудитории, так и социокультурного пространства музея, ценностно-смыслового наполнения его конкретных экспонатов. Ранее автором определены методологические основания проектирования сувениров для сферы культуры, прежде всего семиотического подхода Ю. М. Лотмана, идеи диалога М. М. Бахтина, теории коммуникации; выделены основные смысловые аспекты сувенира (образный, функциональный, культурно-исторический, эстетический, социальный). Функциональные характеристики предмета определяются с учетом концепта повседневности. Разработана трехчастная теоретическая модель сувенира как феномена культуры, включающая в себя не только образный и знаковый компоненты, но и «легенду». На основе этих идей создан курс по проектированию музейных и территориальных

сувениров, апробированный в Уральском федеральном университете, Екатеринбургской академии современного искусства, на воркшопах с сотрудниками Свердловского областного краеведческого музея, на международном хакатоне в УрФУ (2020). В докладе представлены проекты студентов и слушателей, разъяснены их концептуальные идеи, показаны этапы работы над формой и упаковкой музейной сувенирной продукции. Трудности проектирования сувениров студентами связаны сегодня с тремя моментами: стереотипизированными представлениями о целевых аудиториях проекта, слабым знанием истории местной культуры и недооценкой культурного наследия места или региона. У работников музеев есть необходимая степень готовности к проектированию, при вовлечении их в дизайн-проект возникают более емкие и эстетичные решения. Культурологический подход к проектированию музейных сувениров обеспечивает их органическое вхождение в ценностно-смысловой континуум конкретного музея и региона, с одной стороны, и уводит от нежелательной «мусорности» сувенира — с другой.

Венкова Алина Владимировна

*Санкт-Петербург
Российский научно-исследовательский институт культурного
и природного наследия имени Д. С. Лихачёва,
ведущий научный сотрудник, Российский государственный
педагогический университет имени А. И. Герцена, доцент
Кандидат культурологии, доцент*

Арт-медиация: забота, участие и метамодернизм

В докладе анализируется роль механизма арт-медиации в современном мире искусства. Арт-медиация понимается как один из аспектов культурной медиации, выросшей из практик кураторской деятельности как технологии социального опосредования опыта общения с современным искусством. Культурная медиация раскрывается как форма социальной педагогики. Культурная медиация и арт-медиация как ее часть опираются на основные тезисы теории и практики так называемого педагогического поворота, в рамках которого любая публичная деятельность в пространстве современной культуры понимается как социальная педагогика. В русле этих тенденций культурологическая практика развивается как область широких компетенций опосредования коммуникативных процессов в культуре, использующая весь спектр медиационных техник, пришедших из публичных технологий художественного кураторства и педагогики участия. Дискурс заботы, изначально присущий кураторской деятельности, поддерживается в эстетике метамодернизма практиками горизонтальной самоорганизации и самозащиты сообществ. В докладе современная арт-медиация показана сквозь призму метамодернистской эстетики участия.

Егерова Татьяна Александровна

*Москва
Государственный музей-усадьба «Остафьево» — «Русский Парнас»,
старший научный сотрудник
Кандидат исторических наук*

Деятельность П. С. Шереметева по сбережению культурного наследия усадьбы «Остафьево» в 1920-е годы

Павел Сергеевич Шереметев (1871–1943) — сын последнего владельца Остафьева графа С. Д. Шереметева, добившийся выдачи на усадьбу охранной грамоты в марте 1918 г. и назначенный первым заведующим организованного в ней музея, всей своей жизнью исполнил отцовский завет быть «оберегателем и хранителем наших семейных письменных свидетельств былой жизни минувших поколений». Находясь в крайне стесненных материальных обстоятельствах, под постоянным подозрением властей как бывший граф, имея в своем распоряжении штат сотрудников из 6 человек (помимо его самого — три сторожа, завхоз и уборщица), Павел Сергеевич смог наладить музейную жизнь в Остафьево, целью которой было сбережение усадьбы как уникального культурного места, связанного с памятью о А. С. Пушкине, Н. М. Карамзине и П. А. Вяземском. В докладе на основе преимущественно архивных документов из фонда № 54 Отдела письменных источников Государственного исторического музея рассмотрены три основные сферы музейной деятельности П. С. Шереметева: научно-фондовая, экспозиционная и научно-исследовательская, направленные на изучение и борьбу за сохранение в целостности остафьевских коллекций. В рамках научно-фондовой деятельности П. С. Шереметев совместно с командированным в усадьбу А. Н. Гречем составил «на все картины и скульптуру <...> карточки по научному методу с подробными указаниями. Число карточек на картины 633, на скульптуру 155, всего 788». Отдельная тема — переписка П. С. Шереметева с Музейным отделом Наркомпроса с требованием вернуть в Остафьево предметы искусства, вывезенные из усадьбы в другие музеи. По убеждению П. С. Шереметева, «принципиально не желательно разрабатывать Остафьевского собрания. Разбирая по частям, можно свести на нет весь музей, собранный в течение ста лет несколькими поколениями одного и того же рода». В экспозиционной деятельности П. С. Шереметев стремился реализовать исторический подход, максимально

приблизив убранство парадной анфилады Остафьевского дома к тому облику, который она имела в первой половине XIX в.: «была восстановлена комната поэта П. А. Вяземского и маленькая гостиная его жены В. Ф. Вяземской <...> Облик музея не изменился, но расположение в подробностях несколько изменилось в некоторых залах и стало более цельным, приблизившись к тому, как было в давние годы...» В ходе научно-исследовательской деятельности П. С. Шереметев написал очерк «Крепостная суконная фабрика в Остафьеве», подготовил материалы для VI тома «Остафьевского архива», большое исследование «Русский Парнас в Остафьеве (Литературные друзья П. А. Вяземского)», а также ряд научных статей о своем прадеде, князе П. А. Вяземском. Подвижническая работа П. С. Шереметева по изучению и популяризации остафьевского наследия и русской дворянской культуры, не востребованная в 1920-е гг. для решения идеологических задач, стоявших перед советскими музеями, получила особое значение в XXI в. для возрожденного музея-усадьбы «Остафьево» — «Русский Парнас».

Именнова Любовь Сергеевна

Химки

Российская международная академия туризма, профессор

Доктор культурологии, доцент

Музей боевой славы как культурологический феномен

Музеи боевой славы — наиболее распространенный вид музейных учреждений, преимущественно созданных в образовательных организациях; в них наиболее ярко проявляются некоторые тенденции, характерные для музейной сферы, вместе с тем их специфичность дает основание рассматривать их как культурологический феномен.

1. Музей боевой славы как памятное место — это символический конструкт, вовлеченный в производство знаков, смыслов. Так же как античный Мусейон, он базируется на ритуализированном месте, уже имеющем значимую для сообщества Память, выступает социокультурным институтом ее сохранения, поддержания, развития.
2. «Мемориальный бум» 1980-х гг. как всплеск общественного и научного интереса к прошлому и памяти нашел философское и культурологическое оформление в концепте «место памяти» (*lieu de mmoire*), разработанном Пьером Нора; музей как никакой другой институт соответствует этому понятию; высказана мысль о том, что «места памяти» существуют вследствие существования угрозы разрушения памяти; их предназначение — поддерживать чувство продолжения истории.
3. Музей боевой славы способствует коммеморации (в понимании, разработанном Э. Дюркгеймом): совместному воспоминанию-воспроизведению лиц, событий, явлений, значимых для нации в прошлом, настоящем и будущем; как место памяти, оно освящено традициями проведения торжеств, юбилеев, дней памяти; как памятное место, оно живет, развивается, откликается на запросы времени и сохраняет ценность.
4. Музей боевой славы образовательной организации выбирает частную, узкую тематику; в эпоху «постистории» он предрасположен отходить от метанарративов (Ж.-Ф. Лиотар), от «большого мифа» (М. Фуко). В экспозиционном показе история страны становится фундаментом, на котором разворачиваются рассказы о судьбах конкретных людей, участников войны, о семье в военное лихолетье; история предстает в персонифицированном виде.
5. Музеи образовательных организаций формируют специфическое решение дилеммы подлинник-копия. Для них исторически комплектование копий было приоритетным, их опыт демонстрирует изменение статуса копий в эпоху «технической воспроизводимости» (о чем еще в 1936 г. высказывал предположение В. Беньямин). У. Эко говорил о неопределенности понятий «оригинал» и «копия» для фотографии и кино, ориентированных на тираж; фотокопии составляют основу собрания музеев образовательных организаций. Копии необходимы для создания целостного экспозиционного образа и последовательно развивающегося сюжета. Утверждение равноправия статусов подлинника и копии — один из постулатов эстетики постмодернизма, наряду с цитированием, аллюзией, игрой смыслов.
6. Музей боевой славы имеет средовой характер: он направлен на документирование истории места, создается представителями среды; его тематика достаточно узкая, «привязанная» к местности, активисты ориентированы на краеведческую конкретику, до которой «не доходят руки» больших и профессиональных музеев.

Кравченко Полина Владимировна

Санкт-Петербург

Российский государственный педагогический университет,

фонд «Антон тут рядом», куратор проекта Autism Friendly

Аспирант

Разнообразие и инклюзия в контексте современных музейных практик

В этом докладе рассматривается понимание инклюзии и работа с разнообразием в российских культурных институциях на примере творческой лаборатории Государственного Русского музея «Арт-превращения. 2021». В Санкт-Петербурге 16 сентября 2021 г. в Михайловском саду Русского музея прошла творческая лаборатория, где совместно с художниками, музейными специалистами, арт-терапевтами, волонтерами, жителями психоневрологических интернатов,

а также студентами Благотворительного фонда системной поддержки людей с аутизмом «Антон тут рядом» были созданы арт-объекты. Тема лаборатории этого года — «Возвращение в музей». Для людей с РАС (расстройством аутистического спектра) вынужденная изоляция 2020 г. нанесла ущерб рутинам, привычкам, закреплённым навыкам, вызвала сложности с поддержанием контактов и коммуникации в целом. Данный фестиваль-лаборатория включает пространство Михайловского сада в диалог с жителями города, профессиональным сообществом художников и людьми с особенностями развития. Целью проекта является формирование творческого сообщества людей, готовых активно участвовать в создании актуальной инклюзивной музейной и городской среды. Данный доклад анализирует основные принципы инклюзии в контексте «Арт-превращения. 2021», описывая опыт музейного сообщества и актуальные дискуссии на тему разнообразия в культурных институциях. В 2015 г. вышел Приказ Министерства культуры РФ № 2800 «Об утверждении Порядка обеспечения условий доступности для инвалидов культурных ценностей и благ». В 2020 г. ИКОМ провел Международный день музеев под темой «Музей как пространство равных возможностей: разнообразие и инклюзия». Таким образом, подкреплённое правовое поле и дискуссии в профессиональной среде определили вектор развития в музейной сфере на ближайшее время. Музейное пространство, форматы предоставления информации, работа с аудиторией и сотрудниками, организация цифровых данных, доступность среды становятся необходимыми для работы в публичном разнообразном поле. Доклад рассматривает проблему возникновения и актуального существования инклюзивных программ в музеях. На примере лабораторий Государственного Русского музея «Арт-превращения. 2021» под темой «Возвращение в музей» будет описана стратегия по планированию и воплощению мероприятия, его итоги, результаты деятельности при участии студентов фонда «Антон тут рядом».

Мастеница Елена Николаевна

Санкт-Петербург

Санкт-Петербургский государственный институт культуры,

заведующая кафедрой музеологии и культурного наследия

Кандидат исторических наук, доцент

Музей в пространстве современной культуры: новый виток развития

Смена общекультурной модели и образовательной парадигмы становится катализатором перманентной рефлексии о «смысле и назначении» музея, что выражается в пересмотре базовых дефиниций, а также в выделении новых функций, поиске подходов и технологий, направленных на позиционирование и взаимодействие музея и социума. Наблюдается невозможность сепарации музея как института наследия от общественного развития, которое задает вектор мотивации и формирует потребности той культуры, в которой он существует на данном этапе развития. Являясь носителем функции аккумуляции исторической памяти, музей в условиях трансформации социокультурного поля одновременно подвергается переосмыслению и со стороны профессионального сообщества, и со стороны музейной публики. Стремление понять ту среду, в которой существует культурная институция, становится ключом к решению целого ряда проблем, связанных с диверсификацией музея как культурной формы. Поиск нестандартных концептуальных решений, эмансипация цифровых технологий, попытки выстраивания диалога со зрителем в рамках наступления эпохи цифровой культуры — все это становится катализатором новых форм репрезентации и актуализации наследия в музее, призванном говорить не только о прошлом, но и о современности. Феномен музея переживает сегодня новый виток развития: научный интерес сфокусирован на синтезе предметного наполнения, внутреннего и внешнего пространств, на соотношении содержания и формы, а также их символического и смыслового единства. Музейная условность, конструированная на основе реальных объектов, мыслится шире пространства жизни и определяется метафоричностью и символической наполненностью. Синтез материального и нематериального, когда музеефикации подвергается образ жизни, нравственные идеалы, эстетические категории, в современных условиях не однороден. Он индуцирован границами коллективной памяти и представляет глубокое культурное переживание на основе подлинных артефактов. Расширение границ музейного мира, горизонтов проистекающих в нем когнитивных процессов и спектра интерпретационных практик представляет собой актуальную культурологическую проблематику, которая нуждается в специальном научном изучении.

Никифорова Алина Александровна

Нижневартовск

Нижневартовский государственный университет, доцент

Кандидат культурологии

Современный музей как центр коммуникации и социального служения (в соавторстве с Л. Г. Скульмовской)

В современных условиях глобализации, усиливающегося влияния цивилизации на традиционную природную и культурную среду обитания человека сохранение культурного наследия как основы формирования истори-

ческой памяти становится все более актуальным. Трансляция традиций в процессе приобщения к культурному наследию позволяет формировать идентичность и рост национального самосознания граждан России. В культуре любой страны, любого общества особое место занимают музейные учреждения как центры отбора, атрибуции, сохранения и экспонирования материального и духовного наследия, выступающие важными институтами формирования исторического сознания и нравственно-эстетической позиции. Происходящие в современной России сложные социальные процессы ставят перед музеями и другими учреждениями культуры ряд проблем, связанных с необходимостью осмысления новых реалий [1]. Для современных музеев любого региона, находящихся в высококонкурентной среде и вынужденных бороться за своих посетителей на рынке досуга и конкурировать с культурными институтами, которые используют новые площадки для коммуникации с современной аудиторией, достаточно актуален вопрос привлечения посетителей. Новые медиа- и цифровые технологии, используемые практически во всех сферах, становятся необходимым каналом взаимодействия с посетителями. Меняются и сами посетители, становясь более требовательными; помимо основной ценности музея — уникальных экспонатов, они предполагают увидеть в музеях высокий уровень предоставления потребительских услуг. Современная специфика функционирования музеев позволяет говорить о необходимости формирования конкурентных преимуществ на основе ряда современных методов продвижения и популяризации музеев, среди которых: — широкое внедрение цифровых технологий и «виртуальных экскурсий»; — создание/трансформация современных музеев в культурно-просветительские центры, являющиеся площадкой для диалога широкого круга специалистов: дизайнеров, художников, архитекторов, фотографов, ученых; — переориентация современных музеев на развлекательный аспект и работу с массовым посетителем [2]; — внедрение анимационных и театрализованных программ; — использование социальных сетей (Twitter, Facebook и др.) для привлечения потенциальной аудитории; — активное применение музейной сувенирной продукции. Современные музеи, становясь более гибкими и мобильными, активно внедряют новые достижения научно-технического прогресса, превращаясь в динамично развивающуюся отрасль науки, искусства, бизнеса и культуры.

Список литературы:

1. Скульмовская Л. Г. Реализация региональной культурной политики средствами культуроохранных технологий : (на примере Тюменской области и Ханты-Мансийского автономного округа — Югры) / Л. Г. Скульмовская, А. А. Никифорова. Тюмень : Белый куб, 2019. 166 с.
2. Калядина И. С. Стратегия продвижения современного музея как культурно-социального феномена и одного из факторов развития территории // Инновационная наука : междунар. науч. журнал. 2015. № 10. С. 224–225.

Поляков Тарас Пантелеймонович

Москва

Российский государственный научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва,
руководитель Центра экспозиционно-выставочной деятельности
(музеев), ведущий научный сотрудник
Кандидат исторических наук, доцент

Особенности экспозиционной деятельности отечественных музеев и музейно-парковых комплексов на современном этапе

1. В настоящее время наблюдается тенденция к глобальной театрализации музейного экспозиционного пространства (начиная с заказов билетов, сеансовым посещением и заканчивая дизайном экспозиций).
2. Актуализируются иммерсивные методы экспозиционного показа: ансамблевый (средовой) метод, погружающий посетителя в интерактивную бытовую среду, и музейно-образный (художественный), погружающий в художественное пространство музейной инсталляции.
3. Продолжается творческое соперничество двух интерактивных технологий в пространстве музейных экспозиций: электронных технологий (нажимай и узнавай) и технологий «живого музея» (экспонаты руками трогать).
4. В связи с пандемией произошла новая актуализация виртуальных экспозиций (музеев), модных в 1990-е гг.
5. В связи с предыдущим тезисом обострилась проблема реального и виртуального в музейных экспозициях; основной вопрос: происходит ли в данном случае нарушение специфики музея (и театра), выражаемой в формуле «здесь и сейчас»?
6. Развивается тенденция сближения музеев под открытым небом (музеев-заповедников) и тематических парков (парковых комплексов) историко-культурного типа (военно-исторических, этнографических, археологических и т. д.): музеи расширяют свои рекреационные возможности, тематические парки стремятся к артефактам и мемориальным пространствам.
7. Подобные процессы в современном музейно-парковом деле нуждаются не только в изучении, но и в креативном управлении и творческом контроле. То есть требует активного участия музейных специалистов — концептуалистов

и сценаристов — в разработке концепций и сценариев соответствующих экспозиций музейно-парковых комплексов, актуализирующих духовно-нравственные ценности российской цивилизации.

8. Создание в нашей стране музейно-парковых комплексов, экспозиции которых выражают информацию в развлекательно-познавательном формате и увеличивают тем самым количество потенциальных посетителей, будет способствовать развитию туристической инфраструктуры. То есть приведет к увеличению количества и качества гостиниц, кафе, сувенирных магазинов и парковок, крайне необходимых музеям под открытым небом (музеям-заповедникам) в реалиях текущего и прогнозируемого роста туристического потока, а также к увеличению внебюджетных средств и источников финансирования данных учреждений.
9. Особенности концепции музейно-паркового комплекса «Кронштадт. Остров Фортов» как показательный пример органичного соединения музейных и парковых экспозиций. Структура музейных экспозиций в общественных пространствах музеефицированных фортов «Император Александр I», «Император Петр I» и «Кроншлот».

Сапанжа Ольга Сергеевна

Санкт-Петербург

Российский государственный педагогический университет

имени А. И. Герцена, директор Института художественного образования

Доктор культурологии, профессор

Структура научных исследований в области культурологии музея

В докладе будет представлена концепция структуры научных исследований в области изучения феномена музея и музейности (музеальности). Исходным тезисом является идея о необходимости разработки альтернативных подходов к определению соотношения круга понятий: музеология, музееведение, музейное дело. В качестве общей методологической основы разработки структуры научного знания и его соотношения с областями практической деятельности выбран культурологический подход и концепция А. Я. Флиера о культурологии и музееведении. На основе этого подхода предложена структура знания о музее и музейности (музеальности), включающая взаимосвязанные области научных и прикладных исследований, а также практической деятельности. Структура представляет собой иерархическую структуру от философского знания и теории культуры к профильным исследованиям и методике практической деятельности. Основными областями науки и практики являются: философия музея и музейности, музеология, музееведение, музеография, музейное дело. Предлагается следующая структура знания: философия музея и музейности представляет совокупность концепций о специфике «музейной памяти» в контексте аксиологии и гносеологии, музеология изучает типы, формы и результаты музейной (музеальной) деятельности с целью их обобщения и концептуализации, музееведение изучает историю музеев и музейного дела, музейные коллекции с точки зрения их значения для истории культуры, музеография — теория и методика организации музейного дела (научно-фондовой, экспозиционно-выставочной, образовательной деятельности, музейного менеджмента и маркетинга), музейное дело — конкретные практические мероприятия по реализации основных направлений музейной деятельности. Приведенная структура демонстрирует продуктивность анализа музеологии в контексте культурологического знания. В рамках выбранного методологического подхода структурной изоморфности можно говорить о значительной области научного поиска, связанного с анализом музея и музейности (философия музея и музейности, музеология, музееведение), о теории и методике организации музейной работы (музеография) и о практической деятельности в этой сфере (музейное дело). Таким образом, решается задача разработки структуры научного знания, учитывающего отечественную традицию изучения музея и уровень разработки проблем культурологии, с одной стороны, и общемировые тренды в определении границ музеологии, с другой.

Скульмовская Любовь Григорьевна

Тюмень

Тюменский государственный институт культуры,

профессор

Доктор социологических наук, профессор

Современный музей как центр коммуникации и социального служения (в соавторстве с А. А. Никифоровой)*

* См.: А. А. Никифорова.

Старшова Анна Петровна

Ярославль
Ярославский государственный педагогический университет
имени К. Д. Ушинского, доцент кафедры культурологии
Кандидат искусствоведения, доцент

Изменение статуса музейного экспоната в условиях медиатизации (ярославская практика)

В основе сообщения лежит проблема репрезентации классического наследия в современной медийной культуре. Исследуется, как процессы социокультурного изменения общества со сменой модели коммуникации отображаются на статусе музейного экспоната, как высокие технологии влияют на изменение представления о классическом культурном пространстве, как должна измениться музейная концепция и какие инструменты нужны для того, чтобы создать значимые для общества сегодня учреждения культуры. Фиксируется внимание на новых формах сохранения и актуализации культурного наследия. Инкорпорация медийных технологий в классические модели взаимодействия направлена на обеспечение доступности образов (музейных артефактов) для широкой аудитории. Наша задача не исследовать все существующие медийные технологии в музейной коммуникации. Мы ставим цель обозначить основания для смены модели коммуникации, повлиявшие на статус музейного экспоната. С одной стороны, современная тенденция распространения классического искусства в повседневной жизни, тенденция массовизации проявляются в синергии музейной деятельности, а также популяризации искусства через коммерциализацию. Следствием демократизации музея становится тенденция к упрощенному характеру репрезентации искусства. А с другой стороны, именно этот «разлад» и дает обширные возможности для экспериментирования в этой области (как на уровне частной инициативы, так и на уровне культурной политики государства, которая отображает современные тенденции к цифровизации, демократизации, коммерциализации искусства). Мультимедийные технологии выдвигают не только эффективные методы взаимодействия человека и музейного экспоната, но и конструируют для них новые нарративы и сценарии. Региональные музеи Ярославской области активно демонстрируют внедрение мультимедийных технологий в музейную коммуникацию. Основой для эмпирического материала в данном ракурсе исследования станут технологии, применяющиеся в ярославских музеях за последние пять лет. В современном мире степень освоения мультимедийных технологий, ведущая к «осовремениванию» музейного экспоната, — это своеобразная лакмусовая бумажка, отражающая степень соответствия конкретного музея требованиям времени.

Чуныкова Екатерина Владимировна

Санкт-Петербург
Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт философии
Аспирант, магистр технической физики

Атмосфера выставочного пространства

Анализ тенденций развития современного музея обнаруживает, что современному зрителю необходимы новые условия для восприятия произведений художественного творчества. Ожидания современного зрителя касаются не только самого содержания выставок, но и «индивидуализации» подхода к выявлению и удовлетворению интересов отдельных посетителей, моменту «соучастия» — возможности непосредственного участия в происходящем. Сегодня, посещая музеи, зрители обращают внимание, прежде всего, на внутреннее ощущение того, как выставка повлияет на их собственное представление о себе. Фокус с традиционного акцента на объект искусства смещается в сторону зрителя и его индивидуального восприятия. Атмосфера в музее, как средство получения нового опыта, становится новым идеологическим инструментом. Тематические выставки произведений искусства в настоящий момент вызывают большой общественный интерес и сопоставимы с массовыми развлечениями. На сегодняшний день музеи — это не только места сбора, но и места показа, не только места сохранения, но и места интерпретации. Они концептуализируются с точки зрения современных интересов и перспектив и, таким образом, дают все новые и новые способы видения. Отсюда возникает проблема, выходящая на передний план: атмосфера выставочных пространств представляет угрозу социокультурной памяти, разрушая культурные коды и искажая историческую память посредством введения новых коннотаций и интерпретаций. По сути, на сегодняшний день существует тенденция, когда произведения искусства перестают иметь свою собственную ценность, а становятся второстепенными участниками некоего перформанса, где главную роль играет именно атмосфера пространства. Для современного подхода к экспонированию объектов искусства в новых условиях становится важен человеко-ориентированный подход и этическая сторона вопроса. Это на новый уровень поднимает проблему образовательно-просветительской функции современных музеев (взамен развлекательной) и проблему преодоления современным посетителем музеев разных форм отчуждения. Современный музейный дизайн движется по траектории, заданной логикой рыночных отношений, где главной задачей является привлечение большего количества зрителей путем использования различных технологий, нередко идущих вразрез с культурно-просветительской и об-

разовательными функциями музеев. Использование развлекательных пространственных символов, коннотаций, световых и цветовых приемов приводит к разрушению целостности восприятия как самого пространства, так и выставляемых в нем произведений искусства. В этой связи представляется актуальным формирование модели музея как системы, элементами которой являются: зритель — атмосфера — историческая память — произведение искусства.

Культурные индустрии

Модераторы Н. С. Галушина, И. В. Малыгина

Аверина Марина Владимировна

Москва

Московский государственный лингвистический университет,
профессор

Доктор культурологии, доцент

Tattoo-тело в спортивных практиках: от маргинальности к мейнстриму

Анализ современного процесса распространения тату-культуры показывает, что изначальная востребованность тату в узкопрофильных группах социума, таких как тюремные, армейские и флотские сообщества, где ее функции были производными от характера властных отношений, через последующее заимствование представителями контркультуры с сохранением некоторой предыдущей смысловой нагрузки, к концу 1980-х гг. в Америке и Европе, а в 1990-х гг. в России, привела к дальнейшему активному приобщению массового потребителя к татуированию, которое в настоящее время становится одной из популярнейших телесных практик, проникшей в самые различные социальные слои и сферы жизнедеятельности социума. Для детального изучения данного явления наиболее интересны сферы социума, где тело является инструментом деятельности и реализации поставленных целей. Акцентирование на публичной демонстрации тела свойственно сферам спорта, шоу-бизнеса и fashion-индустрии, что влечет оценку его физических кондиций, внешнего оформления, задает параметры телесности и транслируется массовому потребителю. Fashion-индустрия достаточно гибко внедряет разные тела, даже считавшиеся ранее маргинальными — пожилые, полные, инвалидные, трансгендерные, что формирует толерантность; в сфере спорта со времен агонистики закрепился канон пропорций идеального тела, хотя разные виды спорта предъявляют свои требования к телесным кондициям; сфера шоу-бизнеса, заимствуя из обеих обозначенных сфер тенденции оформления телесности, активно популяризирует их. Именно в сфере спорта тату-тело все увереннее занимает мейнстримный статус в связи с формируемым ассоциативным рядом: телесно ориентированные практики моделирования тела, здоровый образ жизни, успешность, статусность, молодость, игровое соперничество, — в который органично вписывается тату с возможностью визуализации многообразия ценностных смыслов, трансляции содержащейся информации своему окружению, демонстрации соответствующих достижений и т. п. Наиболее распространены тату-тела в таких видах спорта, как футбол, бокс, бодибилдинг, рестлинг, ММА, баскетбол, сноуборд, плавание и некоторых других. В научном поле исследований социокультурных смыслов татуирования за последние 50 лет в современных европейских обществах уже сложились основные теоретические подходы к изучению этого явления. Не нарушая исследовательской логики, на наш взгляд, на возрастающей волне популяризации тату-культуры следует попробовать подключить другие теории, например: «культурной экологии», «новой идентичности», «символов», эмерджентности и энергетизма, посмотреть, работают ли они для обоснования изменений с телом, происходящих в обществе и культуре в рамках микродинамики, и возможно ли с их помощью привнести некоторые новые нюансы в понимание наблюдаемых явлений.

Апраксина Татьяна Игоревна

Арройо-Секо, Калифорния (США)

Журнал «Апраксин Блюз», главный редактор

Культура как модель и вектор эволюции

Клич «хлеба и зрелищ!» остается актуальным манифестом той культуры, которую принято называть массовой и которая призвана удовлетворять простейшую потребность представителей homo sapiens в развлечениях, т. е. в получении удовольствия, сравнимого с удовольствием испытывать чувство сытости. С этой точки зрения единственным оценочным критерием ее деятельности является достигнутая степень развлекательности и разнообразия. Характер и средства массовой культуры определяются текущим состоянием и взглядами общественного контекста, черт эпохи, служащими моделью, которую массовая культура стремится отражать в положительном или отрицательном значении. В этом смысле можно сказать, что массовая культура берет на себя функцию непосредственного исполнителя социального заказа. Массовую культуру характеризуют этико-культурный релятивизм и инерционный, нуждающийся в периодических энергетических толчках, тип динамики, являющиеся показателями инволюционного

вектора движения. Отличие от нее культуры элитарной, а лучше было бы сказать культивированной, заключается в том, что последняя возникает из внутренней потребности в развитии и реализации наиболее человеческого в человеке (как в себе, так и в обществе), что является одновременно и ее целью независимо от идентификационной ориентации. Успешным результатом подобной культурной деятельности можно считать создание эталонной модели восприятия и оценки действительности, модели, превосходящей текущий социальный контекст данной эпохи и побуждающей его принять таковую в качестве вектора эволюции. Главным критерием культуры культивированной служит оценочная сторона деятельности ее носителя, прежде всего его этическая позиция, а также требовательность к степени совершенства его продукции. В качестве двигателя такого вида культуры выступает внутренний императив личности, что снимает условие обязательного внешнего стимулирования. Без присутствия постоянно развивающегося эталона культуры, поднимающего общий уровень культурной иерархии, лестница культурной шкалы обнаруживает тенденцию к смещению и смешению своих взаимопитающих ступеней-градаций на все более низких планах, что в наши дни приводит к готовности и расположению общества фундаментально переопределить само понятие КУЛЬТУРА в согласии с принципами глобализованного по западному образцу существования. Так, Стэнфордская энциклопедия философии 2020 г. в своем толковании термина «культура» полностью устраняет понимание КУЛЬТУРЫ в единственном числе и едином для всех значении, заменяя его представлением о бесконечной множественности существующих «культур» и рассматривая исключительно вопросы их общественных форм и правовых сторон отношений с политической (демократической) властью. Однако никакие количества безоценочно равных «культур идентичности» (или, скорее, как уточняет статья энциклопедии, «идентичностей культуры») в современном мультикультурном мироустройстве не способны создать полноправный противовес подлинной культуре доступного человеку совершенства.

Боровинская Дарья Николаевна

Сургут

Сургутский государственный педагогический университет,

доцент

Кандидат философских наук, доцент

Развитие креативности в современной системе образования

Сегодня новый аспект приобрели отношения основных сфер общества — экономики и культуры. Культура не только перестает быть «надстройкой» в этих отношениях — она приобретает активность, является в новых реалиях ключевым индикатором успешного развития общества. В свою очередь, анализируя процесс создания культурных результатов в системе образования, следует отметить, что в силу исторически сформировавшегося представления столь специфическая характеристика современности, как креативность, в сфере культурного производства не может быть раскрыта исключительно в рамках экономического аспекта. Ибо упор на формирование только, например, экономической ценности, когда высшей целью образования становится формирование конкурентоспособного специалиста на рынке труда, есть лишь половина истории. Функционирование современной системы образования невозможно без такого сущностного признака современного производства, как креативность. Это обусловлено теми требованиями и желаниями, которые предъявляет современное общество (динамизм социальных и культурных изменений, к числу которых относится высокий уровень конкуренции и риска), и природой самого субъекта образовательного процесса, которая проявляется в активной деятельной способности. В качестве особенностей столь сложной, а порой и трудно реализуемой задачи развития креативности в образовании выделим следующее. Во-первых, наличие и использование многообразных инструментов для развития собственного творческого потенциала. Влияние дискурса креативности сказывается на том, как общество воспитывает людей по отношению к культуре. Отдельный интерес здесь вызывает опыт, реализуемый на факультетах и отделениях креативных (культурных) индустрий. При детальном и внимательном его рассмотрении мы находим объяснения столь многотрудного процесса, нетривиально формирующего подходящие и адаптированные под общественные запросы установки. Вторая особенность — различные интерактивные формы обучения, ориентированные на то, что обучающийся активно участвует в процессе, результатом которого становится креативный продукт. Формирование профессиональных навыков бакалавров осуществляется через решение различного рода конкретных практических задач. Эти задачи обыкновенно нацелены на развитие познавательных процессов. В ходе решения задач анализу подвергаются не только условия формирования и развития профессиональной сферы, но и способы ее эффективной организации. Образовательный процесс подразумевает определенный уровень сотворчества или совместную работу между не только носителем знания, но и обладателем опыта и обучающимся. Совместный созидательный процесс способствует появлению нового объема соответствующих знаний. И образование, как креативная индустрия, обладает самым главным признаком, а именно: ее результатом являются успешные люди, готовые создавать новые, уникальные и в определенном смысле социально значимые продукты на высокопрофессиональном уровне.

Дополнительное образование как культурная индустрия (на материале российских гуманитарных образовательных проектов для взрослых)

Доклад фокусируется на образовательных проектах для взрослых в гуманитарной сфере. Среди них существует ряд бесплатных, носящих по преимуществу просветительский характер, имеются формальные ресурсы, близкие к институциональным (курсы, предлагающие сертификаты от университетов — как платно, так и бесплатно), и неинституциональные коммерческие, наиболее ярко включенные именно в рыночные отношения. Если понимать культурные индустрии как отрасли, основанные на промышленном производстве и распространении текстов и опирающиеся, главным образом, на работу создателей символов (Д. Хезмондалш), необходимо ответить на вопрос, что в случае образования и просвещения можно считать «промышленным»? В данном вопросе мы опираемся на идею В. Беньямина о специфике бытования произведения искусства в условиях его массового тиражирования, в частности — о противопоставлении «культовой» и «экспозиционной» ценности и о появлении специфических продуктов, ориентированных на репродуктивные технологии и не имеющие «оригинала» (кино, фотография). Образовательный «продукт» также может существовать как уникальное событие и как отчужденный текст, доступный для бесконечного тиражирования и воспроизведения. В условиях растущего массового интереса к дополнительному образованию (образование в гуманитарной сфере выступает здесь как важный выход из зоны узкопрофессионального знания, используемого в работе, и рассматривается как нечто отличное от «повышения квалификации») возникает запрос на такого рода «продукт», доступ к которому предельно облегчен для потребителя, т. е. не привязанный к уникальному «здесь и сейчас». В докладе на примере успешных коммерческих образовательных проектов («Level One» и «Синхронизация») анализируются некоторые специфические черты культурных индустрий: баланс «креативности» и «коммерции», построение тематического репертуара, создание искусственного дефицита и особенно — форматирование продукта и контроль за распространением, а также технология edutainment — образование через развлечение. В докладе делается вывод, что, несмотря на распространенный стереотип о несовместимости образования с рыночными отношениями, целый ряд образовательных проектов можно считать примером формирования образовательной культурной индустрии наряду с традиционным восприятием и бытованием знания как общественного блага.

Туризм в системе культурных индустрий и экономических процессов (в соавторстве с Б. А. Исаевым)

Рассмотрим, каким образом и в каком смысле туристская деятельность проникает в сферу культуры, присутствует и взаимодействует с ней. Это непосредственно приводит нас к вопросу о многоаспектности такого феномена, как туризм [1]. Для этого необходимо разобраться в терминологии, которая применяется в туристской науке и туристской практике [2]. В культурологическом анализе понятие «туризм» часто подменяется словом «путешествие», выявляются не все его возможности и проявления как феномена культуры. Следует различать следующие аспекты понятия «туризм»:

1. Туризм как деятельность туриста.
2. Туризм как деятельность организаторов туризма.
3. Туризм как экономическая индустрия.

В каждом из этих аспектов проявляются разные стороны туризма как культурной индустрии. В первом аспекте туризм как культурная индустрия рассматривается применительно к развитию потребностей и удовлетворенности туриста. Второй и третий аспекты связаны с присутствием туризма в экономическом процессе. В этом смысле туризм — производство туристского продукта, связанное с креативностью его создателей. Понятие культурной индустрии в литературе не имеет четкого определения. Культурные индустрии производят продукт, который, кроме экономического применения, обладает культурным смыслом. Например, продукт киноиндустрии — фильм, телевидения — передача, музыкальной индустрии — концерт, записанный на диск, продукт издательства — книга, продукт рекламы — ролик, слоган, продукт индустрии развлечений — мероприятие. Являясь экономической ценностью, такой продукт имеет

еще и духовный смысл [3]. Туристская индустрия не является искусством, но производит продукты, обладающие некоторым культурным содержанием. Туризм — культурная индустрия, тур — это культурный товар. На разных этапах создания турпродукта особенности туризма как разновидности культурной индустрии проявляются по-разному как в отношении его создателей, так и его потребителей. С одной стороны, туризм действует вне культурной сферы и не включается в искусство в чистом виде. С другой стороны, туризм — культурная индустрия. Туризм — это технология, современный механизм создания, потребления, распространения и трансляции ценностей культуры.

Список литературы:

1. Игнатьева И. Ф. Многомерность туризма: философский, экономический, политический аспекты // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2017. Т. 33. Вып. 3. С. 307–315. (Scopus, Web of Science).
2. Игнатьева И. Ф. Пространства потоков: экономический и геополитический анализ туризма // Общество. Среда. Развитие. 2013. № 1 (26). С. 111–115.
3. O'Connor Justin. Arts and Creative Industries. A historical overview; and An Australian conversation. Australian Government. URL: https://www.academia.edu/7072840/Arts_and_Creative_Industries (дата обращения: 07.06.2020).

Котова Елена Юрьевна

Тихвин

Администрация Тихвинского района Ленинградской области,
председатель Комитета по культуре, спорту и молодежной политике

Картирование культурных индустрий как технология реализации культурной политики региона

Культурная политика невозможна без анализа имеющихся ресурсов и культурного планирования, являющихся фундаментом самостоятельного решения вопросов регионального и местного значения в отрасли культуры, все чаще понимаемой как фактор территориального развития. В связи с этим сегодня большое значение приобретает исследование развитости сети культурных индустрий как динамично развивающейся части культуры, изучение условий формирования культурных индустрий и оценка потенциала их дальнейшего развития. Для сбора расширенной информации о культуре на территории Российской Федерации активно работают АИС «Единое информационное пространство в сфере культуры», АИС «Статистическая отчетность отрасли» ГИВЦ Минкультуры России, которые постоянно совершенствуются и дают достаточно подробную информацию об изменениях в государственном секторе культуры. Однако платные услуги муниципальных и государственных учреждений культуры в ней представлены недостаточно подробно, внесение в АИС данных о деятельности негосударственных учреждений культуры и искусства — в отдаленной перспективе, креативный бизнес (в том числе культурные индустрии) практически не учитывается. Применительно к уровню региона, состоящего из муниципальных образований, картирование территории — это комплексное понимание культурных ресурсов социокультурного пространства с целью повышения эффективности их использования для достижения конкретных задач на перспективу 3–7–10 лет. Формализовать весь социокультурный потенциал территории непросто, поэтому выбор основных критериев данной «инвентаризации», прежде всего, зависит от сверхзадачи и темы картирования. Этапами картирования могут стать аудит, диагностика и прогнозирование развития культурных индустрий, проектное планирование их развития и внедрения как части культурной политики. Картирование использует технологии компьютерного моделирования и проектирования, методы аналитической обработки данных, геоинформационных систем, практических аспектов работы с геоданными, трехмерного пространственного геомоделирования и др. Предметом изучения картирования является и характер социальных связей, формирующихся сообществ, аудит потребностей жителей территории, которые изучаются с помощью анализа материального и субъектного поля культуры. Созданная карта не только фиксирует состояние объекта на текущий момент, но и может явиться началом социального проектирования, создать предпосылки для интеллектуального вмешательства с целью стимулирования роста и развития территории и объекта изучения. Таким образом, предметом картирования могут явиться и виды культурных индустрий городов, входящих в состав региона, и региона в целом с целью государственного регулирования и обеспечения устойчивого роста культурных индустрий на территории всей России и развития соответствующей инфраструктуры и мер поддержки.

Мальшина Наталия Анатольевна

Саратов

Саратовская государственная консерватория

имени Л. В. Собинова, доцент

Кандидат философских наук, доцент

Индустрия культуры: критика паттернов общества потребления

Индустрия культуры рассматривается как механизм преобразования организованной деятельности в некие дискретные явления (дифференциация), при этом присходит разделение культурных практик на не соединимые и, следо-

вательно, не сопоставимые явления/феномены. Существующая система оценки эффективности системы культуры не дает качественных показателей — псевдо/квази культура. Индустрию культуры определяет цикличность — повторяющиеся модные тенденции, циклы телепередач, ремейки, приквелы и сиквелы фильмов. Другой важной характеристикой индустрии культуры становится абсолютизация имитации. Индустрия сама назначает обществу идеалы, ценности и запреты/паттерны. Причем делает это не открыто, например, а через предлагаемых кумиров, тренд-сеттеров и лидеров мнений, которым общество подражает добровольно. Внешние экзогенные признаки негативного состояния и понятия псевдокультуры явно прослеживаются на практике потребления культуры обществом и в возникновении новых форм культурной практики, никак не соотносящихся с традиционным понятием культуры, порождающих и глубинные внутренние эндогенные трансформации культуры всего общества. Общество и культура в процессе диалога, взаимовлияния устанавливают новую реальность общения в конкретном временном промежутке и пространстве каждый раз заново, обогащаясь новыми практиками. Современный тип культуры, отвечающий на вызовы времени, трансформирующий свои ценности, перестраивающий свою сложную структуру на основе новых общественных практик, и разрушает традиционные ценности культуры. Осмысление сложившихся практик пост-культуры раскрывает внешние и внутренние признаки разрушения ценностной направленности культуры. Автором выявлены два основных противоположных паттерна современного состояния системы культуры России — «ценность» и «стоимость». Ценность как внеэкономическое понятие, трактующее культуру как систему смыслов; стоимость как полностью экономическое понятие, рассматривающее культуру как систему платных услуг/индустрию культуры, направленных на получение прибыли путем тиражирования копий. В зависимости от исходной цели выбираются и базовые составляющие данных двух паттернов, и основные элементы конечной структуры системы культуры для конкретного потребителя в конкретный временной промежуток.

Пожаров Алексей Игоревич

Москва

Институт кино и телевидения (ГИТР), доцент

Кандидат культурологии

Борьба за право на идентичность в медиакulturе как демонстрация некоторых аспектов гностического мифа

XXI век отмечен формированием уникальной синкретической модели, в которой причудливо переплетаются самые разные религиозные, социальные, философские и культурные парадигмы. Проблемой, которую хотелось бы осветить ниже, является влияние на некоторые аспекты современной культуры такого фактора, как гностицизм, или более широко — «гностический дух», по определению одного из самых авторитетных исследователей этого феномена Ганса Йонаса, или гностической дискурсивной практики, по определению Мишеля Фуко. Уходя корнями в эпоху эллинизма, окончательно сформировавшись как в большей степени мистическая реакция на «слишком прозрачную» теогонию и космогонию христианства, гностические элементы всегда присутствовали в религиозно-философском поле как европейской, так и азиатской культуры. Впервые сформированное в школах Маркиона, Валентина и Василида II века, гностическое учение проявилось в его вавилонском изводе у манихеев, в дальнейшем оно передавалось от них к павликианам и тондракийцам, через которых к богомилам и катарам, повлияв после на формирование светской куртуазной культуры в Лангедоке и Провансе, затем, трансформируясь в многочисленные еретические секты, создавало предпосылки европейского реформационного движения. Индоктринация гностическими идеями прослеживается и в философских системах вплоть до самых современных — например, много написано о влиянии гностических идей на Юнга. Некоторые из гностических конструктов уже нами рассматривались на примере комиксовой экранной культуры и функционирования схем теорий заговора, сейчас хочется обратиться к не менее актуальной теме. 2020 год был ознаменован многими событиями, но одно из самых знаковых — движение BLM, ставшее флагом борьбы за право на идентичность, включающее в себя не только расовые аспекты, но и все формы фем-движения, ЛГБТК+ или, как сейчас принято расширять этот термин, МОГИИ+ (маргинализированные ориентации, гендерные идентичности и интерсекс). Между тем проявления борьбы за право на идентичность давно отражаются в медиакulturе, официальным закреплением чего стало опубликование 8 сентября 2020 г. Американской киноакадемией новых стандартов представления и включения в номинации для получения премии «Оскар» (https://www.oscars.org/news/academy-establishes-representation-and-inclusion-standards-oscar-eligibility?fbclid=IwAR1JbC6jztItp4XK8AgRupbbd2BJ8Jpb_STCZ1a-BbOoLiTY9qKgcwDwnLA), содержащих квоты на недостаточно представленные расовые, гендерные или ЛГБТК+ группы. Какие архетипы, принадлежащие к гностическому мифу, отражаются в медийном пространстве как определяющие репрезентацию борьбы за право на идентичность? Насколько формы, которые принимает эта борьба, свойственны гностическому дискурсу? Правомернее ли говорить об инспирировании медийного шума вокруг этой проблемы определенным кругом лиц или об общественном запросе в массовом сознании на освещение темы в медиа?

Музыкальная индустрия в Санкт-Петербурге и России: сохранение и актуализация цифрового наследия

Фонд «Новая культура» занимается сохранением и актуализацией цифрового музыкального наследия Санкт-Петербурга с 2015 г., и за это время сотрудникам фонда удалось сформулировать целый ряд проблем данной сферы. Выводы о необходимости определенных мер поддержки со стороны государства и общества были сделаны в ходе практической деятельности по созданию архивов и каталогов аудиозаписей и видеоклипов, проведению рейтингов и премий, а также исходя из результатов социологических исследований производителей музыкальных аудиозаписей и слушателей-меломанов. С большой степенью достоверности данные выводы можно распространить на всю российскую музыкальную культуру, а не только город Санкт-Петербург, поскольку цифровые технологии позволили создавать бюджетные студии звукозаписи в любых уголках страны, а научно-образовательная деятельность по дисциплинам музыкального искусства, библиотечная и иная деятельность в музыкальной сфере имеют единую нормативную базу и общероссийские стандарты. В первую очередь мы обратили внимание на слабую теоретическую и законодательную базу для работы по сохранению и каталогизации цифровой музыкальной аудиозаписи. Это является следствием отношения к музыкальной аудиозаписи только лишь как к фонограмме, содержащей запись (исполнения) музыкального произведения, но не как к самостоятельному произведению. Сопутствующей проблемой является отсутствие единого подхода к формированию критериев для каталогизации музыкальных аудиозаписей. Применительно к оценке и актуализации цифрового музыкального наследия России стоит говорить об острой нехватке специалистов — музыковедов и критиков, способных справиться с лавинообразным ростом количества ежегодно издаваемого цифрового музыкального продукта. В результате чего в данный момент фонду «Новая культура» в вопросах первичной сортировки данных приходится полагаться на круг меломанов-добровольцев, насчитывающий несколько сотен человек, которые готовы участвовать в сохранении музыкальной исторической памяти. В ходе работы по оценке музыкального аудионаследия была выявлена проблема отсутствия методических рекомендаций для подобной деятельности, концептуальных наработок в области создания рейтингов и премий в области музыкальной аудиозаписи в России. Музыкальная аудиозапись в общественном сознании россиян во многом является приложением к шоу-индустриям, что подрывает ее потенциал для развития в нашей стране и возможности для создания существенного вклада в мировое музыкальное наследие. В результате функцию проводника в мир самостоятельных ценностей музыкальной аудиозаписи берут на себя коммерческие международные и российские цифровые интернет-ресурсы, которые при этом никак не декларируют свою миссию в области сохранения и актуализации музыкального наследия, а преследуют свои собственные интересы.

Юдина Елена Юрьевна

Москва

Московский городской педагогический университет, доцент

Кандидат исторических наук

Рекламная деятельность коммерческой компании начала XX века в Российской империи (на примере АО «Сименс и Гальске»)

Доклад и статья посвящены аспектам рекламной коммуникации фирмы «Сименс и Гальске» с российскими рекламными агентствами и издательствами в 1911 г. На примере рекламной деятельности немецкой фирмы, занимавшейся электрооборудованием и в течение долгих лет сотрудничавшей с разными российскими компаниями и организациями, раскрываются методы работы с рекламной информацией, возможностями и предложениями агентств, ценообразованием на агентские услуги, расчетом характеристик целевой аудитории. В подготовке материала использованы архивные документы из фонда АО «Сименс и Гальске» ЦГАМ. Документы представляют собой деловую переписку представителей фирмы с агентствами и редакциями издательств, СМИ. Также использованы оригинальные документы агентства «Метцель и К», находящиеся в архивном фонде «Сименс и Гальске». Документы свидетельствуют о наличии сложившегося конкурентного рынка рекламных услуг широкого спектра, об отлаженной системе скидок и технологий продвижения рекламируемого товара/услуг на территории Российской империи дореволюционного времени. Вызывает интерес стилистика и атмосфера переписки, контекст предполагаемого рекламирования с точки зрения печатных изданий и территориальной локализации наружных форм. Репутация крупной производственной фирмы в инженерной сфере была достойной, рекламисты считали за честь работать с ней. Товары и услуги фирмы известны в России с середины XIX столетия, так что российский рынок был для АО «Сименс и Гальске» не нов. Например, вплотную к 1911 г. были предприняты меры по укреплению на рынке и выполнены следующие работы: в 1898 г. основано «Акционерное общество русских электро-технических заводов Сименс и Гальске, Санкт-Петербург»; 1896–1899 гг. — введены в эксплуатацию трамвайные линии

в Нижнем Новгороде, Москве, Орле и других городах; в 1901 г. российское общество «Сименс и Гальске» сотрудничало с Московской консерваторией с целью поставок вентиляционных установок. Также фирма занималась строительством дирижаблей (как раз в 1911 г.), автомобилей и электротехникой в целом. Есть предположение, что рекламная активность концерна была вызвана как раз эпатажным мероприятием по запуску дирижабля в январе 1911 г. в Берлине.

Экология культуры

Модераторы **Б. Г. Соколов, А. Н. Ужанков**

Гун Галина Евгеньевна

Магнитогорск

Магнитогорская государственная консерватория (академия)

имени М. И. Глинки, проректор по научной работе,

заведующая кафедрой философии, культурологии

и социально-гуманитарных дисциплин

Доктор культурологии, доцент

Искусство и трансформация индустриальной ментальности моногорода

Несмотря на постиндустриальные тренды развития, индустриальная ментальность сохраняет свою устойчивость. Характерными ее локусами являются моногорода, в которых формируется уникальный социум. Специфические черты моногородской культуры, детерминированные принудительным незволюционным характером урбанизации и территориальной ограниченностью, характеризуются коллективистской психологией, традиционностью, внутренним патриотизмом и механической солидарностью. Решение проблем монофункциональных городов и поиски путей их устойчивого развития возможны на основе диверсификации экономики при неизбежной диверсификации ментальности, а в стратегической перспективе — ее серьезной трансформации. Это — путь формирования новой идентичности, основанной на восприятии города не только в контексте производственного пространства, но и в связи с его культурными кодами. Это — целенаправленное продумывание новых смысловых и художественных паттернов. Городская культура и городской образ жизни априорно гетерогенны за счет институтов культуры. Отсутствие этого разнообразия ощущается жителями как низкое качество жизни в городе и его непривлекательность. Эта историческая особенность моногородов, дающая основания называть их «недостаточно городскими» (Л. Б. Коган) и специфически преломленная в менталитете жителей, может быть преодолена усложнением художественной инфраструктуры с последующими изменениями в городской ментальности. Исследования показывают, что именно культурные институты воспроизводят городские ритуалы, несводимые к производственному, политическому или иному смыслу. Именно поэтому приобщение к искусству через посещение учреждений культуры на индивидуальном уровне дает его участникам новое самоощущение, помогает преодолеть одномерную повседневность и приобщиться к многомерному миру мировой культуры, а на коллективном уровне — формирует новое городское сообщество, с иной солидарностью и обновленным менталитетом. Например, театр и музыкальное искусство могут выступать инструментом формирования и развития ментально иного городского социума. Авторские исследования специфических художественных проектов в отдельно взятом моногороде убедительно свидетельствуют, что его художественные традиции и развитие элитарных форм классического искусства (в данном случае — оперы) придали городской культуре черты уникальности, наполнили ее новыми смыслами, а в исторической перспективе изменили городской хронотоп. Значение этих изменений, важных для отдельного города, ощущается и на региональном уровне, поскольку они сглаживают противоречия и неравномерности культурной жизни региона, образуют многополюсное поле культуры, обеспечивают его сбалансированность и плотность. Таким образом, актуальная проблема поиска стратегий развития моногорода на основе трансформации индустриальной ментальности получает свое разрешение в векторе культурных приоритетов, а искусство выступает инструментом развития городского социума и обновления его ментальной самоидентификации.

Колесниченко Юлия Викторовна

Москва

Московский государственный областной университет, Московский

институт современного академического образования, профессор,

руководитель департамента общегуманитарных дисциплин

Доктор философских наук

Память о Великой Отечественной войне:

«Бессмертный полк» как зеркало современной российской ментальности

Сохранность сверхценностной идеи Великой Отечественной войны на новых этапах развития исторической памяти и культурной семиосферы является важной задачей государственного социального строительства, ее образующим

ценностным принципом. Как и любое эпохальное событие сверхценностной природы, Великая Отечественная война никогда не будет «завершена», наполняясь новым конкретно-историческим (обнаружение архивных документов, братских могил и т. п.) и интерпретационным содержанием. С каждым витком исторического развития общества оно «призвано» являть собой извечную теперь, неизбывную общечеловеческую мировую драму, которая повторяется и будет повторяться из века в век в уже превращенных культурных формах (таких как акция «Русского мира» — «Бессмертный полк»). Тема исторической памяти, Великой Отечественной войны, в частности, помогает решить вопрос национальной идентичности посредством осознания совместно прожитого героического опыта, отрефлектированного в формах национального самосознания именно как героический. Эти формы позволяют осознать единственность российской цивилизации в составе иных форм цивилизационных образований и принять себя не как срединную, промежуточную, модернизационную или иную недо- (unter) цивилизацию, но как отдельное, уникальное, определенно самодостаточное и самобытное социообразование «Россия» и культурно-идентификационный «Русский мир», являющиеся носителями отечественного цивилизационного кода на иных национальных орбитах человечества. Микрокосм российской цивилизации есть определенный самой историей феномен общецивилизационного макрокосма, самоидентификация которого есть дело смелого и открытого диалога, прежде всего с самим собой, о том, что он есть как такой, без извечной отсылки к мнимым его составляющим — полюсам социально-географического профиля (Европа и Азия). Национальная Я- (точнее сказать — Мы) концепция не есть суммарная двух культурно-географических единиц, но единая и нераздельная внутренней логикой своего существования ментальная общность. Препарированию, искусственному разделению и членению она поддается лишь насильственно, продукт этого деления носит исключительно спекулятивный характер. У России есть собственная цивилизационная статья, осознание сути которой как качественного единства, понятого не дихотомийно, но дипластично (Б. Ф. Поршнев), есть особое интеллектуальное усилие отечественной гуманитаристики по выходу из традиционной мыслительной колеи под названием «Евразия есть сумма Европы и Азии». Создание отечественного положительного мифотворчества, т. е. абсолютной мифологии как истинной глубинной сферы самосознания (самостийной, самодостаточной цивилизационной единицы), есть дело настоящего и будущего поколения патриотически настроенных ученых, разделяющих с Россией единую историческую судьбу.

Мамонова Виктория Александровна

*Санкт-Петербург
Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна, доцент
Кандидат культурологии*

Конверсия объекта в философско-культурологическом контексте метамодернизма

В метамодернистском дискурсе стратегия субъекта сменяется стратегией объекта, где кантовская традиция и переосмысливается, и активно критикуется.

1. ОО — объектно ориентированная онтология — возвращает объекту онтологические привилегии. Ее истоки следует усматривать в аристотелевской трактовке субстанции, в философии А. Уайтхеда и Б. Латура. Это — антикантовская линия в континентальной философии. Немалая заслуга здесь принадлежит Г. Харману: онтологический статус кантовской «вещи-в-себе» он снимает, постулируя существование объектов, не зависящих от человеческого восприятия. Полемизирует с Кантом и Т. Гарсиа: для него всякая вещь очерчивает самоданность вне-себя, никакая вещь не есть в-себе; она может существовать либо негативно как не-вещь, либо объективно в другой вещи (и тогда она схватывается как объект), что в основе — антикантовское низложение вещи-для-нас и вещи-в-себе. Трансцендентальный разрыв между объектом и данными объекта (или вещь и вещь-данные) исследуется в темной экологии Т. Мортон. Вариант ОО — онтикологию — развивает Л. Р. Брайант. Основной тезис его демократии объектов гласит: все объекты одинаково существуют, хотя и существуют неодинаково.
2. Меонтология Ю. Такера, напротив, воздает оммаж И. Канту. Философ исходит от идеи «вещи-в-себе», «вещи-для-нас», когда вводит понятия «мир-в-себе», «мир-для-нас», «мир-без-нас» для объяснения человеческого и нечеловеческого измерений, задаваясь вопросом: можно ли помыслить мир-без-нас? При этом понятие «мир-без-нас» для философа релевантно кантовскому понятию «вещи-в-себе». В «темном витализме» Б. Вударда объект «собирается» на границе органического и неорганического миров, реабилитируя низшие ступени материального, пребывающие в состоянии протоформ — слизи, ила, грязи. Антикореляционистский витализм простирается за границы биожизни, концептуализируя процессы и состояния низменной материальности, где любые дифференциации «гасятся».
3. Объект в нечеловеческой феноменологии Д. Тригга развивается в рамках постчеловеческой онтологии, направленной на критику осмысления мира в категориях нашего к нему отношения, доступа. Человеческое и иное, чужое, могущее оказаться близким к животному, переплетены. Стадия «анонимного существования» у Тригга релевантна левинасовскому понятию безличного наличествования — «имеется» (iṭya). Для сообщения ее координат он прибегает к понятиям «архископаемого» и «доисторического» К. Мейясу, указывающим на реальность

до возникновения органической жизни и появления человека как вида. «Неэтичное тело» у Тригга оказывается тем истоком, что предвещает человеческое и, проступая в «привычной для нас вещи — теле», объективирует его как чужое, как «место» нечеловеческого и «анонимного существования». Таким образом, в метамодернизме формируются условия для пересборки базовых эпистемологических категорий (субъект/объект), через которые человек себя идентифицирует и выстраивает свои поведенческие сценарии.

Руднев Вячеслав Валентинович

Москва

Институт этнологии и антропологии Российской академии наук,

старший научный сотрудник

Кандидат исторических наук

Культура природопользования.

Сохранение биоразнообразия и перспективы развития общества

В условиях сохраняющейся зависимости общества от природы снижение биоразнообразия является негативной тенденцией, отрицательно влияющей на перспективу реализации модели устойчивого развития общества. Проблема природопользования — основная для общества, обеспечивающая его существование. Эксплуатация возобновляемых природных ресурсов (почвы, воды и пр.) — основа, веками обеспечивающая существование человечества. Интенсивная эксплуатация природных ресурсов (в частности почв) ведет к негативным последствиям для экосистемы. Возделывание монокультур, избыточное применение химических веществ и интенсивных технологий приводит к нарушению хрупкого баланса экологической системы. Важной особенностью биосферы является ее способность к саморегулированию. В условиях растущего антропогенного воздействия эта особенность имеет особое значение. Эффективное природопользование сегодня ассоциируется с разумной эксплуатацией природных ресурсов, учитывающей локальные особенности флоры и фауны. Реализация модели использования ресурсов живой природы в устойчивом режиме предполагает, что наряду с обращением к экономическим, социальным и экологическим аспектам проблемы особое место принадлежит и культуре, т. к. культура оказывает влияние на формирование решений в обществе. Проблемы сохранения природной среды, биоразнообразия актуальны сегодня, т. к. касаются базовых проблем существования человечества. Обсуждение этих вопросов в ООН и ЮНЕСКО свидетельствует о глобальном значении этих проблем для современности, а также позволяет надеяться на координацию усилий всех государств при разработке проектов природопользования, отвечающих принципам щадящей эксплуатации природы и заботящихся о сохранении биоразнообразия. Образовательные программы и тренинги, предлагаемые культурологической наукой, — важная составляющая этого процесса. В докладе предполагается рассмотреть роль культурных программ в образовательном процессе, ориентированном на реализацию модели щадящего природопользования.

Сёмина Галина Викторовна

Ростов-на-Дону

Институт философии и социально-политических наук

Южного федерального университета (Ростов-на-Дону)

Аспирант

Проблемные вопросы сохранения культурного наследия балкарского этноса

Современное развитие культуры нивелирует специфику культуры этносов. Выдвинутое в XX столетии предположение о том, что происходящие в мире процессы глобализации приведут к интеграции разных культур в единую мировую с образованием одного суперэтноса, проанализированное еще Ф. Кессиди, обнаружило свою несостоятельность. Тема культурной идентичности, наоборот, приобретает особую актуальность в настоящее время. Так, С. Бенхабиб подчеркивает тенденцию этносов к желанию выделиться, демонстрируя «непохожесть их культур» на культуры большинства. Безусловно, это демонстрирование посредством таких артефактов, как, например, неповторимые творения народных промыслов, предпочтительнее с гуманитарной точки зрения, чем религиозная непримиримость или религиозный экстремизм. Опираясь на современную концепцию России сохранения культурного наследия народов, способствующую поддержке культурной памяти этносов, как основы их культурной идентичности, автор утверждает, что помимо ревитализации монументальных объектов культурного наследия необходимы мероприятия по систематизации (каталогизации) других объектов традиционной культуры этносов. Частью таких объектов, представляющих собой созданные человеком и обладающих подлинной культурной ценностью, являются балкарские войлочные ковры — кийизы, значимые как для культуры Балкарии, так и для культуры России в целом. Сваянные из овечьей шерсти, кийизы весьма недолговечны. Раньше войлочные ковры были непременным атрибутом многочисленных обрядов, не только передавали сакральный смысл, составляющий основу мировоззрения этноса, но

и выполняли массу утилитарных функций. Ковры изотавливались в каждом доме, однако эта традиция практически утрачена. На профессиональном уровне производством кийизов занимаются единицы (Д. Макоева), но это стилизованные ковры, они являются авторскими и демонстрируют его мирокартину, а не народа в целом. Еще П. Бурдые высказывался о том, что творения прошлого не могут быть результатом их свободного выбора мастера: его определяют условия, принятые обществом. Именно поэтому по данным творениям возможно судить о культуре народа, его миропредставлении. А таких творений, раскрывающих непосредственно специфику балкарской традиционной культуры, сохранилось мало. Это экзemplяры, хранящиеся в музеях Санкт-Петербурга, Москвы и Нальчика. Огромный вклад исследователя народного искусства балкарцев и карачаевцев А. Кузнецовой, которая частично систематизировала кийизы Балкарии и Карачая. Однако сводного каталога, как сокровищницы культурного наследия балкарцев, не существует. Сбором балкарских ковров в частном порядке занимается Р. Локьяев, однако они никак не систематизированы, хранение ковров ведется не по музейным правилам, что не обеспечивает их длительную сохранность. Поэтому автор акцентирует внимание на том, что создание сводного каталога, в котором было бы собрано и систематизировано большинство известных войлочных ковров Балкарии, может стать весомым вкладом в сохранение культурного наследия Балкарии.

Ситниченко Константин Евгеньевич

Миасс

Филиал Южно-Уральского государственного университета

(национального исследовательского университета) в г. Миассе,

доцент

Кандидат культурологии, доцент

Традиции и новаторство в культуре

Культурологи, философы, обществоведы давно уже говорят о кризисе развития современной культуры и общества. Культурная аберрация привела к ускоренному забвению традиционных постулатов «линейного» историзма, европоцентризма, панлогизма в рассмотрении культуры и увеличила интерес к нерелексивным факторам культурной жизни, интенсификации современных виртуальных форм коммуникации, что неизбежно и привело к атрофии традиционных механизмов трансляции культурной памяти. Не углубляясь в верификацию культуры как витального символа, можно лишь отметить, что культура — сохранение и трансляция из поколения в поколение основ социального опыта, а также генерирование новых программ социальной жизнедеятельности. Иначе говоря, когда современному человеку сложно успеть за темпами модернизации бытия, в актуализации прошлого он старается обрести некую устойчивость, «знакомость». Современная культура — культура постмодернизма не приемлет статичности и однозначных определений взгляда на мир, в ней нет места для тайны (Достоевский), подражания, иерархии и т. д. В результате, образуется некая развоплощенная реальность, диссипативность, в которой жизнь становится рационалистической игрой, где виртуальное «ничто» уравнивает диалектические противоречия и формирует равноценность сакрального — профанному, подлинного — искусственному, что, в конечном итоге, разрушает ценности культуры. И в этом контексте человек, наделенный новым статусом в виртуальном «ничто», наделенный тотальной свободой и безответственностью, по собственному усмотрению распоряжается своими принципами, определяя границы и нормы собственного поведения. Думается, что для культурного процесса — изменения во времени и пространстве состояния культурных систем и объектов — необходимо неразрывное сочетание старого (традиция) и новаторского (творчество), где традиция является основой цивилизации, направленная на максимально точное их воспроизведение в сознании, а новаторство становится своеобразным катарсисом культуры, тем самым очищая и актуализируя культуру. В результате архаичные феномены культурного творчества становятся близкими синергетическим моделям развития, сама архаика стремится к идее воспроизведения Первообраза, т. е. укреплению связи природы и человека, следовательно, является синергетическим, нелинейным по преимуществу. В итоге, для динамичного культурного, общественного процесса необходима взаимосвязь традиции и новаторства, как в свое время отметил С.Л. Франк: «...консерватизм, ставший реакцией, стремлением сохранить безжизненные формы по своему существу разрушителен; радикализм, ставший бунтарством, по своему существу реакционен, ибо, разрушая, не ведет жизнь вперед, а через ее ослабление отталкивает назад, на низший уровень» (Франк С.Л. Духовные основы общества : Введение в социальную философию. М., 1992. С. 127).

Соколов Борис Георгиевич

Санкт-Петербург

Санкт-Петербургский государственный университет, профессор

Доктор философских наук, профессор

Память против проекта

Фраза, брошенная Льюисом Мэмфордом: «Традиция была гораздо ценнее изобретений. Удержать и закрепить самый маленький успех значило больше, нежели добиться новых с риском забыть или потерять старые. Это была

не ностальгия, а потребность в сохранении доставшихся тяжелой ценой культурных символов, которые заставили человека относиться к прошлому своих предков как к некоей святыне — одновременно слишком ценной и слишком уязвимой, чтобы ее можно было с легкостью заменить чем-то еще» (Мамфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества. М., 2001. С. 135), значима не только для первобытного времени истории человечества. Она значима и в современной ситуации, когда социальные инстанции (и конечно, институты культуры) внятно и императивно нацелены — несмотря на риторику, ориентированную на новации и прогресс, — не только на сохранение status quo, на стремление законсервировать текущий момент, но выставить целью движения общества ориентиры, получающие свое культурное и онтическое алиби в прошлом. Подобная ориентация на прошлое, на его удержание (навязчивое памятование) вступает в противоречие с тем, что в философской мысли XX в. маркируют как проективную сущность человека. Человек — если, конечно, мы прислушаемся к тому, что говорят философы, — существо, находящееся в проекте (Ж.-П. Сартр) и свою проективность обретающее именно в будущем, а не в прошлом. Открытый и в чем-то опасный и вирулентный горизонт будущего (а в этот горизонт включена и смерть самого человека) и делает человека человеком. Будущее, а не прошлое формирует человека, а когда он оказывается ориентированным в прошлое, то он утрачивает это самое будущее (юные не думают о прошлом, о нем думают старики). Однако реальная деятельность культурных инстанций нацелена преимущественно на удержание прошлого, а когда речь идет о планировании, то оно происходит из горизонта прошлого (генералы всегда готовятся к уже прошедшей войне). Именно поэтому оппозиция памяти и проекта оказывается довольно злободневной оппозицией современности. Речь не идет о том, ретрограды ли социальные институты или нет. Речь идет о том, соответствуют ли они самому определению человека, а именно того сущего, которое нацелено на будущее и которое обретает свой смысл в этой цели. И тогда может оказаться, что в своем стремлении сохранить и сберечь текущую ситуацию или реставрировать прошлые модели социальные инстанции действуют против человечности, если мы понимаем человека как то сущее, которое нацелено на будущее, а не идет в будущее спиной вперед, постоянно смотря и вспоминая прошлое. Выступление подготовлено при финансовой поддержке РФФИ: Исследовательский проект 20-011-00616 «Самосознание истории философии в междисциплинарном контексте практик памяти».

Томан Инга Бруновна

Москва

Академическое музыкальное училище

при Московской государственной консерватории

имени П. И. Чайковского, преподаватель

Кандидат исторических наук, доцент

Образы руин в искусстве российского постмодернизма

Кульť руин, руиномания или руинофобия преобладают в современной российской культуре? Вероятно, руинофобия, ибо российские руины напоминают не о глубокой древности, а преимущественно о самоистреблении недавнего прошлого, и потому люди стремятся увидеть на их месте что угодно, лишь бы это было новым. Кульť руин, возникший еще в Античности, появился в России в XVIII в., скорее как мода, ибо своих руин у нее не было. Были пепелища и развалины, быстро исчезающие под новыми недолговечными постройками. Но влечение к руинам в российской культуре — не только плод европейского влияния. «Люблю я пышное природы увяданье» — слова Пушкина не про руины, но они объясняют влечение к ним русского, воспитанного на европейской культуре, но живущего среди образов и реалий своей страны. Осенняя тема русской культуры, ее укорененная в национальном характере печаль — одно из проявлений того чувства, которое влечет к созерцанию руин — созерцанию «пышного увядания» величия и всепобеждающей силы Времени. Руина — один из важнейших символов постмодернизма, ибо воплощает идею исчезновения цельной картины прошлого, присутствующего в современной жизни в виде хаотических фрагментов, наделяемых произвольными смыслами. В литературе она порой фигурирует как символ не только смерти, но и новой жизни. Такое восприятие можно заметить у совершенно разных авторов: Г. Бѣллы («Бильярд в половине десятого»), К.-Р. Сафона («Тень ветра»), И. Бродского, П. Алешковского («Крепость») и др. Живопись Д. Кирико, П. Дельво, К. Виллинка, Д. Армстронга отражает различные исторически сложившиеся оттенки отношения к феномену руины. В рамках же представленного доклада будут рассмотрены работы российских художников в контексте европейского культа руин и специфически российских «руинных реалий». Среди них — Д. Плавинский, В. Вейсберг, О. Васильев, Б. Митавский, Н. Касаткин, А. Бегак, А. Петров, И. Кабаков, Н. Сафонов, А. Паперно, П. Отдельнов и др. Ценность руин — не только в связи с конкретным прошлым. Они обладают самостоятельной историко-культурной, эстетической и философской ценностью, а потому являются частью нашего наследия в нынешнем облике. Что делать с ними — вопрос трудноразрешимый. Оставить все как есть — невозможно. Однако строительство на их месте «новобелов», похожих на утраченный памятник архитектуры, подчас напоминает замену больной, но живой части тела протезом. Ясно одно: судьба руин должна решаться только специалистами, осознающими свою ответственность за сохранение подлинного культурного наследия своей страны.

Основные работы И. Б. Томан по теме доклада: Из истории культа руин в Европе и России // Материалы конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XVI Кирилло-Мефодиевские чтения». М., 2015; Руины Центральной России: обреченная красота или... // Российские регионы: взгляд в будущее. Вып. 2. 2017; Образы руин в поэзии Бродского : доклад на конференции «Русская литература в эмиграции» (Рижский университет, 06.12.2019).

Ужанков Александр Николаевич

Москва

Московский государственный институт культуры,
проректор по научной деятельности, Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, руководитель Центра
фундаментальных исследований русской средневековой культуры
Доктор филологических наук, профессор

Генезис древнерусских культурных формаций XI – первой трети XVIII века

В истории русского средневекового мировоззрения отчетливо выделяются три этапа развития сознания: теоцентрическое (XI – 80-е гг. XV в.); антропоцентрическое (90-е гг. XV в. – 30-е гг. XVII в.) и аутоцентрическое (40-е гг. XVII в. – 30-е гг. XVIII в.). На этих трех этапах развития сознания формируются три «культурогенные среды», названные мной культурными формациями. Теоцентрическая формация характеризуется тремя стадиями развития мировоззрения: мировосприятия (XI–XII вв.), мирозерцания (XIII – первая половина XIV в.) и миропонимания (вторая половина XIV в. – 80-е гг. XV в.), в процессе смены которых происходит и изменение познания и отражения мира от религиозно-символического к объективно-идеалистическому. Развитие культуры (литературы, иконописи, книжных миниатюр, памятников архитектуры) отражало основную эсхатологическую идею – ожидание по окончании 7000 (1492) лет Страшного суда. Творчество осмыслялось как теофания. В период становления антропоцентрической формации на стадии миропостижения (90-е гг. XV в. – 30-е гг. XVII в.) формируется рационалистический способ познания мира с помощью разума. На первое место выходит проблема личности, личного спасения, обожения человека. Человек осмысляется как венец Божиего творения, как царь природы. На Руси появляются парсуны – портреты исторических личностей, а в публицистике господствует личная точка зрения по любой проблеме. Происходит трансформация эсхатологической идеи в «Москва – третий Рим». Она четко прослеживается в архитектуре Московского Кремля. Доминирующая историческая тема – построение Московского православного царства. Третья культурная формация совпадает с переходной стадией миропредставления (40-е гг. XVII в. – 30-е гг. XVIII в.) от Средневековья к Новому времени. В этот временной отрезок происходит секуляризация сознания и дифференциация синкретического метода познания-отражения на два самостоятельных метода. Начинает формироваться художественный метод отражения действительности. Сознание становится аутоцентричным (что особенно заметно в стиле барокко), а в Новое время – эгоцентричным. В изобразительном искусстве воспроизводится частная мирская жизнь (семейный портрет в домашнем интерьере), писатели заинтересовались психологией поступков своих персонажей, на смену духовности приходит душевность. В этот период формируется третья эсхатологическая концепция «Москва – зримый образ (символ) Горнего Иерусалима», нашедшая воплощение в устройении Красной площади как храма под открытым небом, описанного в Апокалипсисе. Творчество осмысляется как само-творчество – личное дело человека.

Фуртай Франциска Викторовна

Санкт-Петербург

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
факультет философии, культурологии и искусства, профессор
Доктор искусствоведения, профессор

Гипермиф как инкубатор ценностей цивилизации масс

Культура как *modus vivendi* человеческой популяции – живой организм, следовательно, как отмечал еще О. Шпенглер, проходит стадии зарождения, рассвета, упадка и старости. Тысячелетиями различные религиозные системы вкупе с этническим разнообразием обеспечивали многообразие культурных форм в истории и пространстве. Массовая культура, которая формировалась на иных онтологических принципах: машинных технологиях, полиэтничности и полирелигиозности, изначально ориентировалась на культурно индифферентного производителя и потребителя. Однако как только массовая культура вступила в стадию своего взросления (рассвета), а произошло это, когда машины обрели способность генерировать свою специфическую реальность (в терминах Бодрийера – гиперреальность), перед нею встали задачи выработки ценностей, смыслов, антропологических характеристик и темпорально-пространственного позиционирования – всего того, что в традиционных культурах вырабатывалось

в рамках религиозного мировоззрения. Однако использовать традиционные религиозные системы современная цивилизация не может, т. к. ценности, которые ей аутентичны должны быть аутентичными ее культурному коду. Поэтому современная цивилизация масс для выработки своего ценностного блока использует гипермиф. Предлагаемый нами концепт [1] обозначает современную стадию в эволюции мифа, прошедшего в своем развитии традиционные формы (античность) и неомиф (XIV–XIX вв.). Гипермифу присущи отличительные черты: во-первых, это его авторский характер, т. е. гипермиф имеет конкретного творца (будь это Джон Толкин или Майкл Бэй). Во-вторых, в гипермифе используются мифологемы, а не традиционные персонажи. В-третьих, в гипермифе присутствуют элементы разных мифологических систем, как Востока, так и Запада. В-четвертых, время гипермифа, в отличие от традиционных систем и неомифа, это параллельное реальному волшебное время и будущее. В-пятых, пространство онтологически неоднородно и может включать как реальные локации, так и квазикосмическое пространство или пространства, рожденные творческой фантазией создателя гипермифа. Однако гипермиф имеет общие черты и с архаическим традиционным мифом: это присутствие в нем богов или героев (киборги и люди со сверхспособностями), героизация войны (в любых ее проявлениях), общепланетарный характер проблем, разрешаемый героями мифа. Трансляция ценностей, вырабатываемых в рамках гипермифа, идет через самое массовое из современных искусств – кинематограф, во всех его формах – от блокбастеров большого экрана до мультипликации и анимационных компьютерных игр. [1] Концепт «гипермиф» был введен Франциской Фуртай. Разработке этого понятия и его отдельных положений посвящено около 20 статей, опубликованных в течение десяти лет в России, Венгрии, США.

Щепановская Елена Михайловна

Санкт-Петербург

Писатель, член Союза писателей Ленинградской области

и Санкт-Петербурга

Кандидат философских наук

Древнейшие архетипы как способы мышления

В философии за рамками психоанализа не получает достаточной рефлексии образно-ассоциативная сторона мышления и подсознательная подоплека возникающих у нас понятий. Между тем последняя философски значима, поскольку она во многом определяет предпонимание и креативность мыслительного процесса. Современный философский язык во многом терминологически перегружен для восприятия, и это, начиная с М. Хайдеггера или М. Фуко, ставит экологическую задачу изменения самого рационального дискурса. Следствием этого является обращение для понимания к универсальным культурным смыслам и широкое распространение в философии и культурологии понятия «архетип». Один из путей возврата к онтологии архетипа — обращение к его мифологическим корням. Рассмотрев генезис древнейших архетипов, их можно представить с эволюционно-исторической точки зрения как свернутые в символ божества этапы антропосоциогенеза или исторические эпохи, отмеченные значимыми для эволюции культурными достижениями, как это сделано в авторской диссертации (Щепановская Е. М. Генезис и классификация мифологических архетипов : дис. ... канд. филос. наук. СПбГУ, 2011. 274 с.). В развитие этой темы в данной статье предложено увидеть архетип как древнейший способ мысли (архенус). По числу центральных образов мировой мифологии можно наметить двенадцать способов мысли, задающих логически-смысловые векторы современному мышлению. Так, изначальная фаза, связанная с мифологией сотворения жизни из водного хаоса, соотносится с бессознательным и телесным и чувственным как основной целостного мышления (идеи Э. Левинаса и М. Мерло-Понти). Следующий этап формирования мысли, связанный с архетипом Неба, акцентирует момент смысловых оппозиций: разделения, отраженного в мифологеме отделения Неба от Земли. Вслед за ней мифологема богов Земли, времени и судьбы фиксирует идею детерминизма из наблюдения за циклами и закономерностями природного круговорота. Четвертый архетип царя-громовержца показывает выстраивание мировой организации в ее иерархии и динамике развития. Эту динамику акцентирует его противостояние с архетипом подземного мира, демонстрирующим критическую аналитичность мысли (в образах загробных судилищ). Роль шестой мифологемы культурных законодателей — удержать гармонию разных сторон, здесь налицо процедура сравнения. Седьмая мифологема умирающих и воскресающих богов растительности описывает существующий порядок и справедливость через обращение к опыту. Предметное мышление с элементом центрирования в каждом объекте развивает архетип Солнца. Непрерывность жизни и памяти разворачивает мифологема Луны, начиная формирование причинно-следственных связей. Мысль эксперимента, проб и ошибок, способную перечеркнуть существующие модели, являет архетип трикстера. И самые новые мифологемы: богини любви и идеального воителя — описывают опору на опыт чувств и нравственное мировоззрение. Реконструкция мыслительного процесса, присущего мифологическому сознанию, развивает понимание, как сделать мышление более экологичным.

Цифровизация культуры и культура цифровизации: современные проблемы современных информационных технологий

Модераторы **М. А. Степанов, А. В. Крыков**

Алексеева Елена Владимировна

Санкт-Петербург

Культурно-досуговый центр «Красногвардейский», директор

Кандидат культурологии

Проблемы культурно-досуговой деятельности в цифровом обществе

Становление цифрового общества неумолимо бросает серьезные вызовы развитию культуры, декларируя внедрение онлайн-технологий в пространство социума и неминуемый переход к учреждениям нового поколения. Активное вовлечение целевой аудитории в них должен обеспечить процесс цифровизации и последующей цифровой трансформации. Цифровизация учреждений культуры уже стала объективным процессом, который, начавшись, сегодня получает ускоряющееся развитие, что обусловлено в том числе реализуемым Минкультуры России федеральным проектом «Цифровая культура» в рамках национального проекта «Культура». Процессы цифровизации в культурно-досуговой сфере, к сожалению, воспринимаются как неотвратимо угрожающие ее существованию, как некий дамоклов меч. Цифровые технологии, существующие на основе кодирования данных, формируют новое ощущение бытия, которое, соответственно, должно породить и новые возможности его осмысления, особое восприятие визуальных объектов, погружающих в виртуальный мир, что требует особого «облачного» сознания, в котором информационная среда формирует эффект отчуждения от реальности и создает «двойников» окружающей действительности. В основе этих процессов – сложные субтехнологические разработки: будь то виртуальная реальность, позволяющая погрузить человека в иммерсивный мир, создающий полный «эффект присутствия», или частичная информация, интегрированная с объектами реального мира в форме текста, компьютерной графики, посредством дополненной реальности. Ключевым вопросом процессов цифровой трансформации является обновление всей информационно-коммуникационной парадигмы: ее социально-культурных элементов, риторических, семиотических и т. п. Эти процессы изменений отторгаются потенциальными участниками, настораживают и воспринимаются ими как попытка «алгеброй гармонию поверить». Побуждающим к активной деятельности в этом смысле является формирование у работников учреждения культуры чувства «готовности к цифровой трансформации». Как представляется, в целях перехода на качественно новый уровень и получения значительного синергетического эффекта целесообразно использование IT-технологий:

- чтобы повышать уровень управляемости культурно-досуговой деятельностью, добиваться унификации и алгоритмизации рутинных процессов, методик, организационных структур, информационного обеспечения и т. д., не затрагивая неповторимости и оригинальности авторского творчества;
- создавать принципиально новые творческие проекты, инновационность которых будет построена на платформенных решениях;
- разрабатывать системы стратегического партнерства и взаимодействия с научными и учебными учреждениями и т. п.

Цифровизация в сфере культуры призвана обеспечить переориентацию участников культурно-досугового процесса на новый формат восприятия информации, но вовлекать эту аудиторию в свою деятельность творческие структуры смогут только реальными, яркими и самобытными проектами.

Варакина Галина Владиславовна

Москва

Российский государственный университет имени А. Н. Косыгина

(Технологии. Дизайн. Искусство), заведующая кафедрой

общего и славянского искусства

Доктор культурологии, доцент

Процесс трансформации учебного контента

в рамках цифрового образования: от текста к алгоритму

Цифровое образование предполагает тотальную связь с информацией, которая имеет иную природу бытования в рамках экранной культуры. Создаваемая и распространяемая при помощи электронных устройств информация воспринимается как целое, как единый кластер, который содержит некий набор слов, знаков, символов. Такого рода тексты в электронной среде принято называть контентом, все компоненты которого взаимосвязаны и взаимозависимы. Причина такого рода взаимодействия заключается именно в особенностях восприятия информации человеком посредством экрана. В результате освоение текста, вообще информации, приобретает не временной,

а моментальный характер, т. е. считается как картинка. Эта особенность электронного текста влияет на принцип построения учебного контента, включая как лекционный материал, так и дидактический. Так, вместо последовательного изложения материала лекции экранное восприятие требует его подчинение некоему алгоритму. Тем самым текст превращается в информационный кластер, представляющий собой определенную структуру в виде ряда тезисов, содержащих узловые понятия, факты, даты и т. п. То есть результирующая часть традиционного текста становится доминирующей, более того, самодостаточной. В традиционной системе обучения учащемуся предлагалось самостоятельно разработать смысловой алгоритм понимания текста и использования его информационного ресурса; в цифровой — этот алгоритм в виде структуры изначально задан. Соответственно меняется и учебная цель: формирование самостоятельного мыслительного процесса вытесняется процессом обработки информации, овладением базой данных. При заданном извне алгоритме обучающийся не имеет возможности сформировать один из фундаментальных навыков — навык свободного мышления. Во главу угла ставится овладение компетенциями — навыками исполнения, соответствия, осведомленности. Дидактические материалы в рамках электронного обучения также подвергаются качественным изменениям. Превалируют такие формы заданий, в которых также задан алгоритм в той или иной форме. В тесте этим алгоритмом является заданность вариантов ответов, в кейсе — спланированная ситуация, система данных и поставленная цель, даже традиционное сочинение ориентировано на алгоритм — поиск аргументов, доказывающих или опровергающих уже сформулированную идею. В еще большей степени алгоритмизация проявляется в обучающих и деловых играх, сутью которых является вычисление того самого алгоритма (пути) как результата освоения заданных условий (правил). Причем изначально геймификация понималась как способ усиления мотивации учащихся к обучению. Сейчас это одна из прогрессивных образовательных методик наряду с проектным методом, методом *clil* и рядом других. Сами по себе данные методы нельзя считать источником зла. Вопрос лишь в том, как и во имя чего они используются. Метод не может подменять собой цель, метод лишь средство достижения цели. Но именно цель в цифровом образовании ставится иной: информация вместо ценностей, алгоритм в противовес внутренней культуре.

Василенко Инна Викторовна

Волгоград

Волгоградский государственный университет,

профессор

Доктор философских наук, профессор

Трансформация ценностей свободы и ответственности в цифровом социокультурном пространстве

Современное общество характеризуется высоким уровнем развития технологий, переводом информации с материальных носителей в цифровую форму. На этой основе начинает формироваться современный этап развития общества и культуры, характеризующийся формированием цифрового пространства системы сайтов и приложений с различным контентом. Любой человек, имея планшет, ноутбук или смартфон, находясь в любой части мира, имеет возможность включения в это цифровое пространство. При этом он становится частью этой системы и приобретает почти безмерные функциональные возможности, позволяющие ему не просто общаться в социальной сети, оплачивать счета и делать покупки, но и включаться в уникальное культурное поле, в котором ценности и смыслы реального мира претерпевают трансформации и перестают действовать, как привычные нормы и правила. Ценность свободы для пользователей социальных сетей проявляется в расширении ее пространства: во-первых, возрастает свобода в определении принадлежности к различным сетевым сообществам; во-вторых, растет свобода в обмене информацией и ее получении; в-третьих, появляются различные вариации для самопрезентации. Однако свобода — это не просто удовлетворение любых желаний, а возможность ставить и достигать различные социокультурные цели, создавая условия для развития личности, общества, культуры. В то же время современный пользователь, находясь постоянно в потоке информации и коммуницируя в цифровом пространстве, окружает себя симуляциями, неспособными заменить реальную жизнь, непосредственное общение с людьми, дружбу и любовь. Наличие социальной ответственности в поведении индивидов, в функционировании социальных институтов и структур обеспечивает будущее существование человека, последующих поколений, общества и культуры, будущее природы и других живых существ. В социальных сетях будущее не ощущается, поэтому пользователи не задумываются о перспективах существования природы, человека, социума. Важнейшим видом социальной ответственности является «моральная ответственность». Она возникает особенно при коллективных действиях, но в социальных сетях отсутствует, т. к. большая часть взаимодействий ведется без адреса, без боязни негативных последствий нарушения этики поведения. Такая ситуация в цифровом пространстве может привести к деформации ценностей, формированию нового мира, в котором властвует сомнительная система ценностей и который активно осваивается молодежью, обладающей потенциалом для «выстраивания» смыслов и целей будущей жизни.

Цифровое одиночество, или Медиа в 2084

Какой тип коллективного знания создают цифровые медиа? И создают ли? Остановимся на трех аспектах этих вопросов: на людях, занятых в современной цифровой медиаиндустрии, на специфике медиапотока и на границах современных медиа. Люди. Большинство людей, занятых в сфере современного цифрового контента, не имеют никакого профессионального образования. Не потому, что это образование тут не требуется, а потому, что этого образования не существует. Даже передовые вузы страны не готовят профессиональных блогеров, web-аналитиков, таргетологов и специалистов по рекламе мобильных приложений. Профессионалы, которые этим занимаются, научились всему самостоятельно. Кроме того, они вынуждены постоянно самообучаться, потому что целый мир работает, чтобы новинки происходили как можно быстрее. Акселерация усовершенствований приводит к тому, что часть улучшений передается автоматическим технологиям. Это быстрее и дешевле. В результате, никто, даже в Яндекс или Google, не знает в точности, по каким алгоритмам работает поиск или рекомендации на YouTube: технология сама научилась выдавать результат, комбинируя сотни параметров. Ни один специалист из этих компаний не может предсказать то, что появится на вашем экране. Что же говорить о сообществе, которое должно эти технологии осмыслить в наблюдении второго порядка? Когда мы выносим суждение о современной цифровой реальности, мы можем быть уверены, что оно А) почти всегда некомпетентно, Б) скорее всего, уже устарело. Специфика медиапотока. Основная особенность цифрового медиапотока не в скорости, не в навязчивости или фальсифицируемости сообщения, а в его индивидуальности. 70 % людей выходят в сеть с мобильных устройств и почти 30 % используют только смартфоны. В обиход уже давно вошло понятие «индивидуальное медиа». Индивидуальное — потому что оно всегда у вас в руке. Но индивидуальное еще и потому, что вы сами выбираете то, что хотите узнать или прочитать. Большинство инструментов современной рекламы обладают двумя базовыми способами найти аудиторию: контекстным таргетингом — показами рекламных сообщений на основе поисковых запросов и таргетингом по интересам — ваша активность в Интернете аккумулируется, анализируется алгоритмом, и вы попадаете в специальный «интерес» площадки. Рекламодатель больше не знает, кому он показывает рекламу, но он точно знает, что она будет показана тому, кому она интересна. Все это означает, что ваши интересы формируют ваш контент, ваш контент — интересы. Вы вынуждены беспрерывно интересоваться самими собой. Границы системы. Самый трудный вопрос: а есть ли у этой системы границы? Поставим вопрос прямо: можно ли сегодня провести границу между медиа и культурой? И где будет точка перехода, в которой старые антиутопии одинакового для всех и универсального знания останутся в далеком прошлом, а новые утопии предельно индивидуализированного медиасознания, неспособного выносить вообще какие-либо общие суждения об окружающей его реальности, воплотятся в жизнь?

Воронова Наталья Игоревна

Коломна

Государственный социально-гуманитарный университет, доцент

Кандидат философских наук

Гибридная «посткультура» цифровой эпохи: коэволюция искусственного и сверхискусственного

«Автоматизация зайдет так далеко, что люди станут не нужны сами себе» — Ежи Лец. В «посткультуре» человеком утрачивается культуротворческая полнота деятельности, он больше не является ее исключительным субъектом в связи с трансформацией ряда технологий из средства в автономный техносубъект; нивелируется субъект-ориентированность современного культурного проектирования. Человек все в большей степени рассматривается не как творец культуры, а как ее «продукт» или даже «пленник», детерминированный ее языковыми, политическими, экономическими и другими реалиями и смыслами. В определенном масштабе уже сегодня искусственному интеллекту передаются полномочия принятия решений экономического, юридического, управленческого характера. Онтологический статус явления или объекта виртуального мира зачастую оказывается тождественным его прототипу в объективной реальности. Традиционно культура рассматривалась как надбиологическое образование, как «вторая природа», теперь намечается новый виток ее эволюции, когда искусственное полностью порождается искусственным. Современные технологии перестают быть субъект-зависимыми. В перспективе — появление и развитие нового Техносубъекта. Рынок решений на базе искусственного интеллекта (ИИ) и на основе нейронных сетей (ИНС) стремительно расширяется в разных сферах социокультурной деятельности: медицине (например, система Watson), фармакологии, в юриспруденции, страховом деле, образовании, финансовом секторе экономики, пожарной безопасности, сфере услуг и т. д. Это явная тенденция к развитию нового актора — Техносубъекта, еще одного аспекта нивелирования субъекта деятельности в ситуации «посткультуры». Пока устройства на основе технологий искусственного интеллекта

правильнее называть субъектоподобными, обладающими феноменами мышления, интеллекта, но пока не сознания. Но возможно предположить формирование вполне автономного социокультурного агента — Техносубъекта, который уже сейчас обладает свойствами самоуправляемости, обучения, искусственной когнитивной деятельностью и многим другим. В этом контексте актуальной является проблема, поднятая трансгуманистами, о необходимости трансформации человека с целью сохранения его значимости в условиях информационно-технологической эволюции, поскольку в перспективе — потеря человеком понимания технологий, опережающих его собственные возможности и эволюцию, что получило название технологической сингулярности. Таким образом, происходит постепенная передача техносубъектам возможности принимать решения, но последствия данного процесса из-за сложности и масштабности системы пока не достаточно изучены. Потребности в человеке у искусственных интеллектуальных систем снижаются, их автономность возрастает, идет формирование Техносубъекта. ИИ не просто дополняет, но именно изменяет структуру социокультурного пространства. Интеграция человеческого и техногенного влечет появление новых гибридных форм, к размыванию границ между биологическим и машинным, естественным и искусственным.

Герасимов Сергей Викторович

*Санкт-Петербург
Санкт-Петербургский государственный университет,
доцент кафедры коммуникационных технологий
Кандидат педагогических наук, доцент*

Конструирование цифровой реальности вуза

Современная высшая школа стремительно втягивается в новую реальность, этот процесс имеет несколько направлений. Самым главным фактором такого тренда является цивилизационный переход между обществом постиндустриальным и обществом информационным. Поскольку сфера высшего образования существует для воспроизводства ранее сохраненного и систематизированного опыта человечества. В связи с направлением на профессиональную подготовку кадров для существующей действительности, система образования имеет определенную временную инертность. Информационное общество находится в условиях экспоненциального развития количества и качества коммуникаций. В этой связи возникает проблема обучения студентов опережающим технологиям, для того чтобы они не только совпадали с темпами научно-технического развития, но и двигали экономику вперед. В этой связи важно отметить фактор глобальной медиатизации, который благоприятно влияет на отражение действительности в социальной реальности, а также позволяет формировать эффективную систему самовозбуждения участников образовательных процессов, создания среды творческого поиска, генерации новых концептов. Созданная информационным обществом медиасфера становится самодостаточной не только в процессах рекреации и досуга населения, но и для полноценной работы в традиционных и новых профессиях. Медиасфера, как социальная среда формирования и передачи социальных опытов, становится полноценным фактором инкультурации, социализации, развития подрастающего поколения. С другой стороны, постоянное присутствие в информационной среде формирует привычку поиска новостей, потребность прокручивания информационной ленты, информационный голод. Информационное пространство медиасферы образует уклад жизни, при котором член социума обретает навыки по настройке виртуальной реальности для поиска ответов на возникающие вопросы. При этом селекция информации происходит часто не самим участником, а списком выдачи ответов поисковой системы браузера. Таким образом, информация структурируется не по степени соответствия действительности и достоверности, а по степени новостного потенциала, содержащегося в ней. Медиареальность стала возможна благодаря глобальному распространению цифровых технологий, которые включились в процессы получения, обработки, хранения, распространения информации, увеличивая возможности оперативно в любом месте работать с колоссальными объемами информации, чего нельзя было осуществить в постинформационном обществе. Новый цивилизационный прогресс, построенный на законах оптимизации, алгоритмизации, универсализации, оказал влияние на все сферы жизни, упорядочивая и схематизируя многие профессии, что создает предпосылки замены многих традиционных профессий автоматическими устройствами, предоставляя человеку роль оператора, пользователя и ремонтника. Новые и старые знания, умения и навыки стремительно эволюционируют, меняется форма социума и социальный состав общества, рынки труда, что также предъявляет требования к высшей школе.

Зимина Лада Владимировна

*Санкт-Петербург
Национальный исследовательский университет ИТМО,
младший научный сотрудник*

Символическое пространство Санкт-Петербурга и его цифровое воплощение в виртуальной среде (в соавторстве с А. А. Пучковской)

Интенсивное распространение цифровых технологий и трансформация коммуникативных практик неизбежно отражается на системе культурного наследия, в частности на способах трансляции культурной памяти. Ризоморф-

ность современной цифровой культуры закономерно влияет на характер репрезентации историко-культурного ландшафта города в виртуальном пространстве и, как следствие, на конституирование его образа в сознании современного человека. Объект культурного наследия, являющийся частью культурного ландшафта и запечатленный в коллективной культурной памяти, обладает двойственной природой: с одной стороны, это объективно существующий материальный объект, с другой — это культурный конструкт, наполненный символическим капиталом, который, в свою очередь, находит текстуальное выражение. Запечатленный в тексте топос представляет собой систему принципиально значимых в обширном культурно-историческом контексте пространственных образов. Так, в работах Я. и А. Ассман, Ю. М. Лотмана и других отмечается способность топоса выступать в качестве механизма сохранения и трансляции культурной памяти. В. Н. Топоров, в свою очередь, и вовсе представляет город (Петербург) как текст и механизм производства текста. Цифровые технологии обладают огромным потенциалом в актуализации культурной памяти, закодированной в городском тексте. Виртуальное пространство гипертекста в сочетании с картой города может являться медиумом, который объединит топосы и локусы, имеющие выражение в действительных пространственных координатах, с их фактическими воплощениями — городскими локациями. Однако, несмотря на представленное разнообразие геопрограммных баз данных, онлайн-карт, а также подходов к созданию цифровых аватаров культурных институций и объектов культурного наследия в виртуальной среде, ни одно из существующих ныне решений не позволяет представить локацию в контексте ее ретроспективной визуализации и связи с другими культурно значимыми объектами, литературными произведениями, событиями и персоналиями. В попытке переосмысления вышеописанных вопросов авторы предлагают к рассмотрению проект мобильного приложения Que.St, разрабатываемого на базе Международного центра цифровых гуманитарных наук Университета ИТМО. Данный проект — это попытка создать единую полномасштабную онлайн-платформу, способную стать полем, в котором топос Петербурга, выраженный в метатексте, объединяется с городскими локациями в единый культурный ландшафт. Цель проекта заключается в систематизации неструктурированного гуманитарного знания (больших данных) на основании связей историко-культурных топонимов, персоналий и текстов. Важной составляющей приложения и его главной коммуникативной стратегией является геймификация. Помимо локаций и маршрутов, приложение будет включать такие способы трансляции информации, как сторителлинг, квест, интерактивная новелла, а также популярные в компьютерных играх механики: очки опыта, коллекционные предметы и достижения.

Кораблева Елена Валентиновна

Москва

Московский технический университет связи и информатики,

заведующая кафедрой «Философия,

история и межкультурные коммуникации»

Доктор философских наук, доцент

Социальные и гуманитарные угрозы глобальной информатизации

Открытый информационный мир, созданный в первой четверти XXI в., объявил войну миру реальному, все больше поглощая его отдельные сегменты, преобразуя привычный образ жизни и нивелируя веками устоявшиеся духовные ценности. Главными оказались не технические, организационные или экономические проблемы нашего времени, а проблемы морального, психологического характера. Технократическая ориентация развития культуры чревата глобальными последствиями для человека. Его деятельность, усиленная новыми достижениями науки и техники, может привести к деградации человека, к деформации его природных способностей, если оставаться в эйфории по поводу технических возможностей удовлетворения безгранично растущих потребностей. Информатизация общественной жизни не ограничивается внедрением компьютерной техники в различные области социально-экономической практики, а осуществляет «встраивание» машинизированных информационных технологий во все социальные структуры, формирует разветвленную систему информационных сетей и потоков в производстве, управлении, науке, образовании, сфере услуг. Цифровая экономика предполагает и субъекта, хозяйствующего не «здесь и сейчас», а высококвалифицированного специалиста, владеющего навыками продуктивного использования преимуществ информационного общества, умеющего оглядываться на результаты технических инноваций. Специалист сегодня должен обладать двумя видами навыков: *hard skills* — узкие профессиональные компетенции и *soft skills* — когнитивные навыки и поведенческие атрибуты. Адекватное взаимодействие с цифровой средой специалисту обеспечивают когнитивные навыки, включающие в себя механизмы переработки информации — кодирование, семантика, обработка информации; саморегуляцию — осознание своей мотивации, целеполагания, предвидение последствий своего выбора; интеллектуальную рефлексию — оценку своей интеллектуальной адаптации к реальности; потенциальные возможности индивида к комбинированию информации и принятию адекватных или нетривиальных решений. А значит, нужно отойти от узкодисциплинарного подхода, жесткого разграничения гуманитарных и естественно-научных дисциплин, расширить блок гуманитарного знания в содержании технического и ИТ-образования, расширить

спектр знаний о социальных последствиях применения технических инноваций и ИТ. «Размытая» индивидуальность с когнитивными искажениями и шаблонами мышления создает диссонанс с новой онтологической реальностью. Усеченное мировоззрение технического специалиста создает большую проблему на рынке труда, где востребованным является универсальный сотрудник, способный решать системные задачи, демонстрирующий критическое мышление, креативность, навыки коммуникации и продуктивной деятельности в новой технологической среде. Широкое обсуждение социальных и этических последствий внедрения новых технологий, отрицательных последствий разработки технических инноваций ради технической гонки, не ограниченной моралью, может поставить заслон от технологических и антропологических катастроф.

Кошетарова Людмила Николаевна

Тюмень

Тюменский государственный институт культуры, доцент кафедры социально-культурной деятельности, культурологии и социологии
Кандидат философских наук, доцент

Новое цифровое Средневековье

Согласно теории социокультурной динамики П. А. Сорокина, а также мнению всем известных философов Н. А. Бердяева и У. Эко, наш мир стоит на пороге Нового Средневековья (или уже даже переступил его). Но мы этого не замечаем, так же как жившие несколько столетий назад римляне не замечали постепенного приближения новой общественной формации. Новая эпоха никогда не начинается в одно мгновение, поэтому мы можем только наблюдать повторяющиеся тенденции, свидетельствующие о плавном переходе от «дневной», основанной на культе человека, к «ночной» цивилизации (П. А. Флоренский). Концепция Нового Средневековья подразумевает обращение общества к характерным для этого периода социальным практикам, нормам и технологическим чертам. Сталкиваясь с неразрешимой проблемой, цивилизация решает ее через возврат к прошлому, пусть и на более высоком уровне. Футурологи И. Бощенко и М. Калашников, предвещавшие наступление «темных веков», считали, что все начнется с экономического кризиса, после которого инструмент «Деньги» утратит свое значение, а на первый план выйдут «Насилие» и «Знания». Далее они предрекали появление «Техноцеркви». Но что общего может быть между Средневековьем и современной цифровой эпохой?! Пандемия 2020 года, породившая всемирный экономический кризис, позволила более четко рассмотреть эти черты:

- «Деньги» (наличные) утратили свое значение, их заменили безналичные виртуальные операции и криптовалюты;
- «Насилие»: люди, скованные страхом и ужасом перед неведомой угрозой массовой гибели, в обмен на безопасность сами согласились поступиться имевшимися у них правами и свободами; технические достижения были модернизированы с целью оцифровывания граждан: появились электронные браслеты, цифровые пропуска, программы слежения за перемещением граждан благодаря фиксации сигналов мобильных телефонов;
- «Знания»: все образование внезапно стало дистанционным, что вызвало немало проблем в настоящем и опасение за будущее; стремительное усложнение цифровых технологий со временем способно привести к деградации большей части населения, не понимающей причинно-следственных связей и принципов устройства нового цифрового мира, что, в свою очередь, усугубит течение кризиса научного познания;
- «Техноцерковь»: в условиях крайней деградации системы образования можно также ожидать появления культов поклонения объектам цифровой инфраструктуры; развитие искусственного интеллекта и роботизация приведут к тому, что специалисты, владеющие глубокими знаниями в сфере цифровизации, превратятся в привилегированную касту, которая по социальному статусу и уровню доходов разместится на неизмеримо более высокой ступени иерархии общества. Таким образом, основой цифрового Средневековья станет Интернет, который из поля для общения и коммерции постепенно превратится в поле для всех информационных операций. Невольное создание человеком виртуальных миров может стать возрождением архаичного комплекса «город за стеной», где каждый житель будет под незримым контролем «Большого брата».

Крюков Анатолий Владимирович

Краснодар

Южный филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, ученый секретарь
Кандидат исторических наук

Создание и сохранение цифрового наследия:

проблема единства и оптимального сочетания стандартов

Развитие цифровых технологий и сопровождающая их цифровизация стали неотъемлемой частью жизни людей и весомым фактором экономического развития. Не осталась в стороне от этой магистральной тенденции и сфера

культуры, одной из важнейших составляющих которой является охрана культурного наследия. Между тем значительная часть уникальных культурных ценностей еще не подверглись оцифровке, что весьма затрудняет их изучение и популяризацию. Данная ситуация является актуальной и для России, и для европейских стран, при этом традиционные методы не приносят необходимых результатов. Оцифровка культурного наследия — это инновационный подход, применение которого может быть направлено на решение значительной части наблюдаемых проблем управления культурным наследием. При этом необходима также синхронизация с международными стандартами, связанными с информационной структурой оцифрованных объектов и иными важными направлениями деятельности по оцифровке культурных ценностей. Приверженность им в определенной степени является мерой достигнутой зрелости в обеспечении стабильности цифровых коллекций. Существует ряд стандартов, которые могут помочь в разработке операционных моделей для сохранения культурного наследия в цифровом виде (ISO 14721:2012; ISO/TR 18492:2005; ISO 15489:2001 и др.) Данный доклад призван обобщить функции существующих стандартов, применяемых к процессам создания и сохранения цифрового наследия с целью определения их сочетаемости в рамках единой концепции и технологии. При этом выявляются не только положительные характеристики использования стандартов, но и факторы, затрудняющие их функционирование в качестве ориентиров стратегии сохранения цифрового наследия. Учен и обобщен опыт западных стран, а также стран с интенсивно развивающимися экономиками (Китай, Индия, Южно-Африканская Республика и др.). Помимо операционных международных стандартов, рассмотрены также стандарты, применяющиеся для управления бизнесом, технические стандарты. Определена степень использования рассмотренных международных стандартов в российской практике на разных уровнях (нормативно-правовом и практическом).

Мешкова Людмила Николаевна

Пенза

Пензенский государственный университет, доцент

Кандидат философских наук, доцент

Цифровая культура как среда формирования культурной идентичности цифрового поколения

Одной из ведущих характеристик современной культуры является цифровизация, формирование цифровой культуры, которую можно рассматривать как область культуры, связанную с использованием новых цифровых средств и технологий. Цифровая культура предполагает не только факт использования новых технологий в различных сферах деятельности человека, но и формирование определенной системы взаимоотношений человека с техникой и способов социального взаимодействия, опосредованных цифровыми средствами. Если еще недавно виртуальное пространство противопоставлялось пространству физическому, то сейчас все чаще говорят о «смешанной реальности». Расширение процессов цифровизации в культуре сопровождается трансформацией ценностных ориентаций, картины мира, изменением характера коммуникаций, системы социальных отношений и поведенческих моделей. Для детей как представителей цифрового поколения цифровой образ жизни является естественным, т. к. эти технологии сопровождают их с самого рождения. Мы можем говорить о цифровой культуре как формирующей среде для подрастающего поколения. При исследовании влияния цифровой среды на подростков прежде всего обращается внимание на формирование идентичности и социальных связей, а также влияние на когнитивные способности и навыки. В последнем случае чаще всего речь идет о возникновении «клипового мышления», для которого характерны, в частности, умение быстро переключаться между разрозненными смысловыми фрагментами; предпочтение графического образа перед текстом; неспособность к восприятию длительной линейной последовательности информационных блоков; отсутствие потребности в установлении причинно-следственных связей между явлениями; многозадачность. Однако «клиповость» касается процесса освоения культуры в целом. Культурное наследие, ценности культуры воспринимаются поверхностно и фрагментарно, без учета внутренних, смысловых связей между культурными феноменами, без стремления понять и осознать причины культурной динамики. «Мозаичное» освоение культуры будет сказываться на культурном самосознании и культурной идентичности. Опасность может заключаться в формировании фрагментированной индивидуальной культуры. Кроме того, гипертекстовое пространство цифровой культуры, отсутствие границ внутри глобального интернет-пространства дают возможность знакомиться с другими системами ценностей, моделями поведения и включать их в свое личное пространство. Это становится одним из важнейших факторов изменения культурной картины мира личности и может вести к «гибридной идентичности». Поэтому необходимо разрабатывать такие педагогические и образовательные методики, которые бы помогли избежать разрыва между культурными кодами «цифровых аборигенов» и поколением, чьи культурные установки сформировались под влиянием «нецифровой» культуры. Тезисы подготовлены при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-14014мк «Информационное воздействие на личность в условиях цифровизации культуры и образования как импрессионг: риски и потенциал».

Мобильная фотография: Кто я в культуре? Мобильная фотография как зеркало культурной идентичности» (в соавторстве с Т. С. Паниотовой)*

Мурзина Ирина Яковлевна

Екатеринбург
Институт образовательных стратегий, директор
Доктор культурологии, профессор

«Цифровой поворот» в теологическом образовании: традиционные ценности vs новые технологии

Происходящие социокультурные изменения предполагают анализ как самого явления «цифровизация», так и тех изменений, которые происходят в обществе в связи с цифровизацией, и, как следствие определяют характер сегодняшнего и ближайшего будущего в образовательных стратегиях и практиках. Цифровизация рассматривается как этап, на котором использование новых способов получения и потребления информации становится повсеместным и широко используемым. Принимая этот процесс как данность, «за скобки» как риторические и не требующие ответа выводятся вопросы потребности в развитии цифровых форм различных видов своей деятельности и способов общественного существования и собственно смыслы цифровизации. Осмысление ценностных основ внедрения новых технологий предполагает обращение к качественно новой социально-антропологической реальности, которая гораздо шире, чем просто инструментальное использование технических средств и возможностей. Актуальными становятся вопросы, связанные с репрезентацией и трансляцией ценностей цифровой культуры. В силу своей направленности на формирование человека культуры с определенными ценностными ориентациями, включенного в разнообразные коммуникативные ситуации и опирающегося на них в повседневных практиках, система образования выступает универсальным транслятором культуры. Вопрос о том, состоялся ли «цифровой поворот» в современном образовании и в чем именно он состоит, предполагает анализ актуального состояния образования как транслятора ценностей цифровой культуры и соответствия его гуманистическим идеалам, на которых образование строилось в доцифровую эпоху. Частным случаем образовательных практик становится теологическое образование, которое в России сегодня происходит стадию становления: как конфессиональное оно не вызывает вопросов и может рассматриваться как устоявшееся, а вот как способ воспитания человеческого духа в контексте светского образования требует осмысления. Для обоснованности научного суждения о специфике теологического образования в современной России необходима культурологическая экспертиза. Цифровизация как феномен современной цивилизации провоцирует разговор о духовных основаниях личности и «гуманитарном сопротивлении» в условиях обесмысливания человеческих оснований. Является ли цифровизация угрозой современному образованию или открывает новые горизонты? Какие формы образовательных и просветительских практик могут быть востребованы в современных условиях и какой потенциал в них заложен? Уникальность сегодняшней ситуации состоит в том, что обсуждение и рефлексия происходящих изменений в образовании идет практически параллельно с самими изменениями. Отсутствие временной дистанции несколько затрудняет объективность оценок. Можно выделить ряд доминирующих тенденций «цифрового поворота» в образовании: организационно-функциональную, коммуникативную, гуманитарную. Актуальной является задача раскрыть перспективность каждого из представленных направлений для теологического образования.

Орех Екатерина Александровна

Санкт-Петербург
Санкт-Петербургский государственный университет, доцент
Кандидат социологических наук

Социогуманитарные исследования в цифровом обществе: к вопросу о потенциале геймификации

Научная рефлексия по поводу цифровизации современного общества реализуется в описании происходящих перемен и предложении новых исследовательских методов, эффективных в контексте произошедших технологических сдвигов и новых открытий. Так, современным направлением исследований становится цифровая социология, а ряд публикаций говорит о цифровых исследованиях и цифровых методах. Последние описываются по-разному: некоторые

* См.: Т. С. Паниотова.

исследователи под цифровыми методами понимают такие, которые направлены на изучение новых исследовательских объектов (таких как big data или социальные сети). Иная трактовка заключается в уравнивании цифровых методов с бесконтактными или нереактивными. Представляется, что к цифровым методам можно отнести те, которые имеют дело со специфическими способами и формами сбора информации: это такие методы, использование которых напрямую связано с распространением всевозможных электронных девайсов и Интернета. Опираясь на это представление, предлагаем рассматривать в качестве одного из таких цифровых методов сбора информации использование компьютерной (видео) игры. Внедрение и применение такого метода выглядит логичным в контексте геймификации современного общества. Мы рассматриваем геймификацию как масштабный социальный процесс экспансии игр, игровых механик, игровых технологий в современном обществе. На сегодняшний день тенденция применять элементы игры в неигровом контексте (базовое определение геймификации Вербаха и Хантера) проявляется одновременно в абсолютно разных сферах — от науки до политики. Исследователи констатируют распространение игрового сознания в современном обществе. В этом смысле мы говорим не просто о модной технологии, используемой кем-то с определенной целью, а о повсеместной тенденции нашего времени, вызванной к жизни социальными изменениями. Если задуматься о сугубо прикладном аспекте геймификации, то целенаправленное использование игр (или их элементов, механик) позволяет вовлечь людей в реализацию какого-либо проекта и/или увеличивать степень их заинтересованности. В контексте проблематики сбора данных о социальных и культурных явлениях применение специально сконструированной видеоигры может решать ряд актуальных вопросов, хотя и, безусловно, создавать для исследователей новые вызовы. Использование игры возможно для разных аудиторий, но представляется, что преимуществом будут те исследования, которые касаются аудитории, имеющей навык игр (например, молодежь или геймеры). Поскольку создание игры трудоемко и ресурсозатратно, оно должно работать на определенную задачу, не решавшуюся полноценно другими методами сбора данных. Безусловно, сам процесс создания игрового сценария будет связан с методологическими сложностями, однако возможно, что именно вовлечение респондента в игру позволит привлечь к такого рода опросу аудиторию, уклонявшуюся от ответов, а также решить сложности, связанные с влиянием мнения окружающих на респондента.

Пейгина Лариса Владимировна

Томск

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Институт искусств и культуры, кафедра культурологии, теории и истории культуры, ассистент

От Youtube к TikTok: демократизация процесса производства фанатских видео на примере русскоязычной фандомной культуры (в соавторстве с А. О. Тепляковой)

Цель данной работы — выделение особенностей трансформации и конструирования смыслов в фанатских видео русскоязычной фандомной культуры на двух разных площадках: Youtube и TikTok. Для российской науки fan studies — все еще достаточно экзотическая область исследований, и абсолютное большинство работ, посвященных фандомной культуре, сосредотачивают внимание на фанфикшн, в то время как другие формы фанатского творчества, в частности фанвидео, практически не исследуются. В западной научной литературе, напротив, существует традиция исследования фанвидео, в частности, хорошо изучена история и эволюция фанвидео от первых слайдовых шоу до VCR и, наконец, до компьютерных программ видеомонтажа и расцвета Youtube. Оставаясь технически сложным и требующим специальных навыков, процесс создания видео шел по пути демократизации и увеличения доступности. В наше время это движение продолжается, в частности, благодаря появлению мобильных приложений для видеомонтажа, а также социальной сети TikTok, которая позволяет не только снимать и размещать короткие видеоролики, но и мгновенно редактировать их без применения специальных знаний. Специфика процесса производства оказывает влияние как на конечный продукт, так и на процессы фанатской коммуникации, разворачивающейся вокруг него, приводя к возникновению особых форм фанатской культуры, подверженной влиянию общefандомных традиций, а также особенностей конкретной площадки. Поскольку монтаж в большой степени связан с манипулированием временем канона, временная ограниченность загружаемых видео, задаваемая TikTok, преобразует сам процесс трансформации и конструирования смыслов в фанатских видео, смещая акцент с процесса на результат, несмотря на то, что приемы, применяемые виддерами к тексту канона, во многом остаются прежними. Также, благодаря упрощению процесса создания, фанатские видео, создаваемые и/или размещаемые в TikTok, по сравнению с Youtube, в большей степени определяются ситуативным контекстом, часто создаваясь «на злобу дня» и гибко отражая локальные события фандома. Они в большей степени ориентированы на конкретную аудиторию, и процесс их создания часто включает в себя элементы интерактива. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00237).

Пучковская Антонина Алексеевна

*Санкт-Петербург
Национальный исследовательский университет ИТМО,
руководитель Международного центра
цифровых гуманитарных исследований Университета ИТМО
Кандидат культурологии, доцент*

Символическое пространство Санкт-Петербурга и его цифровое воплощение в виртуальной среде (в соавторстве с Л. В. Зиминой)*

Симонова Светлана Анатольевна

*Москва
Московский государственный психолого-педагогический университет,
профессор кафедры философии и гуманитарных наук
Доктор философских наук, доцент*

Культурный поворот и трансформация ценностей

В последние десятилетия становится очевидным, что изменения, связанные с визуальностью, медиа, цифрой, в широком смысле слова затрагивают систему ценностей как самой культуры, так и ее исследователей. Поэтому представляется принципиально важным выявить изменения ценностей в контексте культурного «поворота». Иерархия ценностей и культурные «повороты» диалектически связаны. С одной стороны, именно ценности обуславливают характер, скорость протекания, условия возникновения и исчезновения культурных «поворотов». С другой стороны, культурный «поворот», онтологически сам являющийся ценностью, определяет степень трансформации или деформации ценностей. В информационную эпоху формируется новый тип культуры, в некоторых источниках ее называют e-culture (электронная культура). Формирующиеся в условиях электронной культуры феномены приобретают статус ценностей, воспринимаясь не как виртуальные, а как вполне реальные. Ценностные структуры меняются, ценности переосмысливаются, смещаются приоритеты. Меняется ценность информации в связи с увеличением числа ее источников, не всегда достоверных, их авторитет уже не является безусловным. В современной культуре знание заменяется многоканальной информацией, наблюдается утрата доверия к СМИ и другим информационным ресурсам, что также отсылает нас к проблеме ценностей. Информация утрачивает ценностную составляющую, поскольку ее источник и само содержание не обладают сакральным статусом. В современной культуре практически не осталось ничего святого и героического, поскольку все может стать предметом шоу. В массовом сознании ценностные установки смещаются, реципиентам на фоне бесконечных скандальных событий, непрерывно и неоднозначно освещаемых СМИ, сложно сформировать фундаментальную ценностную иерархию. Значимые события преподносятся с разных моральных позиций, акцент делается на сенсациях, на «горячих» новостях. Благодаря современным средствам коммуникации любой миф может быть растиражирован и воспринят массовым сознанием, уже не важна истинность предлагаемой информации, на первый план выходит интерес, подогреваемый в СМИ и интернет-пространстве, часто на грани фола, к предложенной тематике. Глобализация также внесла свой негативный вклад в нивелирование базовых культурных, в частности, национальных ценностей. Одни культуры позволяют себе насмешки над сакральными ценностями других, что приводит к крайне негативным последствиям, вплоть до экстремизма (достаточно вспомнить трагическую историю «Шарли Эбдо»). Если информацию, позиционируемую как новую ценность, можно продать, купить, навязать или отнять силой, то становится проблематичным говорить о ценности как о духовном феномене.

Соловьева Людмила Николаевна

*Серпухов
Филиал Военной академии ракетных войск стратегического
назначения имени Петра Великого в г. Серпухове,
преподаватель кафедры гуманитарно-социальных дисциплин
Кандидат философских наук, доцент*

Метаморфозы цифровизации и современный человек

Современные социокультурные трансформации детерминируются процессами вхождения человечества в информационную эпоху как новую стадию цивилизационного развития, а ключевой вектор и их динамика опосредованы стремительным развитием инфокоммуникативных технологий и систем искусственного интеллекта, их закономерным следствием — цифровизацией. Цифровизация из явления преимущественно экономического превратилась

* См.: Л. В. Зимина.

в автономный социокультурный феномен. Под воздействием процессов цифровизации сегодня изменения претерпевает не только технологический уклад социальной жизни, способы общественно-экономического развития, но и фундаментальные атрибуты человека, его культура и существование в принципе. Будучи создателем технологий и тем, кто их совершенствует, современный человек сам оказался под мощным «технологическим прессом». Общедоступность инфокоммуникативных технологий, простота их использования привели к тому, что бытие человека информационной эпохи конституируется преимущественно в искусственном техногенном мире, а значительная часть его жизнедеятельности осуществляется в невещественной виртуальной среде — глобальном информационном пространстве: общение, работа, учеба, досуг. Такие уже привычные явления современной жизни, как цифровой банкинг, облачные технологии, умные вещи, социальные сети, мессенджеры и многое другое, достаточно прочно сегодня вплетены в канву повседневности и не вызывают отторжения, мобильный телефон, в большей степени даже смартфон, стали неотъемлемой частью современной жизни, а Интернет — одной из приоритетных потребностей. Активная жизнедеятельность в глобальном информационном пространстве влечет за собой и изменение способов коммуникации. Наряду с традиционными возникает и новый — виртуальная коммуникация, площадками для которой становятся сайты, блоги, социальные сети, чаты, форумы и др., а маркером современного существования выступает перефразированная философская классика: «Быть — значит быть в Сети». Иллюзорная свобода Сети предоставляет небывалые возможности как для самосозидания — конструирования собственной личности вне законов привычного физического и социального мира, так и для жизни вне социальных норм и правил. В результате подобного цифрового «форматирования» индивид постепенно перестает быть абсолютно плотским субъектом, утрачивая телесность, а к гармоничному единству биологического, социального и психологического добавляется цифровой компонент: профили в социальных сетях, аватарки, аккаунты, цифровые подписи, электронные медицинские карты и др. Однако этот новый виртуальный мир, дематериализуя бытие, помещает современного человека в ситуацию постоянного поиска себя, своей идентичности, собственного Я, ставя его перед необходимостью сохранить собственную субъектность, не растерять себя в бескрайних информационных потоках Сети и предлагая переосмыслить гамлетовское «Быть или не быть?» в контексте цифровых реалий современности.

Солодухина Эльвира Владиславовна

Томск

Томский государственный университет, младший научный сотрудник

Магистр

Цифровой маркетинг и просьюмеризм

Просьюмеры в Интернете становятся «видимыми» деятелями культуры. Их деятельность не только заметна многим, но и остается в Сети надолго. Они создают и транслируют культуру. Современный маркетинг обязан в свои рекламные кампании и позиционирование включать культурную повестку, ценности и миссию. Источником такого рода контента становится культурный капитал, создаваемый первооткрывателями (лидерами мнений, общественными деятелями, популярными блогерами). Таким образом, маркетинг, используя контент первооткрывателей, адаптирует его под массы и свою целевую аудиторию и делает его популярным. Так поступает не только маркетинг, но поп-культура в целом. Благодаря тому, что бренды — важная часть современного общества потребления и популярной культуры, они являются одной из главных движущих сил современной культуры. Цель статьи: исследовать, как бренды используют цифровой культурный капитал просьюмеров в своих целях и как они его адаптируют для продвижения продукции и собственной популяризации. По мнению Бурдые, культурный капитал — это совокупность знаний, практик и навыков, которыми человек может воспользоваться, чтобы продемонстрировать свою культурную компетентность и социальное положение. В контексте Интернета мы будем рассматривать культурный капитал как совокупность интеллектуального вклада пользователей в Сеть, выраженного в текстах, изображениях, видео и т. д. Культурный капитал может обладать экономической ценностью и способствовать ее формированию в предметах, товарах, услугах и т. д. В этом процессе бренды и блогеры выступают трансляторами культурных ценностей, переводя культурный капитал в экономический. Делать они могут это следующим образом:

- использовать, в том числе без их согласия, контент пользователей, подражать ему, а также эксплуатировать их идеи; так, например, бренд Zara без разрешения использует иллюстрации дизайнеров в своих коллекциях;
- отслеживать и применять в своих маркетинговых кампаниях актуальную повестку культурных движений, которую легко можно находить в Интернете;
- собирать информацию о пользователях, об их культурных предпочтениях и интересах и тем самым создавать портрет пользователя, чтобы потом адресно выстраивать рекламу;
- использовать культурный опыт пользователей (отзывы в Интернете);
- привлекать пользователей для участия в рекламных кампаниях бренда и продуктов, чтобы те специально создавали для них контент или идею для товара.

Несмотря на то, что возникновение и распространение Интернета способствовало развитию практик просьюмеризма, рыночная конкуренция и маркетинг, а также желание пользователей заработать не дают развиваться просьюмеризму как практике безвозмездного пользования. Неоплачиваемый труд просьюмеров широко используется маркетингом. Цифровой культурный капитал пользователей в условиях посткапитализма обретает экономическую ценность и продается. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00237).

Степанов Михаил Александрович

*Санкт-Петербург
Российский научно-исследовательский институт культурного
и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, старший научный
сотрудник Центра фундаментальных исследований культуры
Кандидат философских наук*

Пределы восприятия: к сущности цифровой культуры

После «четвертой промышленной революции» осмысление мира и культуры, в частности, в терминах «цифровой» и затем «постцифровой» стало привычным. Эти термины определяют технодетерминистский взгляд, утверждающийся со времен техно-эстетической революции начала XX в., которая заложила основы эстетических парадигм, определивших эволюцию культурных практик, дизайна и искусства в сторону функционального единства машинных технологий и человеческих потребностей. В настоящее время произошел сдвиг в производстве и культуре, который документирует существительное «цифровизация»: в производстве человека заменяют цифровые автоматизированные системы, получаемые цифровые продукты могут существовать только в медиаэкологической системе сложных электронных устройств, эксклюзивные человеческие функции апроприирует искусственный интеллект и предлагает нам нечеловеческое чувство мира. Словосочетание «цифровая культура» фиксирует происходящие в современном мире процессы освоения цифровыми технологиями предметного мира культуры. Медиа, интернет-трансляции, компьютерные визуализации и т. д. активно влияют практически на все сферы культурной жизни современного человека. Меняются как способы коммуникации, приемы работы промышленности, культурных акторов, так и одновременно трансформируются процессы восприятия культуры и культурных продуктов. Культура как продукт человеческого в ситуации проникновения в нее нечеловеческой цифры обретает нестабильную границу, которая отделяет человека от мира природного, технического, иного, и становится местом, где они встречаются. Сферой «культурного» становится способность выйти за пределы своей ограниченной материальности. В этой связи оказывается необходима концептуализация существующих тенденций влияния цифровых технологий и продуктов их деятельности на культуру. Доклад призван рассмотреть специфику цифровой культуры вне ущербного деления на упадничество и прогресс культуры, осмыслить существующие концептуальные рамки исследования проблематики цифрового.

Тарасова Ольга Игоревна

*Санкт-Петербург
Академия Русского балета имени А. Я. Вагановой, профессор
Доктор философских наук, доцент*

Цифровые дистанции от культуры образования

Изначально существует две культуры мышления — культура числа и культура цифры. Пифагорейская традиция: числа — начала и причины вещей, отношения между числами — основа отношений в мире. Число — организующее начало бытия, претворения хаоса в космос. Число — обозначение счета, цифра — знак числа. Два типа мышления — мышления числом (нелинейность, многозначность) или цифрой (линейность, однозначность) — две экономики. У Ю. М. Лотмана с иного ракурса формулировка о противоположности: культуры устной, ориентированной в будущее, и культуры письменной, ориентированной в прошлое. Новые информационные и технологические уклады привели не только к догоняющему развитию цифровых разрывов, но и к ситуации, когда «цифра против числа». Постоянное «умножение текстов» (Ю. М. Лотман) ведет к перепроизводству информации и создает единственную экстенсивную стратегию развития системы: умножение учебных курсов и изыскания технологий утрамбовки информации в формат учебного текста. Устность — не способ произнесения, а способ осмысления бытия. В целом это способ творчества, хранения и актуализации всего поля смыслообразов культуры и глубины миропонимания. Одним из проявлений этой ситуации являются «дистанции образования». Образование оказалось в дифференциации способов восприятия, мышления и осознанности, умения мыслить и умения оперировать информацией. Возникающий «цифровой разрыв» мышления усугубляет формат «информационного многознания». Современный потребитель образования — «пользователь образовательных услуг» — привыкает не к скорости мышления и понимания, а к скорости смены гаджетов

и способов технической трансляции/подачи информации. Собственно, антропологическая скорость мышления постепенно стремится к нулю, как и способность «переводимости». Возникают функциональная неграмотность и информационно-образная наркомания. Предельное развитие письменного типа культуры и мышления — «цифровая гносеология». Цифровая гносеология — интернет-доступность знаний, однако обратной стороной дистанционного образования есть цейтнот свободного времени и вариативности понимания. Чтобы (вос)пользоваться Знанием — надо владеть числовой гармонией.

Теплякова Анастасия Олеговна

Томск

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Институт искусств и культуры, лаборатория методологии и теории культуры, младший научный сотрудник

От Youtube к TikTok: демократизация процесса производства фанатских видео на примере русскоязычной фандомной культуры (в соавторстве с Л. В. Пейгиной)*

Тульчинский Григорий Львович

Санкт-Петербург

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики», профессор

Доктор философских наук, профессор

Цифровизация, социально-культурный инжиниринг и ответственность

Цифровизация, связанная с расширением разработок и применений технологий, основанных на идеях дискретности, алгоритмичности, вычислимости, программируемости, радикально меняет весь жизненный уклад современного общества: экономику, науку, инженерное и военное дело, образование, досуг, личную жизнь. В таких комфортных условиях человечество еще никогда не жило. Но, как и у любого достижения цивилизации, у цифровизации имеются определенные издержки, некоторые из которых довольно легко корректируются с использованием тех же технологий, а некоторые требуют уточнения и осмысления ключевых идей и концепций, непонимание чего сказывается в важных для развития социума социально-культурных практик. Особенно ярко необходимость такого осмысления проявилась во время коронавирусной пандемии. Примером может служить отождествление понятий информации (данных) и знания (как информации осмысленной кем-то, как-то, в каких-то контекстах), проявляющееся в форсированном продвижении онлайн-моделей образования, в ряде программ экономики и менеджмента знаний, разработках проектов по направлениям «умный город», «умный дом» и т. д. Такое отождествление чревато серьезными издержками. Вопреки надеждам инициаторов и регуляторов массированного перевода образования онлайн на экономичность и доступность образования в таком формате отечественный и зарубежный опыт показал, что затраты на онлайн-курсы (подготовка, программное обеспечение, поновление контента) зачастую превышают затраты на форматы офлайн. Страдает качество образования (тестируемое освоение дисциплин), особенно подготовка специалистов высокой квалификации, студенты испытывают дискомфорт и даже стресс от недостатка межличностного общения с преподавателями и другими студентами. В результате социализация новых поколений становится неполноценной. Поэтому образовательные форматы онлайн и офлайн должны сочетаться в различной степени — в зависимости от уровня, содержания, целей образования, что требует серьезную проработку самой концепции образования. Имеются и другие социально-культурные, экономические и даже антропологические издержки цифровизации: новые социальные неравенства, размывание среднего класса, утрата способности к рефлексивной дискурсивности, аргументации, снижение креативности. Серьезной проблемой становится снижение качества контента публичной коммуникации, приводящее к диссонансу между институтами свободы слова, с одной стороны, и ужесточение контроля в целях личной и государственной безопасности. Все это делает актуальной задачу ответственного социально-культурного инжиниринга и институционализации гуманитарной экспертизы не только последствий применения цифровых технологий, но и их проектов, разработки, внедрения.

* См.: Л. В. Пейгина.

Прикладная культурология: региональные и местные проблемы совершенствования и проектирования социокультурной среды обитания

Модераторы **Г. В. Алексеева, Е. Ю. Терещенко**

Алимаева Ольга Ильинична

Саратов

Саратовский национальный исследовательский государственный

университет имени Н. Г. Чернышевского, доцент

Кандидат исторических наук, доцент

Организационная культура российского вуза в контексте современного культурологического дискурса

Исследования, посвященные различным аспектам организационной (корпоративной) культуры вуза, в настоящее время получили широкое распространение в отечественной науке, т. к. именно оргкультура обеспечивает целостность организационных структур вуза; является и условием и механизмом внедрения инноваций в его деятельность. Организационная культура вуза имеет яркую отличительную особенность, связанную с тем, что большую часть его коллектива составляют студенты, контингент которых ежегодно существенно обновляется. Это обстоятельство позволяет выдвинуть предположение о том, что организационная культура вуза состоит из ряда организационных субкультур (микроскультур) — как минимум субкультуры сотрудников и субкультуры студентов. По сути, организационная культура вуза может быть определена как система ценностей, убеждений, обычаев, традиций, разделяемых различными категориями сотрудников и студентами вуза, выраженных в нормах, образцах, стандартах и стереотипах деятельности и мышления, которые наследуются в форме поведения и отношений, а также взаимных ожиданий руководителей, сотрудников, студентов. Особого внимания заслуживает вопрос о структурных элементах организационной культуры в вузе, поскольку его решение позволяет разработать алгоритм формирования и управления ею. Можно предположить, что она складывается из множества культур, отражающих состояние различных сторон организационной деятельности: корпоративной культуры; управленческой культуры; культуры инноваций; деловой культуры; педагогической культуры; кадровой культуры; правовой культуры; информационной культуры. Более подробное рассмотрение проблемы субкультур в оргкультуре вуза приводит к выделению следующих их типов: субкультура административно-управленческого персонала; субкультура профессорско-преподавательского состава; субкультура учебно-вспомогательного персонала; субкультура иных категорий сотрудников; субкультура студентов; субкультура аспирантов. Очевидно, что «множества» организационной культуры и ее субкультур (микроскультур) — две подсистемы, существующие одновременно. На их основе формируются общие для вуза базовые предположения, ценности и визуальные составляющие: образцы, стандарты и оценочные критерии, образующие идеологию вуза; нормы, детерминирующие поведение работников и регламентирующие внутриорганизационные отношения; знаково-символическая подсистема (мифология, обряды, ритуалы). Изучение каждого из данных элементов организационной культуры с точки зрения историчности их формирования и закрепления в оргкультуре современного вуза — одна из перспективных культурологических задач.

Барышева Юлия Сергеевна

Москва

Московский государственный лингвистический университет, доцент

Кандидат культурологии

Социокультурная адаптация и интеграция детей трудовых мигрантов (иностранцев граждан) в России

Дети трудовых мигрантов (иностранцев граждан) — основные целевые группы для реализации программ по социокультурной адаптации и интеграции в российское общество, поскольку их базовая (первичная) социализация и инкультурация не завершена, следовательно, потенциал интеграции (при условии реализации грамотной миграционной и культурной политики) в данных группах наиболее высокий. Базовые стратегические задачи российской миграционной политики, которые тесно связаны со сферой культуры и образования в рамках системного подхода к интеграции мигрантов (в том числе детей различного возраста), предполагают для достижения долгосрочного эффекта принятие комплекса мер в сфере культуры и образования (доступ к общему образованию детей мигрантов, наличие бесплатных групп изучения русского языка как иностранного, просвещение всех групп населения в соци-

ально-гуманитарной сфере и т. д.) с учетом специфики межкультурной коммуникации. Региональные и локальные мероприятия, способствующие адаптации детей, можно разделить на три группы:

1. Локальные и регулярные мероприятия (например, мастер-классы по изготовлению традиционных этнических кукол и т. д.), включающие совместную деятельность детей (иностранцев граждан и российских), родителей, педагогов (или других взрослых, в том числе волонтеров) на территории детского сада, школы, школы искусств, культурного центра, Дома культуры, во дворе, на городской площади, в городском парке и т. д., проводимые с учетом возрастных особенностей развития детей и социокультурной специфики региона и населенного пункта.
2. Мероприятия, включающие совместную деятельность детей и педагогов (в том числе исследователей, волонтеров, студентов-практикантов, аниматоров и др.), например краеведческие экскурсионные программы и др.
3. Мероприятия по формированию микросреды и взаимной социокультурной адаптации мигрантов и резидентов на базе посольства, местной библиотеки, музея, культурного центра, Дома культуры, центра социального обслуживания населения и т. д.

Данные встречи могут быть организованы как для мигрантов и их детей отдельно, так и для всех жителей района и желающих, в том числе местных жителей. Целевой аудиторией данных мероприятий являются, прежде всего, взрослые, поскольку от их типа адаптации и уровня интеграции напрямую зависит социокультурная адаптация и интеграция их детей. В рамках этих мероприятий могут быть организованы как кулинарные фестивали народов мира, так и циклы лекций по культуре различных национальных и этнических групп. Предложенные мероприятия, способствующие интеграции детей, также помогают социокультурной адаптации и интеграции взрослых, понижению уровня социальной изоляции и самоизоляции мигрантов и их детей, взаимной адаптации мигрантов (взрослых и детей) и принимающего населения (взрослых и детей), налаживанию межкультурной коммуникации и социального взаимодействия.

Башкирцева Юлия Станиславовна

Калининград

Балтийский федеральный университет имени И. Канта, доцент

Кандат философских наук, доцент философии и культурологии

Музей изобразительных искусств г. Калининграда как объект студенческих социокультурных проектов

Музей изобразительных искусств был открыт в Калининграде 24 ноября 1988 г. Это единственный в области художественный музей. За годы своего существования он накопил богатые фонды, насчитывающие более чем 16 тысяч экспонатов, среди которых произведения живописи, скульптуры, малой пластики, графики отечественных и зарубежных авторов начиная с XVII в. и до настоящего времени. Работниками музея осуществляется большая и интересная экспозиционно-выставочная, научно-исследовательская и культурно-образовательная работа, особое внимание уделяется также внедрению в деятельность музея проектов различной видовой и тематической направленности. В 2018 г. в жизни учреждения произошло значимое событие — переезд в здание бывшей Кёнигсбергской торговой биржи, построенной в XIX в. по проекту знаменитого немецкого архитектора Генриха Мюллера. Благодаря этому музей не только приобрел неповторимый архитектурный облик, но и получил возможность существенно расширить диапазон проводимых мероприятий, направленных на дальнейшее улучшение имиджа музея и поддержания его конкурентоспособности на рынке культурных услуг. Поскольку Музей изобразительных искусств уже много лет сотрудничает с БФУ имени Канта, у студентов имеется возможность стать инициаторами и проводниками оригинальных социокультурных проектов. В первую очередь это касается выпускников таких направлений, как «Социально-культурная деятельность» и «Дизайн». Тематика и проблематика представленных работ напрямую связана со спецификой самого музея, с его прошлым и настоящим. Подготовленные в выпускных квалификационных работах проекты, во-первых, были направлены на мероприятия, уже не один год успешно проводимые музеем, но требующие применения более совершенных технологий и маркетинговых стратегий. Речь, в частности, идет о Биеннале графики стран Балтийского моря «Калининград — Кёнигсберг», регулярно проходящем в Калининграде с 1990 г., а также об инновациях в сфере музейной педагогики, начинателем которой в Калининграде, собственно, и был Музей изобразительных искусств. Примером современного подхода к работе с детьми и подростками, интересующимися искусством, арт-менеджментом и кураторской деятельностью, стала идея проведения на базе Музея изобразительных искусств летней школы «Твоя выставка». Во-вторых, на тематику выпускных квалификационных работ влияние оказал переезд Музея изобразительных искусств в историческое здание биржи, что потребовало новых оригинальных форматов при организации социально-культурных мероприятий, связанных с формированием уникального образа музея. Вполне естественным поэтому стало стремление проникнуть в историю биржи, в те события и смыслы, которые ей сопутствовали. Отражением потребности в актуализации историко-культурного наследия музея и явились творческие проекты студентов, посвященные ивент-менеджменту, экскурсионной деятельности и дизайну сувенирной продукции, позволяющей создать запоминающийся, ассоциативный образ музея.

Культурные различия как экономическая проблема

Глобализация последних десятилетий активизировала интерес к проблемам межкультурных взаимодействий, приобрела наряду с теоретической также и практическую значимость не только для культурологии, но и для ее прикладных областей, в частности для межкультурного менеджмента. В последние годы для исследований практического менеджмента стало характерным обращение к культуре в качестве существенного фактора в объяснении различных экономических феноменов, например при анализе негативных результатов слияния крупных компаний или практики японских фирм, которые при производстве массовой продукции используют требования качества как при изготовлении штучных товаров. Культурно ориентированные теории стали использоваться при анализе экономических и социальных тенденций. При проведении такого рода исследований возникает проблема выявления сфер экономической деятельности, в которых могут возникнуть трудности в применении понятия «культура», а также в установлении областей, где встречаются культурные различия. Анализ показывает целый спектр таких сфер, где каждая подобласть имеет точки соприкосновения с соседствующими областями. При рассмотрении влияния культурных различий на деятельность организаций с институциональной точки зрения — с учетом специфики вхождения в рынок — выделяются такие проблемные направления, как экспорт, деятельность совместных предприятий, практика и ожидания при выполнении договоров. Если рассматривать деятельность совместных предприятий, то культурное разнообразие проявляется в организационных формах, соглашениях относительно централизации бизнес-процессов или их локализации, в различных подходах к руководству и подбору персонала. В международной коммерческой деятельности с процессуальной точки зрения культурные конфликты возможны во время коммуникации, на переговорах, при использовании персонала, проведении маркетинговых компаний. Современный межкультурный менеджмент исходит из установки культурной обусловленности человеческого поведения и нацелен на межкультурное сотрудничество, создание условий для возникновения эффекта культурной синергии, что побуждает ученых, занимающихся межкультурной проблематикой в экономике, гибко подходить к понятию «культура». Исследования, занимающиеся межкультурной подготовкой менеджеров, их деятельностью в международном контексте, используют понятие «культура», которое представляет собой закрытую систему, функционирующую на основе общих ценностей, влияющих на мышление и действия членов экономических организаций. Для исследований межкультурного менеджмента в межкультурном контексте, в котором функционируют организации с мультикультурным персоналом, характерным является обращение к открытому, символическому понятию культуры. Исследования межкультурного менеджмента гибко используют понятие культура и доказывают, что культурные различия не являются непреодолимой теоретической и практической проблемой для бизнес-процессов, напротив, наличие культурного многообразия — залог экономического сотрудничества.

Божок Николай Сергеевич

Саратов

Саратовский государственный технический университет

имени Гагарина Ю. А., доцент

Кандидат социологических наук

Движение культурно-исторической реконструкции как актор мемориальной политики

Мемориальное пространство современной России — сфера, характеризующаяся взаимодействием и конкуренцией широкого круга мнемонических акторов, артикулирующих различные версии памяти. В последние годы в процесс конструирования и репрезентации образов прошлого все более активно включаются общественные объединения, оказывающие определенное влияние на формирование публичной мемориальной повестки. Несомненный научный интерес в этом отношении представляет анализ движения культурно-исторической реконструкции — одного из негосударственных акторов, аккумулирующего многообразные гражданские инициативы и неакадемические практики работы с прошлым, направленные на изучение и максимально достоверное воссоздание материальной и духовной культуры прошлого, сохранение, актуализацию, репрезентацию и трансляцию культурно-исторических ценностей. Изучение потенциала реконструкторского движения как инструмента политики памяти тесно связано с научной рефлексией сущности данного феномена и основных тенденций его развития. Результаты проведенного исследования показали, что в течение трех десятилетий историческая реконструкция, возникшая как молодежная субкультура, трансформировалась в динамично развивающееся масштабное движение, для социально активного сегмента которого коллективная «работа над прошлым» стала важным фактором консолидации и наращивания символического капитала, используемого для достижения легитимности в контексте институционализации Общероссийского общественного движения «Клубы исторической реконструкции России». В этом правовом статусе реконструкторское движение становится все более значимым актором мемориальной

политики современной России, интегрирующим разнообразные формы публичных коммеморативных практик. Городские сообщества реконструкторов характеризуются высокой степенью включенности в социально значимые коммеморативные сетевые проекты, направленные на сохранение и актуализацию культурного и исторического наследия урбанизированных территорий, мобилизацию ресурсов культуры с целью конструирования туристических достопримечательностей, развития историко-познавательного и событийного туризма (к примеру, проведение фестивалей культурно-исторической реконструкции, создание тематических историко-культурных комплексов), реализацию постоянно действующих образовательно-воспитательных программ исторической направленности. Подобная мемориальная деятельность способствует самореализации ее участников, стимулирует развитие проектного мышления, креативности, побуждает к реализации проектов, воплощающих темпоральные ценности реконструкторского движения, ориентированные на будущее. Тем самым коммеморативные практики культурно-исторической реконструкции способствуют преодолению темпоральной асимметрии, обуславливая восприятие времени в модусах прошлое — настоящее — будущее.

Буденкова Валерия Евгеньевна

Северск

Национальный исследовательский Томский государственный университет, доцент, заведующая лабораторией

Кандидат философских наук, доцент

Стратегии конструирования идентичности в советской и постсоветской культуре

Актуальность заявленной темы обусловлена рядом факторов. Во-первых, становление постсоветской идентичности еще не завершено, и в этом процессе не последнюю роль играет наследие советской эпохи, точнее, рефлексия советского и отношение к нему в реалиях дня сегодняшнего. Несмотря на то, что признание кризиса советской идентичности в постсоветском обществе стало общим местом, она не исчезла бесследно. Элементы ее структуры, часть содержания продолжают «жить» в коллективной памяти, ценностях, повседневных практиках современных россиян, проявляясь, хотя и в трансформированном виде, на разных уровнях коллективной и индивидуальной идентификации. Во-вторых, советский опыт и практики конструирования коллективной идентичности до сих пор не осмыслены в качестве образца или источника постсоветской идентичности. Между тем понимание этих механизмов позволит не только ответить на вопрос о ее преемственности и специфике по отношению к предшественнице, но и использовать их потенциал в формировании и поддержании современной российской идентичности. В-третьих, сегодня идентичность формируется под влиянием визуальных образов и медиа, которые представляют собой динамичные инструменты конструирования культурного пространства и жизненного мира современного человека, становятся проводниками идеологических конструкторов и властных дискурсов. Исследование сосредоточено на анализе стратегий конструирования идентичности в советской и постсоветской культуре. В XX в. в нашей стране вопрос о кризисе и формировании идентичности стоял минимум два раза — после революции и после распада СССР. В обоих случаях идентичность как персональная, так и коллективная подверглась трансформации и «пересборке». Но именно коллективная идентичность стала объектом целенаправленного формирования в советской и вынужденного конструирования в постсоветской культуре. Предметом анализа в контексте рассматриваемой проблемы выступают национально-культурная и гражданская идентичность. В их формировании особую роль играют мифологии. В данном случае под мифологией понимается коллективная историческая память, базовые ценности, символы и т. д. Мифологизация прошлого — действенный механизм формирования национально-культурной идентичности. Для советской культуры и государственности прошлое не могло служить основой мифологии, а значит, и идентичности. Новую идентичность и новую мифологию нужно было создать с нуля. Если прошлое не может служить источником смыслов, ценностей и образцов поведения, таким источником должно стать будущее. Советская идентичность формировалась, положив в основание миф о будущем, т. е. утопию, в результате чего в ее общей структуре доминировала гражданская компонента. В современной России общезначимый образ будущего отсутствует, а коллективная идентичность представлена группами и сообществами. Полноценное формирование национально-культурной и гражданской идентичности возможно при условии баланса объединяющих мифологий — общего прошлого и общего будущего. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00237).

Горбунова София Владимировна

Томск

Национальный исследовательский Томский государственный университет, младший научный сотрудник

Формирование экологической культуры: общество потребления vs устойчивое развитие

Глобальные вызовы современности обострили внимание к вопросам экологической культуры. Экологическая некомпетентность, ставшая нормой господствующей модели потребления, несет угрозу природному и культурному

наследию человечества, среде его обитания и самой современной цивилизации. В этой связи актуальной задачей становится формирование экологической культуры общества. Это комплексная задача, необходимым условием решения которой является отказ от потребительского отношения к природе, преобразование производственно-потребительской модели современного общества, вовлечение общественности в решение экологических проблем на локальном и глобальном уровнях, развитие у населения практических навыков охраны природы и рационального природопользования. В этом процессе важную роль играет непрерывное экологическое образование и просвещение. Цель работы — обосновать необходимость новой модели потребительского поведения как ключевого условия формирования экологической культуры. В русле концепции устойчивого развития экологическая культура должна основываться как на принципах сохранения биоразнообразия, природных ресурсов, качества окружающей среды — компонентов природного наследия, так и на накопленном человечеством положительном опыте взаимодействия с природой, воплощенном в материальном и нематериальном культурном наследии. Однако усилий только в сфере образования и просвещения недостаточно для решения экологических проблем. Важно отметить, что парадигма общества потребления противоречит идее устойчивого развития. Осознанное потребление, ответственное отношение к природе, рациональное использование ресурсов невозможны без оформления правовой базы и создания инфраструктуры (замкнутых циклов производства, предприятий по переработке бытовых отходов и т.д.). В этой связи следует подчеркнуть, что положительный опыт взаимоотношений человека с природой накоплен в отечественной истории как в национальных культурах (экокультура является частью этнокультуры многих коренных народов), так и в советский период, когда эти отношения базировались на идеологии. Этот опыт может быть использован в просветительских и образовательных практиках, а также лечь в основу государственной и региональной политики в сфере охраны природы. Формирование бережного отношения к природе, актуализация ее самоценности — одна из ключевых задач современной культуры в России и мире. Изменить негативные установки общества потребления можно, только объединив административные, научные, образовательные и производственные ресурсы, вовлекая общественность и инициативные сообщества в решение социально значимых проблем. Базисом формирования экологической культуры должна стать культура в широком смысле слова, природное и культурное наследие цивилизации, опыт поколений. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00237).

Зайцев Игорь Николаевич

Санкт-Петербург

*Государственный университет аэрокосмического приборостроения,
доцент*

Кандидат философских наук

Производство и потребление библиотек в новых городских районах массовой жилой застройки (на примере библиотеки КУБ микрорайона Новая Охта) (в соавторстве с А. М. Картушиной)

Актуальность обусловлена тремя факторами. Во-первых, скоростью расширения города и появления новых стандартизированных одинаковых микрорайонов, заполняющих окраины. Во-вторых, возрастает роль муниципальных пространств сохранения и воспитания культурных ценностей жителей, в нашем случае в микрорайоне с населением небольшого города России. В-третьих, данное исследование продолжает ряд исследований практик, находящихся под влиянием социально-территориальных факторов (социальной картины населения микрорайона, его территориальной доступности и организации планирования пространства). Цель исследования заключалась в анализе практик и роли локальной библиотеки в повседневной жизни жителей микрорайона массовой жилой застройки. Предстояло ответить на вопрос, как производится пространство библиотеки и как происходит культурное потребление в обособленном и отдаленном микрорайоне. Методология исследования была определена спецификой организации поля как территориальной, так и социальной. В рамках работы библиотека микрорайона Новая Охта рассматривается, в первую очередь, как культурное пространство с определенными для жителей практиками, особым потреблением и формированием новых видов взаимодействия: межличностных, потребительских, эмоциональных и интеллектуальных. Использованы методы: картографирование; включенное наблюдение; экспертные интервью с сотрудниками библиотеки и полуструктурированные с жителями района; онлайн-опрос. Результаты исследования. Выявлены классические, специализированные и исключительные практики жителей микрорайона Новая Охта. Классические практики: потребление библиотеки как пространства поиска и доступа к литературе, приобщение и развитие культурных ценностей посредством мероприятий, проводимых в учреждении, потребление пространства библиотеки как бесплатного и оборудованного места для коворкинга, места для коммуникаций по интересам, а также индивидуального времяпровождения. Специализированные и исключительные практики. Во-первых, переназначение одной из комнат для питания. Во-вторых, молодые мамы начали использовать пространство не как библиотеку, а как место ожидания для ребенка. В-третьих, жители пользовались возможностью поиска общения и способов эмоциональной и психологической разрядки путем взаимодействия с работниками. В-четвертых, молодые люди, которые не могли

себе позволить музыкальный инструмент, приходили в библиотеку для музицирования, хотя изначально инструменты являлись собственностью работников и не подразумевалось общественное потребление. В-пятых, было решено вывести отдельно пространство библиотеки как территории для действий и репрезентации людей с особенностями развития, с ограниченными психологическими и физическими способностями.

Иванова Лилия Фатыховна

Москва

Московский гуманитарный университет, доцент

Кандидат педагогических наук, доцент

Социокультурный анализ развития туризма в Республике Крым

Рекреационный и историко-культурный потенциал Республики Крым весьма разнообразен за счет уникальных природных лечебно-оздоровительных ресурсов полуострова, прекрасного климата и огромного богатства рукотворных памятников, что может способствовать круглогодичному притоку туристов. Но сложившийся в десятилетия советского периода времени и в последние годы (с момента присоединения региона к Российской Федерации) имидж Крыма как региона лишь пляжного отдыха является фактором, сдерживающим активное развитие туризма в позднесоветский, зимний и весенний периоды времени. На это влияют и невысокий уровень информационного обеспечения, отсутствие рекламы, инновационных подходов в организации и четкой стратегии продвижения подвидов оздоровительного туризма, событийного, экологического и гастрономического, кино- и агротуризма. А рекреационная отсталость некоторых районов, неоснащенность средств размещения и неразвитость туристской инфраструктуры показывают неравномерную статистику посещения туристами южного, западного, восточного побережья Крыма и центральных его частей. В этой связи представляется актуальным характеристика и анализ периодов развития Крыма как курортного направления: периода предыстории туризма на полуострове — до середины XVIII в., периода элитарного освоения Крымской Ривьеры — 1830–1914 гг., периода этапного рекреационного освоения территории Крыма — 1917–1991 гг. (структура форм и виды самостоятельного туризма, санаторно-курортный комплекс как социальный проект советского туризма), украинского периода развития рекреационной сферы (1991–2014) и развитие туризма Республики Крым в аспекте интеграции в социокультурное и правовое поле Российской Федерации. Исходя из этого можно будет сделать выводы о социально-культурных последствиях развития туризма в РК к современному периоду и строить перспективы по развитию различных видов туризма всесезонно, перспективы развития индустрии гостеприимства и сервисной деятельности в районах, отстающих статистически по количеству туристов.

Картушина Анна Максимовна

Санкт-Петербург

Высшая школа экономики

Студентка

Производство и потребление библиотек в новых городских районах массовой жилой застройки (на примере библиотеки КУБ микрорайона Новая Охта) (в соавторстве с И. Н. Зайцевым)*

Князева Ольга Радиковна

Казань

Казанский национальный исследовательский технологический университет (КХТИ), начальник отдела химического музея,

доцент по кафедре культурологии

Кандидат исторических наук

Культурологическая экспертиза:

философские основания, методология, принципы и практика исследования

Культурологическая экспертиза — современное, динамично развивающееся направление прикладной культурологии. Впервые представленное как особый вид экспертной практики в специфических сферах собственно культурного производства (культурное наследие, СМИ, образование и наука), в последнее десятилетие оно получило развитие в качестве судебной экспертизы политической и экстремистской символики. В связи с этим особую актуальность приобретает вопрос о научно-методологической регламентации экспертных процедур, исключающих фактор субъективности в интерпретации сущности рассматриваемого культурного артефакта и на данном основании связывающих экспертизу (от

* См.: И. Н. Зайцев.

лат. *expertus* — «опытный», «сведущий») с герменевтикой (от греч. *hermeneutica* — «искусство толкования или объяснения»). Понятие «герменевт/герменевтик» впервые употребляется в диалогах Платона именно в связи с вопросом об избранности «толкователей» сущности предметов, законов и воли богов. В дальнейшем герменевтический опыт получает свое развитие как искусство истолкования классических текстов древности и священного писания. Однако подлинный переворот в данном направлении произошел только в Новое время, когда на смену божественной картине мира пришла парадигма бытия, связанная с феноменом человека. Так, в философской герменевтике Ф. Шлейермахера любой художественный текст рассматривается уже не как «откровение» свыше, а как определенный, индивидуальный способ выражения мысли. Данный тезис философии познания получает свое развитие в феноменологии Э. Гуссерля, полагавшего, что во внутреннем времени субъекта происходит следование интенциональным актам, которые дают имя объектам и понятие о них. Статус субъекта как своеобразного «архитектора» социокультурной реальности стал главным при формировании методологии исторических исследований В. Дильтея, основанной на положении, что структура духовной жизни эпохи содержит в себе схему всех исторических процессов, возникающих из совместного действия душевных целостностей индивидов. В XX столетии феноменология стала основой для науки о знаках и символах культуры (семиотики). Отечественным «продуктом» семиотики стало понятие «культурный текст» (Ю. М. Лотман, А. М. Пятигорский), позволившее экспертам интерпретировать как целое (наделяя при этом всеми признаками знака (символа)) любой культурный артефакт, состоящий из отдельно существующих элементов (знаков). Например, определять принадлежность символики к определенному государству, политическому течению, партии. В современной практике дильтеевский принцип историзма стал ведущим в трактовке символов культуры. Например, авторитетный ученый Дж. Фоли рассматривает символ солнцеворота у древних индоевропейцев — «свастику», учитывая ее новый характер атрибутики нацизма, который в XX в. ей придал германский фашизм. Таким образом, культурологическая экспертиза сегодня представляет собой деконструкцию культурного текста с целью выявления сообщения (актуального социально ценностного содержания), вложенного в него автором.

Маркова Татьяна Борисовна

Санкт-Петербург

Библиотека Российской академии наук, заведующая сектором

Роль библиотек в сохранении и популяризации культурного наследия

В последнее десятилетие возрос интерес к проблемам памяти, сохранения культурного наследия и изучения культурных памятников. Культурное наследие включает те творения прошлого, которые общество желает сохранить в будущем. Каждое поколение привносит то, что является значимым в данный момент. Постепенно таких артефактов становится все больше, и для успешного движения общества вперед необходимо как сохранение социально значимой информации, так и забвение той части, которая больше не нужна. В сохранении культурного наследия важную роль играют библиотеки. Они проводят селекцию и определяют, какие артефакты прошлого могут быть востребованными в будущем, чтобы стать частью культурно-исторической памяти. Их задача состоит не только в его постоянном накоплении, но и в популяризации, предполагающей проведение презентаций и выставок, оцифровку документов, а также обеспечение открытого доступа к книжным фондам и информационным ресурсам. Значимую роль в распространении культурного наследия играют книжные выставки, мемориальные издания, краеведческие проекты. Они знакомят читателей с историей и культурой своего края и других народов, раскрывают историю создания артефактов или исторического источника. Внедрение информационных технологий обусловило появление новых способов сохранения и распространения текстов. Это оцифровка фондов, создание электронных архивов и интернет-ресурсов. На веб-сайте библиотеки можно найти информацию о текущих мероприятиях и выставках, услугах и ресурсах. Цифровые технологии позволяют зафиксировать внешний вид первоисточника, сканировать документы, предоставить малоизвестные произведения искусства и архивные материалы в электронном виде. Однако они не раскрывают историческую ауру текстов, поэтому библиотеки стремятся сохранить в своих фондах оригиналы и показать их уникальность. Сохраняя оригиналы, библиотеки способствуют освоению и распространению культурного наследия. Путем раскрытия своих фондов, оцифровки документов они сохраняют культурно-историческую память.

Николаева Елена Валентиновна

Москва

Российский государственный университет имени А. Н. Косыгина (Технологии.

Дизайн. Искусство), доцент Института социальной инженерии

Кандидат культурологии, доцент

Фрактальность культурной трансмиссии

Вопрос о закономерностях культурной трансмиссии в масштабах исторического времени является одним из самых важных как для теоретической, так и прикладной культурологии. Присуща ли культуре линейная траектория

кумулятивно-эволюционного развития или процессы трансляции культурного опыта имеют гораздо более сложный характер? Очевидно, что социальные и научно-технические революции не раз приводили к радикальной смене культурных парадигм и значительному изменению форм, семантики и аксиологии культуры и ее артефактов. Однако даже при самых кардинальных трансформациях социального устройства, экономических отношений и технологий повседневной жизни наблюдается воспроизводство имманентных данной культуре образов и образцов и принципов (де)кодирования социальной и символической реальности. В постнеклассической теории культуры одним из трансдисциплинарных концептов, которые дают возможность построения общей объяснительной модели исторической динамики культуры, наряду с параметрами порядка (Г. Хакен, О. Астафьева, В. Буданов и др.), является фрактал (Б. Мандельброт). Фракталы обладают рядом характеристик (R. Eglash), чрезвычайно важными в приложении к анализу исторической динамики культуры: бесконечность и процессуальность; самоподобие паттернов; итерационность и рекурсивность (аутопозис культуры). Очевидно, механизм культурной трансмиссии, благодаря которой культура сохраняется и развивается во времени, имеет фрактальный характер. При этом, по всей видимости, передается не только результат (готовые культурные формы и смыслы), но и сам «алгоритм» и соответствующие параметры порядка (способ воспроизводства и правила смыслопорождения, формообразования и самоорганизации). В результате воспроизводятся значимые материальные и символические паттерны конкретной культуры, осуществляемые (коллективно и индивидуально) субъектами культуры. При этом на стыках поколений социокультурный опыт, накопленный каждым поколением, вносит стохастическую составляющую в воспроизводимые социокультурные практики и символические интерпретации культурного наследия. Фрактальность культурной трансмиссии проявляется и в образовании n-частных вложенных циклов (В. Буданов, А. Коротаев, Г. Малинецкий, П. Турчин и др.) в исторической динамике некоторых культур, в том числе 2-частных «циклов», выражающихся в периодической смене парадигм «модернизация» — «традиционализм» и соответствующей переоценке культурного наследия. Такие «повторения» истории и реактуализации традиций могут быть интерпретированы как фрактальные петли так называемых странных аттракторов, которые в данном случае представляют собой «структуры-аттракторы», задающие «цель эволюции» культуры (С. Курдюмов и Е. Князева). Таким образом, фрактальный характер культурной трансмиссии, на наш взгляд, объясняет одновременную устойчивость и изменчивость культурно-исторического процесса, периодическое воспроизводство в культуре и социуме символических паттернов прошлых эпох, сохранение материального и духовного культурного наследия.

Перетьяка Нина Петровна

Калининград
Калининградский региональный общественный фонд культуры,
председатель
Кандидат культурологии

Меценатство в региональной культурной памяти:

Кёнигсберг — Калининград, поиск решения проблемы идентичности

Культурное наследие Калининградской области, образованной по итогам Второй мировой войны, на протяжении 75 лет ее истории от Кёнигсберга до Калининграда условно рассматривается в четырех ее основных периодах развития и освоения материальной и духовной культуры региона. Культурные доминанты в содержании литературной, музейной, архитектурной и других видах культурной деятельности наиболее полно проявлены и описаны в постсоветский почти тридцатилетний период. Последние двадцать лет отмечены наиболее яркими событиями, связанными с празднованием 750-летия основания города в 2005 г. В многовековой истории края особенно выделяется XVI в., примечательный открытием университета Альбертина и яркой культурной жизнью немецкого города этого времени. Не менее важны и другие периоды, в том числе связанные и с российской историей. А предстоящий 300-летний юбилей великого гражданина города Иммануила Канта в 2024 г. предвещает к культурным институциям необходимость поиска не только новых форм, но и более актуальной трансляции содержания. Одним из интересных подходов в этом направлении является выявление в период с XVI в. по настоящее время имен меценатов города, оставивших культурные знаки, включенные в многогранный культурный оборот современности. Познание истории и культуры региона через исторические персоналии является наиболее действенным подходом в формировании социокультурного пространства. Калининградская область в настоящее время очень привлекательный регион для российского внутреннего туризма в силу своего природного и культурного ландшафта. Принимающая сторона — жители Калининградской области — в разных институциональных и сервисных сферах формируют контексты туристических, событийных программ и развлекательных форм, выраженных в синтезе истории и современности. Все это требует исторических культурных знаний, адекватных действий к запросам и восприятию жителей области и ее гостей. Соединение государственной, региональной и частной культурной и социальной политики и практики в выборе программ и подходов, основанных на формировании информационно-туристических контентов, позволяя наиболее полно представить культурно-историческое богатство региона с его ресурсами во взаимодействии об-

разовательных и культурных институций. Такой подход может обеспечить проектная и меценатская деятельность местного сообщества, а также дополнительные ресурсы, привлекаемые за пределами области в различных фондах для поддержки социально значимых проектов.

Сухарева Ирина Александровна

*Санкт-Петербург
Культурно-досуговый центр «Красногвардейский», заместитель
директора по социально-культурным проектам*

Создание инклюзивной культурной среды в современных условиях

Сегодня внедрение современных цифровых технологий в различные сферы жизни, в том числе в культуру, позволяет расширить возможности общества в создании инклюзивного культурного пространства. Формирование новых социокультурных процессов в общественном сознании позволит значительно продвинуться в поиске возможных решений проблем людей с особыми культурными потребностями. На сегодняшний день существует огромное количество комплексных адаптационных программ, в том числе через творчество и творческое самовыражение, для людей с ОВЗ. И вопрос больше стоит в достойном принятии так называемым здоровым обществом людей с ОВЗ, их особых потребностей, их творчество. Адаптационные усилия должны быть направлены на всех членов нашего общества. Современные формы социокультурной деятельности позволили освоить людям с ОВЗ новые культурные пространства, что, прежде всего, способствует их большему самовыражению и самореализации. Цифровые технологии расширили возможности участия людей с ОВЗ в культурной жизни общества. Учреждения культуры продолжают внедрять современные технологии, делая более доступным свой культурный продукт. Чем больше будет внедряться как новых, так и традиционных форм СКД с инклюзивным характером, тем быстрее будет меняться общественное сознание. Одним из примеров создания инклюзивной культурной среды в Санкт-Петербурге является реализация такого проекта, как Первый инклюзивный детско-юношеский фестиваль-конкурс «ВООБРАЗИГРАД» («Город, о котором я мечтаю!»). Организатор – СПб ГО ООБФ «Российский детский фонд» совместно с СПб ГБУ «Культурно-досуговый центр «Красногвардейский». В Фестивале-конкурсе принимают участие воспитанники ДОО, учащиеся ГОУ, в том числе реализующих адаптированные образовательные программы для детей с ОВЗ, учащиеся специализированных ОУ, учащиеся военных ОУ, резиденты районных центров социальной реабилитации инвалидов и детей-инвалидов Санкт-Петербурга. Участники посредством различных творческих заданий будут «создавать» город своей мечты, город, в котором они хотели бы жить, рассматривая не только городскую инфраструктуру, но и сферу культуры, образования... и взаимоотношения людей. Данные идеи смогут лечь в основу реальных социокультурных программ и мероприятий. Цель Фестиваля-конкурса – создание инклюзивного социально-культурного пространства для самореализации детей, подростков и молодежи средствами творческой деятельности; создание инклюзивного любительского объединения «Детско-юношеское сообщество изобретателей». По решению поставленных задач проекта ожидается не только выявить наибольшее количество активных, инициативных детей в Санкт-Петербурге, но и определить существующие проблемы доступности социокультурной среды, в том числе равного доступа к культурным благам, и возможности реализации творческого потенциала в сфере культуры и искусства для всех граждан Российской Федерации.

Терещенко Елена Юрьевна

*Мурманск
Мурманский арктический государственный университет,
заведующая кафедрой искусств и дизайна
Доктор культурологии, доцент*

Креативные индустрии в совершенствовании и проектировании социокультурной среды арктических городов

Актуальной задачей современной культуры является развитие российских территорий в направлении модернизации жизни конкретных регионов. Индустриальное освоение Севера стало мощным фактором развития городов, население которых создавало инновационные социокультурные формы городской жизни в материальной, духовной и художественной сферах. Арктические города на протяжении всей истории являются зоной стратегических интересов страны, т. к. обладают уникальным геополитическим, природно-ресурсным и социально-экономическим потенциалом. Развитие арктических городов предполагает активизацию не только экономических перспектив, но и в большой степени социально-культурного потенциала, где важным фактором становятся креативные индустрии. В региональных программах развития территорий креативные индустрии называют драйверами роста, ресурсами формирования инновационных кластеров. Актуальность исследования культурных индустрий Мурманской области определена общественным запросом, что подтверждено включением в региональные программы развития, а также ростом числа реализованных и ожидаемых креативных проектов. Разработка и реализация новых ориентиров в управлении развитием креативных индустрий способствуют решению социальных проблем во всех возрастных

когортах, связанных с трудоустройством и самозанятостью в условиях изменений рынка труда малого и среднего бизнеса. Наличие пространств для творчества, архитектурная среда, яркие городские фестивали, городская скульптура, парки, фонтаны, музеи и галереи, уникальные события и места формируют новый облик города. Совокупность всех этих явлений, насыщенный календарь событий делают городское культурное пространство динамичным, а город успешным и привлекательным. Мурманский арктический государственный университет в рамках проекта «Креативный город – территория развития» активно участвует в становлении креативных индустрий Мурманской области. Этому способствуют профессиональные контакты: представители университета входят в состав проектного офиса по разработке программы развития Кольской опорной зоны Арктической зоны Российской Федерации, в состав профильных координационных и экспертных советов органов исполнительной власти Мурманской области

Хайдарова Гульнара Равилевна

Санкт-Петербург

Военный учебно-научный центр Военно-морского флота

«Военно-морская академия имени Адмирала Флота Советского Союза

Н. Г. Кузнецова», старший научный сотрудник

Доктор философских наук

Проблемные вопросы культуры и философии военного управления

Исследование культуры военного мышления и военного управления представляет собой значительную трудность из-за замкнутости и закрытости воинского союза. Тем не менее культурно-антропологические аспекты бытия военного сословия могут быть изучены, а также можно обозначить наиболее существенные вопросы. Поскольку военная система иерархична, то в социально-культурном отношении наиболее продуктивным для исследования является феномен военного управления. В историко-культурном отношении интерес представляет специфика военного мышления. В докладе представлены результаты исследования «культурной практики приказа», приведены обоснования для рассмотрения философии военного управления как отдельной дисциплины. Актуальной в контексте всеобщих политик медиа, с одной стороны, и избыточного администрирования в военной системе, с другой стороны, представляется проблема преемственности культуры военного мышления и военного управления. Непрерывность традиции определяется (наряду с организационными и ритуальными формами) языковым кодом. Культура военного мышления интегрирована в язык военного управления, военного образования, военной науки. В свою очередь, взаимосвязь слова и культуры опосредована философским дискурсом, обращение к которому сохраняет взаимопонимание, содействует обоснованности оценок и ориентиров. Для сохранения преемственности культуры военного мышления предлагается при подготовке специалистов, получающих военное образование, включать дисциплину «Философия военного управления», фундирующую способы мышления, провоцирующую их вариативность, прививающую навыки декодирования и деконструкции. В докладе отстаивается тезис, что человеку, принимающему военные решения, учитывая комплексный характер современной войны, в культурно-исторической ситуации, характеризуемой новым фактором – цифровой формой всеобщего разума, – необходимо длительное становление личности. Личностное развитие, традиционно репрессируемое военной системой, невозможно без философской рефлексии, без опыта самосознания, формирующегося на практических занятиях философией и культурологией.

Именной указатель

А

Абросимова Лариса Сергеевна.....16, 114
Аверина Марина Владимировна24, 191
Агапов Евгений Петрович..... 10, 51
Агошков Андрей Валерьевич10, 52
Азарова Валентина Владимировна.....19, 144
Аксёнова Валерия Алексеевна22, 175
Аксенова Галина Владимировна 12, 71
Алексеев Евгений Павлович19, 144
Алексеева Галина Васильевна4, 8, 28
Алексеева Елена Владимировна 25, 204
Алексеев-Апраксин Анатолий Михайлович15, 107
Алимаева Ольга Ильинична.....26, 217
Алисов Дмитрий Андреевич 11, 62
Ананьева Екатерина Михайловна9, 37
Антипенко Леонид Григорьевич..... 9, 38
Антонова Марина Сократовна.....22, 175
Апраксина Татьяна Игоревна24, 191
Аристархов Владимир Владимирович 4
Архипова Ольга Валерьевна 12, 71
Астафьева Ольга Николаевна4, 7, 28
Астахов Олег Юрьевич.....4, 18, 133
Атапин Иван Ильич.....12, 72

Б

Бадмаев Валерий Николаевич..... 8, 29
Байкова Екатерина Владимировна.....21, 169
Бакуменко Геннадий Владимирович 9, 39
Балаш Александра Николаевна.....23, 184
Балина Лариса Федоровна.....18, 133
Барышева Юлия Сергеевна.....26, 217
Башкирцева Юлия Станиславовна27, 218
Бегунова Екатерина Александровна14, 90
Безуглова Надежда Павловна.....27, 219
Бобрихин Андрей Анатольевич19, 145
Богданова Елена Викторовна13, 85
Богданова Марина Александровна.....16, 114
Богодухова Екатерина Евгеньевна18, 134
Божедаров Дмитрий Александрович20, 159
Божок Николай Сергеевич27, 219
Большаков Сергей Николаевич..... 16, 115
Бондарев Алексей Владимирович..... 9, 39
Бондарь Виталий Вячеславович13, 85
Боровинская Дарья Николаевна24, 192
Брусиловская Лилия Борисовна12, 72
Бугаева Любовь Дмитриевна..... 14, 91
Буденкова Валерия Евгеньевна27, 220

Булатова Анастасия Васильевна19, 145
Бучкина Елена Александровна 15, 101
Быстрова Татьяна Юрьевна.....23, 184
Бычкова Ольга Анатольевна20, 160

В

Варакина Галина Владиславовна25, 204
Василевская Татьяна Андреевна10, 52
Василенко Инна Викторовна25, 205
Василина Дарья Сергеевна18, 134
Венгеров Андрей Игоревич25, 206
Венкова Алина Владимировна 4, 23, 185
Вечерина Ольга Павловна.....10, 53
Викторова Елена Викторовна18, 135
Власенко Валентина Васильевна18, 135
Власова Наталья Владимировна..... 15, 101
Водяникова Ирина Федоровна 16, 115
Воробьева Татьяна Леонидовна.....10, 53
Воронина Юлия Николаевна13, 86
Воронова Наталья Игоревна.....25, 206
Высоцкий Вадим Борисович21, 160

Г

Гаврилина Лариса Михайловна14, 92
Галушина Наталья Сергеевна 4, 24, 193
Гамова Елена Владимировна..... 16, 116
Ганиева Алина Фандитовна..... 16, 116
Герасимов Сергей Викторович25, 207
Глазкова Татьяна Вацлавовна.....18, 136
Голик Надежда Васильевна..... 21, 161
Гольдман Ирина Леонидовна 16, 117
Гомбоева Маргарита Ивановна19, 146
Горбунова София Владимировна.....27, 220
Горелова Юлия Робертовна17, 127
Горенкин Валерий Анатольевич15, 102
Горлова Ирина Ивановна4, 7, 30
Гриценко Галина Дмитриевна.....14, 92
Гудова Маргарита Юрьевна 21, 161
Гудова Юлия Валерьевна.....9, 40
Гун Галина Евгеньевна.....24, 197

Д

Далецкий Чеслав Брониславович..... 16, 118
Девятова Ольга Леонидовна.....19, 146
Денисова Наталья Викторовна19, 147
Джавадова Виктория Чингизовна.....18, 137
Дзякович Елена Владимировна.....21, 170

Дианова Валентина Михайловна 4, 15, 108
 Докучаев Илья Игоревич 4, 9, 40
 Драч Геннадий Владимирович 4, 7, 30
 Дробышева Елена Эдуардовна 9, 41

Е

Егереева Татьяна Александровна 23, 185
 Ерохина Татьяна Иосифовна 4, 18, 137

Ж

Жерносенко Ирина Александровна 14, 93
 Жигальцова Татьяна Валентиновна 17, 127
 Житенёв Владислав Сергеевич 13, 87
 Житенёв Сергей Юрьевич 4, 7, 31
 Журавлева Надежда Ивановна 12, 73

З

Забубенина Ирина Константиновна 10, 54
 Завершинский Константин Федорович 9, 42
 Зайцев Игорь Николаевич 27, 221
 Закс Лев Абрамович 12, 74
 Закунов Юрий Александрович 9, 42
 Заславский Григорий Анатольевич 4, 7, 31
 Захарова Людмила Николаевна 21, 170
 Зверева Галина Ивановна 4, 10, 55
 Зимина Лада Владимировна 25, 207
 Зиннатуллина Гульшат Фяритовна 14, 93
 Золотова Татьяна Николаевна 14, 94
 Золотухина Елена Всеволодовна 18, 138

И

Иванова Лилия Фатыховна 27, 222
 Иващенко Яна Сергеевна 4, 16, 118
 Игнатов Михаил Александрович 11, 62
 Игнатьева Ирина Федоровна 24, 193
 Именнова Любовь Сергеевна 23, 186
 Иншакова Галина Николаевна 19, 147

К

Казин Александр Леонидович 4, 19, 148
 Кантор Владимир Карлович 5
 Картушина Анна Максимовна 27, 222
 Каширина Ольга Валерьевна 18, 138
 Кильдюшова Лариса Васильевна 19, 149
 Ким Флора Сергеевна 18, 139
 Кириллов Андрей Александрович 14, 95
 Кириллова Наталья Борисовна 5, 7, 32
 Кириллова Ольга Сергеевна 22, 171
 Кирилова Анна Владимировна 10, 55
 Князева Ольга Радиковна 27, 222
 Кобринец Мария Александровна 19, 140
 Коваленко Тимофей Викторович 15, 102

Коваль Екатерина Александровна 9, 43
 Коврова Ольга Даниловна 22, 176
 Козачёк Мария Александровна 16, 119
 Кокшенева Капитолина Антоновна 19, 149
 Колесниченко Юлия Викторовна 24, 197
 Кондаков Игорь Вадимович 5, 7, 32
 Конев Владимир Александрович 7, 33
 Копанева Мария Робертовна 17, 128
 Копцева Наталья Петровна 5, 22, 176
 Кораблева Елена Валентиновна 25, 208
 Костюрина Надежда Юрьевна 5, 22, 171
 Котова Елена Юрьевна 24, 194
 Кочнова Ольга Анатольевна 20, 150
 Кошетарова Людмила Николаевна 26, 209
 Кравченко Виктория Владимировна 10, 56
 Кравченко Полина Владимировна 23, 186
 Крамер Александр Юрьевич 16, 119
 Красиков Алексей Николаевич 10, 56
 Кротов Артём Александрович 5, 8, 34
 Круглова Лариса Константиновна 11, 64
 Крюков Анатолий Владимирович 26, 209
 Кузнецов Никита Всеволодович 5
 Кузьмина Любовь Аркадьевна 20, 150
 Купцова Ирина Александровна 15, 103
 Курикалов Юрий Леонидович 14, 95
 Курумчина Анна Эдхемовна 15, 108
 Куцаева Марина Васильевна 22, 177
 Кыласов Алексей Валерьевич 15, 109

Л

Лаврентьева Елена Сергеевна 13, 87
 Ламажаа Чимиза Кудер-ооловна 22, 177
 Лекус Елена Юрьевна 20, 151
 Лепешкина Лариса Юрьевна 22, 178
 Летина Наталия Николаевна 10, 57
 Лещенко Татьяна Анатольевна 9, 44
 Липец Екатерина Юрьевна 5, 22, 172
 Лисенкова Анастасия Алексеевна 19, 140
 Листвина Евгения Викторовна 9, 44
 Лобачевская Ольга Александровна 12, 74
 Логинова Марина Васильевна 9, 45
 Логинова Юлия Алексеевна 13, 88
 Лоевская Маргарита Михайловна 12, 75
 Лопатина Светлана Сергеевна 16, 120
 Лузан Владимир Сергеевич 15, 103
 Лурье Светлана Владимировна 9, 45

М

Майны Шенне Борисовна 22, 179
 Малыгина Ирина Викторовна 5, 8, 34
 Малышев Владислав Борисович 11, 64

Мальцева Елена Александровна	20, 151
Мальшина Наталия Анатольевна	24, 194
Мамонова Виктория Александровна	25, 198
Манзырева Екатерина Сергеевна	22, 172
Мантет (Мэнтүф) Джеймс Уэсли	15, 109
Марков Борис Васильевич	11, 65
Маркова Татьяна Борисовна	27, 223
Мартынов Владимир Анатольевич	9, 46
Мастеница Елена Николаевна	23, 187
Медведев Александр Васильевич	12, 75
Мелихова Лариса Анатольевна	20, 152
Мельникова Светлана Витальевна	19, 153
Мешкова Людмила Николаевна	26, 210
Микайлова Ирина Геннадиевна	11, 58
Микитинец Александр Юрьевич	15, 104
Микитинец Ольга Ивановна	15, 104
Милешко Анастасия Леонидовна	17, 121
Митрохина Мария Владимировна	26, 211
Михайлова Надежда Владимировна	22, 179
Михальченкова Наталья Алексеевна	17, 121
Мосолова Любовь Михайловна	17, 122
Муликова Наталья Анатольевна	21, 162
Мурзина Ирина Яковлевна	26, 211

Н

Назаров Виктор Кузьмич	15, 105
Наумов Юрий Михайлович	13, 88
Ненашев Александр Николаевич	12, 76
Никитина Александра Валерьевна	20, 163
Никитина Елена Сергеевна	14, 96
Никифорова Алина Александровна	23, 187
Никифорова Лариса Викторовна	20, 153
Никифорова Саргылана Валентиновна	23, 179
Николаева Елена Валентиновна	27, 223
Никонова Антонина Александровна	12, 77
Никонорова Екатерина Васильевна	15, 105
Нор-Ареван Оксана Аведиковна	14, 96

О

Обухов Алексей Сергеевич	23, 180
Овчинникова Юлия Сергеевна	23, 181
Окороков Александр Васильевич	5, 13, 89
Орех Екатерина Александровна	26, 211
Остапенко Светлана Михайловна	15, 106
Отургашева Наталья Вадимовна	20, 153

П

Паниотова Таисия Сергеевна	21, 163
Партаненко Тамара Викторовна	11, 65
Пархоменко Татьяна Александровна	8, 35
Пейгина Лариса Владимировна	26, 212

Пендюрина Людмила Петровна	9, 46
Перетяка Нина Петровна	27, 224
Пермиловская Анна Борисовна	12, 77
Перова Екатерина Юрьевна	11, 66
Перова Елена Юрьевна	22, 173
Петрушкевич Алексей Вадимович	13, 89
Петухова Татьяна Ивановна	20, 154
Плебанек Ольга Васильевна	9, 47
Пожаров Алексей Игоревич	24, 195
Полудова Елена Николаевна	17, 128
Поляков Тарас Пантелеймонович	23, 188
Полякова Елена Александровна	22, 173
Полякова Ирина Алексеевна	17, 129
Помигуева Екатерина Анатольевна	17, 122
Попова Наталья Сергеевна	20, 155
Потапчук Елена Юрьевна	11, 67
Пржиленская Ирина Борисовна	17, 123
Протанская Елена Сергеевна	23, 181
Прохоров Михаил Михайлович	12, 78
Пудов Алексей Григорьевич	10, 48
Путрик Юрий Степанович	18, 129
Пучковская Антонина Алексеевна	25, 213
Пушкарева Наталья Львовна	5, 11, 67

Р

Рабош Василий Антонович	5
Рейли Марина Викторовна	14, 97
Рейфман Борис Викторович	20, 155
Реснянский Сергей Иванович	18, 130
Розова Екатерина Олеговна	19, 141
Ройфе Августа Борисовна	12, 79
Романенко Максим Андреевич	14, 97
Романова Дарья Яковлевна	14, 98
Ртищева Оксана Владимировна	19, 141
Руднев Вячеслав Валентинович	25, 199
Руколеева Римма Тимергазиевна	17, 124

С

Савельева Елена Николаевна	5, 18, 131
Сазонова Вероника Александровна	14, 98
Сакмаров Илья Олегович	24, 196
Салбиев Тамерлан Казбекович	23, 182
Самохвалова Варвара Климентьевна	19, 142
Сапанжа Ольга Сергеевна	23, 189
Сгибнева Ольга Ивановна	12, 79
Селезнева Ирина Александровна	5, 23, 182
Сельченко Елена Константиновна	11, 58
Семенец Ольга Павловна	14, 99
Сёмина Галина Викторовна	25, 199
Сергеев Дмитрий Валентинович	11, 59
Сердюкова Елена Владимировна	13, 80

Середа Наталья Дмитриевна	22, 174
Сиднева Татьяна Борисовна	5, 21, 164
Сидоров Виктор Александрович	21, 164
Симонова Алина Константиновна	12, 80
Симонова Светлана Анатольевна	26, 213
Синявина Наталья Владимировна	10, 48
Ситниченко Константин Евгеньевич	25, 200
Скобельцына Анна Сергеевна	12, 81
Скопинцева Татьяна Юрьевна	18, 131
Скородум Никита Всеволодович	11, 60
Скотникова Галина Викторовна	20, 156
Скульмовская Любовь Григорьевна	23, 189
Смирнова Ольга Анатольевна	16, 110
Соколов Борис Георгиевич	5, 25, 200
Соколова Наталья Юрьевна	21, 165
Соловьев Александр Васильевич	11, 68
Соловьев Андрей Петрович	13, 81
Соловьев Кирилл Алексеевич	10, 49
Соловьева Людмила Николаевна	26, 213
Соловьева Светлана Владимировна	11, 68
Солодухина Эльвира Владиславовна	26, 214
Спивак Дмитрий Леонидович	4, 7, 35
Старшова Анна Петровна	24, 190
Степанов Михаил Александрович	5, 26, 215
Стрижкова Наталья Алексеевна	12, 81
Строева Олеся Витальевна	21, 166
Стукалова Ольга Вадимовна	5, 8, 36
Судакова Наталия Евгеньевна	16, 111
Сухарева Ирина Александровна	27, 225

Т

Тарасова Ольга Игоревна	26, 215
Ташлыкова Наталья Юрьевна	17, 124
Текутьева Юлия Эдуардовна	17, 125
Теплякова Анастасия Олеговна	26, 216
Терещенко Елена Юрьевна	5, 27, 225
Тишков Валерий Александрович	6
Ткаченко Наталья Владимировна	23, 183
Толок Екатерина Сергеевна	13, 82
Томан Инга Бруновна	25, 201
Торосян Вардан Григорьевич	16, 111
Тульчинский Григорий Львович	26, 216
Тургаев Александр Сергеевич	6

У

Ужанков Александр Николаевич	6, 25, 202
Усов Алексей Александрович	18, 132
Усовская Элина Аркадьевна	20, 156
Устьянцева Елена Валентиновна	20, 157

Ф

Фазлуллин Сергей Маратович	16, 112
----------------------------------	---------

Фельдт Ирина Николаевна	17, 125
Фефилов Михаил Юрьевич	20, 158
Флиер Андрей Яковлевич	6, 10, 49
Фомина Марина Николаевна	16, 112
Фомченко Елена Владимировна	13, 82
Фуртай Франциска Викторовна	25, 202

Х

Хайдарова Гульнара Равиловна	27, 226
Хилтухина Евгения Геннадьевна	16, 113
Хилько Николай Федорович	13, 83
Хомякова Елизавета Георгиевна	20, 158
Хренов Николай Андреевич	6, 7, 37

Ц

Цибизова Лилия Александровна	21, 166
Цыремпилова Ирина Семеновна	22, 183

Ч

Черевкова Алена Игоревна	19, 142
Чернышева Анна Владимировна	21, 167
Четина Елена Михайловна	14, 99
Чирскова Ирина Михайловна	11, 60
Чичёва Светлана Евгеньевна	13, 90
Чуныкова Екатерина Владимировна	24, 190

Ш

Шаповалов Михаил Сергеевич	11, 69
Шастина Татьяна Владимировна	13, 83
Швецова Антонина Викторовна	15, 107
Шеманов Алексей Юрьевич	10, 50
Шерстинова Татьяна Юрьевна	13, 84
Шода Марина Юльяновна	11, 61
Шуб Мария Львовна	21, 167

Щ

Щеброва Светлана Яковлевна	17, 126
Щелкин Александр Георгиевич	10, 50
Щепановская Елена Михайловна	25, 203
Щербакова Галина Ивановна	21, 168
Щербич Людмила Ивановна	19, 143

Ю

Юдина Елена Юрьевна	24, 196
Юрьева Марина Михайловна	12, 69
Юрьева Татьяна Семёновна	20, 158

Я

Ярычев Насруди Увайсович	14, 100
Ястребов Андрей Леонидович	12, 70

Научное издание

**V Российский культурологический конгресс
с международным участием
«Культурное наследие — от прошлого к будущему»**

Санкт-Петербург, 8–10 ноября 2021 г.

ПРОГРАММА, ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

В авторской редакции

Корректурa: *О. Н. Шутова*
Компьютерная верстка: *О. В. Ключенкова*

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва
129366, Москва, ул. Космонавтов, 2
E-mail: info@heritage-institute.ru